

МИР ДРЕВНИХ ЯКУТОВ

Под редакцией
Эрика Крюбези – Анатолия Алексеева

vk.com/ethnograph

Северо-Восточный Федеральный университет им. М.К. Аммосова

Международная Ассоциированная Лаборатория
“Козволюция человека и природы в Восточной Сибири”

**Мир древних якутов:
опыт междисциплинарных исследований
(по материалам саха-французской археологической экспедиции)**

Под редакцией

Эрика Крюбези, Анатолия Алексеева

CHAMANE

Kuys, jeune fille des glaces
Eric Crubézy, Anatoly Alexeev
Editions Errance, Paris, 2007

Перевод с французского Л.Заморщиковой, О.Мельничук, М.Самсоновой, Д.Николаевой
Издание переработанное и дополненное

Координаторы международного проекта – О.Мельничук, М.Марти

Фотографии, верстка и иллюстрации : П.Жерар
Фотографии: Э.Крюбези, О.Гарифуллина, Ж.Селлерон, С.Амори

Исследования проводились в рамках французских археологических миссий в Восточной Сибири при Министерстве иностранных дел Франции совместно с Якутским государственным университетом, при поддержке Национального Центра Научных Исследований, Университета имени Поля Сабатье (Тулуза III), Института судеб-ной медицины г. Страсбурга, Колледжа Франции, кинокомпании Жедеон Программ и Полярного Института им. Поля-Эмиля Виктора; в части лабораторных исследований – лабораториями ACI – «Пространственный комплекс Алтай-Байкал» и ANR «Генетическое разнообразие современных народов и история заселения Восточной Сибири». Авторы выражают благодарность всем вышеперечисленным учреждениям.

vk.com/ethnograph

Якутск, издательско-полиграфический комплекс СВФУ, 2012

● Москва

Лена

Якутск

Озеро
Байкал

Предисловие

С 2004 года Якутский государственный университет, ныне Северо-Восточный федеральный университет, и Министерство иностранных и европейских дел Франции начали работу в совместных франко-якутских археологических Миссиях (Экспедициях), которые возглавили профессор Анатолий Алексеев, в данное время Президент Северо-Восточного федерального университета, и профессор Эрик Крюбези, директор группы 5288 Национального Центра Научных Исследований. В Миссиях также приняли участие ученые разных специальностей из университетов Тулузы и Страсбурга. Позже их поддержал Полярный Институт имени Поля-Эмиля Виктора. Первостепенной целью экспедиций было изучение особенностей населения Якутии в течение последних пяти веков. Ежегодно в них участвовало около двадцати исследователей из России и Франции. Они работали в сложных климатических и полевых условиях, но эти трудности были достойно вознаграждены: раскопки находящихся в вечной мерзлоте захоронений дали богатые артефакты культурного наследия и весьма информативные биологические останки.

Эти экспедиции позволили приобрести новые знания не только в области истории населения, но и в области биологической изменчивости, истории людей и культур и коэволюции человека и среды. В свете таких результатов руководители экспедиций решили еще больше объединить свои усилия и высказали пожелание, чтобы по случаю года Франция-Россия 2010 была создана международная лаборатория, объединяющая не только ученых из Франции и Северо-Восточного федерального университета, но и коллег из Красноярского государственного медицинского университета, занимающихся той же проблематикой.

Опубликовав статьи в лучших международных журналах, имея общих аспирантов, профессор Анатолий Алексеев и профессор Эрик Крюбези всегда разделяли желание ознакомить широкую публику с результатами своих работ на севере Сибири. Вот почему после публикации на французском языке книги «Шаманка, девушка из края вечной мерзлоты», имевшей большой успех во Франции, в которой показаны результаты раскопок в течение первых четырех лет, они публикуют монографию для российской публики, в которой отражены результаты исследований последних лет. Это научный труд, подводящий итог их работы в Центральной Якутии и на Вилюе.

Надеюсь, что эта книга станет началом прочного научного сотрудничества в областях, касающихся Человека и его адаптации к хрупкой экосистеме Севера.

Жан де Глиниасти,
Посол Франции в Российской Федерации

Preface

Depuis 2004, l'Université d'État yakoute, actuellement Université fédérale du Nord-Est, et le Ministère français des Affaires Etrangères et Européennes se sont unis afin de créer la Mission archéologique franco-sakha dirigée par le Professeur Anatoly Alexeev, actuel président de l'Université fédérale du Nord-Est à Yakoutsk, et le Professeur Eric Crubézy, directeur de l'UMR 5288 du CNRS et des Universités de Toulouse et de Strasbourg en France. Le but initial de ces missions était de comprendre les modalités de peuplement de la Yakoutie au cours des cinq derniers siècles. Elles rassemblent chaque année une vingtaine de scientifiques de nos deux pays, dans des conditions de terrain parfois difficiles, autour de la fouille de tombes gelées, contenant une riche patrimoine biologique et culturel.

Très rapidement, ces missions, renforcées par la présence de plusieurs membres d'Instituts et de Musées de la république Sakha et soutenues, côté français, par l'Institut Polaire français Paul-Emile Victor, ont renouvelé les connaissances dans le domaine, non seulement de l'histoire du peuplement, mais aussi de la variabilité biologique, de l'histoire des hommes et des cultures et de la coévolution homme-milieu. Face à ces résultats, les responsables ont décidé d'unir encore plus leurs efforts et ils ont demandé souhaité, à l'occasion de l'année France-Russie 2010, qu'un laboratoire international soit mis en place, associant, en plus des chercheurs français et de l'Université du Nord-Est, ceux de l'Université médicale d'État de Krasnoïarsk qui partagent des problématiques communes.

En dehors d'articles publiés dans les meilleures revues internationales et d'étudiants en commun, le Président Anatoly Alexeev et le Professeur Eric Crubézy ont toujours partagé leur volonté de faire connaître au plus grand nombre les résultats de leurs travaux. C'est pourquoi, après un ouvrage en français, intitulé *Chamane Kyys, jeune fille des glaces*, exposant les résultats des quatre premières années de fouilles, qui a connu un grand succès en France, ils publient tout naturellement un ouvrage pour le public russe, fruit de la coopération de plus d'une vingtaine de chercheurs, ouvrage qui fait le point sur leurs travaux en Yakoutie centrale et en Viliouï.

Puisse cet ouvrage être le début d'une collaboration scientifique renforcée, dans ces domaines qui intéressent l'Homme et son adaptation aux milieux à l'équilibre menacé, que sont les zones arctiques et subarctiques sibériennes.

Jean de Gliniasty
Ambassadeur de France auprès de la Fédération de Russie

Мир древних якутов:

опыт междисциплинарных исследований

(по материалам саха-французской археологической экспедиции)

Предисловие	15
Республика Саха (Якутия)	16

ГЛАВА 1

КЫЫС УНУОГА (МОГИЛА ДЕВУШКИ)

1.1. Необычная находка	19
<i>В.Попов, Л.Алексеева, П.Жерар, Э.Жирков, С.Колодезников, Э.Крюбези.</i>	
1.2. Шаманизм	20
<i>Э.Май, Ж.-П. Альбер, А.Гоголев, Э.Крюбези</i>	
Введение. Проблемы шаманизма	20
Общие сведения о шаманизме	21
Кэрэх – священное дерево для жертвоприношений	22
Шаманы и болезни	23
Принадлежности шамана	24
Лечение	24
Интерпретация шаманизма	26
Типы шаманов и их количество	28
1.3. Тайна одного захоронения	29
<i>Л.Алексеева, П.Жерар, В.Попов, Н.Сенегас, С.Дюшен, Э.Жирков, Э. Крюбези.</i>	
Кыыс Унуога, особое положение	29
Первый осмотр, глубокий ящик-гроб и особый ритуал	29
1.4. Кыыс Унуога: таинственная девушка	32
<i>А.Жеро, М.Жибер, К.Пети, Ж.Васкес, К.Жуи, В.Попов, С.Дюшен, Г.Пети, А.Алексеев, Б.Люд, Д.Руже, Э.Крюбези.</i>	
Одежда, украшения и средства закрепления в неподвижном положении	33
Результаты вскрытия тела	34
Виртопсия девушки из захоронения Кыыс Унуога	38

Сравнение археологического инвентаря	40
Результаты полевых и лабораторных исследований	40
I.5. Кыыс Унуога, попытка интерпретации	41
<i>А.Гоголев, О.Гарифуллина, О.Мельничук, М.Жибер, Р.Бравина, Э.Крюбези</i>	
Концепция жизни и смерти у якутов	41
Роль погребального обряда	46
I.6. Кыыс унуога и плохая смерть	50
<i>А.Гоголев, О.Гарифуллина, О.Мельничук, М.Жибер, Р.Бравина, Э.Крюбези</i>	
Рассмотрим последовательно все элементы	50
Признаки плохой смерти	51
Другой случай “плохой” смерти : Буогарыма 1	52
“Плохая” смерть. Чья?	54
Елечей 2	56

ГЛАВА 2

2.1. Якутия, археология и биология	59
<i>Э.Крюбези, Б.Люд, Д.Руже, Ж.Ларуй, Н.Кирьянов</i>	
2.2. Якутская проблематика	61
<i>Э.Крюбези, А.Алексеев, М.Жибер, К.Кейзер, Б.Люд</i>	
2.3. Где находятся умершие и кто они были?	63
<i>В.Попов, С.Колодезников, А.Алексеев, Э.Крюбези</i>	
Понятие мерзлой могилы и тафономия	64
2.4. Датировка погребений	66
<i>В.Мыглан, С.Дюшен, А.Севен, Э.Крюбези</i>	
Древние захоронения и первые якуты	67
Методы абсолютной датировки : радиоуглеродный анализ и дендрохронология	68
Захоронения первой половины XVIII века	69
Вторая половина XVIII века	71
Захоронения с элементами христианизации	72
Христианские захоронения XIX века	72
2.5. Этногенез якутов и мир мертвых	73
<i>С.Дюшен, В.Попов, П.Жерар, Л.Алексеева, М.Жибер, Э.Жирков, И.Обутов, Б.Марти, С.Колодезников, Д.Николаева, А.Абрамов, С.Амори, А.Гоголев, Э.Крюбези</i>	
Связь захоронений с историей	73
Количество погребенных в могиле	75
Первичные и вторичные захоронения	75
Время погребения	75
История вторичного захоронения. Динамика восстановления	76

Расположение, глубина и ориентация	78
Наземная погребальная конструкция или чардаат	80
Способ конструкции и покрытия ящиков и гробов	81
Берестяные покрывала могил	82
Замазывание ящика бетулином	85
Береза, установленная на могилу	85
Внутреннее убранство ящиков-гробов, расположение тел и их покрытие	87
Мунур Урях 1 и «Долина знати»	88
Одежда погребенных	91
Джусулен	93
Украшения	95
Помещение предметов и сопроводительного инвентаря на дно могилы	96
Различия между ранним периодом и XVIII веком	96
Совпадение элементов раннего периода и XVIII века	99
Семейная драма, Охтубут – Шаманское дерево 1	102
Тенденции дальнейшей эволюции, случай с ножом	106
Особенности мужских захоронений	107
Особенности женских захоронений	107
Особенности, связанные с погребением новорожденных и маленьких детей	109
Жертвоприношения животных или остатки похоронной пищи	109
Приношения на поверхности	110
2.6. Захоронения лошадей	110
<i>К.Ферре, В.Попов, Э.Бертело, Ф.Лемер</i>	
2.7. Христианизация Якутии	114
<i>Э.Крюбezi, О.Гарифуллина, С.Дюшен, Э.Жирков, П.Жерар, Л.Алексеева, Б.Марти, С.Колодезников, С.Амори, С.Эверстов, М.Жибер, Д.Николаева</i>	
Христианизация и христианизации: возможные интерпретации	114
Исторические данные: начало, конец и внешние влияния с археологической точки зрения	115
Христианизация как объект археологического исследования	117
От массовой христианизации 1760 года к всеобщей христианизации: различающиеся процессы	118
Охтубут 3	123
Христианизация, погребения и религиозность	125
Ранние признаки христианизации ?	127
Итоги : первый примерный сценарий	128
2.8. Интерпретационный анализ и эволюция	129
<i>Э. Крюбezi, В. Попов, Л. Алексеева, С. Дюшен, Э. Жирков, А. Шараборин, Д. Николаева</i>	
Интерпретационный анализ сопроводительного инвентаря	129
Женщины XVIII века	130

Обряды	136
Сходства и различия между традициями древнего периода и XVIII века	136
2.9. Родственные отношения	138
<i>К.Кейзер, Э.Крюбези, А.Алексеев, Б.Люд, Н. Кирьянов</i>	
Отцовские линии	138
Материнские линии	139
Захоронения на родовом кладбище	139
Захоронения на христианском кладбище или с элементами христианизации	140
Интерпретации	140
Двойные или групповые погребения	144
Близкородственные захоронения	144

ГЛАВА 3

Дальний Восток

3.1. Освоение Дальнего Востока и соболиный путь. Контакты с Китаем	147
<i>Э. Крюбези, Б. Люд, М.Пети, Д.Руже, Ж. Ларуй</i>	
Вид Центральной Якутии со спутника Ландсат «в искусственном цвете»	148
Соболиный путь и быстрое освоение	151
Обмен и торговля пушниной	152
Китайские жетоны и монеты	155
Связь с Китаем, станции Нерчинск (1689) и Кяхта (1728)	159
3.2. Торговля и договоры, их влияние на зарождение и исчезновение знати	160
<i>Э. Крюбези, А. Алексеев, С. Дюшен, Л. Алексеева, М. Жибер, В. Попов, К. Оштрассер-Пети, Э. Жирков, Г. Пети, П. Жерар</i>	
3.3. В краю алаасов	163
<i>Ж.-П. Метейе, Ж. Селлерон, Ф. Блан, Д. Гало</i>	
У истоков алаасов	163
Термокарст	164
Ландшафт алаасов	167
3.4. Якуты, этнографическое введение	171
<i>Э.Май</i>	
Таинственное происхождение	172
Скотоводы, охотники и рыбаки	173
Кочевой народ ?	175
История родов	175
Центральная Якутия и Вилюй : сходства и различия	176
Духи, поставляющие дичь, и духи–предки, дарующие скот	178
Посредническая роль шамана	179
Якуты и лошади	179
Развитие общества	180

3.5. Восточная Сибирь, географическая и человеческая интерпретация	181
<i>Э.Крюбези, Ж.Селлерон и Ж.-П.Метейе</i>	
Географическая интерпретация	181
Погребение Тымпы	182
Последствия географической интерпретации в отношении населения	184
3.6. Сибирь и коренные народы	185
<i>М. ле Бер Семенов</i>	
Количественный критерий	185
Лингвистический критерий	186
Социоэкономический и социокультурный критерий	186
Коренные народы Сибири: между исчезновением и возрождением	186

ГЛАВА 4

От Байкала до Полярного круга. Население Якутии

4.1. Якуты и их история	189
<i>А.Алексеев, А.Гоголев, М.Жибер, С.Амори</i>	
Якуты среди сибирских народов	189
Происхождение сибирских народов	190
4.2. От эпических произведений до первых археологов Сибири	191
<i>Э.Крюбези, М.Жибер, Б.Люд, А.Алексеев, А.Гоголев</i>	
Неожиданно новый культурный сценарий	193
У истоков	193
Инфекционные заболевания	194
С начала XVIII века до наших дней	196
У истоков якутской культуры	196
Генетические маркеры	197
Население Вилюя	199
4.3. Редкие мужчины и многочисленные женщины	
<i>С.Амори, М.Жибер, К.Кейзер, Б.Люд, Э.Крюбези</i>	
От современного населения - к населению прошлого	200
Неожиданные результаты	201
Археология «территории согласия»?	202
Исторический сценарий	205
English abstract	207
Библиография	217
Список авторов	224

Предисловие

Анатолий Николаевич Алексеев, ректор Якутского государственного университета, доктор исторических наук, автор многих научных трудов по истории Якутии, и Эрик Крюбези, профессор антропологии и археологии университета г.Тулузы (Франция), специалист по погребальной археологии и истории народонаселения, руководили археологическими раскопками якутских погребений (XV-XIX в.в.) в Центральной Якутии и в Вилюйской группе улусов с 2002 по 2009 гг.. В 1970-1980 годы подобные археологические раскопки активно проводил профессор Якутского государственного университета Анатолий Гоголев.

В экспедициях участвовали 15 российских и французских исследователей, в частности, археологи, географы, судмедэксперты, антропологи, реставраторы, изучившие более 60 погребений, материалы которых хранятся в музее археологии и этнографии Якутского государственного университета, ныне Северо-Восточного федерального университета. Останки, обнаруженные в погребениях, станут объектами тщательных междисциплинарных исследований: антропологических, патологических и генетических. Погребение исключительной сохранности Кыыс Унуога, доставленное вертолетом

в город Якутск, было тщательно изучено с помощью сканера, затем останки были возвращены на место погребения и повторно захоронены.

Цель исследований - понять историю населения Якутии, его особенности и истоки путем изучения древних погребальных обрядов якутов. Исключительная сохранность погребений позволяет также поставить более фундаментальные вопросы о репрезентативности археологического материала по отношению к происхождению народа саха и его расселению по территории Якутии.

Полевые работы, проводившиеся с 2002 по 2006 годы, легли в основу книги на французском языке, под редакцией Эрика Крюбези и Анатолия Алексеева, в создании которой участвовали все, кто принимал участие в полевых и лабораторных исследованиях. Эта коллективная монография, имевшая большой успех во Франции, сегодня переведена на русский язык. Данное издание дополнено также результатами полевых работ с 2006 по 2009 гг. Таким образом, российской и международной публике представляется новый синтез результатов исследований о происхождении древних якутов и их обычаях.

*Анатолий Алексеев и Эрик Крюбези,
Якутск и Тулуза
Май 2011*

Республика Саха (Якутия)

Д.Николаева

Республика Саха (Якутия) расположена в северо-восточной части Евразийского материка. Общая площадь континентальной и островной территории Якутии составляет 3 103 200 кв. км. Более 2/5 территории республики находится за Полярным кругом.

Республика Саха (Якутия) граничит на западе с Красноярским краем, на юго-западе — с Иркутской областью, на юге — с Амурской и Читинской областями, на юго-востоке — с Хабаровским краем, на востоке — с Магаданской областью и Чукотским автономным округом, на севере ее естественные рубежи образуют моря Лаптевых и Восточно-Сибирское. Общая протяженность морской береговой линии превышает 4,5 тыс. км.

Территория Якутии находится в пределах трех часовых поясов, разница с московским временем составляет +6, +7, + 8 часов.

Природные условия и ресурсы Якутии многообразны, что обусловлено ее физико-географическим положением. 2/3 ее поверхности занимают горы и плоскогорья, и лишь 1/3 расположена на низменности. Самая высокая точка — гора Победа (3147 м) — находится на хребте Черского.

Почти вся континентальная территория Якутии представляет собой зону сплошной многовековой мерзлоты, которая только на крайнем юго-западе переходит в зону ее прерывистого распространения. Средняя мощность мерзлого слоя достигает 300-400 м, а в бассейне реки Вилюй — 1500 м: это максимальное промерзание горных пород на земном шаре. В горах Восточной Якутии находятся 485 ледников общей площадью 413 кв. км с запасом пресной воды около 2 тыс. куб. м.

Резко континентальный климат характеризуется продолжительным зимним и коротким летним периодами. Максимальная амплитуда средних температур самого холодного месяца — января и самого теплого — июля - составляет 70-75°C. В летнее время температура может подняться до + 30-40 °C. В зимнее время средняя температура достигает - 50 °C в Центральной Якутии и - 70 °C в северных районах (Верхоянский и Оленекский улусы). По абсолютной величине минимальной температуры (в восточных горных котловинах и впадинах до -70°C) и по ее суммарной продолжительности (от 6,5 до 9 месяцев в год) республика не имеет аналогов в Северном полушарии.

Якутия занимает одно из первых мест в России по богатству водных ресурсов - 700 тыс. рек и свыше 800 тыс. озер. Центральная Якутия, которая являлась основной зоной наших исследований, имеет естественные водные границы: реки Лена (на западе), Алдан (на севере) и Амга (на востоке).

Территория Якутии делится на четыре географические зоны: таежные леса (почти 80% площади), тундра, лесотундра и арктическая пустыня. Из деревьев преобладает даурская лиственница, также повсеместно распространены сосна,

Украшенное резьбой дерево (Центральная Якутия)

Carved tree (central Yakutia)

кедровый стланик, ель, береза, осина, в южных районах - сибирский кедр, в горных — душистый тополь и чозения [Якутия–Россия: 370 лет вместе].

Якутия входит в таежно-тундровую зону с необыкновенно богатой фауной. Здесь обитают: на островной территории — морж, нерпа, тюлень, белый медведь; на континентальной - лось, северный олень, кабарга, снежный баран, изюбр, бурый медведь, волк, а также животные с ценным мехом — лисица красная, песец, соболь, горностай, колонок, американская норка и др. Охота на этих зверей всегда имела большое промысловое значение для коренных народов Якутии, начиная с XVII века, пушнина вывозилась в больших количествах в Россию: сначала - в качестве ясака, затем - в виде государственных поставок.

Столица республики, г. Якутск, основана в 1632 г. русскими землепроходцами в среднем течении реки Лены. Существующие также с XVII века уездные города, такие, как Вилуйск (1634 г.), Олекминск (1635 г.), Верхоянск (1638 г.) и Среднеколымск (1644 г.) по праву относятся к числу старейших сибирских городов.

По данным Всероссийской переписи 2002 г. общая численность населения Республики Саха (Якутия) составила 949 280 тыс. человек. Удельный вес городского населения – 64,2%, сельского – 35,8%.

В республике проживают представители более 120 национальностей, удельный вес якутов в национальном составе населения – 45,5%, русских – 41,2%, украинцев – 3,6%, эвенков – 1,9%, эвенов, юкагиров - 1,2%, чукчей – 0,7% [www.sakha.gov.ru]. Несмотря на обширную площадь, территория Якутии характеризуется слабой заселенностью в течение всего последнего столетия: как в его начале, так и в конце средняя плотность населения здесь в десятки раз ниже, чем в европейских регионах России.

Заметное воздействие на характер расселения оказывают природно-климатические и экономические факторы. Наибольшей плотностью населения (1,2—2,8 чел. на 1 кв. км) отличаются районы с относительно благоприятными условиями для ведения сельскохозяйственного производства: Мегино-Кангаласский, Намский, Чурапчинский, Хангаласский, Усть-Алданский улусы, а также города Якутск и Нерюнгри с развитой промышленностью и транспортной схемой. Наименьшая плотность населения (0,01—0,08 чел. на 1 кв. км) наблюдается в районах с экстремальными природно-климатическими условиями, неблагоприятными для хозяйственной деятельности - Оленекский, Аллаиховский, Жиганский, Булунский, Момский, Эвено-Бытантайский, Анабарский, Абыйский и Среднеколымский улусы. В остальных улусах республики число жителей на 1 кв. км колеблется от 0,1 до 0,9 человек.

В соответствии с Законом «О языках в Республике Саха (Якутия)» государственными языками являются якутский и русский, а эвенкийский, эвенский, юкагирский, долганский и чукотский имеют статус местных официальных языков в местах компактного проживания этих народов.

Семья из Центральной Якутии (лето 2004).

A family from central Yakutia (summer 2004).

Кэрэх – священное дерево для жертвоприношений (Киэн Эбэ, Таттинский улус)

Kerekh, a forked larch used during sacrificial ceremonies (Ken Ebé, Tattinsky ulus).

ГЛАВА 1

КЫЫС УНУОГА (МОГИЛА ДЕВУШКИ)

1.1. Необычная находка

В.Попов, Л.Алексеева, П.Жерар, Э.Жирков, С.Колодезников, Э.Крюбези.

Как это часто бывает в археологии, обнаружение захоронения Кыыс Унуога в Центральной Якутии (62°02 на севере, 132°41, 193 на западе, высота 173 метра) было случайным. Это захоронение - одно из многих исследованных нами в рамках изучения этногенеза народа саха.

В 2004 и 2005 годах часть наших раскопок велась в Чурапчинском районе Центральной Якутии. Наши первые экспедиции обнаружили там большое количество захоронений. В 2004 году мы нашли захоронение Мунур Урях, могилу главы рода, погребенного зимой 1727-1728 года. Дата захоронения была установлена методом дендрохронологии, то есть, по количеству кругов на почти цельных деревьях – плахах, из которых сделан ящик-гроб. Глава был похоронен с исключительным убранством, а именно: в тунике из китайского шелка, весьма дорогостоящего по тем временам материала, произведенного в 2-3 тысячах километров к югу.

В нескольких километрах от этого захоронения на окраине алааса, рядом с вилообразной жертвенной лиственницей возвышается комплекс из трех захоронений, место, называемое «Шаманским деревом». Выяснилось, что эта возвышенность также называется Охтубут, что означает «погибший на поле брани» и, безусловно, отсылает к сражению, следов которого мы не нашли. В одном из этих трех захоронений, которое относилось к тому же времени или было более ранним, чем могила главы рода, были обнаружены останки пяти слуг, погребенных одновременно, явление - крайне редкое для якутов. Как показал генетический анализ, эти

слуги все были кровными родственниками. Две другие могилы также связаны с первой родственными связями.

Эта зона, отличающаяся наличием богатых захоронений и огромных алаасов-лугов, где некогда паслись несметные стада скота богатых якутов, которые могли себе позволить щеголять в одежде из дорогого китайского шелка, стала объектом нашего исследования. Там, в 2005 году на пастбище напротив возвышенности «Шаманское дерево» была обнаружена отдельно стоящая могила, малоприметный холмик высотой 30 сантиметров. Изолированность этой могилы, ее расположение на возвышенности в центре алааса было необычно. Еще более необычным было то, что эта площадь в эпоху советских колхозов многократно возделывалась для посевов, однако плуг удачно обходил данный холмик.

Опрос местного населения выявил, что это место называлось «Кыыс Унуога», на якутском языке - «могила девушки». Деревянное надмогильное сооружение в 1920-1930 годах подожгли воинствующие атеисты, чтобы искоренить все, что напоминало о пережитках прошлого. Раскопки верхней части могилы открыли необычные останки. Подняв крышку гроба, мы с удивлением увидели молодую девушку, прекрасно одетую, связанную веревками, с руками, зашитыми в одежду. Может быть, она была удаганкой, одной из якутских шаманок, подобно той, что встретил путешественник Г.-Ж. Гмелин в 1733-1743 годах, и которую в ее 18 лет уважали больше, чем любого другого шамана - мужчину зрелого возраста (Гмелин, 1752).

1.2. Шаманизм

Э.Май, Ж.-П. Альбер, А.Гоголев, Э.Крюбези

Введение. Проблемы шаманизма

Шаманизм завораживает с самых первых упоминаний в западной литературе XVII века, когда европейцы проникли в Сибирь. Им интересовались сначала путешественники, потом этнологи, затем врачи и представители народной медицины, поскольку одной из основных функций шамана было лечение больных во время магических и религиозных сеансов. На ранней стадии развития человечества шаманизм был присущ многим народам. Более того, шаманизм или, по крайней мере, какая-то его форма, направленная, главным образом, на лечение, развивается в некоторых местах и в наши дни. С другой стороны, распространение этого явления вызвано данью моде. Так, лет тридцать назад в Латинской Америке это слово не употреблялось (Perrin, 2002), в то время как сегодня местные лекари, городские и сельские, которых до этого все называли «знахарями» и «колдунами», называются шаманами, так же, как шаманы в Северной Америке, которые существовали и раньше.

Подобное использование термина «шаманизм» вызвано его расплывчатым определением. Любое проявление религии, мало понятное и незнакомое (как, например, у Lorblanchet *et al.*, 2006 в доисторический период), рассматривалось как относящееся к шаманизму, включая и некоторые формы мистической святости христианского мира (Sallmann, 1994).

Итак, необходимо определить шаманизм, чтобы изучить его место в жизни и космогонии якутов.

Это очень щепетильный вопрос, так как количество шаманов Сибири в социалистический период истории России резко сократилось. После развала СССР в связи с повсеместным возрождением традиционной культуры в России снова появились шаманы. Однако это явление во многих местах укореняется скорее на основе создания, а не на передаче традиций шаманизма. Сегодня во многих странах мира шаманизм чаще всего становится альтернативной медициной, как, например, в Европе, однако его престиж мог бы стать выше, поскольку он имеет отношение к этнической идентичности (Albert et Crubézy, 2005). Однако источники шаманизма изменились. К примеру, если древние технологии (например, обработка металла) и сегодня сохраняют свою актуальность и остались неизменными спустя века у определенных хранителей якутской культуры, то космогония и традиционные верования якутов опираются либо на старинные рассказы, услышанные во время ночных посиделок, иногда 60 лет тому назад, либо на исследования письменных текстов, проведенные российскими этнографами, либо на данные археологических раскопок. Однако, если технологические интерпретации, касающиеся того или иного производства, могут быть в некотором роде поняты буквально, то нет уверенности в том, что интерпретации вопросов религиозного плана соответствуют тому, что было 200 или 300 лет тому назад.

Булгуннях 1 (Сунтарский улус) раскопки погребения мужчины. Седло, положенное последним из сопроводительного инвентаря, особенно хорошо сохранилось.

Boulgou niakh 1 (Suntarsky ulus); excavation of a male subject's burial. The saddle is particularly well-conserved and was the last offering deposited in the grave.

До прихода русских якуты не имели письменности. Устная традиция выражалась в длинных эпических поэмах – олонхо, признанном ЮНЕСКО в 2006 году нематериальным наследием человечества. Эти поэмы, порой продолжительностью до 20000 стихов, исполнялись в течение нескольких зимних дней. Каждый исполнитель имел свою эпическую поэму, персонажи которой перекликались с персонажами других рассказчиков, как часто бывает в устной традиции, особенно когда мифы и поэмы содержат тысячи стихов.

Что касается шаманизма, а также концепции жизни и смерти в обществах, живущих изолированно на огромных территориях, имеющих устную народную традицию, можно говорить о том, что они не имели строгих канонов, скорее, традиция строилась на культурном фонде общества. Так, стало классикой, приводя в пример христианство, говорить о том, что оно сегодня очень отличается от христианства начального этапа, хотя каноны его уже определены, и оно основывается на тех же текстах.

В исследуемый нами период официальной религией было христианство, якутов крестили и хоронили по христианским обычаям. Но шаманизм продолжал существовать (его «искоренили» лишь после второй мировой войны), а христианизация общества сводилась лишь к чтению Евангелия на якутском языке. Приезжие люди, путешественники, позже политические ссыльные интересовались вопросами традиционных верований, опрашивали местное население, общались с шаманами и тщательно записывали сведения, касающиеся концепции жизни и смерти у якутов. С другой стороны, если их собеседники уже были обращены в христианскую веру, как и они, то представляется очевидным, а *posteriori*, что их подход был христианским, что впоследствии, вероятно, стало одной из причин появления различия между «белыми» и «черными» шаманами.

Общие сведения о шаманизме

Термин «шаман» восходит к эвенкийскому языку. После первого упоминания в конце XVII века в рассказах о ссылке русского протоиерея Аввакума он быстро распространился на Западе.

Шаманизм – это одна из систем представлений и практик, придуманных человеческим разумом, чтобы дать объяснение пережитым событиям (часто несчастным и случайным) и попытаться как-либо воздействовать на них. Эта система объединяет

концепцию вселенной и определение сути человека. В космологическом плане отмечается разделение плоти и нематериальных составляющих, которые западные люди обычно называют «душой» или «духами». Кроме мира, ежедневно переживаемого, необходимо сказать также о существовании «другого мира», так называемого сверхъестественного или мира иного, отличного от нашего, и что сущности (духи, божества), населяющие этот потусторонний мир, ответственны за наше благополучие и, особенно, за наши несчастья. Якуты считают возможным переход душ в мир иной во время сновидений, болезни или смерти. Они также полагают, что у некоторых людей, являющихся шаманами, душа может «покинуть» тело по желанию во время камлания и «путешествовать» во Вселенной. Для них всегда существует опасность заблудиться там, но окруженные духами-хранителями, они способны противостоять этой опасности.

Таким образом, шаман предстает как социально признанный индивид, который может ввести себя по просьбе отдельного человека или коллектива в состояние воспринимать знаки, идущие из другого мира. Вмешательство шамана считается необходимым, когда душа человека в опасности: либо она собирается покинуть тело, либо она – во власти демонов, либо она окончательно покинула тело после смерти, и ее надо направлять. Так как несчастья – эпидемии, голод, отсутствие удачной охоты – часто связаны с другим миром, шаман должен символически отправиться туда, чтобы найти причины несчастий и воздействовать на них. Он также может предсказать будущее (например, относительно исхода войны, которую замышляет определенная группа), давая советы предполагаемым участникам. Наконец, он способен предупредить людей об опасности, для этого, например, он может обвести территорию невидимой защитной линией. В случае, если нет необходимости установить связь с другим миром, шамана не вызывают. Большая часть религиозной жизни проходит без него. У некоторых народов Сибири шаман может участвовать в погребальных обрядах или указать место захоронения.

Часто встает вопрос о том, является ли шаманизм религией. Существует много различных точек зрения в зависимости от того, рассматривается ли шаманизм как простая магия или как часть космологии. Во всяком случае, неизвестно, различают ли те, кто живет в системе шаманизма, привычный мир и «другой мир», в котором обитают духи и души, подобно тому, как мы различаем естественное и

Кэрэх – священное дерево для жертвоприношений

Э. Май

В якутском обществе человек мог обращаться к духам двумя способами: через жертвоприношение и дароприношение. Оба способа соотносились: первым хотели задобрить духа, который, как считалось, приносил беды, несчастья; а вторым - отблагодарить добрых духов за их благосклонность. Дары назывались ытык (як.), это слово употребляется в более широком смысле для обозначения всего, что почитается, вызывает уважение. Так, например, символическое принесение в жертву живого животного (тыыннаах ытык. як.) имело целью отблагодарить и привлечь к себе благосклонность духов. Жертвоприношение (кэрэх –як.) призвано было исправить какую-то критическую ситуацию: оно применялось во время ритуала исцеления, для разрешения какого-то конфликта или по случаю чьей-то смерти.

Когда кто-либо из родных находился при смерти, якут забивал жертвенное животное и вешал на дерево его шкуру. Этнограф Эргис (Эргис, Попов 1960) рассказывает, что когда заболел какой-нибудь богатый человек (баай), шаман произносил следующие слова, чтобы его исцелить: «Рыжая корова с белыми пятнами на голове идет за тобой. Она пришла от твоих предков. Найдите одну рыжую корову и одну сову, и мы сделаем кэрэх из ее шкуры на лиственнице, расходящейся на три ствола». Сказав это, шаман символически помещал злой дух в корову и обмазывал кровью изображения животных возле столба. Кэрэх вешалось на дерево, а мясо съедалось. Животным, приносимым в жертву, могла быть также и лошадь, у которой отделяли мясо от костей и, завернув кости в шкуру, вешали на вершину крепкого дерева. По мнению Зеленина, муки животного были видны в момент перехода духа больного к животному через шамана, вот почему некоторые якуты считали мясо жертвенных животных нечистым и непригодным для употребления в пищу.

Ритуал представлял собой долгую сделку между шаманом и духом, который наслал болезнь. Кэрэх куочай (як.) представляет собой один из вариантов такого жертвоприношения. По мнению Серошевского, для этого выбирались лиственницы, расположенные на холмах. В разветвление этого дерева вставлялась палка, символизовавшая стрелу (куочай), которой якуты прокалывали принесенное в жертву животное. Направление стрелы показывало, какому духу предназначается жертвоприношение. Пекарский считал, что если куочай смотрел на юг и вверх, это значило, что жертва приносится абааһы (як.) из «верхнего» мира, а если стрела была направлена на север и вниз, то жертва предназначалась для абааһы из «нижнего» мира.

Возможно, из-за своего указательного характера практика кэрэх

исчезла раньше, чем практика ытык. Однако известный народный мастер, кузнец Мандар из Таттинского улуса считает, что «жертвоприношения со стрелой» практиковались для борьбы с болезнями до 1950 года. А принесение в жертву верховых лошадей встречается и сейчас во время погребения пожилых людей, по их просьбе, в отдаленных деревнях Верхоянского улуса.

Слева: Лиственница кэрэх обуглена у основания ударом молнии. (местность Охтубут, Чурапчача). Справа: стрела все еще на своем месте (Бере, Мегино-Кангаласский улус).

Left: the base of the kerekh trunk, blackened after being struck by lightning (Okhtoubout, Churapchinsky ulus); Right: the arrow is still present (Bere, Megino-Kangalassky ulus).

сверхъестественное. В этом состоит проблема, которая в меньшей степени касается частных вопросов шаманизма, нежели определения религии в целом (Pouillon, 1979). Однако ясно, что шаманизм может сосуществовать с буддизмом, индуизмом, христианством и т.д.

Возникает весьма спорная проблема более широкого толкования понятия шаманизма: идет ли речь о достаточно устойчивой совокупности представлений и практик, применяемых в различных религиозных системах, или о структуре, присущей лишь определенным культурам? По мнению Roberte Hamayon (1990), термин «шаманизм» следует использовать применительно к народам Сибири, практикующим охоту, поскольку охота представляет собой возможность обмена душами между сверхъестественным и обычным миром. Данный термин может рассматриваться только в этих рамках, за исключением производного значения. Согласно Michel Perrin шаманизм в том виде, как мы его описали, наблюдается в Центральной Азии, Сибири, Лапландии, у инуитов, в Непале, Тибете и у американских индейцев. По причине нечеткого определения шаманизма многочисленные случаи магического и религиозного лечения приравнивались к шаманизму. В настоящее время шаманизм существует практически во всех странах Азии, в современной Индии, в Австралии и Африке.

Шаманы и болезни

Если принять во внимание возможности шамана, то во многих случаях он предстает как врачующий. В самом деле, воздействуя на «другой мир», он лечит (в том смысле, как понимают это те, кто обращается к нему) некоторые невзгоды, рассматриваемые

западной медициной как болезни. Однако границы его воздействия не всегда ясны. Например, у сибирских народов неудача на охоте, при определенных обстоятельствах, ассоциируется с болезнью. Более того, болезнь рассматривается как состояние отсутствия души, так же, как временное отсутствие души во время сна или ее окончательное отсутствие после смерти. Таким образом, болезнь, как и смерть, считается в порядке вещей, особенно если умерший имеет внуков: верный признак того, что он выполнил свое земное предназначение. В общем, болезни не приписывается естественная причина. Считается, что ее навлекают злые духи: когда душа покидает тело, оно становится легкой добычей для злых духов и недоброжелательных «черных» шаманов. Редко считается, что в больного проник патогенный, болезнетворный дух. Следовательно, лечение такого больного заключается в действиях, направленных на возвращение души в тело, или в изгнании болезнетворного духа. Между тем, в Сибири при некоторых болезнях и несчастных случаях никакие попытки их предотвращения не предпринимаются. С этим связано поведение уединенности, вызванное желанием избежать любого человеческого общества и общения, рассматриваемое как выражение одержимости духом леса, или потопления в воде. При этом утопающему не оказывается никакая помощь, поскольку он рассматривается как находящийся во власти воды, откуда его не следует спасать, так как он рано или поздно все равно погибнет, притом, вероятнее всего, утонет.

В тех случаях, когда предполагается помощь, близкие больного первым делом предаются ритуальным действиям, например, начинают усиленно кормить эмэгэт (як.) (металлические фигурки

«Кэрэх» на земле. Палка, символизирующая стрелу, еще на дереве. Во время обрядов ее направление указывает, кому предназначено жертвоприношение, духу «верхнего» мира или духу «нижнего» мира.

A kerekh fallen to the ground. The arrow is still present. During ceremonies, the direction of the arrow indicated to whom the sacrifice was dedicated: to a spirit of the world above or to a spirit of the world below.

животных, птиц, людей, нашитые на костюм шамана и являющиеся посредниками и помощниками при общении шамана с духами).

Принадлежности шамана

Как правило, приступая к лечению, шаман проводит ритуал, инсценирующий воображаемое путешествие, охоту, выслеживание или сексуальное соитие, во время которого он либо отправляется на поиски души больного, чтобы поймать ее и заставить вернуться в тело, либо посылает свою душу, чтобы изгнать болезнетворный дух из тела больного. Чтобы выполнить свое символическое путешествие, шаман пользуется особым арсеналом предметов, наиболее используемым из которых является бубен. Во время церемонии бой бубна звучит все громче и громче и сопровождается негромким пением и речитативом-заклинанием. В Сибири, как и в других местах, во время лечения шаман надевает костюм, при этом лицо его скрывает бахрама или особый головной убор, иногда с перьями. Костюм шамана имеет большое значение. У разных народов существуют разные варианты костюма. Необходимо отметить, между тем, что большинство шаманов были не только специалистами в ритуальных обрядах, но также врачами, даже ортопедами и хирургами в том смысле, как мы это понимаем. Они были способны распознавать симптомы болезней и проводить лечение на основе использования лекарственных трав, принимать осложненные роды, вправлять переломы, зашивать и залечивать рваные раны и т.д. Более того, некоторые факты, относящиеся к XIX и нача-

лу XX века, представляющие шаманов как «магов», свидетельствуют о том, что они владели методами коллективного гипноза или искусством иллюзиониста, вылетая через дымовую трубу жилища, пронзая себя острым предметом, глотая огонь и т.д.

Необходимо отметить следующее. Терапевтический аспект шаманизма не сопровождался медицинскими знаниями. Этиология болезни и лечение зависят от подхода, который может быть квалифицирован как «религиозно-магический», более близкий к колдовству и к практике изгнания бесов, нежели к «научным» медицинским традициям (Zimmermann. 1995), которые можно встретить, например, в Индии или в Китае. Лечение шаманов, скорее, можно отнести к «религиозному». Это значит, что объяснение возможного лечебного эффекта шаманов надо искать рядом с их символическим значением. Мы убедимся в этом, изучая их стандартную практику.

Лечение

Продолжительность лечения шамана варьируется в различных обществах. Более всего представителей Запада впечатляет телесное поведение шамана во время лечения. Поскольку предполагается, что шаман отправляется в «другой мир» при помощи духов-помощников, он исполняет перед больным и присутствующими энергичный, чувственный танец, который, например, в Сибири, может имитировать поведение некоторых животных. В кульминационный момент своего сеанса, который Mircea Eliade (1951) назвал «мистическим экстазом», шаман «входит в контакт с духами».

Реконструкция интерьера летнего жилища (урасы) с многочисленной деревянной или берестяной посудой для кисломолочных продуктов (музей под открытым небом в Черкесе, Тамгинский улус).

A replica of the interior of a summer house (uraha), displaying various containers for dairy products, made from wood or birch bark (open-air museum in Tcherker, Tattinsky ulus).

С этим связана неистовая сцена с прыжками, криками, отражающими борьбу со злыми сущностями, которая заканчивается упадком сил, изнеможением шамана, напоминающим смерть. Придя в себя, шаман описывает перипетии, в которые попадали его духи-помощники, и их действия в «том мире». Это позволяет ему поставить диагноз и даже говорить о излечении больного или невозможности его исцеления.

Лечение шамана в Якутии было описано В.Л. Серошевским в 1896 году и М.А.Сzaplicka в 2004 году. По мнению последней, оно было прототипом шаманского ритуала в Якутии. Приведем краткое описание этого ритуала.

Когда шаман приходит в дом, где лежит больной, для лечения которого его позвали, он ложится на шкуру белой кобылы и, дожидаясь ночи, ест и пьет, то, что ему подносят. С закатом солнца приходят соседи, мужчины и женщины располагаются раздельно вдоль стены и начинают ужинать, причем подается лучшая еда. Когда огонь в доме тухнет, устанавливается сосредоточенная атмосфера и собравшимся сообщается, что дверь будет закрыта таким образом, что никто не сможет ни выйти, ни войти. Шаман готовится к сеансу, распускает волосы, надевает костюм с множеством висячих колокольчиков или надевает особое женское пальто, начиная при этом икать (по мнению В.Л. Серошевского). В некоторых местах Якутии хозяин выбирает лучшие ремни и делает из них петлю вокруг плеч шамана, которую поддерживают люди, участвующие в танце, «для того, чтобы духи не унесли его». Шаману дают трубку, которую он выкуривает долго, периодически зевая и икая. Его зевота становится все более и более громкой, одновременно появляется дрожь. Тем временем шкуру белой кобылы кладут в середину комнаты или избы, это - сидение шамана. Шаман берет бубен и, становясь на правое колено, делает поклоны в четыре стороны жилища, сплевывая холодную воду, которую он заранее набрал в рот. В совершенно необычной обстановке, при красноватом свете углей очага, изредка раздуваемых махалкой из конского волоса, шаман начинает испускать целую серию звуков. Оглушительный зевот разбивает тишину подобно стуку железа, за которым следует пронзительный крик ястреба или жалостливые стоны чайки, при этом он начинает бить в бубен, сначала очень тихо, затем все сильнее. Два разных звука сливаются в долгое crescendo. Бесчисленные колокольчики звенят и трезвонят. Это не гроза; это целая буря звуков, которая поглощает слушателей... Вне-

запно все прерывается. Бубен, который до сих пор держали наверху, издает несколько громких ударов и падает на колени шамана. Звуки бубна и колокольчиков внезапно прекращаются. Затем устанавливается долгая тишина, до тех пор, пока снова не начинается тихая дрожь бубна. Такая сцена может повторяться много раз. Она сопровождается длинными заклинаниями, предназначенными «всемогущему быку земли», «лошади», огню и т. д. (об этом подробно писал В.Л.Серошевский). При этом музыка меняет ритм, используется новая мелодия. Далее шаман обращается к своим духам-хранителям эмэгэт, которые спускаются более или менее быстро. Когда эмэгэт приходит к шаману, тот поднимается и начинает прыгать и танцевать, сначала на шкуре, затем по всей комнате. Он яростно прыгает, поворачиваясь лицом на юг, затем на запад, наконец, на восток, танцуя, напевая и играя на бубне. Голова шамана наклонена, глаза полузакрыты, волосы растрепаны; смятение царит на потном лице, рот странно искривлен. По подбородку течет слюна, и он часто брызгает ею. Такое действие может проходить волнами, прерываемыми молитвами и более спокойными заклинаниями, вызывающими то, что В.Л.Серошевский называет «духом». Когда шаман садится, это значит, что он добрался до стоянки «нижнего мира», если он встает, то он снова возносится к небу; если падает - спускается под землю. Во время этого путешествия шаман знает, где он находится, на какой стоянке, а также все дороги, по которым в это же время ходят другие шаманы. Наконец, он знает все, что хочет знать; он знает причины несчастья или болезни, с которой он борется; он уверен, что получает помощь духов, в которой он нуждался. Танцуя по кругу, напевая и стуча в бубен, он подходит к больному... Настойчиво умоляя верхние силы, он прогоняет причину болезни, отпугивая ее, при этом иногда высасывает больное место; затем возвращается в середину комнаты, и окончательно прогоняет болезнь, сплевывая ее или выдувая в сторону. После этого он говорит, какую жертву следует принести всемогущим духам за это трудное лечение, которое пришлось провести слуге, присланному духами к больному. Могут попросить в качестве жертвоприношения скот или мясо, жир, волосы... Все это может быть исполнено позже шаманом, который даже может провести церемонию, чтобы символически проводить дух жертвенного скота на небо.

Потом шаман осматривает комнату и собравшихся людей, и если заметит что-то, вызывающее сомнение, церемония прекращается. Но на некоторое

время он еще сохраняет дар предсказания, также может рассказать то, что он видел во время своего путешествия в «верхнем» или «нижнем мире».

Однако чтобы вылечить больного, может понадобиться много сеансов в течение нескольких месяцев, при этом не всегда бывает успех. По мнению самих участников, есть сильные и не очень сильные шаманы, некоторых даже считают алчными или незнающими (Perrin, 2002). Согласно В.Л. Серошевскому (1902), в Якутии различали сильных, средних и обычных шаманов. Последние довольствовались тем, что лечили незначительные болезни, толковали сны и отпугивали маленьких демонов.

В конце лечения благодарили шамана и часто ему дарили, как называли бы европейцы, «плату», и некий символический предмет, который шаман показывал потом, если лечение считалось удавшимся. В конце XIX-го века у якутов шкала стоимости была большой, ибо шаман получал от одного до двадцати пяти рублей за один сеанс, если он был убедительным, а также дополнительно продукты питания в виде мяса, рыбы и др.

Интерпретация шаманизма

В данном разделе мы ограничимся изучением эффективности лечения шамана. Но прежде необходимо разграничить две совершенно разные ситуации. Прежде всего, когда шаман, больной и его окружение проникнуты логикой шаманизма. В таких случаях, обычных до XX века, а позднее более редких, пациент не может верить или не верить в шаманизм, он находится в таком мире, где вопрос выбора другого типа лечения не ставится. В настоящее время в Сибири шаманизм сосуществует с «западной» медициной, и само значение те-

рапевтической возможности модифицировалось. Что касается первой ситуации, единственно имеющей значение в данной работе, исследователей интересовали одновременно и результат лечения и поведение шамана. Последнее часто описывалось врачами и этнопсихиатрами (Matassero, 1992) в терминах психопатологии как «транс истерического типа». Для этнографов же речь идет о выражении символов и ритуальных танцах. В сущности, вопрос, который возникает, связан с системой координат. В нашем обществе, например, такое поведение как шаманское, может приравниваться к сумасшествию, в то время как в обществе, где оно имеет место, это считается нормальным. В то же время отмечено, что в некоторых обществах, отличных от якутов, сеанс может быть подготовлен при помощи приема психотропных веществ (галлюциногенных грибов, сока табака высокой концентрации в Южной Америке, алкоголя), что, по мнению медиков, безусловно, способствует «достижению состояния измененного сознания». Однако с опытом и практикой часть «введения в состояние» может сокращаться, что говорит в пользу культурной регуляции данного феномена. Больше всего споров и обсуждений вызывают вопросы, связанные с возникновением состояния, названного некоторыми этнологами «трансом», и которое почти всегда сопровождается музыкальной практикой. Жильбер Руже (Gilbert Rouget, 1980) оспаривает мнение о механистическом характере влияния музыки на подобные состояния и подчеркивает значение культурных норм. Таким образом, дискуссия остается открытой, идет ли речь о влиянии психотропных веществ или музыкального сопровождения.

Между тем, в нейробиологическом плане возможно было бы говорить о сложном сочетании

На выезде из Чурапчи. Место проведения праздника ысыах оформлено многочисленными сэргэ. Возможно, изначально они служили коновязью для лошадей, сегодня они предназначены ославлять исторические события. На сэргэ высечены традиционные элементы или символы, связанные с историческими событиями, иногда даже с датой изготовления и установки сэргэ.

The exit of Tchourapcha. A number of sergkte stand in the festival area; originally the poles were used to tether horses, today they are used to celebrate historical events. They are sculpted with traditional elements or symbols linked to the event, indicating the date of realisation.

определенных телесных и ментальных конфигураций, зависящих от цепи, которую составляют соматосенсорные области мозга, и связанных с мыслью относительно концепций, абстрактных и конкретных одновременно, о себе и окружающем мире. В этом смысле состояние, тесно связанное с культурной средой, не может исследоваться вне этой среды. Культура могла бы иметь следствием отбор и культивирование психических возможностей, присущих всем людям, но часто неиспользуемых, что приводит к их пониманию вне всякой патологии. Что касается терапевтической эффективности лечения шаманов, нам сложно ее оценить, поскольку в исследуемых обществах болезнь не имела такого значения, какое ей свойственно в нашем. По крайней мере, медицина и антропология склонны видеть во всякой болезни, включая и те болезни, физиологические причины которых очевидны, одновременно психологический и культурный аспекты. Именно этот второй аспект, касающийся прошлого больного, того, что он пережил, может поддаваться традиционному ритуалу лечения с возможным физиологическим эффектом: часто «чудесное» исцеление может быть следствием основных высших психосоматических реакций. На первом этапе лечение шамана может быть интерпретировано как вид психотерапии. К.Леви-Стросс (1958) предполагал параллель между шаманизмом и психоанализом: в обоих случаях речь идет о том, чтобы дать пациенту некое рассуждение, которое позволяет ему истолковать то, что с ним случилось, и избежать страха и тревоги, снова переживая прошлое. Именно в этих терминах К.Леви-Стросс в своей знаменитой статье, ставшей предметом больших дискуссий, интерпретирует эффект от рассказанного шаманом мифа во время трудных родов (в индейском племени Сипа, Панама): роженица, возможно, увидела в мифе о нравственных терзаниях шамана в поисках души ребенка, который должен родиться, проекцию своих собственных страданий, и это отразилось на протекании физиологического процесса. Однако исполнение мифа не было единственным вмешательством шамана, который также применял массаж и т.д.

Действительно, представляется необходимым оценить терапевтическое значение самого лечения. Эта тема близка европейцам. Речь идет о страхе больного или умирающего (что мы пытаемся определить как анксиолитическое, то есть, устраняющее состояние тревоги, страха, или дополнительная мера, дающая временное облегчение) и об эмоциональной связи, устанавливаемой

между лечащим и больными. В любом случае больной может только воспринимать коллективный характер лечения, в который вовлечены те, кто к нему относится с сочувствием. С антропологической точки зрения анализ этого порядка был предложен Виктором Тернером (Victor Turner, 1969). Исследуя лечебный ритуал в Африке, касающийся женского бесплодия, ритуал, который, не имея ничего общего с шаманизмом, связан с ритуальными видами лечения, Виктор Тернер указывает на три причины его эффективности. Прежде всего, терапевтический эффект от простого осознания факта лечения, то, что он называет термином «эффект плацебо». Это вполне обоснованно, если допустить, что используемые средства (лекарства в западном обществе, ритуалы, обряды в других обществах) соответствуют норме того, что называется «лечением». Кроме этого, имеется связь со злом в символическом значении (например, использование веток фруктовых деревьев и другие аналогичные ассоциации). В итоге признание этих значений наполняет конкретным содержанием мысль о том, что лечение проводится эффективно. Наконец, происходит объединение людей, близких больному в целях его излечения, настоящее восстановление социальных связей больного. Эти три фактора участвуют в лечении шамана, которое, кроме явного лечебного предназначения, подключает разного рода символы, в частности, имеющиеся в костюме шамана, и обращаются к различным моделям деятельности (пленению/захвату, сражению и изгнанию), метафорически показывая победу над злыми духами, источниками несчастья. Так же это лечение имеет социальную направленность, поскольку оно более или менее публично.

Между тем, в медицинском плане представляется сомнительным, что эти элементы являются действительно активными в случаях, когда «консультации шамана» в том виде, как это практикуется иногда вне традиционного контекста, длятся всего несколько минут. Как бы там ни было, было бы наивно полагать, что такое лечение всегда эффективно. Впрочем, шаманы первыми защищают свою практику от неудач и провалов, давая обширные объяснения *a posteriori*, когда состояние больного продолжает ухудшаться. Если, несмотря на все, доверие к шаману сохраняется, то это связано с тем, что, с одной стороны, удача запоминается больше, чем неудачи (как в гороскопах), с другой - исполнение ритуала способствует нормализации ситуации, которая может привести и к смерти.

Типы шаманов и их количество

Описано два типа шаманизма в Сибири (Czaplicka, 2004): семейный шаманизм, обряды и верования которого ограничиваются семейным кругом, и коллективный шаманизм, в котором помимо членов семьи участвуют все или почти все члены общины. По мнению некоторых ученых (например, Трошанского, 1902), существует два типа шаманов в Сибири: «белые шаманы» и «черные шаманы». Однако, представляется, что у некоторых этносов Сибири (включая и якутов) дуалистическая оппозиция «белый шаман» и «черный шаман» не была систематически четко маркированной так, как она маркирована в исследованиях этнологов.

Интерпретация с примесью христианских воззрений этих наблюдателей часто является карикатурной. Согласно их мнению, «белые шаманы», якобы, призваны нести религию и ее обряды, в то время как «черные шаманы» отвечают за переход в «нижний мир». На самом деле, в якутском языке не существует термина, которым можно было бы буквально передать статус и образ «белого шамана» или «черного шамана». В зависимости от конкретного момента и этноса это различие может значительно варьировать. Так, по мнению М.А.Сzaplicka (2004), на юге Якутии и в Бурятии «белый шаман» служит тенгери и хат западной стороны и отвечает за благополучный исход обрядов, которые сопровождают роды, свадьбы и т.д., в то время как «черный шаман» служит тенгери и хат восточной стороны и может наслать болезни и смерть.

В Якутии шаманы, называемые «белыми», участвовали в весеннем празднике (праздник Ысыах проходил весной после перелета журавлей на гнездовья, что рассматривалось как счастливый знак). Белые шаманы принимали участие также в свадьбах, обрядах плодородия (если женщина была бесплодной), в лечении больных, если у больного еще не похитили его душу-кут. Они надевали особый обрядовый костюм, и не предполагалось, что они совершают путешествие в «нижний» мир. «Черные шаманы» были одеты в традиционный костюм шамана или, если не имели его, надевали женское платье и брали в руки бубен. Предполагалось, что во время сеанса они отправляются и в «верхний» и в «нижний» миры, совершая символическое путешествие. Их называли воинственными и необузданными, и их молодость придавала им больше силы. По этой причине полагали, что духи

боятся их. Женщины-шаманки, так называемые удаганки, - намного сильнее мужчин-шаманов, так как женщины духовно сильнее мужчин. Когда возникает соперничество между шаманами, мужчины в большинстве случаев предпочитали уступать удаганкам. Соразмерно возможностям и свойствам, которые им приписывались, шаманы могли совершать разные «чудеса», например, пронзить себя ножом, проглотить палку, глотать огонь или горящие угли и т.д. Вероятно, некоторые использовали коллективный гипноз. Однако существовали значительные отличия между шаманами. Например, «большие» шаманы пронзали себе макушку головы, печень, желудок и т.д. Они наводили на участников сеансов особый ужас. Действительно, говорили, что когда пожилой шаман (то есть тот, кто потерял много силы) покидал неприветливое место, последний человек или предмет, на которые он смотрел, впоследствии умирал или ломался.

В Якутии, помимо шаманов, существовали другие категории людей, которым приписывали особые возможности: знахари (эмчиттэр), предсказатели (иччиэннэр), костоправы (унуох туттааччы), а также те, кто убил медведя. Якуты считали, что они способны лечить простые болезни, например, некоторые болезни глаз. С другой стороны, были «аптаах» (як. букв. обладающие магической силой), которые могли видеть невидимые вещи и слышать неуловимые звуки. Их считали чрезвычайно могущественными, но столь же вредными, ибо считали, что им доставляет удовольствие наносить вред своим близким, и лишь сильные шаманы или другие «аптаах» могли с ними бороться.

Вопрос о количестве шаманов, для того, чтобы оценить их роль в лечебной практике «первой инстанции», редко поднимался в литературе. Коллективный шаманизм был более характерен для Якутии XIX века (Czaplicka, 2004), когда имелся один шаман для рода. Количество шаманов в XVIII веке неизвестно, хотя, по мнению некоторых якутских ученых, возможно, их численность была больше, чем в XIX веке, иногда в одном социуме (роде) их было несколько. На самом деле, возможно, семейный шаманизм в то время сосуществовал с коллективным, и некое количество людей могли чувствовать себя шаманами, называться ими и «пытаться общаться с духами, как большой шаман» (Богораз, 1907, приводится по работе Czaplicka, 2004),

1.3. Тайна одного захоронения

Л.Алексеева, П.Жерар, В.Попов, Н.Сенегас, С.Дюшен, Э.Жирков, Э.Крюбези.

Кыыс Унуога, особое положение

Во время раскопок на холме, в сильно покрасневших отложениях земли, обнаружили остатки четырех столбов надмогильного сооружения высотой от 50 до 65 см. Были найдены элементы подвесок так называемого пояса невесты в виде ажурных медных пластинок с мотивами степных народов и привозными бусинами, некоторые из которых имели следы нагревания. Здесь же было найдено несколько фрагментов человеческих костей, сгоревших при пожаре надмогильного сооружения: три пальца руки, фрагмент стопы и два пальца ноги.

Вопросы, которые возникли, были связаны с первоначальным возложением и значением этих останков. Вполне возможно, что их положили в надмогильное сооружение, которое позже сгорело. В этом нет ничего удивительного, поскольку мы иногда находили в надмогильных сооружениях как в древних, так и современных различные возложения: военный билет усопшего (1950 годы), «дар» в виде пустых бутылок водки (1980 годы), и даже трупы детей (XIX век).

Что касается значения вышеупомянутой подвески, то вскрытие девушки, погребенной в могиле, показало, что подвеска была оторвана от пояса, и всего таких подвесок изначально было пять. Если у древних якутов мир живых ассоциировался с нечетным количеством, то мир мертвых ассоциировался с четным количеством. Мы уже видели подобный обычай на колчане мужчины, погребенного в нескольких метрах, в местности «Шаманское дерево»: изначально у него было три подвески, но одна была оторвана перед его погребением. Однако, несмотря на то, что в обоих случаях подвеска свидетельствовала о социальном статусе погребенного (в первом случае – охотник, во втором – девушка), в случае с Кыыс Унуога речь идет об элементе, который носили. Это – подвеска «пояса невесты», надеваемого во время брака как символ невинности, когда девушка впервые переступает порог своего нового дома. Впервые в нашей практике отмечено, что элемент пояса, специально оторванный для того, чтобы на нем оставалось четное количество подвесок, был положен в надмогильное сооружение. Поскольку это сооружение не могло быть одного времени с захоронением, то понадобились определенные процедуры для исследования.

Что касается сгоревших останков, споры оказались более сложными. Это не останки костей из первоначального захоронения, поскольку в таком случае мы бы нашли их намного больше. Таким образом, можно говорить лишь об отдельных человеческих костях, положенных или оставленных на поверхности могилы позднее.

Возникли разные предположения о природе их происхождения.

Во-первых, это могли быть останки из другого захоронения, которые могли сюда принести. Как показали раскопки, подобное явление встречается в Якутии. Однако эта гипотеза маловероятна, поскольку в таком случае прежде всего встречаются длинные кости и фрагменты черепа, а не части конечностей, какие мы могли наблюдать в захоронениях обрушенных арангасов (як. могилы на деревьях или на платформах).

Второе предположение связано с тем, что отдельные человеческие кости могли принести с другого места и положить в это захоронение. Эта гипотеза также маловероятна, поскольку обычно собирают и приносят длинные кости и черепа, нежели мелкие кости конечностей.

Наиболее вероятное предположение связано с тем, что труп могли положить в надмогильное сооружение, затем вытащить оттуда. При этом могли остаться только мелкие кости конечностей, которые и сгорели со строением.

Уже на этом этапе захоронение оказалось необычным, прежде всего, по своему местонахождению, типу конструкции и останкам костей, найденных на руинах надмогильного сооружения, а также преданий, которые были связаны с этой местностью. Продолжение раскопок оказалось еще более удивительным.

Первый осмотр, глубокий ящик-гроб и особый ритуал

Глубина ямы, в которой лежал ящик-гроб, почти 130 сантиметров, не характерна для этого региона, где максимальная глубина редко доходила от 50 до 100 см. В центре огромного ящика-гроба, покрытого берестой, была установлена береза диаметром 10 см с двумя концами огромных корней. Ее верхняя часть изначально должна была быть выше надмогильного холма, чтобы возвышаться над крышей надмогильного захоронения. По всей видимости,

Погребение Кыйс Унуога, расположенное в «долине знати» (Чурапчинский улус), датировано по дендрохронологии 1728 годом. При открытии гроба была отмечена превосходная сохранность и первые признаки «плохой смерти» (веревки, зашитые в рукава пальцы).

The grave of Kyys Ounouogha, located in the 'Valley of the Nobles' (Churapchinsky ulus) dated to 1728 by dendrochronology. On opening the grave, the body was noted to be in an excellent state of conservation, with signs of 'accidental death' (cords, fingers in sleeves).

береза сначала была вырыта с корнями, а затем корни подрезали. Это была самая большая береза, которую мы видели, и корни ее прекрасно сохранились. Сложно определить точное значение установки березы в центре ящика-гроба во время засыпания ямы, однако данный факт связан с тем, что в культурах сибирских народов береза ассоциируется с возрождением и с мифоритуальной темой вознесения к небу.

Ящик-гроб большого размера (длиной 2,07 м, шириной 0,60 м и высотой 0,65 м) был ориентирован в сторону юго-запада-северо-востока. Дно состояло из двух полубревен. Торцевые стенки вставлялись в треугольный паз, вырубленный в боковых стенках. Боковые стенки гробовины с наружной стороны зафиксированы четырьмя деревянными колышками. Крышка сооружена из трех полубревен в виде пирамиды: два полубревна закрывают ящик-гроб, третье уложено сверху, закрывая щель между ними, обеспечивая тем самым полную герметичность погребальной камеры. Ящик покрыт берестяным полотнищем, из которого обычно делают летний дом ураса (як. конструкция, похожая на типи). Полотнище сшито из пяти продольных полос бересты в два слоя, шириной от 21 до 29 см. С южной стороны две свисающих полосы берестяного покрытия согнуты и уложены сверху. С этой же стороны покрытие декорировано берестяной полосой с двумя рядами разных кругов. С северной стороны берестяное покрытие поднимается до стенок ямы, что указывает на то, что как только ящик-гроб спустили в яму, землю засыпали между стенками ямы и боковыми стенками ящика-гроба до укладки берестяного покрытия, и, очевидно, до установки крышки. Боковые стенки подпираются четырьмя вышеуказанными колышками, но они не могли поддерживать крышку весом в несколько десятков килограммов, которые сделаны из двух деревьев 140 и 185 лет соответственно, срубленных в 1728 году. Берестяное покрытие представляет собой особый способ заполнения могилы, связанный с тяжелым весом крышки гроба, также имеющий символическое значение. Якутские археологи говорят, что такой способ укрытия имеют пазырыкские традиции (по названию известной местности на Алтае, где в мерзлоте обнаружены покрытые берестой могилы железного века). С другой стороны, их нашли в захоронениях знати, в том числе XIX века, при этом крышка ящика-гроба не была особенно тяжелой.

При вскрытии обнаружили тело, иссушенное холодом. Лицо хорошо сохранилось, поскольку было покрыто тонким саваном. Труп был мумифи-

цирован естественным образом. Девушка, одетая в пальто, украшенное традиционным якутским бисером, была связана двумя кожаными веревками. Руки не видны, поскольку пальцы, как бывает у большинства трупов, были слегка согнуты и зашиты в рукава рубашки с внутренней стороны. Тело лежало на подстилке из шкуры жеребенка, свернутой под головой в виде подушки. Днище ящика-гроба покрыто тремя продольными полосами бересты, частично закрывающими боковые стенки. Вдоль левой ноги уложены котелок, декорированный сосуд из бересты с содержимым и деревянная чаша кытыя с конскими ребрами.

Тело лежало на спине, голова слегка откинута (примерно на 20°), с поворотом влево (примерно на 35°). Верхние конечности расположены симметрично. Плечи - в нейтральном положении. Локти слегка согнуты на 30° справа и на 20° слева; предплечья повернуты внутрь. Руки лежат ладонями вниз на лобке. Запястья слегка согнуты на 20° вправо и на 10° влево, с легким сгибом в локтевой части на 5°. Пальцы также слегка согнуты.

Нижние конечности вытянуты. Правая нога и лодыжка имеют латеральный поворот примерно на 30°, а левая нога и лодыжка - медиовальный поворот примерно на 20°. Лодыжки имеют легкий сгиб в нижней части подошвы примерно в 20°.

На саване и пальто видны следы мелкой древесной стружки. Возможно, это связано с поверьем конца XIX века (эпоха христианства), согласно которому не следовало наступать на древесную стружку и опилки, которые появились при изготовлении гробов. Их либо сжигали, либо зашивали в белую материю и подкладывали под голову покойника. В данном случае небольшую часть древесной стружки положили на тело перед закрытием крышки ящика-гроба. Возможно, это была стружка, которая появилась при последних работах на месте захоронения.

На этой стадии исследования мы встретились с ранее неизвестными элементами. Способ конструкции ящика-гроба, богатое убранство и одежда погребенной отсылали к захоронениям знати, какие мы уже раскапывали, но то, что могила была непривычно глубокой, а также наличие веревок и особенно то, что кисти рук зашиты в рубашке, было совершенно необычным. По мнению археологов, это связано с «нехорошей» смертью, и очень скоро появилось две гипотезы: самоубийца или шаман. Чтобы лучше исследовать тело, его переправили в Якутск.

1.4. Кыыс Унуога: таинственная девушка

А.Жеро, М.Жибер, К.Пети, Ж.Васкес, К.Жуи, В.Попов, С.Дюшен, Г.Пети, А.Алексеев, Б.Люд, Д.Руже, Э.Крюбези.

Помимо традиционных вопросов, относящихся к захоронениям на вечной мерзлоте, возникло много иных вопросов сразу после первого изучения погребения: могли ли быть обнаружены другие необычные элементы, кроме уже описанных выше? С другой стороны, состояние сохранности захоронения в мерзлоте было таково, что появилась прекрасная возможность провести подробное исследование одежды, реставрировать ее и показать публике.

Между тем, было невозможно сохранять мумифицированный труп для показа, как египетскую мумию в некоторых музеях. Ведь речь шла о недавнем захоронении, и коллективная память о нем еще жива. Для местного населения это было не бесплотное тело, не археологический объект, а почитаемый человек, обладавший даже каким-то магическим влиянием на людей, живших в этой местности. Поэтому необходимо было захоронить ее обратно после изучения. Захоронение было проведено на прежнем месте, в гробу, покрытом берестой, в яме, где ее обнаружили двумя неделями ранее. О данном мероприятии заранее сообщили представителям местной власти, руководителям села и местному населению.

В нескольких сантиметрах от дневной поверхности, после снятия дерна, появились четыре столба, оставшиеся от надмогильного сооружения Кыыс Унуога. В центре могильного пятна была обнаружена воткнутая в землю береза, которая находилась внутри надмогильного сооружения. По сибирским верованиям, береза связана с возрождением, но, главным образом, с мифическо-ритуальной темой восхождения на небо. Справа; гроб накрыт берестяным покрытием от летнего жилища (урасы) покойника.

Несмотря на наличие и возможности современной техники, тщательный анализ тела предполагал его операционное вскрытие. Ведь, если благодаря сканеру и качественному изображению внутренних органов врачи могут провести тщательный анализ на живом человеке, то исследование останков, и тем более мумий, наталкивается на вопросы базисного характера. Если достаточно просто определить органы живого человека, то намного сложнее интерпретировать высохшие мягкие части тела погребенного.

Чтобы продвинуться в этом деле, мы решили провести экспериментальное исследование, сравнивая виртуальную аутопсию посредством сканера и результатами вскрытия. При этом были выявлены интересные детали. Виртуальная аутопсия использовалась нами для проверки версии о самоубийстве похороненной девушки. Была изуче-

Vestiges of the Kyys superstructure, four poles, were found a few centimetres under the ground. A birch was planted in the centre, which would have grown into the superstructure. In Siberian cultures the birch is associated with rebirth, but principally with the mythical-ritual of the ascension to the sky. Underneath, the coffin was covered with birch bark from the summer house (uraha) of the deceased individual.

на кость в основании языка (подъязычная кость), которая иногда переламывается в случае повешения. Первые исследования сканером не позволили выявить причину смерти. Понадобились дополнительные процедуры реконструкции, чтобы установить причину смерти девушки.

Одежда, украшения и средства закрепления в неподвижном положении

При раскопках мы обнаружили на девушке кожаную веревку, отрезанную в нескольких местах острым режущим предметом (ножом). Тот факт, что руки были как будто связаны веревкой (знак “плохой” смерти), вызвал у некоторых ученых предположение о суициде. Другое предположение связано с тем, что для якутов было характерно связывать труп веревкой, чтобы транспортировать его до места захоронения, поскольку ящик-гроб они собирали на месте. Могильщики и служители похоронного обряда могли потом ее бросить сверху, не желая возвращения предметов, имевших контакт с покойником. Однако отмечается, что только в трех захоронениях была найдена веревка (и каждый раз речь шла о “плохой” смерти): это - Ожун 2, Буогарыма и Елечей 2. Обычно предметы, вещи и материалы, использованные в процессе похорон, зака-

пывали рядом с могилой. Например, в отдельно стоящем христианском захоронении Оччугуй и в могиле Лампа 2 второй половины XVIII века в Центральной Якутии веревка лежала у ног погребенных внутри ящика-гроба. Как сообщил Савей, один из немногих «настоящих» шаманов Сибири, и по сию пору у эвенков существует обычай: покойникам, которых они по каким-либо причинам боятся, всегда связывают веревкой ноги, отдельно руки, и отдельно туловище.

В Кыйс Унуога изначально было две кожаные веревки, сложенные вдвое. Одна веревка связывала ноги, другая поднималась с ног и обворачивалась вокруг туловища на уровне третьей

Реконструкция погребения на фоне современного пейзажа. Надмогильное сооружение типа юрты-балаган восстановлено по типу сооружений XIX века, которые можно еще встретить в настоящее время (Н. Сенегас).

A reconstruction of the Kyys grave in the actual landscape. The superstructure, a loft-type, was reproduced copying those of the 19th century, which are still visible today (N. Senegas).

периферической части плечевой кости. Обе веревки разделялись таким образом, чтобы тело на уровне предплечий оставалось свободным. Необычно то, что ноги были связаны. Возможно, первоначальная функция применения этих веревок заключалась в том, чтобы опустить тело в могилу, максимально избегая контакта с телом. Как только тело опускали в ящик-гроб, веревки срезались и оставлялись на своих местах

Рукава рубашки похороненной девушки, натянутые на ладони обеих рук, были зашиты. На правом рукаве - шесть простых стежков, слегка косых, которые с краю заканчивались ниткой без узла, направленной в сторону большого пальца. На левом рукаве было также шесть стежков, более коротких и отчетливо ровных, но сильно стянутых. Рукава были крепко затянуты, после того, как были сделаны стежки. Конец стежка - так же на уровне большого пальца.

Результаты вскрытия тела

Результаты основаны на изучении методом сканирования и операционного вскрытия, проведенного согласно обычному протоколу французской школы, который иногда корректировался под необходимость исследования высохшего тела, трудно подлежащего препарированию (отсюда иногда приходилось увлажнять некоторые части тела).

Девушка невысокого роста

Исследование внешних половых органов показало, что они - обычного женского типа, их высохшие анатомические части хорошо сохранились. Отчет о медицинском вскрытии отмечает: «Неглубокий вертикальный надрез задней вагинальной вилки и смягчение кожного покрова при помощи пульверизации водой позволил оттянуть кожу больших половых губ и рассмотреть отверстие девственной плевы. Пленка девственной плевы сохранена в виде очень тонкой пленки серо-беловатого цвета. Отверстие девственной плевы - кольцеобразной формы, диаметром 0,5 см. Пленка девственной плевы видна невооруженным глазом по всему периметру, за исключением задней зоны между 4 и 6 часами с гинекологической позиции. Невооруженным глазом видно, что в невидимой зоне не имеется никаких травматических разрывов и пленка девственной плевы - целая и неповрежденная. Внешний осмотр был дополнен эндоскопическим исследованием при помощи введения эндоскопа через отверстие девственной плевы. Это позволи-

ло исследовать пленку девственной плевы между 4 и 6 часами с гинекологической позиции и определить, что пленка девственной плевы не повреждена в этой зоне и опустилась, образовав складку внутри отверстия девственной плевы. Речь идет о неповрежденной кольцеобразной девственной плеве, не имеющей никакого травматического разрыва пленки. Таким образом, девушка была девственницей».

Что касается морфологии лица то, тонкие кости носа, легкий торус челюстей, нанизм третьих коренных зубов определяли черты монголоидного типа. Вместе с тем, слабая проекция костей скелета, генетические показатели (гаплогруппы митохондрий H), передающиеся по материнской линии, относились к европейским чертам. Должно быть, при жизни эта девушка имела менее выраженную азиатскую внешность, чем большинство людей ее времени.

Все эпифизы (конечностей длинных костей) плотно срослись и следы их соединения с диафизом (тело длинных костей) уже не наблюдаются, то есть девушка уже достигла полного роста. Непосредственный замер ее антропометрических данных (пятка/макушка черепа) на местности, дополненный корректирующими данными в лаборатории, дали возможность предположить, что рост составлял 143-145 см, это - средний рост для якутских женщин той эпохи (начала XVIII века).

Относительно ее возраста имеется много индикаторов. Полное сращение затылочной кости (кости основания черепа), след не виден, апексы (верхушки) третьих верхних коренных зубов не закрыты, медиальный конец ключицы не сросся, заднемедиальные части подвздошного хребта - на стадии закрытия, но еще не срослись (стадия 4 по Risser). Выступы первого и второго поясничного позвонков - на стадии сращения (но имеется патология одиннадцатого грудного позвонка).

Опираясь на эти данные, можно утверждать, что речь идет либо о девушке, либо о молодой женщине. Точно определить возраст представляется сложным, поскольку наши таблицы сравнений соответствуют современным популяциям, относящимся к совершенно разным местам проживания. Так, в наше время рост у девушек прекращается примерно в восемнадцать лет, даже еще раньше, во Франции XIX века рост продолжался в некоторых случаях до 25 лет. Учитывая стадию развития подвздошного хребта, можно считать, что девушке было больше 18 (по показателю длинных костей) и меньше 23 лет (по размеру ключицы).

Предполагаемая причина смерти

Состояние сохранности трупа позволило без всяких сомнений установить, что не было никакой прижизненной травмы, свидетельствующей о насильственной смерти девушки, а именно: отсутствие впадины на кожном покрове, которая могла бы говорить о сжатии узла в области запястий и лодыжек; отсутствие порезов кожи, напоминающих рану, нанесенную холодным оружием; отсутствие перелома костей, отсутствие перелома подъязычной кости и повреждения кожного покрова в правом латеро-шейном отделе, который, к сожалению, сохранился только на небольшой поверхности, но достаточной, чтобы исключить версию повешения.

Левое легкое, которое сохранило анатомическую структуру, имеет в задней поверхности два повреждения, состоящих из магмы темно-ржавого цвета, окруженной фиброзной массой. Одно поражение размером 8 x 5 см - на уровне нижней доли легкого, второе размером 3 x 2 см - на уровне верхней доли. Наиболее вероятная причина их образования связана с гнойным плевритом (туберкулезным или бактериальным). Действительно, речь идет о двух поражениях, изолированных друг от друга. Можно с полным основанием исключить ге-

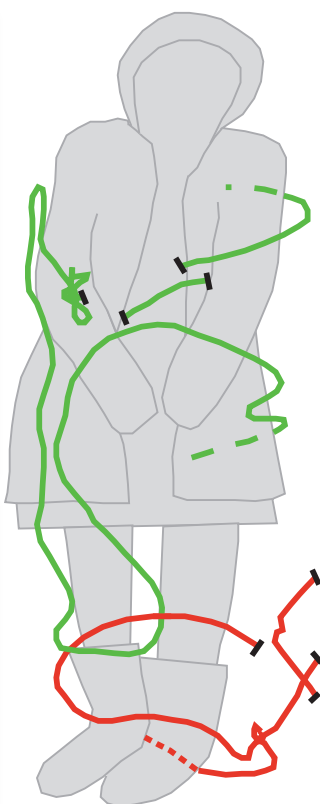
моторакс (скопление крови в плевральной полости). Чтобы вызвать такой гемоторакс, должно было быть либо травматическое поражение в результате перелома ребра и вследствие - протыкание легкого, либо рана, нанесенная холодным оружием, которая действительно могла бы вызвать гемоторакс и ретракцию паренхимы, но в обоих случаях это отсутствовало. Два отдельных поражения с плотным экссудативным излиянием указывали скорее на бактериальный инфекционный плеврит или туберкулез, нежели на вирусный плеврит. Кроме того, было обнаружено поражение кости 11-го грудного позвонка с потерей кости верхнего диска, сопровождаемое травмой кости по контуру, что говорит об инфекционном периостальном абсцессе, который наличествовал в момент смерти.

Совокупность повреждений в легких говорит о туберкулезе легких с поражением костей, которое могло вызвать гнойный плеврит, ставший причиной смерти. Любопытно то, что на затылке волосы были длиной 13 см, в то время как на макушке они были пострижены коротко. Такая стрижка иногда и сегодня встречается в селах Центральной Якутии для ухода или облегчения при уходе за больными с хроническими заболеваниями.

Схема веревок, обматывающих мумию
КЫЫС УНУОГА

Изначально было две кожаные веревки, сложенные вдвое. Одна веревка связывала ноги, другая поднималась с ног и оборачивалась вокруг туловища на уровне третьей периферической части плечевой кости. Обе веревки разделялись таким образом, чтобы тело на уровне предплечий оставалось свободным. Ноги связаны, что было необычно. Возможно, первоначальная функция применения этих веревок заключалась в том, чтобы опустить тело в могилу, максимально избегая контакта с телом. Как только тело спускали в ящик, веревки срезались и оставались на своих местах.

There were initially two skin cords, folded in two. The first cord, tied around the feet, was linked to the second, which travelled up the body and then wrapped around the body at the level of the distal third of the humerus. The two cords were cut at the level of the forearm to liberate the body. Unusually the feet remained bound. These cords could have functioned to secure the body to facilitate its transport and to avoid it from being touched. Once the body was in the coffin the cords were cut and left inside.

— Веревка 1
— Веревка 2
✂ Отрезанная веревка

Акварели :
К. Оштрассер-Пету

Watercolor :
Ch. Hochstrasser-Petit

Девушка была одета в чепец (шапку) из шелка дамаста, плетение нитей которого создает цветочный узор, меняя направление нити. Шапка была оторочена мехом и завязывалась под подбородком. На лице был саван из тончайшей джутовой ткани, которая так плотно прилежала к лицу, что едва была заметна на коже при непрямых лучах солнца. На верхних веках закрытых глаз плотное прилегание ткани создавало впечатление, будто изначально там были фрагменты кожи, которых на самом деле не было.

Одежда девушки - многослойная: просторная рубашка с длинными рукавами, плащ из легкой ткани, кожаное платье с богатым орнаментом из бисера, и шуба из конской шкуры с короткими рукавами, так называемый тангалай (як.). Кожаное платье с длинными рукавами, со складками на талии, завязывающееся справа. Края рукавов оторочены собольим мехом и декорированы вышитыми в два ряда круглыми деталями, рисунок которых напоминает мелкие волны и прямые линии. Шуба - скорее летняя, с пышными короткими рукавами, оторочена собольим мехом. Длина шубы - ниже колен, она застегивается на одну пуговицу, тканый (матерчатый) пояс завязывался слева. Ворот и средняя половица шубы украшены голубым, белым и черным бисером. Необычно, что нижняя рубашка натянута до пальцев рук, рукава платья доходят до запястья, а рукава шубы - до середины локтей. В качестве нижнего белья на девушке был натазник (примитивные трусы) с железными подвесками и шнурками для завязывания ноговиц. Натазник состоит из широкого пояса в 19 рядов, вышитых бисером. На узле пояса - пять больших подвесок с двумя бусинками между пластинками из сплава меди (или покрытых другим металлом?), которые завершаются кольцами. Одна из этих подвесок была подрезана. Во время раскопок ее обнаружили на поверхности земли, внутри сгоревшего надмогильного сооружения (cf. supra).

Чтобы защитить ноги и лодыжки, на девушке были надеты ноговицы из оленьих шкур мехом наружу, декорированные по бокам (изнутри и снаружи), восемью рядами черного, белого и голубого бисера на лодыжках. Под коленями ноговицы завязаны кожаными шнурками и затянуты так называемым якутским узлом. Наконец, на ней были торбаза, сапоги, обработанные как непромокаемая дыmlенная обувь, украшенные сверху замшевой каймой. На лодыжках сапоги завязаны кожаным шнуром (семь оборотов направо, четыре налево); стельки торбозов - из соломы, чтобы уберечь ноги от холода.

На девушке были сережки, состоящие из колец и подвесок из черно-белого бисера.

The individual, a young woman, wears a chapka (headgear) in woven damas, with floral motifs made by changing the direction of the thread. The tie under the chin is edged in fur. On her face she wears a shroud of thin hessian, which is so tightly fitting that her skin is only visible under the direct light, and on first sight her eyelids (eyes closed) look like they are covered by a piece of leather.

The woman is dressed in three layers of clothing: a very comfortable long sleeved shirt made of son (a light fabric), a splendid beaded dress in leather, and a short sleeved coat made of horse skin, called a tangalai. The long sleeved dress is pleated and fastens on the right side; the sleeve cuffs are decorated with sable fur and two rows of fabric, embroidered with wave and straight line motifs. The summer coat has short, puffed sleeves, edged with sable fur. Closed by a button and a fabric belt knotted to the left, the coat reaches to just under the knees. The coat is decorated with blue, white and black beads on the collar and central edges. Yakut motifs, called ynakhst, decorate the lower part of the coat, and represent a cow feeding a calf, symbolising livestock farming and prosperity. What is a little unusual is that the sleeves of summer shirt reach to the fingers, while the sleeves of the dress reach the wrist, and those of the coat stop under the elbows.

The woman wears a nataznik or primitive underpant, as an undergarment, with iron suspenders and laces to attach the nogovitse, or leg-warmers. The nataznik is composed of a large belt with 19 rows of beads, which crosses at the back and then knots at the stomach with only nine rows of beads. The knot has five large pendants each with a ring on the end, and two beads between each of five copper alloy plaques (perhaps once covered with another metal?). One of the pendants had been cut off and deposited in the upper-part of the tomb, to be found on its surface during the excavation.

The woman wears nogovitse to protect her feet and ankles, made of reindeer skin with the fur on the outside. They are decorated on the sides (interior and exterior) and on the ankles with eight rows of black, white and blue beads, resembling those on the coat. Under the knees, the leg-warmers are held in place with leather laces tied with a Yakut knot. The young woman also wears tarbazas, waterproofed boots, decorated with a suede upper-band. Leather laces are tied around the ankles (seven times to the right, four to the left). Straw soles insulate the feet from the cold.

The woman wears earrings, composed of rings and pendants with white and black beads.

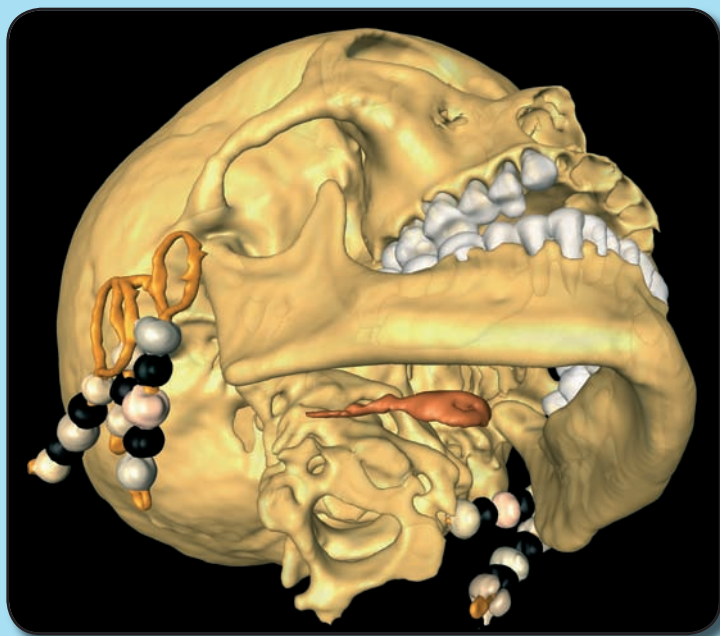

Виртопсия девушки из захоронения Кыйс Унуога

А.Ле Кебек, А.Урисс, М.Егорова, А.Жиро, В.Баранов, Д.Руже, Ж.Брага

На изображении нижней правой стороны реконструкции черепа девушки видно, что подъязычная кость находится на месте, видны первые шейные позвонки, зубы взрослого человека, серьги. Исходя из сканированных изображений в разрезе, зоны для исследования ограничены (иначе говоря, сегментированы) через использование полуавтоматических программ. Как только различные структуры отделены, оператор может объединить их, меняя прозрачность и цвет, и виртуально восстанавливать анатомические структуры и предметы в трех измерениях, чтобы рассмотреть их.

Если цвета анатомических структур были определены произвольно (например, подъязычная кость обозначена красным цветом), то цвет серег, расположенных на изображении в том положении, в котором они были на трупе, был восстановлен - аутопсия помогла им, виртуально очистив их от следов окисления. Это помогло воссоздать тот вид, какой они могли иметь, когда девушка носила эти серьги при жизни. Серьги состоят из медной проволоки, на которую нанизаны черные и белые бусины. Три кольца правой серьги вдеты в ухо через три разных отверстия. Сканирование позволило воссоздать тонкую работу мастера, которая особенно заметна, если посмотреть на медный стержень украшения, проходящий через бусины и оканчивающийся застежкой.

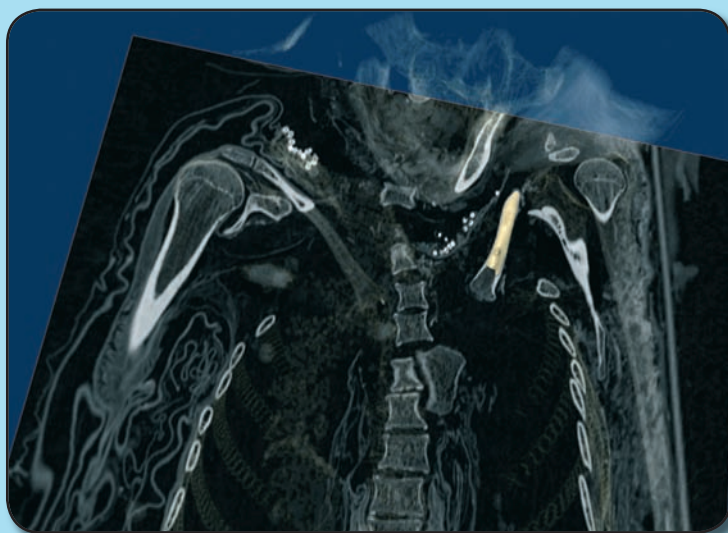

Виртопсия была изобретена профессором Гилом Брогдоном в 1998 г. Этот судмедэксперт предложил пропускать трупы через сканер для виртуальной аутопсии или Виртопсии (Virtual autopsy). Сканер производит рентгенологические изображения тела в форме пластин, называемых срезами, толщина которых может варьироваться от менее 1 миллиметра до нескольких миллиметров в зависимости от желаемой точности. Информатика позволяет затем сложить эти срезы и по желанию может предоставить в трехмерном измерении виды всего тела или его частей. Техники моделирования позволяют производить виртуальное вскрытие трупа для изучения, увеличивать изображение нужных частей, используя функцию приближения.

Эти исследования получили развитие, техники трехмерного восстановления все больше совершенствуются, а исследователи занимаются сейчас сравнением результатов виртуального

осмотра с результатами «классической» аутопсии, чтобы выявить взаимные интересы той и другой. Виртопсия может в некоторых случаях быть более совершенной, чем реальное вскрытие трупа, позволяя добраться до таких мест, которые недостижимы во время обычной аутопсии или рентгенологического осмотра. Например, у девушки из захоронения Кыйс Унуога ближний край плечевой кости в конце сращения (белая линия с обеих сторон, заметная на сканерном срезе) указывает на возраст от 18 до 23 лет, а ведь эта структура была почти неразличима во время аутопсии. И наоборот, некоторые структуры брюшной полости или грудной клетки лучше изучать напрямую, чем с помощью виртопсии, т.к. одной из ее слабых сторон часто оказывается распознавание анатомических структур. В нашем случае легочные структуры были легко определяемы при осмотре судмедэкспертом, который смог даже выявить остатки выпота в плевральной полости. В отсутствие ссылок рентгенологических данных на подобные элементы в мумифицированных телах, это остается пока сложной задачей для виртопсии.

Цифровой формат позволяет провести более последовательное накопление материала, превосходное хранение и возобновление исследований позже, по мере надобности, различными специалистами. Так, материалы погребения Кыйс Унуога могут быть исследованы и дальше. Кроме того, соединив ска-

Чтобы определить возраст девушки из захоронения Кыыс Унуога, мы рассмотрели сканерные срезы и трехмерные реконструкции. Ближний к срединной линии тела край плечевой кости в конце сращения (белая линия с обеих сторон, заметная на сканерном срезе) указывает на возраст от 18 до 23 лет. Край средней части ключицы не окостенел и не прикреплен к остатку этой кости (здесь, воссозданный в трехмерном изображении для левой стороны), что указывает, при сравнении с современным образцом, рассмотренном через сканер, на возраст от 15 до 21,6 лет.

In order to determine the age of Kyys, 3D scan images were assessed. The proximal end of the humerus was almost fused (white line visible on both sides of the bone), indicating an age between 18-23 years. The medial end of the clavicle, not ossified or fused to the rest of this bone (left side rebuilt in 3D), indicates, based on a modern female scan, an age between 15-21.6 years.

нерные срезы и лазерное моделирование, можно вырезать из пластмассы или полимера данные трехмерного изображения и воссоздать копию начального анатомического объекта (стереолитография). В случае с девушкой, останки которой мы вновь предали земле на том же месте, такая технология позволит воссоздать ее для музея.

Виртопсия девушки проводилась изначально как вспомогательная процедура для реальной аутопсии, для первого сравнительного изучения возможностей виртопсии и реальной аутопсии мумии, для того, чтобы узнать возможности виртопсии во время исследований мумий, которые археологи или музеографы не хотели бы вскрывать, что по идее всегда предпочтительнее. Оказывается, что виртопсия на сегодняшний день способна выявить элементы, по которым можно определить пол, возраст и даже очень тонкие элементы для восстановления одежды или украшений, но в нашем случае причина

смерти так и не была установлена. Что касается восстановления гениталий при помощи виртопсии, это также оказалось невозможным из-за большого количества металлических частей пояса невесты, расположенного в этой области.

Разрез верхней и нижней челюсти позволяет рассмотреть хорошее состояние зубов и небольшие размеры третьего верхнего коренного зуба (выделено желтым цветом), что характерно для народов азиатского происхождения.

A section of the mandible and maxilla showing the good condition of the teeth, and the dwarfism of the third upper molar (in yellow); characteristics common in Asian populations.

Рукава рубашки похороненной девушки, натянутые на ладони обеих рук, были крепко зашиты. На правом рукаве было шесть простых стежков, слегка косых, которые с краю заканчивались ниткой без узла, направленной в сторону большого пальца. На левом рукаве было также шесть стежков, более коротких и отчетливо ровных, но сильно стянутых. Рукава крепко затянуты, после того, как были сделаны стежки. Конец стежка - также на уровне большого пальца.

The shirt sleeves were pulled over the fingers and sown up; the fingers were slightly bent, as is usually the case with cadavers. On the right sleeve there are six oblique simple stitches. The thread ends, at the level of the thumb, without a knot. On the left sleeve, there are also six stitches, but these are sown shorter, straighter and tighter. The finishing stitch resembles that of the right sleeve.

Схема шивания рукавов мумии Кыйс Унуога.

Сравнение археологического инвентаря

В описании данного захоронения мы обратили особое внимание на то, что отличало его от захоронений того времени, обнаруженных нами. Результаты приводятся в следующей главе.

Однако В.Попов показал нам рисунки акварелью, напоминающие пальто девушки и пояс невесты, в фондах Национального краеведческого музея имени Ярославского в Якутске. Эти рисунки, выполненные известным якутским художником Михаилом Носовым, отображают «пояс невесты», стилистически очень близкий поясу из Кыйс Унуога, а также пальто, которое по своему крою и украшениям похоже на то, что мы обнаружили. Якутские

эксперты, исследовав пояс и акварельный рисунок, пришли к выводу, что оба пояса были изготовлены по одной технологии. Оба пояса настолько исключительны (необычны), что речь может идти о казаках знати у известных мастеров, которые создавали определенную моду.

В то же время, необычный покрой шубы с короткими рукавами напоминает скорее о моде на юге Якутии, которая, возможно, пришла с территории современной Бурятии. Разные признаки наводят нас на мысль о том, что пояс и шуба аналогичны одежде захоронения Киис Тиэрбит Морукского наслега Мегино-Кангаласского района. В 1937-1938 годах в этом наслеге были проведены раскопки. В то время художник М.М.Носов выполнял официальные заказы и, возможно, он был включен в состав экспедиции. Сегодня от находок этих раскопок остались только его акварели.

Результаты полевых и лабораторных исследований

Захоронение Кыйс Унуога, что на якутском языке означает «могила девушки», датируется дендрохронологиями 1728 годом, что не опровергается аутопсией. Оно расположено на плато в сравнительно необитаемом месте Чурапчинского района, в географическом комплексе, который мы назвали «долиной знати» по причине особой значимости захоронений местной элиты.

Место данного захоронения, сожженного в 1930-х годах, всегда вызывало почитание у местных жителей, даже когда в годы советской власти этот участок, по всей видимости, был вспахан.

Раскопки показали, что основная деревянная конструкция изначально покрывала место захоронения, и что в ней, видимо, находилась одна из подвесок «пояса невесты». В этой конструкции также лежали некоторые фрагменты человеческих костей, нахождение которых сложно было объяснить.

Мощное надмогильное сооружение, глубина залегания и гроб из плах, покрытый берестяными полотнами, позволили сохранить погребение. Любопытно то, что поминальная пища состояла только из двух горшков с молочной пищей. Девушка умерла в возрасте 18-23 лет в результате плеврита из-за распространения инфекционной патологии. Погребальная одежда была богатой. Пальто украшено привозным бисером, что говорило о благосостоянии. Вышивка из бисера на платье была необыкновенной. На девушке был чепчик из дамаста.

Все это говорило о том, что девушка была из богатой семьи. На одежду той эпохи влияла мода юга.

Многие элементы захоронения были необычными: не было савана или пальто, покрывавшего тело. Лицо было покрыто саваном из джутовой ткани,

которая в захоронениях этого периода нам встретила только однажды (Орджогон 2). Тело было связано. Больше всего нас удивило то, что рукава рубашки зашиты. Все свидетельствовало о «нехорошей смерти».

1.5. Кыйс Унуога, попытка интерпретации

А.Гоголев, О.Гарифуллина, О.Мельничук, М.Жибер, Р.Бравина, Э.Крюбези

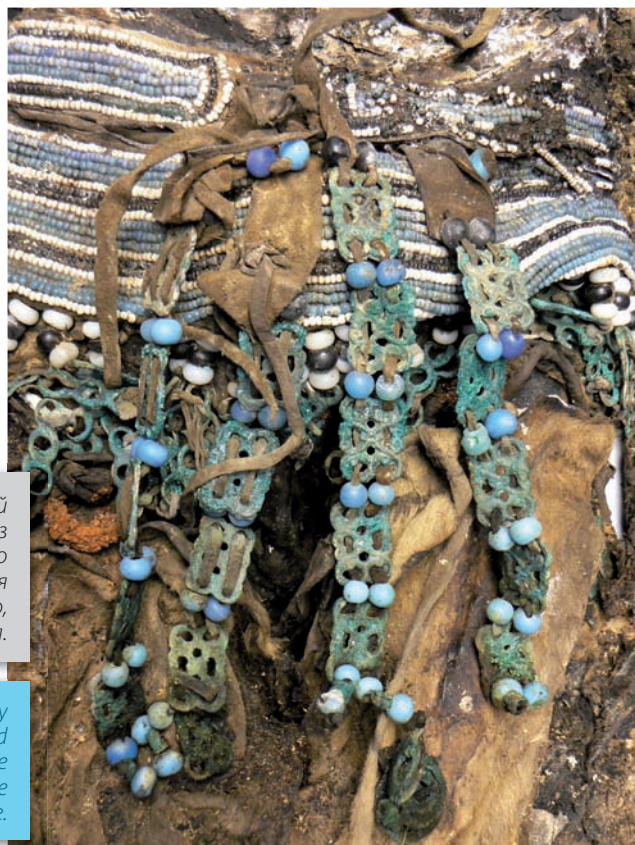
Интерпретация захоронения Кыйс Унуога предполагает восстановление этнографического, исторического и религиозного контекста той эпохи. В данной главе мы попытаемся определить концепцию жизни и смерти у якутов. Мы будем ссылаться на сравнительный анализ раскопанных захоронений.

Концепция жизни и смерти у якутов

Попытка синтеза концепции жизни и смерти у древних якутов представляется достаточно сложной (Алексеев, 1975, Серошевский, 1896, Бравина и Попов, 2008), тем более, что в разных источниках она интерпретируется по-разному. Возможно, в отсутствие канонической веры эти представления могли варьироваться в разных сообществах и в разное время. Так, например, части кут, составляющие жизненную силу (душу) человека, различаются у разных информантов; все допускают, что их несколько, но конкретно одна, две, три или четыре, это является спорным... Таким образом, мы рискуем прийти к такому обобщению, которого могло никогда не быть. Тем не менее, даже если тема одна, пересказы различаются в деталях, а интерпретация ранних этнографов осуществлялась либо с христианской позиции, либо с советской. Можно установить основные линии рассуждения. Главное – структурировать эти линии, чтобы предложить интерпретацию захоронения Кыйс Унуога.

К тому же, мы не предлагаем в данной работе анализ религии якутов, а лишь анализ элементов, необходимых для понимания погребального ритуала (Crubézy, 2007).

Современная космогония якутов, находясь под влиянием христианской веры, опирается на понятие трех миров: «верхний мир» (небо), «средний» (мир людей) и «нижний» (подземный). Она сопровождается также горизонтальным видением, в котором Восток и Юг являются местом, где живут добрые духи, а на Севере и Западе обитают злые духи. Небо является небесной пирамидой, на каждом уровне которого обитают разные духи. Предполагается, что небо состоит из девяти этажей, а земля не делится на отдельные слои. Наверху обитают абаасы, злые духи, представленные в образе

Пояс девушки из захоронения Кыйс Унуога, называемый «поясом невесты», изначально имел пять подвесок. Одна из них была отрезана, так как нечетное количество связано с миром живых, а четное - с миром мертвых. Последняя подвеска найдена на поверхности земли, предположительно, она была помещена внутри надмогильного сооружения.

The belt of Kyys, signifying engagement for marriage, was initially composed of five pendants. One of them had been cut off, since odd numbers referred to the world of the living and even numbers to the world of the dead. The fifth pendant was found just under the surface of the ground, undoubtedly disposed of in the superstructure.

1- Пояс невесты из погребения Кус Чаарбыт (Мегино-Кангаласский улус). Также имеет четное количество подвесок, чтобы быть принятым в мир мертвых. Сравнивая с погребением Кыйс Унуога, можно предположить, что одна из подвесок также была специально срезана (Рисунок М. Носова, 1937- 1938 гг., архив Национального музея истории и культуры народов Севера им. Е. Ярославского, г. Якутск).

2- расшитый бисером пояс из погребения Бойуола 2 (Мегино-Кангаласский улус, Центральная Якутия, 2009 г.) (акварель: К. Петти-Оштрассер).

3 и 4- акварельный рисунок и фотография богато расшитого бисером пояса, обнаруженного в погребении Булгуннях 2 (Сунтарский улус, 2008 г.)

1- Engagement belt found in the tomb of Kyys Tierbit (Megino-Kangalassky ulus). There are four pendants, since even numbers refer to the world of the dead. Like Kyys Ounouogha, the fifth pendant was presumably cut off when the individual was placed in the grave. (Watercolour N. Michael, 1937/1938; National Museum Archives, University of Yaroslavl, History and Culture of the Ethnicities of the North, Yakutsk).
2- Beaded belt found in the Boyola 2 grave (Megino-Kangalassky ulus, central Yakutia, 2009) (watercolour: C. Petit-Hochstrasser);
3 and 4: watercolour and photograph of a richly beaded belt found on the Boulgouniakh 2 site (Suntarsky ulus, 2008).

антропоморфных (человекоподобных) монстров. Каждый из них имеет свое имя, и они объединяются в многочисленные сонмы с разными названиями. По мнению якутов, обитатели «верхнего» мира могут вселиться в людей, и тогда они, находясь в их власти, становятся одержимыми суицидальными

мыслями. Они также могут вселяться в домашних животных, которые тогда становятся злыми, нападают и калечат окружающих их людей (эти животные должны быть убиты, а затем сожжены). Что касается обитателей «нижнего» мира, считается, что они отвечают за болезни людей.

Сопоставив многочисленные труды по этнографии, основывающиеся на свидетельствах, собранных в конце XIX века, вероятно, можно взять за основу "я" у якутов две сущности. С одной стороны, кут, состоящая, как правило, из трех частей, жизненная сила (иногда ее понимают как материальную душу, управляющую физиологическими процессами), которая присутствует при рождении, и сюр (як.), духовная сущность человека, которой человек наделяется лишь к семи годам, к сознательному возрасту, когда он осознает свои поступки и дела, и, таким образом, отделяется от своей природной стороны (от своей природы, естества), чтобы начать социальную жизнь.

Части кут, составляющие жизненную силу человека, следующие:

- ийэ кут, внедряется через макушку головы (черепа) и передается отцом во время зачатия. При смерти, в случае хорошей смерти, ийэ кут возвращается к духу Юрюнг Айыы Тойон к концу сорокадневного путешествия (в тюркской традиции 40 являлось числом перехода от одного состояния к другому, но также, несомненно, связано с православным христианским обрядом погребения). Во время путешествия ийэ кут посещает те места, где жил усопший, собирает все следы его жизни, а именно: зубы, которые он потерял, ногти и волосы, которые он отстригал, все это позволит ей закрыть жизненный круг умершего. Это путешествие выполняется пешком, за исключением тех случаев, когда вместе с умершим хоронили коня. В любом случае, считается, что умерший дол-

жен быть хорошо обут. Концепция была иной для северных якутов: путешествие совершалось в подземном мире, на границе среднего и нижнего миров. Кут(душа) переходила через подземную воду, и если ей это удавалось, она жила, как в среднем мире, со своей семьей и скотом, ела мясо и пила молоко.

- Буор кут или «земля-душа»: передавалась землей во время родов. Если якутская женщина рожала в жилище, то это происходило на земляном полу. Буор кут передается новорожденному посредством контакта с землей, поэтому она имеет плотскую и вполне материальную черту. После смерти буор кут остается в земле в теле умершего человека. По некоторым данным, буор кут также могла совершать 40-дневное путешествие вместо ийэ кут. Однако такое поверье все же менее распространено.

- Салгын кут - «душа-воздух»: внедряется в тело ребенка, когда он испускает первый крик. Это - духовное начало, в момент смерти салгын-кут растворяется в воздухе.

Сюр (дух человека), «приходящая», когда ребенок становится разумным (к семи годам), по мнению якутов, управляет психическим процессом. В момент смерти она возвращается к духу Улуутуйар Улуну Тойон.

Иногда речь идет о третьей сущности: тыын, которая обозначает дыхание и жизнь (дыхание жизни). Остановка дыхания, являющаяся непосредственным проявлением смерти, соответствовала уходу дыхания жизни.

Чорон с тремя ножками из погребения Улахан Алаас (Таттинский улус, раскопки 2005 г.), датированного XV - XVII в.в. Каждый человек должен был иметь, по крайней мере, один чорон, с которым он мог обратиться к духам, наполнив его кумысом. Орнамент чорона сделан в виде «пчелиных сот» (якуты уважали трудолюбивых больших пчел). Он трижды разделен на три ряда, обозначающих девять небесных ярусов. В горизонтальных интервалах, расположенных между мотивами, можно различить орнамент, символизирующий веревку, которая соединяла различные ярусы Верхнего мира. Следует подчеркнуть, что этот чорон был последней вещью из сопроводительного инвентаря, положенного в гроб. Значение данного обряда могло быть связано с пожеланием «доброго пути в Мир мертвых».

Tchoron with three legs found in the Oulakhan alaas grave (Tattinsky ulus, 2005, MAFSO excavation), dating from the 15th-17th century. Individuals were buried with at least one tchoron, enabling them to contact the spirits once they were filled with kymys. The decorative motifs are 'honey combs' (the Yakuts respected the hard-working bees); three bands each divided into three sections representing the nine levels of the sky. In the horizontal spaces between each motif a 'string' motif represents the cord that connects the different levels of the upper world. We have shown that the tchoron was the last element to be disposed of, or thrown on the body. It could be linked to a ritual 'wishing the individual a good journey to the world of the dead'.

Поскольку предполагалось, что сущность сюр приходит к сознательному возрасту, якуты считали, что жизненные способности развивались в детстве и юношестве, и сюр доходила до предела в брачном возрасте с появлением социальной зрелости. С этим связано, безусловно, то значение, которое отводится в ритуалах юношам и молодым людям, не имеющим еще сексуальных отношений. Впоследствии с возрастом это значение снижается.

Таким образом, старость и смерть рассматривались как две неразделимые части жизненного процесса. Жизнь как сущность текла в человеке и постепенно угасала, что объясняло старение, затем естественный конец - смерть.

В соответствии с этой концепцией смерть не могла быть делом случая, и природа программировала, чтобы каждый, пройдя семилетний возраст, достигал почтенного, канонического возраста. Поэтому якутская пословица гласит: «Добрый человек долго живет» и умирает легко и без сожаления. Кут и сюр людей, которые умерли после 60 лет, или умерли хорошей, естественной смертью, живут в Верхнем мире, в котором правит Аар-Тойон, до тех пор, пока тот не решит вернуть их на землю благодаря духу, который определяет их будущую земную

Берестяной сосуд, найденный в погребениях Сэргэлэх (№ 1 и №2) (датированный 1700 г); Елечей 1 (№ 3); Туйт Баппыт (№ 4) (Центральная Якутия, Чурапчинский улус). Данный тип посуды был предназначен для хранения злаков, ягод или масла. Орнамент в виде коровы означает защиту его владельца от болезней и эпидемий. Предположительно, данный орнамент имеет тюркское происхождение. Сосуд №3 с противоположной стороны не имеет орнамента, следовательно, он не был закончен до смерти умершего. Днище сосуда имеет трещину. Можно предположить случайное повреждение (влияние климата или небрежное использование) или преднамеренное повреждение (с целью пожелания несчастья, так как, согласно якутской традиции, «из расколотой посуды счастье вытекает»).

Birch container found in the Sergueleekh (1 and 2) (dated 1700), Eletchei 1 (3) and Tyit Bappyt (4) graves (central Yakutia, Churapchinsky ulus). This type of container was used to store cereals, berries or butter. The decoration was a sign to protect the owner's cows against diseases and epidemics, and could be of Turkish origin. However, the decoration of n° 3 had not been finished on one side, which suggests that it had not been finished at the time of death. A slit was present in the container's base; either an original feature or made accidentally (due to climatic factors or bad handling) or purposefully (to wish misfortune, due to the traditional Yakut saying 'happiness flows through a cracked dish').

судьбу. Имеется мало данных относительно реинкарнации. Тем не менее, допускали, что ребенок хранит воспоминания о своей прошлой жизни через кут до четырех или пяти лет.

Плохой смертью считали смерть до срока предназначения. В этом случае Юрюнг Айыы Тойон не позволял ийэ кут умершего вернуться в мир мертвых. Тогда ийэ кут превращалась в юер (як.), дух, который беспокоит и мучает живых. По-видимому, только влияние христианства слегка ослабило веру в юер (по В.Л. Серошевскому, констатировано в Алдане в 1885 году). По поводу происхождения юер мнения расходятся: одни считают, что юер происходят только из ийэ кут, для других именно салгын кут или сюр превращаются в юер, или даже совокупность обеих сущностей кут и сюр.

О мучавших людей юер существовало много поверий, касающихся, в частности, их связи с злыми духами, с абаасы. Некоторые считали, что юер был сущностью умершего (видимо, ийэ кут), которая превратилась в абаасы, если только юер не является абаасы, несущим ответственность за смерть человека, и не выдает себя за эту смерть или за его душу. С другой стороны, после смерти сущность шамана, мужчины или женщины, уподобляется абаасы, примыкая к злым духам. Между тем, любое животное могло стать юер, но именно жеребята или телята, родившиеся с уродствами, становились им. Предметы, по всей вероятности, не могли стать юер. Хотя якуты приписывали некоторым предметам, называемыми ими «жадными, ненасытными», желание делать зло. Например, острые предметы, которые, как считалось, хотели крови и поэтому побуждали своих владельцев к резне, и даже направлялись против них самих. Если эти предметы являлись причиной несчастного случая, их могли «наказывать», например, зарыв в землю.

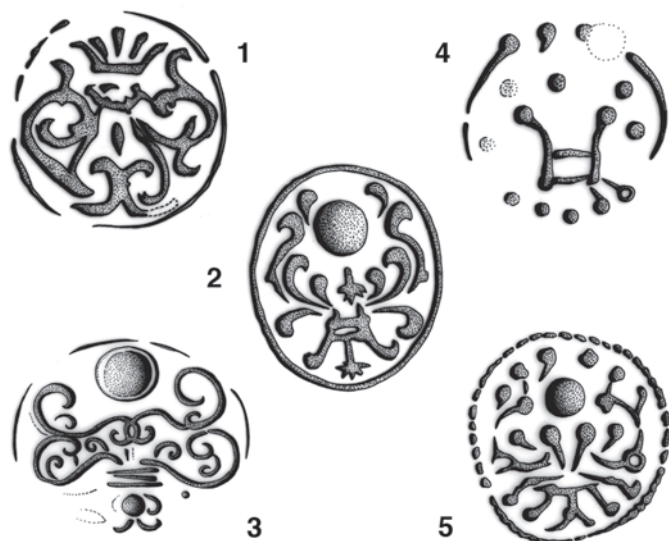
На самом деле, каждая область и каждый район имели свою классификацию, свое понимание юер. Так, после прихода русских якуты считали, что юер «северных старух» (старых русских женщин, олицетворявших оспу и другие эпидемические болезни) были в ответе за оспу, краснуху и сибирскую язву, болезни, которые были совершенно неизвестны якутам до прихода русских.

В случае преждевременной смерти считалось, что юер вредил своим близким и родственникам, поскольку он хотел продолжать пользоваться земными благами, которых был лишен, и поэтому старался забрать свою семью и скот. Если обряд не был соблюден, юер возвращались, чтобы попросить исправить ошибку; в случае неисправления,

они мстили. Якуты считали, что юер жили в среднем мире: они были невидимыми и перемещались над землей подобно сильному ветру. Предполагалось, что только черные шаманы и ясновидящие люди, страдающие от нервного пароксизма (расстройства), могли их видеть. Абаасы, которые часто посещали средний мир, имели привычку останавливаться на высоком мысе или на буграх посреди долины.

Большинство свидетельств, собранных исследователями, относится в основном к погребальной практике для взрослых людей. Обряд погребения детей отличался ненамного, возможно, по причине высокой детской смертности. Напомним, что у якутов, как и у всех народов до улучшения санитарных условий и применения вакцинации, из ста родившихся треть умирала до года, и еще треть до восемнадцати лет. И в последней возрастной группе пик детской смертности приходился до семи лет. Поэтому считали, что до семи лет у ребенка есть только кут, и она возвращается в виде птички к духам покровителям Айыы, которые послали зародыш. Поэтому, когда ребенок умирает, якуты говорят, что он «вернулся». У ребенка не было социальной индивидуальности, поэтому его не хоронили в отдельной могиле. Его гробик клали на надгробие какого-нибудь родственника. Считалось, что Иэйиэхсит, дух плодородия Айыы, будет кормить ребенка, поэтому его хоронили с рожком. Иногда детей хоронили в колыбельке. Или оставляли колыбельку рядом с могилой, в которую клали, кроме рожка, горшочек для молока и игрушки (например, фигурки коров и телят из бересты).

Каждый человек в течение своей жизни должен был поклоняться огню, то есть, кормить его, подкладывая немного еды и наливая напиток. Обычно это практиковалось перед охотой, рыбалкой, а также после них, особенно, если они завершались удачно. В то же время якут должен был уважать целую систему, то, что мы называем этическими и религиозными нормами, состоящую из множества правил и запретов, которые должны предохранять его судьбу от преследований. Ведь, опасность была всюду и подстерегала человека на всех этапах жизни под видом злых духов абаасы и юер. Каждый случай преждевременной смерти по причине болезни либо несчастного случая якуты приписывали их злодеяниям. Они считали, что злые духи ждали лишь удобного случая, чтобы похитить кут человека. По этой причине, например, было запрещено убивать и есть мясо «тотемных животных»; выворачивать наизнанку чужую шапку,

Слева: различные орнаменты на кольцах-печатках, найденных саха-французской экспедицией: № 1 - из погребения Охтубут (Шаманское дерево, пожилая женщина), № 2 - из погребения Охтубут (Шаманское дерево, молодая женщина), № 3 - из погребения Мунур-Урях, №4 и №5 - из погребения Аттах. Справа: кольцо с печаткой пожилой женщины из погребения Шаманское Дерево 1 (Охтубут, Чурапчинский улус).

Left: ring patterns found by MAFSO; n°1 Okhtoubout (shamanic tree, oldest woman), n°2 Okhtoubout (shamanic tree, young woman), n°3 Mounour Urekh, n°4 and n°5 Atakh. Right: a signet ring belonging to the oldest woman, found in the Shamanic Tree 1 grave (Okhtoubout, Churapchinsky ulus).

особенно женскую, ибо это означало желать их смерти (шапка иногда использовалась как саван). Кроме того, иногда приписывали причину эпидемии скота присутствию животного такой же масти, что и цвет абаасы.

Якуты полагали, что везде есть опасность, что абаасы постоянно угрожают им. Поэтому предметы повседневного быта и одежда украшались различными символами, которые должны были оберегать человека, его самого и поголовье его скота; сам он также носил особые предметы, как, например, железный диск-оберег на шапке. Охраной человека от всех зол и несчастий был шаман. Всякое нарушение так называемой гармонии жизни (неудачная охота или рыбалка, смерть близкого человека, болезнь и т.д.) объяснялись как результат действий абаасы, которые похитили кут или какую-нибудь часть кут.

Таким образом, одной из функций шамана было посредничество между людьми и абаасы в пользу людей. После определенных консультаций шаман мог привести кут в средний мир во время коллективной церемонии и передать ее добрым духам на временное хранение или вновь переселить ее в тело человека. Если шаман хотел спасти больного, но не находил его кут, он мог ее взять у его родственника или друга, которые, согласно ему, должны были скоро умереть.

Роль погребального обряда

Погребальный обряд имел разные функции, которые формально более или менее выражали якутское мировоззрение. Они связаны, главным образом, со страхом перед возвращением мертвых под видом юер, и, прежде всего, со страхом перед абаасы, а именно тех, кто является причиной смерти, и кто, как полагали, постоянно живет в теле. Параллельно с этим страхом перед мертвыми существовала боязнь могил и кладбищ, возможно, связанная с тем, что часть кут (буор кут – душа-земля) была там. Эти страхи порождали три обязательства: помочь кут достичь иного мира, не позволять возвращения мертвых под видом юер в мир живых, и защищать от абаасы живых, особенно тех, кто присутствовал на погребении.

Все население разделяло эти обязательства так, что якуты сами могли готовить собственную смерть, чтобы легче достичь мира мертвых и не превратиться в юер. В эпоху, которую якуты рассматривают как «древние времена», глубоко пожилые люди или люди, страдающие неизлечимой болезнью, просили своих близких проводить в течение трех дней гуляние или пиршество, на которых их особенно чествовали. На третий день они надевали свою лучшую походную одежду, после чего их живьем бросали в заранее приготовлен-

ную могилу. Эта практика, вероятно, продолжалась в некоторых местах до XVIII века, ибо, как рассказывается в одной известной истории, один священнослужитель, услышав крики в лесу, спас старика, брошенного в могилу. После определенного ухода (разумеется, обратившись в другую веру), тот прожил счастливо долгие годы.

Как бы то ни было, в целом, якуты готовились к смерти в течение всей жизни. Они покупали похоронную обувь, тщательно собирали отстриженные ногти и волосы, складывали их в мешок, который должны были положить в гроб. Иначе, как они говорили, «абаасы могут нас наказать за каждый потерянный волосок».

Женщины готовили для себя кусок меха размером с ладонь называемый олох (як. «сиденье»), который надо было положить в натазник. Считалось, что если женщина будет похоронена без этого атрибута, абаасы будут сечь ее на том свете.

Когда якуты чувствовали близкую смерть, они организовывали церемонию памяти, во время которой раздавали наследные земли, отбирали скот, который хотели взять с собой, одежду, которую хотели надеть. По такому случаю самые богатые просили своих родственников забить лучших лошадей, чтобы съесть вместе с ними до прихода смерти. Умиравший заранее выбирал место захоронения. Считалось особо важным хоронить кого-либо в месте, куда никто не ступал. В этом случае необходимо было предварительно окропить место захоронения кровью и молоком.

Как только человек умирал, ему закрывали глаза медной монетой, поскольку глаза и открытый рот мертвых предвещали кончину близкого человека. Тело омывали, хотя некоторые считают, что эту практику якуты заимствовали у русских. Затем его одевали в дорожную одежду, или, по мнению

некоторых авторов, в самый красивый наряд. В зависимости от времени года речь шла о зимней или летней одежде. Снимали все металлические украшения: пуговицы и пряжки пояса, их заменяли связками из растений или кожи. Оставляли лишь крест на шее.

На женщинах оставляли серьги, если они были медные, но не серебряные. Самые щепетильные даже изготавливали их из дерева для погребения. Одежду зашивали слева направо, не делая узелков на нитке («чтобы кут в них не запуталась»). Рассказывают, что иголка, которую использовали, становилась магической: ее хранили в специальной коробке, и женщины пользовались ею, чтобы лишить мужчину мужской силы.

Лицо покрывали саваном, в XIX веке его обычно шили из целых шкур соболя, чернобурки или песца. Делали два или три небольших специальных отверстия на подошвах, чтобы душа умершего свободно улетела. Ни в коем случае не клали шелковый пояс, поскольку считалось, что «душа шелка тяжелая».

В Тааттинском районе в старину никогда не клали на труп ткань (сукно или хлопчатобумажную ткань даба), ибо в народе считали, что они изготовлены из собачьей шерсти.

Умершего клали на земляной пол жилища или на деревянные доски, которые затем сжигали. В христианскую эпоху его могли сразу положить в гроб, это делали люди более старшего возраста, чем усопший. Гроб ставили в «красном углу» (угол под иконами) и читали псалмы. Курили ладан, зажигали свечи (практикуется в православии и в настоящее время), в это время копали могилу и изготавливали гроб. Считалось, что каждая слеза, упавшая на мертвого, подобна тяжелому камню и утяжеляет усопшего.

Арангас - древнее воздушное захоронение, еще встречаемое сегодня. Реконструкцию такого погребения можно увидеть в музее под открытым небом в Соттинцах недалеко от города Якутска.

Arangas, burials elevated on trestles or collapsed to the ground (right). The latter can still be seen today, as well as their reconstructions in the open-air museum located near the ancient town of Yakutsk.

Согласно традиционным верованиям, если мертвый видел глубокую печаль окружающих, он мог захотеть вернуться обратно, поэтому женщинам и детям запрещалось сильно плакать.

Дом умершего и его родственники становились «нечистыми». Люди могли не навещать их, ибо абаасы, причинившие смерть, якобы, находились в покойнике. Из-за этого закрывали хлев, переворачивали вверх тормашками сани, чтобы абаасы не могли на них садиться. В течение трех дней «нечистые» люди должны были ходить и стучаться в окна к соседям, чтобы попросить еды. Им давали еду в миску, затем место под окном, где они стояли, очищалось золой из очага дома. Как только наступала смерть, родственники умершего не должны были ни дотрагиваться до снаряжений охоты и рыбалки, ни заниматься этими промыслами, ибо предполагалось, что духи леса чувствуют смерть и делают охоту на зверя и рыбу безуспешной. «Нечистые» люди также не должны пить из чорона до первого грохота летнего грома, который «отгонял абаасы», ни участвовать в летнем празднике «ысыах».

Как только человек умирал, проводили обряд «умелого расчленения». Для этого забивали коня и разделяли его ножом (а не топором). Не следовало забивать быка (тягловое животное), ибо мертвый мог вернуться на санях, на которых его возили, и захотеть забрать своих родственников. Все мясо нужно было сварить одним разом, ибо, сварившись сразу, кут коня превращался в юер и исчезал. Мясо должны есть те, кто омывал покойного, копал могилу и увозил его туда, а также те, кто возвращался в его дом, за исключением молодых женщин и детей.

Эти обряды имели местные варианты. Так, согласно В.Л. Серошевскому (1896), для похорон мужчин забивали быков и коней, а для женщин – коров и телят. Самые бедные забивали малоценную скотину. Северные якуты забивали домашних оленей. В то же время исследованные тексты не содержат конкретной информации о жертвоприношении животных, видимо, существовало большое разнообразие жертвенных животных и моментов жертвоприношения.

Людей, которые занимались похоронами, считали настолько «нечистыми», что семья умершего в этом не участвовала. Эти дела поручали отдельной презируемой группе киибэс (як.). В каждой местности была своя группа киибэс, которую избирали на общем собрании. Она состояла из потомков киибэс, из тех, кто не имел скота или из пожилых и одиноких бедняков, которых также использова-

ли для разделывания собак (эта работа для якутов считалась наиболее грязной). Их не пускали в дом, где были больные или дети, и кормили отдельно. Они могли войти в дом только при растущей луне, проходя по северной стороне жилища, обходя очаг, чтобы не осквернить дух огня. Позже, к концу XIX века с исчезновением культурных традиций и распространением христианства, именно русские занимались погребением. Считалось, что якутские абаасы не воздействуют на них дурно.

Относительно срока между смертью и захоронением мнения расходятся. Людей, которые умерли зимой, могли оставлять в доме до весны, и тогда семья переезжала жить в другое место. Другие считают, что следовало ждать праздника ысыах весной, или же усопшего могли похоронить сразу в тот же день, независимо от времени года.

В эпоху позднего христианства, согласно православному обряду, ждали три дня между смертью и захоронением. Полагали, что в течение этих дней душа умершего не покидала землю, и ее преследовали черти во всех местах, где она жила. Душа могла дать знаки своего присутствия в виде разных шумов, глухих стуков или посредством других звуков...

При изготовлении досок для гроба или самого гроба никто, кроме тех, кто строгал, не должен был наступать на стружки и опилки. Часть стружек и опилок заворачивали в белую ткань (в христианский период?) и клали под голову мертвого, другую часть сжигали во дворе. Одежду и гроб окуривали, гроб также смазывали маслом. Киибэс сопровождали тело в последний путь,

Зимой сани тянул бык, который после этого терял свою ценность, и его мясо не могли есть. Существует много рассказов о тяжбах, которые возникали после продажи скота, когда нового хозяина не предупредили о том, что скотина использовалась для похоронной повозки. Это упущение продавца расценивалось как серьезное мошенничество. Даже в наше время в Якутии сложно найти водителя, который согласится перевозить автотранспортом археологические предметы, относящиеся к могилам. Сопровождающие лица, носильщики и копатели могилы - все должны были быть в четном количестве, как все, что касается мира мертвых. Семья усопшего доверяла им все, что должно быть погребено с ним. Кроме еды и того, что считалось необходимым усопшему для совершения дальней дороги, клали его рабочие инструменты: кузнецу - молоток и сверло, скорняку - инструменты для выделки шкуры, охотнику, забившему медведя, -

батыя, длинное холодное оружие. Все эти предметы воспринимались как неиспользуемые, чтобы показать достаток тех, кто остается.

Придя на место захоронения, следовало весь ритуал сделать как можно быстро. Однако, если хотели полностью соблюсти обряд, необходимо было поднять труп на ноги, поддерживая с обеих сторон, сделать так, чтобы он поприветствовал четыре основные направления (или только восток, если было сложно), приговаривая: «Прощайся со своими людьми, с теплым солнцем, с вселенной. Зачем тебе сердиться на нас? Твое земное предназначение выполнено». В дохристианский период мертвых не хоронили глубоко, чтобы земля не давила на тело. В христианскую эпоху эта практика изменилась, наоборот, рекомендовалось, чтобы могила была глубокой и достигала мерзлой почвы. Было необходимо, чтобы тело и одежда сохранялись как можно дольше: «Если плоть сгниет и одежда порвется, человек не будет чувствовать себя хорошо, когда ангел протрубит, чтобы он предстал перед другими людьми» (интерпретация воскрешения мертвых согласно алданским якутам). «Когда ангел протрубит в трубу, пролетая над землей, и когда придет большая вода и разрушит землю, тело мертвеца поднимется на поверхности, вот почему надо похоронить мертвых на глубине в три аршина (аршин, старинная русская мера длины, равная 2 метрам 20 см), чтобы тело не испортилось; ангел не любит то, что источает неприятный запах, и улетит; также опасно хоронить слишком глубоко, поскольку песня ангела не будет ему слышна».

Как только гроб спускают в могилу, каждый участник церемонии бросает горсть земли, затем лопатой зарывают могилу. Все, чем пользовались

при погребении (повозка/сани, на которой везли покойника, топор, которым прилаживали ящик или обтесывали доски, лопаты) считается «грязным» и поэтому оставляется около могилы. Якуты считали, что если использовать эти предметы в быту, они могут вызвать болезни или даже смерть. На дереве рядом с могилой подвешивали голову лошади с нижней челюстью и первым шейным позвонком. Вокруг могилы трижды совершали круг на лошади. Надмогильное строение захоронения теоретически должны были поставить на следующий год после смерти. Но если не сделали к концу трех лет, его уже вовсе не ставили, ибо «это уже большой грех».

Киибэс, возвращаясь после погребения, не должны оглядываться назад, чтобы за ними не погнался дух смерти. Они бросают на дорогу три свежесрезанные молодые березы, символизируя тем самым границу между живыми и мертвыми. Затем киибэс разводят огонь, в котором сжигают стружки гроба и кости забитого животного. Они трижды обходят огонь, обмахивая друг друга ветками белой ивы и испуская крики. Перед домом киибэс повторяют этот ритуал очищения и перешагивают через небольшой огонь, в котором горят нечистые предметы (стружки гроба, солома, на которой лежал труп). Наконец, при помощи лучинки, разожженной от обрушенного молнией дерева, окуривают жилище (собираение фрагментов дерева, разбитого ударом молнии, для дальнейшего использования при очищении жилища практикуется и сейчас). Затем приступают к погребальной трапезе (малаасын): едят мясо забитого животного с оладьями, пьют кумыс (перебродившее кобылье молоко). Ни в коем случае нельзя кормить огонь, чтобы не вызвать его раздражение.

В ночь после похорон, называемой «вечер ящика» (гроба), в дом покойного приходит шаман в полном костюме по случаю важного обряда, чтобы определить, прихватил ли тот с собой кут кого-нибудь из родственников. Если прихватил, шаман делает попытки, чтобы вернуть ее (кут). Он просит

Обрушившийся арангас, обнаруженный в ходе разведки саха-французской археологической экспедиции в 2006 году в Нюрбинском районе.

Arangas, burials collapsed to the ground, identified during the surveys conducted by MAFSO in 2006, in the Nyurba region.

родственников покойного найти и принести молодую березку с вилообразным разветвлением наверху. Шаман начинает вызывать кут умершего, и когда она приходит, он ее внедряет в себя. Посредством этой кут шаман может сказать, чью кут взял с собой умерший. Человек, чье имя называлось, брал березку за ответвление, тянул к себе, приговаривая: «Давай разойдемся подобно концам этого дерева, и пусть этот человек с бахромой (шаман) поможет в этом и отсоединит большой палец!».

Шаман отвечал от имени умершего: «С солнечной земли я улетаю, со страной Айыы расстаюсь,

от «среднего» мира отхожу и отправляюсь в страну смерти». Человек и шаман тянули каждый за разные концы разветвленного дерева, пока оно не ломалось пополам. Человек бросал свою часть в огонь, а шаман – на улицу. Затем шаман должен был внедрить кут в тело того, у которого ее похитили. Для этого он трижды обходил вокруг него, два раза проходил между его ногами, чтобы сделать символический круг защиты, который будет охранять его от новых посещений умершего и очистит его кут от «нечистоты» мертвого. В конце концов шаман отправлял кут покойника в страну мертвых.

I.6. Кыыс Унуога и “плохая” смерть

А.Гоголев, О.Гарифуллина, О.Мельничук, М.Жибер, Р.Бравина, Э.Крюбези

Как отмечено выше, погребальные обряды якутов имели много ролей, которые в основном связаны со страхом возвращения мертвых под видом юер, а также со всеобщим страхом перед абаасы, в первую очередь, теми, кто причиняет смерть и иногда живет в плоти человека. Наряду со страхом перед мертвыми существовала также боязнь могил, возможно, связанная с поверьем, что одна часть кут (буор-кут, душа-земля) остается там.

Превращались в юер те люди, которые умирали до предназначенного срока. Среди них особенно упоминаются незамужние девушки; однако, в целом, речь идет о молодых людях, а также о самоубийцах, совершивших тяжелейший проступок в виде безвременного ухода из жизни. Кроме того, к этой категории относили утопленников; людей, убитых злодеями (т. е. ушедших из жизни рано и потому подверженных юер), а также тех, кто был погребен без соблюдения церковных обрядов (начиная с середины XIX века). По мнению Троцанского (1902), сюда относятся и те, кто очень дорожил жизнью и не успел познать ее радости, люди не очень молодые, но полные сил и желания жить; слабоумные и уроды (считалось, что они рождаются от связи женщин с абаасы и после смерти превращаются в абаасы); колдуны; все люди с явными физическими недостатками, а также все шаманы, и, особенно, удаганки. Сверх того, якуты полагали, что среди шаманов женщины были сильнее мужчин, а молодые шаманы намного сильнее, чем шаманы постарше и женатые. Следовательно, наибольший страх после смерти вызывали удаганки – незамужние девушки, девственницы. Считалось,

что, не имея семьи, они полностью отдавали себя служению шаманизму. Поскольку при жизни они были сильными удаганками, то, став абаасы, они также будут сильны.

Якуты считают, что для того, чтобы защитить себя от возможных действий абаасы, семья при погребении связывает таким людям (потенциальным абаасы) руки и ноги, не кладет острые, режущие и колющие предметы в могилу, зашивает рукава одежды (чтобы сковать движения рук), кладет камни в могилу, а людей, покончивших жизнь самоубийством, хоронят на животе (эта практика все еще существует среди некоторой части населения Якутии). С другой стороны, хотя об этом и не написано, можно предположить, что большинство людей, умерших дурной смертью (в том числе и самоубийцы) погребены в земле, а не в арангасах.

Рассмотрим последовательно все элементы

Возраст, пол и захоронение: Среди исследованных нами 42 захоронений в Центральной Якутии и в Вилюйском районе только 4 принадлежат субъектам мужского пола от 6 до 20 лет (в Шаманском дереве 1 и 2, Харас и Елечей 2). Заметим, что если исследованные могилы выбраны случайно, то из общего количества умерших в ту пору, когда не было вакцинации, почти треть родившихся должна была относиться к этой возрастной группе. Ведь, так называемая архаичная смертность в эпоху до вакцинации в течение многих поколений составляла на 1000 родившихся: треть – дети до года, еще треть –

в возрасте от 1 года до 18/20 лет, оставшаяся третья часть - после 20 лет. Если человек достигал двадцатилетнего возраста, то он имел один шанс из двух дожить до 60 лет. В исследованных захоронениях XVIII века зарегистрирован один ребенок до года (не считая детей из захоронения Джарама), трое - от года до шести лет (Шаманское дерево 1, Киэн Эбэ 1, Ожулун 1) и пять - от шести до двадцати лет (Шаманское дерево 1, Шаманское дерево 2, Елечей 2, Харас, Кыыс Унуога). Все остальные захоронения относятся к субъектам старше этой возрастной группы. Согласно традиционным представлениям, социализация ребенка приходится к шести годам, что достаточно распространено для многих народов мира и связано с биологическим порогом появления самостоятельности. В возрастной группе от 6 до 18/20 лет мы обнаружили четырех субъек-

Погребение Кыыс Унуога при открытии.

Kys Ounouogha's grave at its opening.

тов, которые не состояли в браке, двух женатых мужчин (Шаманское дерево, Охтубут) и трех женщин в изолированных могилах. Данные позволяют заключить, что, в целом, эта возрастная категория не представляла опасности, якуты не испытывали страха по поводу их губительного воздействия на живых людей. Напротив, два субъекта из трех, которых мы обнаружили во время раскопок, были предметом большого опасения: речь идет о захоронении Кыыс Унуога, с одной стороны, и Елечей 2, с другой (вставка). Могила в местности Харас, к сожалению, плохо сохранилась, что не позволяет сделать какие-либо выводы. В захоронении Елечей кожаные ремни, предназначенные для переноса тела, были оставлены на нем, кроме того, пальцы субъекта были зашиты в рукава. Сложно определить его статус, однако отметим наличие мехового элемента, закрывающего промежность. Данный элемент обнаружен только в трех захоронениях: в Булгуннях 2 и в Бере на теле взрослой женщины. Согласно этнографическим данным, этот элемент, называемый олох (сидение), изготовлялся женщинами еще при жизни.

Глубокая яма. Напомним, что до христианизации мертвых не хоронили глубоко, поскольку считалось, что земля будет давить на тело. Однако эта глубина не является исключением: аналогичная глубина отмечена в захоронениях Кус Чарбыт, Ожулун 2, Бере, Елечей и Шаманское дерево.

Связывание тела веревками. Как передает устная традиция, тело доставляли к месту захоронения привязанным к саням, следовательно, наличие веревок в могиле не вызывает удивления. Однако было исключительным наличие веревок у ног субъекта в христианском захоронении. Нам встретилось только два таких случая в 110 раскопках: в Кыыс Унуога и Елечей 2. Кроме того, в Вилуе был обнаружен мужчина (Булгуннях 1) с муфтой, который был связан оригинальным образом штанами, надетыми наизнанку.

Признаки “плохой” смерти

Девушка была связана двумя веревками достаточно традиционным образом: одна веревка для ног, вторая для тела. С самого начала было удивительно, что веревки резали уже в могиле. Было выдвинуто две гипотезы: с одной стороны, было важно, чтобы тело было связано до переноса в могилу, где тяжесть земли «приходила на смену»; с другой стороны, без всякого сомнения, в устной традиции, относящейся к различным авторам, уточняется, что

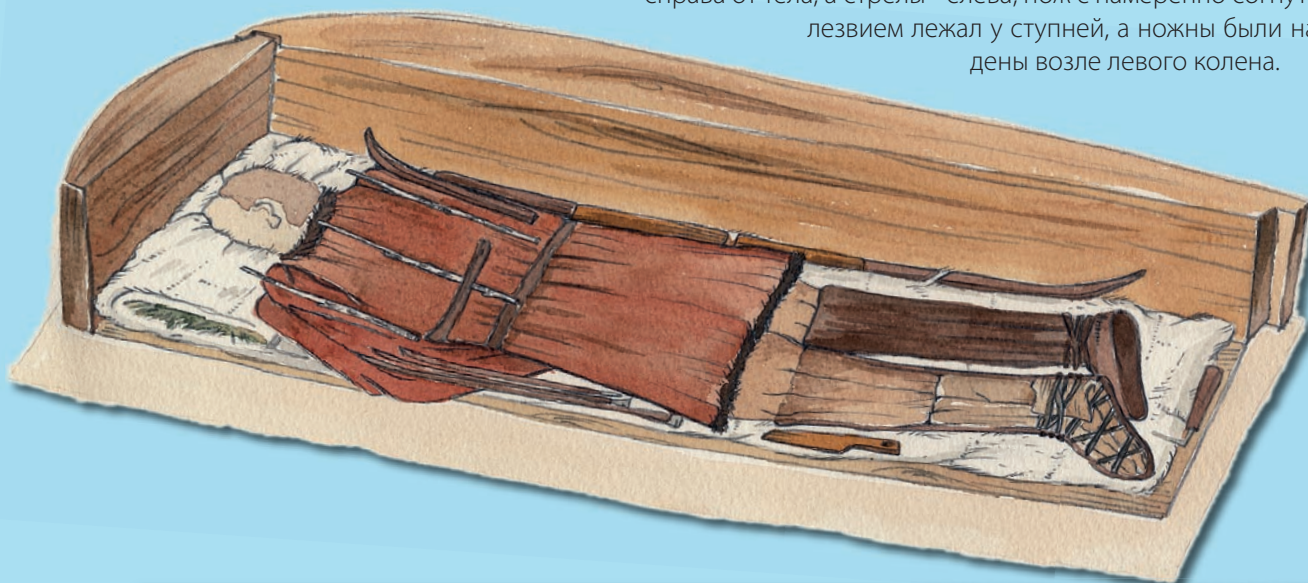
Другой случай “плохой” смерти : Буогарыма 1

Э.Жирков, П.Жерар, В.Попов

В Таттинском улусе, в местности Буогарыма в гробу был обнаружен покойник, лежащий на животе. В этом улусе так хоронят до сих пор самоубийц или людей, умерших неестественной смертью. Гроб, короб с цельнокорпусной провалившейся крышкой, был обнаружен на глубине один метр от поверхности земли, что для захоронений того периода необычно глубоко. Короб состоит из четырех толстых досок (дно, крышка и поперечные стенки) и из половинок ствола дерева в качестве продольных стен, соединенных между собой системой треугольных пазов. Он имеет два метра в длину, восемьдесят сантиметров в ширину и около шестидесяти сантиметров в высоту. Гроб покрыт шестью поперечными полосами бересты в два слоя. Первичная аутопсия этого плохо сохранившегося трупа, у которого была содрана кожа в области шеи, что могло быть следом от петли, выявила отсутствие повреждения от удара, целостность шейных позвонков (иногда при повешении они бывают разорваны) и основной части подъязычной кости, а также ее двух, связанных между собой рожков (иногда они бывают разорваны во время strangulation).

Помимо необычного положения тела на животе с согнутыми верхними конечностями, с кистями в области локтевой кости и выпрямленными нижними конечностями, примечательно то, что на трупе нет савана, он одет скорее в «рабочую одежду» или одежду для охоты, а не в праздничную. На нем нет шапки, он одет в кожаное пальто с подкладом из заячьего меха, которое по длине чуть короче, чем обычное пальто, что наверняка было удобно для носки. На ногах имеется обувь, похожая на меховые высокие сапоги, в которой передвигаются по холодной и сырой земле, и которые очень сложно было бы натянуть на труп. На ступнях кээнчэ, что-то вроде носков или мягких туфель без задников из соболя, мехом внутрь. Они обернуты в кожу и соединены веревками с верхом сапог из лосиной кожи, обработанной так, чтобы не проникала вода. Сапоги (их называют курума) доходят до середины бедер, переходят далее в ноговицы, прикрепленные к нагатику бронзовой застежкой. Они весьма необычны, внешняя часть сделана из кожи без меха, а внутренняя часть подбита мехом неизвестного животного.

На теле имелся фрагмент оборванного кожаного ремешка (может быть, веревка повесившегося). Лук был специально сломан на три части и положен с несущим его ремнем справа от тела, а стрелы - слева; нож с намеренно согнутым лезвием лежал у ступней, а ножны были найдены возле левого колена.

Буогарыма 1, реконструкция погребения с позой «ничком». Такое необычное трупоположение было предназначено для умерших «плохой смертью», самоубийц или же умерших неестественной смертью. Данный вид трупоположения еще встречается в Якутии. (рисунок К. Оштрассер - Петти).

Reconstruction of the Bouogaryma 1 grave: the individual was placed on his front, in a position usually reserved for cases of 'foul death', suicide or death by unnatural causes, a practice still used today in central Yakutia. (Watercolour Ch. Hochstrasser-Petit).

Этот человек так же, как и девушка из Кыйс Уну-ога, наверняка внушал страх тем, кто хоронил его! Похоже, что они даже боялись прикасаться к покойнику, потому что он был похоронен в одежде, в которой, по-видимому, был в момент смерти. На него не надели саван, а его оружие, положенное в гроб, не только было приведено в негодность, чтобы он не смог им воспользоваться, но также максимально удалено от него (нож в ногах) или положено неправильно, лук правша берет обычно левой рукой, а стрелы правой.

Прежде чем закрыть короб, внутрь была положена ветка березы, порезанная на три равные части, и на берестяном покрывале короба имелось два стремени и железное кольцо (может быть подпруга седла). Это захоронение располагалось напротив алааса, со стороны могил XVIII века, хотя захоронение относится, судя по всему, к концу XVII века. Сейчас невозможно достоверно установить причины самоубийства этого человека, но туберкулез бедра (коксит) наверняка серьезно ограничивал его в ежедневном быту и причинял ему немалые страдания.

Фотографии умершего из погребения Буогарыма 1, в правом верхнем углу нож с умышленно согнутым лезвием и чехол от ножа, внизу справа - тазобедренный сустав умершего с характерными признаками туберкулеза.

Photographs of the subject in Bouogaryma 1. Top right: the knife with its blade intentionally folded and its holster. Opposite: the subject's hip presents tuberculosis lesions.

одежда мертвых шьется слева направо без узелков на нитке, для того, чтобы кут не запутался в них. Факт использования веревок с узелками противоречил бы этим рекомендациям.

Зашитые пальцы. Длинные рукава одежды были зашиты так, чтобы заблокировать пальцы рук, которые были прихвачены нитками и затянуты. На нитках не было узелков, в соответствии с поверьями, чтобы кут не запутался в них. Тот факт, что пальцы были зашиты в рукава рубашки, безусловно, имеет особый смысл. Единственно В.Л. Серошевский (1896) упоминал о «странных пальцах» кузнецов, которые могли участвовать в убранстве костюмов шамана, ибо «они из одного гнезда» (якутская половица, приводится по В.Л. Серошевскому).

Мы обнаружили такую практику лишь в трех случаях из 44: мужчина - в Булгунняхтах 1, женщина - в Булгунняхтах 2 и молодой человек моложе 20 лет - в Елечей 2. Иногда руки спрятаны в муфту, например, у мужчины в Охтубут 2. В вилюйских захоронениях XVIII века у троих субъектов из шести пальцы зашиты в рукава, либо скрыты под муфтой. Такие случаи мы интерпретировали как относящиеся к семейной линии шаманов.

Саван из джутовой ткани. По всей Якутии было обнаружено только три савана для лица из джутовой ткани: в Кыыс Унуога, Орджогон 1 (руки субъекта были в муфте) и в Ат Дабаан, в могиле молодого мужчины, который имел все признаки «дурной смерти».

Наличие натазника, украшенного бисером. Данный вопрос будет рассмотрен в главе об одежде. Натазник был частью свадебного приданого невесты. В ходе раскопок мы обнаружили натазники на многих женщинах из местной знати.

Наличие пояса невесты. Это - исключительная вещь, поскольку ранее в Якутии был только один подобный случай.

Скудное количество вещей вызывает сомнения, возможно, это характерный признак для захоронения незамужних девушек. Хотя женское захоронение начала XVIII века (Бойола 2) содержит только роскошный натазник и больше никаких предметов.

Сравнения с ранними раскопками. Три случая из восьми захоронений, в которых были найдены связанные веревкой субъекты, упоминаются в исследованиях этнографов Р. Бравиной и В. Попова (они изучили более 200 захоронений, раскопки которых проводились в Якутии в период с 1895 по 2005 годы). Исходя из исторических и этнографических данных, это захоронение соответствовало захоронению шамана. Застегнутые наглухо пуговицы, зашитые в рукава рубашки пальцы, чтобы мертвый стал неспособным ни на что, - такая практика крайне редко наблюдается в археологических исследованиях. Лишь однажды И.В. Колодезникову удалось обнаружить в 1965 году в Таттинском районе захоронение мужчины, одежда и саван которого были зашиты. По мнению И.В. Колодезникова, могила принадлежала человеку, представляющему опасность для общества - шаману.

Плохая смерть. Чья?

Девушка, погребенная в Кыыс Унуога, безусловно, принадлежала к знати, которая появилась в начале XVIII века в небольшом районе Чурапча в Центральной Якутии. Ее одежда, сшитая по степной моде, так называемый пояс невесты изготовлен искусными якутскими мастерами, производящими такие предметы для представителей местной знати. Она попадала под критерии тех, кто рисковал превратиться в юер и мучить людей: девушка, целомудренная, незамужняя, поскольку на ней был

Орджогон 2, Нюрбинский район. Саван из джутовой ткани синего цвета.

Ordiogone 2, Nyurba region. Shroud made from blue jute.

пояс невесты. Конец ее жизни, вероятно, был мучительным из-за тяжелой продолжительной болезни. До сегодняшнего дня в Якутии нет ни одного человека, в погребении которого предпринято столько мер предосторожности. Ее пальцы были зашиты в рукава рубашки, о месторасположении ее могилы знали и чтители ее более двух веков спустя.

Совершенно естественно встает вопрос, не рассматривали ли ее больше, чем преждевременно умершую девушку?. Могла ли она быть шаманкой (удаганкой), которую молодость и целомудренность, признанные при ее жизни, о чем говорит ее пояс, сделали необычайно сильной и опасной, и поэтому необходимо было предпринять столько мер предосторожности?

Этот вопрос порождает другой: что мы знаем о захоронениях шаманов? На самом деле, мы знаем очень мало, поскольку, как и большинство людей в XVIII веке, шаманов в основном хоронили в воздушных гробах, называемых арангасами. Данные в литературе являются формальными: никаких отличий от могил других людей, если только не страх, который вызывала могила шамана, и то, что захоронения были не на возвышенных мысах, а в глубине леса или на буграх. В то же время это похоже на ситуацию с Кыйс Унуога, поскольку могила находится на бугре. Тем не менее, вопрос о том, рассматривалось ли в то время это место как бугор или выступ, затрагивает восприятие пространства теми, кто совершал это погребение. Удивительно то, что ни одного захоронения не было в этом месте ни до, ни после, и что память об этой могиле жила долго, а местонахождение вызывает страх и в наши дни.

Что касается аксессуаров шамана, как правило, бубен шамана клали на погребальное сооружение, рядом с ним подвешивали на дерево костюм или же его передавали преемнику.

Однако И.В.Константинов в 1971 году произвел раскопки двух захоронений в Чурапчинском районе, которые он рассматривал как захоронения шаманов, хотя это были не арангасы. В Ожулунском уезде он обнаружил могилу XVIII века с богатым убранством. Конструкция этой могилы не сохранилась, но там, как и в Кыйс Унуога, была установлена береза со срезанными корнями в середине могильной ямы, у изголовья - свернутый костюм шамана, каркас бубна (крестовидная часть) вместе с колотушкой, в сумке - листовой

табак, завернутый в бересту. С другой стороны, в литературе упоминается рассказ местных людей о захоронении одной могущественной женщины-шаманки, удаганки, которая была захоронена без особенных предметов, за исключением берестяной коробки, прошитой наглухо, внутри которой была кукла в виде женской фигурки, сделанной из кусочков меха и бычьего пузыря. Глаза и рот этой куклы обозначены стеклянными бусинками, платье украшено железной подвеской, внутренний край разрезан таким образом, чтобы получилась бахрома. Очевидно, речь шла об образе кут удаганки. Коробка из бересты, содержащая эту фигурку, по мнению автора, обозначает туктуйэ (як.).

По этнографическим данным туктуйэ - это коробки, в которых якуты запирали дух людей, умерших неестественным образом, то есть, «нехорошей» смертью, поскольку они опасались возвращения злых духов или юер. В такой коробке также хранили дух шаманов, умерших после ритуала камлания; мы позже нашли одну такую коробку в местности, называемой «Шаманское дерево 1». Таким образом, оказалось, что некоторые шаманы, и, тем более, шаманки также могли быть погребены. Археологи обнаружили еще одно захоронение умершего «нехорошей» смертью, интерпретируемое как захоронение шамана.

Что касается топонима «Кыйс Унуога», ректор Якутского госуниверситета А.Н.Алексеев получил письмо от сына известного археолога, который в юности жил на Вилюе. Вот отрывок из этого письма: «Во время второй мировой войны мы жили у большого озера Алыингда на границе Вилуйского и

Ноги мужчины из захоронения Булгуннах 1 (Сунтарский улус) были связаны вывернутыми штанами

The subject in the Boulgouniakh 1 grave (Suntar region) was impeded by a pair of trousers worn in reverse over the legs.

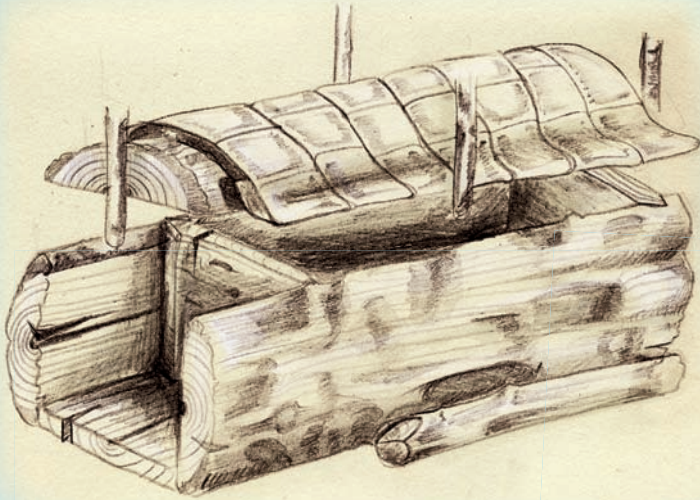
Елечей 2

К.Пети, Н.Сенегас, А.Абрамов

В могиле Елечей 2 в Мегино-Кангаласском улусе похоронена девочка в возрасте от 7 до 9 лет, умершая внезапно, как на это указывает толстая жировая ткань на уровне подбородка, встречающаяся у неистощенных людей. Погребения детей и подростков от 0 до 18 лет не являются типичными для этого периода. Также абсолютно необычным для могилы этого периода является место ее расположения - на боковой стороне террасы четвертичного периода, омываемой и изрезанной рекой. Девочка похоронена в гробу из половинок стволов, которым не придали четырехугольную форму, за исключением поперечных перегородок из толстых досок. Поверх короба имелись берестяное покрытие и остатки березы, вертикально поставленной на короб с легким смещением центра на восток.

Продольные перегородки короба оставляют свободное пространство со стороны ног погребенной, куда было положено несколько предметов: кытыйа, два сосуда (из дерева и бересты) с содержимым, ложка и нож. Под предметами находилось пищевое приношение, состоящее из мяса, половинок позвонков и ребер лошади. С внешней стороны короба вдоль южной перегородки, в ногах ребенка найдены остатки ножен или махалки от комаров, украшенной голубым, белым и черным бисером.

Ребенок покоится на покрывале из меха соболя, свернутого под головой в виде подушки. На поперечной перегородке короба была сделана выемка для того, чтобы удерживать прямо голову. Лицо покрыто шапкой с подкладкой из заячьего меха. Шапка в виде головного убора хапар (як.) из меха соболя с хлопчатобумажной подкладкой на затылке повязана под подбородком. На девочку надет шарф из беличьих хвостов, а также шуба из меха соболя, с подкладкой из меха зайца-беляка, с воротником, вывернутым во внешнюю сторону. Шуба запахивается слева направо и завязывается кожаными шнурками, на правой стороне имеется круглый узор из голубого, белого и черного бисера. Промежуточный декор представлен б

подвесками из бусин. Шуба доходит до колен, по нижней кромке идет соболиный мех, рукава шубы расшиты по краям бисером и оловянными подвесками и оторочены мехом соболя. Рукава зашиты несколькими стежками (3 или 4) на уровне кистей. Под шубой на ней надето пальто из кожи, обработанной, как замша, украшенное мехом соболя по средней кромке и с подкладкой из заячьего меха. Пальто запахивается слева направо и доходит до середины бедер. Воротник зашит и загнут. Поверх пальто имеется расшитый бисером пояс с двумя большими кольцами из медного сплава. Под пальто надета рубашка из очень тонкой кожи с рукавами в три четверти, завязывающаяся кожаными тесемками, с подкладкой из меха соболя. На девочке имеется натазник с двумя кольцами на верхней кромке, украшенный двумя подвесками из бусин и металлических пластин по бокам, а также с кольцами на нижней кромке для прикрепления ноговиц. Под натазником на гениталиях обнаружен тампон из меха. Ноговицы из меха жеребенка расшиты полосками бисера по бокам и на щиколотках. На ступни надеты кэнчэ из заячьего меха. На ногах торбаза из кожи, обработанной как замша, доходящие до верхней части коленей. Они завязываются тесемками на щиколотках и под коленями.

Тело обвязано кожаными ремнями. На девочке имеются серьги, состоящие из трех белых и двух металлических бусин из медного сплава на левом ухе, и из трех белых бусин, одной металлической и одной черной бусины на правом ухе; кольцо на первой фаланге среднего пальца правой руки, и проволоочное кольцо из медного сплава с противовесом, состоящим из четырех подвесок из металлических голубых, черных и трубчатых бусин (из медного сплава), оканчивающихся узорчатой пластинкой также из медного сплава. Противовес, обычно располагавшийся на спине, находится сбоку. Можно предположить, что кольцо было надето через боковую часть шеи (обычный способ) и не было повернуто на 90°, как обычно делалось для правильного положения кольца.

В захоронении этого ребенка нам встретилось несколько особенностей: богатство одежды и украшений, рукава шубы, зашитые несколькими стежками на уровне кистей, и присутствие кожаных ремешков вокруг тела. Наблюдения, сделанные во время аутопсии, позволяют предположить быструю, возможно необычную смерть, что объясняет страх хоронивших и все предосторожности, принятые во время захоронения этой девочки из элиты.

Жиганского районов. Недалеко от озера было три арангаса. Нам, детям, запрещали туда ходить. Говорили, что в арангасах на высоте двух-трех метров лежали три удаганки. Таким образом, эти арангасы назывались «Кыыс Унуохтара», то есть «гробницы девушек». Фактически уже в этом была двусмысленность: страх могла вызывать только гробница удаганки, поскольку наиболее сильными шаманами были девушки.

Девушка из погребения Кыыс Унуога была молодой. Современники боялись, что она вернется мучить их, и поэтому предприняли все меры предосторожности, чтобы избежать такой участи. Невозможно дать ответ на вопрос о том, кем была она. Между тем, название захоронения, повтор жестов предотвращения, то, что молодые девственницы были наиболее могущественными служителями культа, пояс невесты, напоминающий о ее невинности, все эти элементы свидетельствуют о захоронении удаганки, молодой, могущественной, принадлежащей к богатому сословию, к знати, и которая наводила ужас на своих современников.

Сверху - Центральная Якутия, лето 2002 г. Команда первой франко-якутской археологической экспедиции.
Справа - лето 2009 г. Последние раскопки в этом районе Якутии.

Above, Summer 2002, Central Yakutia, the team of the first yakut and french archaeological expedition in Central Yakutia.
Right: summer 2009, the last field mission for this region of Yakutia.

2.1. Якутия, археология и биология

Э. Крюбези, Б. Люд, Д. Руже, Ж. Ларуй, Н. Кирьянов

Прогресс технологий в области биологии в конце XX - начале XXI века произошел так стремительно, как еще не бывало в истории человечества. Отныне биологические технологии проникают в нашу повседневную жизнь, порой без ведома нашего сознания. Эти технологии позволяют обследовать не только живых людей, но и мертвых, при условии, что их останки более или менее сохранились. Прекрасный пример этому – судебная медицина в танатологическом аспекте. В начале XX века исследование трупа стало биологической дисциплиной, и сразу же появилось цифровое изображение, благодаря виртуальному препарированию.

Параллельно с этим прогрессом в обществе археология и изучение прошлого значительно продвинулись вперед. Они, в свою очередь, также стали использовать результаты революции в области информатики, обработки изображений и биологии. Но когда труп сильно разрушен,

требуется ждать какое-то время, чтобы начать использовать новые технологии в изучении останков в виде костей или органических отложений в почве. Ведь существует множество сенсационных исследований, которые предвосхищают археологию будущего, но чаще речь идет об отдельном факте, а не серии фактов, которые дают ответ на конкретный вопрос.

Подобная эволюция характерна и для археологии, изучающей историю смерти и мертвых (Crubézy, 2007), но то, что находят археологи и антропологи, часто представляет трудность для интерпретации. Например, с 1970 годов не утихает спор между теми, кто рассматривает погребальный комплекс как отражение общества, и теми, кто считает, что захоронения дают нам знания об истории смерти, но связывать их с обществом – немислимая затея. Кроме того, всегда встает вопрос - какова история смерти? Последние исследования (Crubézy и др.,

Погребение Охтубут 3 (Чурапчинский улус), раскопанное в июле, было еще заморожено: тонкий слой льда покрывает днище гроба. Погребение датировано 1805 г. по дендрохронологии.

The grave of Okhtoubout 3 (Churapchinsky ulus) was excavated in the July and remained frozen: a thin layer of ice covered the bottom of the coffin. The grave is dated by dendrochronology to 1805.

2006), проведенные на современных кладбищах, показывают существенную разницу между тем, что чувствуют археологи и тем, что чувствуют те, кто пришел хоронить своего близкого человека, знакомого, или просто случайно зашел на кладбище.

Археологические исследования в Якутии, расположенной в Восточной Сибири в двух тысячах километрах к северу от Монголии, в тысяче километров от Северного Ледовитого океана, позволяют рассматривать вышеупомянутые вопросы в глобальном контексте, особенно те, которые относятся к средневековому и современному периоду, т.е. последних пяти веков. Холодный континентальный климат, вечная мерзлота в зависимости от местонахождения представляют идеальную среду для сохранения органической материи, а именно,

ДНК и генетического кода. В этом регионе можно применить технологии, которые в регионах с умеренным климатом не имеют такой эффективности. Кроме того, коренные народы Якутии смогли сохранить значительную часть своих традиций, особенно устное народное творчество: мифы, легенды, сказания. В течение XIX и начала XX веков в Якутии побывало много этнологов, которые составили описания и синтез культурных аспектов, особенно тех, что касаются восприятия смерти. В Якутии имеется экспериментальная площадка, позволяющая использовать высокоточную технику в области биологии и сравнить результаты, полученные биологами и археологами, в контексте постоянного взаимодействия биологии и культуры.

2.2. Якутская проблематика

Э.Крюбизи, А.Алексеев, М.Жибер, К.Кейзер, Б.Люд.

Население Сибири представляет собой один из наиболее интересных вопросов в мировой науке, поскольку, с одной стороны, этот регион расположен на пересечении европейского, азиатского и американского миров, с другой стороны, здесь живут многочисленные коренные народы, говорящие на языках, порой относящихся к разным языковым семьям. Эти народы ведут привычный им образ жизни: земледельцев или кочевников-скотоводов (оленоводов), или полукочевников и даже охотников и собирателей (народности Севера). Эти народности эволюционировали в особом экологическом контексте, соединяя степи юга и Байкальского региона с тайгой на севере, где температура зимой очень низкая. Последний фактор лежит в основе сохранения органической материи и ДНК, носителя генетического кода. Это позволяет использовать систему маркеров ДНК применительно к древним останкам. Таким образом, можно проводить сравнение народов в диахроническом плане, используя одни и те же маркеры ДНК, при этом данная зона может служить международной площадкой для исследования эволюции человека.

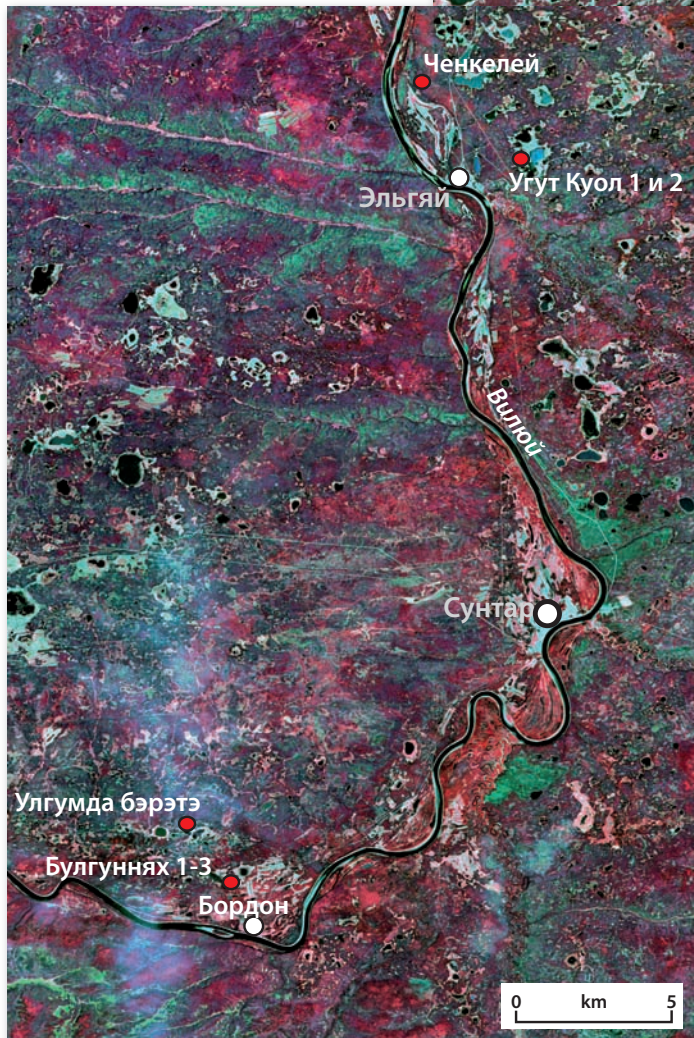
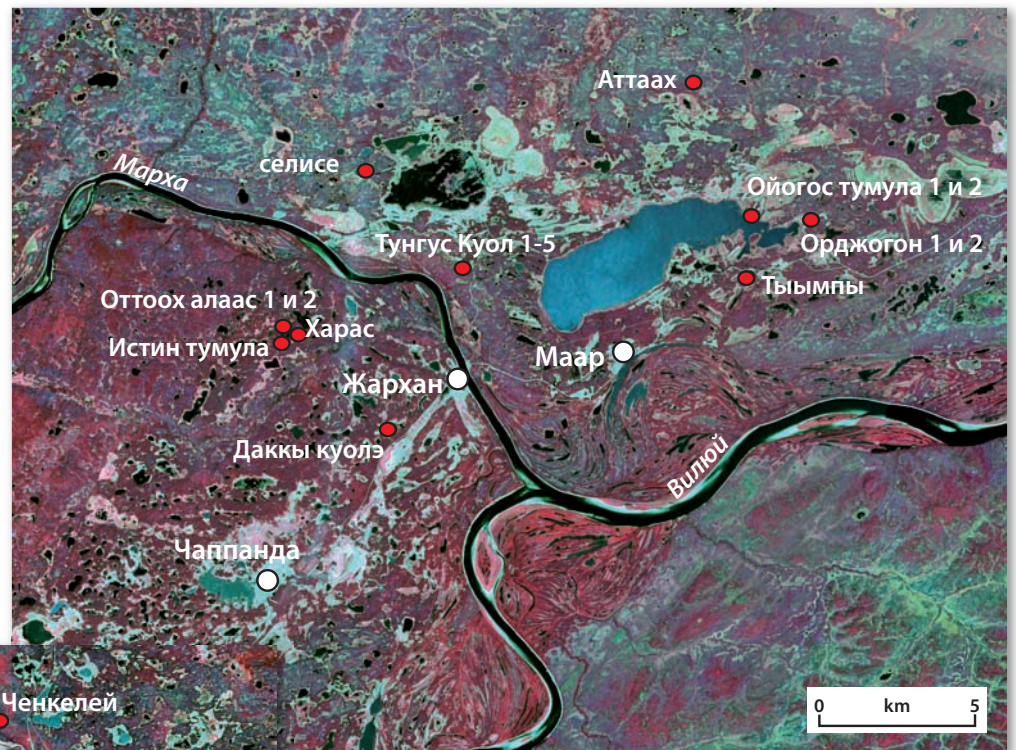
Мы начали программу исследования этого региона после реализации с 1982 года проектов в Монголии, затем в Казахстане, в рамках которых изучались народы прошлого и современности. Учитывая географию Сибири, мы решили для начала ограничиться ее восточной частью, а именно, Якутией. Республика Саха (Якутия) является субъектом Российской Федерации общей площадью более трех миллионов квадратных километров. Выбор

территории исследований продиктован особенностью якутского народа по сравнению с ближайшими соседями. Якуты, самоназвание “саха”, вели в древности полукочевой образ жизни, имели разное летнее и зимнее жилище. Их хозяйственная деятельность основывалась до недавнего прошлого на разведении крупного рогатого скота и лошадей. Такое ведение хозяйства характерно для пастушеских кочевников Центральной Азии и Монголии, но при этом в Якутии она требует особой адаптации, так как скотоводам приходится вести хозяйство в условиях чрезвычайно сурового климата. Достижения якутов в северном скотоводстве тем более удивительны, что якуты соседствуют только с охотниками-собирателями и оленеводами (юкагирами, эвенками, эвенами, чукчами) (Forsyth, 1992) и им не у кого учиться перенимать опыт скотоводства на севере. Еще более поражает то, что язык якутов принадлежит к тюркской группе языков (как у народов Алтая, казахов, киргизов, тувинцев, уйгуров) (Balzer, 1994). Примерно 65-67% слов якутского языка - тюркского происхождения (отмечается особое сходство с тувинским языком), 20% слов - бурято-монгольского происхождения (монгольский язык) (Schönig, 1990), в то время как соседи якутов говорят на палеоазиатском, уральском или тунгусо-маньчжурских языках. С давних пор существует гипотеза, живущая в мифологии эвенов, эвенков и юкагиров, о приходе с юга чужих людей, кочевников-скотоводов, которые впоследствии адаптировались к резко континентальному холодному климату.

При реализации проекта мы произвели раскопки в Якутии, которые представлены в данном исследовании, и сравнили генетические и культурологические данные с данными соседствующими

народов. В плане генетики это заключалось в сравнении народов Сибири и Центральной Азии, в плане археологии – в проведении раскопок погребальных комплексов.

Сверху - расположение мест раскопок саха-французской экспедиции в 2007 и 2008 годах в Нюрбинском районе, слева - в Сунтарском районе.

Above: location of sites excavated in the Nyurba region by MAFSO in 2007 and 2008; Left: in the Suntar region.

2.3. Где находятся умершие и кто они были?

В. Попов, С. Колодезников, А. Алексеев, Э. Крюбези

Археологические открытия часто происходят двумя путями: либо случайно при проведении крупных градостроительных и дорожных работ, либо в результате системных археологических разведок на местности в виде шурфов или зондирования щупом перспективных участков. Несколько захоронений эпохи неолита и железного века были обнаружены случайно при проведении строительно-хозяйственных работ.

Наши исследования были направлены на изучение погребений, которые относятся к средневековой - историческому периоду с XIV до XIX века нашей эры. Они располагаются либо на окраине алааса, либо на холмах. На алаасах бывают малозаметные выступы, часто имеющие местные названия, где иногда обнаруживают захоронения. Исследованные нами якутские погребальные комплексы представлены двумя видами: с более или менее сохранившейся деревянной надмогильной конструкцией, которые можно легко обнаружить, или в виде небольшого углубления, провала на месте древнего погребения. Деревянная конструкция либо изначально отсутствовала, что более вероятно, либо была разрушена огнем во время лесных пожаров, которые периодически опустошали земли.

Древние грунтовые захоронения в Якутии встречаются не часто. Дело в том, что до христианизации якутов, которая происходила в основном в конце XVIII начале XIX века, обычно хоронили так называемым воздушным способом, когда гроб с телом подвешивали на деревья или ставили на специально сооруженный помост, так называемый арангас. При этом, согласно традиции, когда арангас под действием времени разваливался и тело падало на землю, после третьего такого падения производилось перезахоронение останков и часто в грунтовой могиле. Мы произвели раскопки двух таких вторичных захоронений, что встречается крайне

редко по сравнению с первичным захоронением. Также мы исследовали несколько костяков, упавших на землю с обветшавшего арангасного погребения. Редкость арангасов, лежащих на земле, дает основание полагать, что русские в XVIII веке запретили эту практику, опасаясь распространения эпидемии. Тем не менее в отдаленных районах, которые не были полностью христианизированы, эта практика еще продолжалась вплоть до начала XX века.

По поло-возрастному анализу все самые древние исследованные нами захоронения (XV-XVII вв.) являются мужскими (взрослых и детей). По способу захоронения и богатству сопроводительного инвентаря можно заключить, что погребенные чаще всего относятся к представителям местной знати. В захоронениях знати начала XVIII века мы обнаружили мужчин, женщин и даже детей. Увеличение количества женских захоронений с середины XVIII века ставит перед нами вопрос о социальной эволюции. В ранних могилах останки женщин весьма редки, а сопровождающий их инвентарь очень скуден. Детские захоронения конца XVIII века свидетельствуют о повсеместной христианизации населения Якутии, что уравнивает в правах на равноценное захоронение женщин и детей.

Возможно, практика грунтового погребения с самого начала была предназначена только для мужчин и детей мужского пола из местной знати. Затем, в связи с приходом православной религии, эта практика все больше стала распространяться и

Местность Тымпы (Нюрбинский улус), погребение расположено на правой возвышенности алааса.

Timpy site (Nyurbinsky ulus). The grave is situated to the right, overlooking the alaas.

Понятие мерзлой могилы и тафономия

Э.Крюбеси

Понятие захоронения на вечной мерзлоте (мерзлой могилы) относится к нескольким возможным вариантам: от обледенелых трупов до хорошо сохранившихся скелетов, с элементами более или менее цельной органической материи. Все зависит от количества недель в году, в течение которых могила размораживается, в связи с чем продолжается разложение, т.е. все зависит от того, находится ли покойник в слоях вечной мерзлоты или в деятельном слое, где происходит сезонная оттайка. Отметим, что если могила размораживается в сухой среде, например, в песчаных почвах, из-за того, что в них температура никогда сильно не повышается, разложение происходит медленно. И наоборот, если могила размораживается и внутри удерживается влага, то начинается интенсивное разложение, пока вновь не наступит зима.

Вечная мерзлота и земляные работы

Континентальный климат Якутии - холодный зимой и жаркий летом. Зимой температура часто опускается ниже -50°C , снег может выпасть в мае или в июне, холода возобновляются в сентябре, который является самым теплым месяцем в году по температуре почвы, когда земля оттаяла и пока еще не замерзла. Толщина снежного покрова зимой - небольшая, лошади могут добывать себе пищу под снегом. В таких условиях дерево прекрасно сохраняется даже на открытом воздухе. Так, однажды

нам попалась постройка из дерева, сооруженная в 1923 году, которая выглядела как строение двадцатилетней давности.

Почва здесь остается мерзлой большую часть года, но при теплой погоде оттаивает до слоев вечной мерзлоты, зоны, которая никогда не тает. В местах, где мы ведем раскопки, вечная мерзлота появляется на уровне 30 -180 см от дневной поверхности, что говорит о том, что земля с июня по сентябрь оттаивает на эту глубину (деятельный слой). Глубина оттаивания зависит от многих условий. Наряду с этим, как доказывают раскопки, существуют местные небольшие колебания; в местности Джарама 1 ступни субъекта и деревянная планка были зажаты в толстый слой льда толщиной в 3-4 см, который не мог расколоть ни один инструмент, в то время как вокруг черепа был тоненький слой льда, который растаял за несколько минут.

Вопреки существующему мнению, могилы выкапываются не в вечной мерзлоте, которая совершенно не поддается даже стальной лопате, их копают в зоне, которая замерзает зимой, но оттаивает летом. Так, существует три возможных способа раскопок: (i) когда вечная мерзлота почти поверхностна (примерно на уровне 40 см) и тела и/или гробы располагаются почти у поверхности, поэтому их быстро опутывают корни деревьев; (ii) когда мерзлота находится очень глубоко (на глубине более одного метра) и могилы не имеют прямого контакта с мерзлотой, в таких случаях дерево сохраняется прекрасно, а состояние трупа может быть разным; (iii) или, когда мерзлота расположена на глубине от 40 до 100 см, случается, что тела и/или гробы расположены прямо на мерзлоте, факт, обеспечивающий хорошую сохранность.

Фотография могилы Джарама 1 (Чурапчинский улус) была сделана в июле, через минуту после ее вскрытия. Нижняя часть находится в мерзлом состоянии, а верхняя часть продолжает разлагаться.

The grave of Jarama 1 (Churapchinsky ulus) was photographed in July, one minute after it was opened. The lower part of the grave remained frozen, unlike the upper part, where decomposition had restarted.

Изучение почвы и влага

Могила находится в толще осадка, который быстро оттаивает и становится влажным, как и все содержащиеся в нем элементы, тем более, что летом часто бывают ливни. Поэтому, если вечная мерзлота находится на глубине, а осадок состоит из песка, то влага быстро уходит. И так как температура под землей поднимается всего лишь на несколько градусов, сухое холодное окружение влечет за собой явление мумификации. И наоборот, если осадок глинистый и влага контактирует с могилой, разложение будет продолжаться.

Чаще всего встречается мерзлый песчаный осадок, известный под названием лёсс; и наши личные наблюдения (мнения не специалистов) доказывают, что он также бывает более или менее глинистым.

Замерзшие тела, разлагающиеся трупы и скелет

Поскольку могилы располагаются не в толще вечной мерзлоты, а в деятельном слое, который оттаивает и увлажняется, то в процессе сохранения главную роль играют локальные микроусловия, которые могут замедлить как оттаивание, так и увлажнение. По нашим наблюдениям, необходимо три элемента: (i) большие размеры могилы – чем она больше, тем лучше она сохраняется; (ii) количество слоев бересты, покрывающих ее; (iii) степень изоляции деятельного слоя от могилы. Эти три элемента присутствуют в захоронениях Мунур Урях (могилы с обледенелым трупом и утварью) и Шаманское дерево 1 (групповое захоронение с высохшими мумиями).

Чем больше размеры могилы, тем дольше за счет большей площади длются процессы промерзания и оттаивания. При этом защитой от влаги является береста. Якуты в древности строили летние жилища, крытые берестой. Это были конические строения, очень похожие на тунгусские чумы или индейские вигвамы. Когда погибал кто-либо из уважаемых людей рода, для обкладки гроба использовали бересту обшивки урасы. Чаще всего для захоронений бересту брали с западной стороны жилища. Чем лучше могила защищена от контакта с осадком и чем лучше законопачены щели, тем больше разложение происходит через формирование трупного жира, который ведет к процессу превращения тканей в жир, в результате чего сохраняется внешняя целостность тела. Различные элементы могилы связаны между собой, так, береста участвует в термической и гидрометрической изоляции могилы, а изоляция зависит от количества слоев бересты и от способа, которым они разложены (вдоль или поперек).

В случае с Мунур Уряхом, так же, как и с Шаманским деревом 1, именно многочисленные слои бересты были положены на могилу, не только на деревянное покрытие погребальной камеры, но также и внутри гроба на вещи и на тело. При этом некоторые из этих слоев были закреплены землей в Мунур Уряхе, а в Шаманском дереве 1 при помощи жердей, что способствовало превосходной изоляции внутренней части гробов.

Погребальная камера в Мунур Уряхе располагалась на вечной мерзлоте, где имелись многочисленные слои дерева и бересты. Тело за первые годы частично превратилось в трупный жир. Из-за конденсата и/или воды, которая все-таки просочилась (очень незначительно) или воды органического происхождения (в умеренном климате крупный труп теряет до 70 литров воды в течение первого года), могила, стоящая на вечной мерзлоте, обледенела. Объем гроба и его изоляция не дали летней температуре опуститься ниже 0°. После формирования льда его объем мог только расти, любое новое проникновение воды приводило к ее обледенению при контакте с обледеневшим гробом, температура которого должна была быть около -10°C (в ходе раскопок лед таял больше 24 часов). Перед нами был обледенелый труп, аутопсия которого выявила части трупного жира и другие целые части.

Погребальная камера Шаманского дерева 1 не располагалась на вечной мерзлоте, но имела большие размеры, была отлично изолирована и находилась в песчаной почве. Летняя температура поднималась здесь выше 0°, и, таким образом, летом могила оттаивала. Тела высыхали и превращались в мумии, однако, небольшое количество влаги, обнаруженное на дне могилы, способствовало продолжению разложения трупов, соприкасавшихся с влагой.

Наличие нескольких слоев бересты как на крышке гроба, так и внутри, является хорошей изоляцией могилы и защищает ее от влаги (Шаманское дерево 1, Охтубут, Чурапчинский улус).

Several layers of birch bark, covering and inside the coffin, formed a good isolation and protection from the humidity (Shamanic Tree 1, Okhtoubout, Churapchinsky ulus).

на женщин. С принятием христианства стали хоронить в земле, причем не только мужчин и женщин, а также детей обоего пола.

До XIX века практика грунтового погребения была исключительным явлением. По мнению не-

которых исследователей, предавали земле прежде всего тех, кого боялись, ибо тогда их «душа» должна была пересечь слой земли, в то время как на арангасе душа оставалась в непосредственном контакте с воздухом.

2.4. Датировка погребений

В.Мыглан, С.Дюшен, А.Севен, Э.Крюбези.

Исследованные нами захоронения датируются от XV до середины XIX века. Археологи считают, что этногенез якутов начинается к XV веку, времени, когда появляются элементы, которые можно отнести к данной культуре. Кажется маловероятным, что нам удалось обнаружить первое или первые якутские захоронения, в то время как генетичес-

кие данные (см. ниже) свидетельствуют о том, что вначале население было малочисленным. Скорее всего, начиная с XV века деятельность становится такой интенсивной, или погребальные практики становятся такими, что мы имеем возможность, благодаря систематической разведке, успешно находить редкие захоронения того времени.

Балыктах	Центральная Якутия	1420-1470
Джусулен	Центральная Якутия	1440-1660
Таралай	Центральная Якутия	1689
Ойогос Тумула	Вилуйская группа улусов	1510-1670
Тымпы	Вилуйская группа улусов	1640-1690
Суопай Осуорай	Центральная Якутия	1650-1680

древний

Сэргэлэх	Центральная Якутия	1700
Мунур Урах 1	Центральная Якутия	1727
Кыыс Унуога	Центральная Якутия	1728
Ожулун 2	Центральная Якутия	1741

начало и середина XVIII века

Ожулун 1	Центральная Якутия	1760
Охтубут 3	Центральная Якутия	1805-1811

середина и конец XVIII века

Киэн Эбэ 8	Центральная Якутия	1849
------------	--------------------	------

Кыыл Бастаах 1	Центральная Якутия	1849-1892
----------------	--------------------	-----------

недавний, христианский (XIX век)

Список датированных погребений: красным цветом обозначено датирование радиуглеродным методом; зеленым - дендрохронологическим..

List of dated tombs: in red by 14C datation and in green by dendrochronology.

После 1850 года христианство проникает в глубину, и отныне в своём подавляющем большинстве захоронения производятся вокруг редких церквей или продолжают комплекс более старых захоронений. На могилах иногда ставится огромный деревянный крест и/или стела из привозного песчаника с надписями и датировкой. У нас не было цели производить там раскопки. Все «наши христианские захоронения» датируются до 1850 года и связаны со случайными раскопками: мы полагали, что раскапываем старинные захоронения, но обнаруживали христианские могилы, расположенные в традиционных местах. Это, безусловно, лежит в основе фактора смешения отбора. Так, в нашей выборке количество останков людей европейской расы является до смешного незначительным. Оно не свидетельствует о том, что ни один европеец не приезжал, напротив, говорит о том, что они не были погребены в традиционно якутских местах захоронения.

Для определения датировки захоронений в нашем распоряжении имеется три способа: сравнительно-сопоставительный анализ надмогильных сооружений и сопроводительного инвентаря, абсолютные датировки при помощи радиоуглеродного анализа самых ранних захоронений (XIV и XV веков), где плохо сохранилось дерево, и дендрологические датировки сравнительно недавних захоронений (XVIII и XIX века), и, наконец, исторические данные. Некоторые из этих данных могут быть сопоставлены с сопроводительным инвентарем и генетическими данными. Так, мы показали (см. ниже), что время изготовления жетонов известно, а пакеты, в которых они хранились, были не тронутыми после того, как их обменяли, что свидетельствует о том, что они не использовались в течение десятков лет после их изготовления. То же самое и для генетических данных: если два человека являются близкими родственниками, то время их кончины различается только, максимум, несколькими десятками лет.

Восемьдесят шесть захоронений, по которым мы имеем совокупность археологических данных, распределяемых по двадцати семи пунктам, стали предметом факториального анализа и классификаций по иерархии для того, чтобы сгруппировать их по сходным чертам. Их можно распределить по пяти группам, совпадающим с периодами, установленными благодаря предыдущим раскопкам. Проекция на эти погребальные комплексы абсолютных датировок позволит локализовать их во времени и распределить по периодам; учет исторических

данных позволит включить их в контекст исторических событий и динамических процессов.

Эти пять групп распределяются следующим образом: 1 - ранний период, XV - конец XVII века; 2 - первая половина XVIII века; 3 - конец XVIII века; 4 - переходный период с началом христианизации, абсолютную датировку установить сложно; 5 - христианизация в XIX веке.

Древние захоронения и первые якуты

Первую группу составляют захоронения только лиц мужского пола, взрослых или детей, похороненных в просторных ящиках-гробах из плах или бревен, часто в ящик положены нож и охотничье снаряжение (лук, пальма и т.д.). Данные признаки позволяют отличить эту группу от других. Можно уточнить, что в этих захоронениях отсутствует голубой бисер, часто имеются седло и стремяна, положенные под голову костяка или на ящик-гроб, а также иногда чорон, деревянный сосуд для кумыса.

К этой группе можно отнести и захоронение Балыктах, стоящее особняком. Действительно, в нем имеется пальма (режуще-колющее оружие), положенное на ящик-гроб, и лук в могиле, но конструкция могилы отличается: это - узкая, трапцевидная могила, расширяющаяся на уровне головы. Она датирована при помощи радиоуглеродного метода с максимумом вероятностей 1420-1470 годами нашей эры (Beta Analytic 193453). Погребение ребенка, не вошедшее в число захоронений, подвергшихся факториальному анализу, также можно отнести к этой группе, поскольку ребенок покоится на боку, в той же позиции, что и субъект из Джусулена. Это погребение было обнаружено в средневековом жилище, раскопанном А.Гоголевым недалеко от Джарамы, оно датируется 1420-1470 годами (Beta Analytic 193452). Захоронение Джусулен (Чурапчинский район), в котором зарегистрировано положение костяка на боку, было датировано методом радиоуглеродного анализа с максимумом вероятностей 1440-1660 годами (Beta Analytic 198198). Два захоронения, Таралай в Центральной Якутии и Тымпы на Вилюе, входят в эту группу по способу своей конструкции и типу положения тела, а также в связи с отсутствием голубого бисера, правда, в них отсутствуют седло и лук. Первое захоронение датировано методом дендрохронологии 1689 годом, второе - методом углеродного анализа 1640-1690 годами. Другое

Методы абсолютной датировки : радиоуглеродный анализ и дендрохронология

В.Мыглан

Предпочтение отдавалось двум методам абсолютного датирования в зависимости от находок: радиоуглеродный анализ самых старых могил, где бревна из лиственницы плохо сохранились, и второй метод, называемый «дендрохронология», примененный для более поздних захоронений, где бревна были целы.

Датирование методом радиоуглеродного анализа основано на наличии радиоуглерода в любом организме, который впитал его при жизни одновременно с Углеродом 12 (C^{12}). Его измерение, содержащееся в образце органического материала, позволяет узнать, сколько времени прошло с момента смерти организма, т.к. C^{14} , будучи радиоактивным, со временем распадается и превращается в C^{12} . Таким образом, его количество и радиоактивность постепенно уменьшаются на половину через каждые 5568 лет (Либби, разработавший метод в 1950 г., использовал эту цифру условно). Тем не менее, природное соотношение могло меняться с течением времени, и потому были составлены диаграммы измерений. Так, датирование захоронения Джусулен с применением метода радиоуглеродного анализа показало, что смерть произошла 340 лет назад ± 60 . Это означает: $1950 - 340 = 1610$, с интервалом времени от 1550 до 1670 гг. н.э. Для сравнения, датирование при помощи диаграммы измерений дает интервал времени между 1440 и 1660 гг. н.э.

Дендрохронология – это метод датировки, основанный на подсчете и морфологическом анализе годовичных колец на срезе ствола дерева. Этот метод позволяет датировать куски дерева, уточнять год

и даже время года, когда оно было срублено или умерло само. Каждый год в зонах умеренного климата дерево образует одно годовичное кольцо или круг, которые формируются от начала весны до лета или осени. Остановка роста в зимнее время обозначается границей круга. Их количество указывает на продолжительность жизни дерева. Толщина и плотность колец меняются в разные годы в зависимости от многих факторов роста, среди которых главную роль играет погода. Благоприятная погода приводит к образованию широкого кольца, в плохих климатических условиях образуются тонкие кольца. Эти вариации могут быть сравнимы или даже идентичны для деревьев одной породы, произрастающих в одном регионе.

Измеряя и анализируя кольца на многих образцах дерева, можно воссоздать показатели роста для каждой породы деревьев и каждого региона и выстроить при этом последовательность ориентиров. Наличие живых, а значит, датированных деревьев, позволяет закрепить последовательность. И подбираясь все ближе и ближе, позволяет постепенно вернуться по временной оси в прошлое, устанавливая долгие, хорошо датированные последовательности, на которые можно опираться при анализе и датировке новых образцов дерева. Что касается Сибири, то здесь известны две диаграммы: одна - для севера, другая - для юга. Мы построили отдельную диаграмму для данного конкретного региона, изучая живые деревья и материал старых деревянных построек в разных местах Чурапчинского улуса (старые дома, церкви, леса, места археологических раскопок). Таким образом, нам удалось создать последовательность нескольких столетий и создать исходную хронологию, благодаря наличию деревьев, насчитывающих несколько сотен лет (найденных как в лесах, так и в захоронениях, в частности в Кыыл Бастаах 1 – образец, имеющий 298 лет). Сравнение профилей роста, полученных из образцов могилы Кыыс Унуога, позволило установить точную датировку могилы с точностью до года – 1728 год.

Взятие образца деревянной конструкции из погребения Бере (Мегино-Кангаласский улус). Дендрохронологический анализ позволит установить, когда дерево было срублено, при сравнении его с образцами деревьев этого района.

Sampling a section of the Bere grave structure (Megino-Khangalassky ulus). Compared with other wood samples from the same region, the dendrochronology study will determine when the tree was felled.

погребение, обнаруженное также А. Гоголевым в старинном якутском жилище поселения Уорай на реке Алдан, датируется 1650-1680 годами (Beta Analytic 193454). В мужском захоронении Ойюгос на Вилюе находится колода из выдолбленного ствола в погребальной камере, в колоде – кытыйа, а в погребальной камере – берестяной сосуд, содержащий позвонки и ребра жеребенка. Могила датирована радиоуглеродным методом 1510-1670 годами (Beta Analytic).

Данный период включает самые древние средневековые захоронения из когда-либо раскопанных в Якутии, наиболее ранние из них датируются XV веком. Этот период в основном охватывает весь XVI и XVII век. С точки зрения культуры он относительно однородный, даже если отмечаются некоторые различия среди самых древних захоронений. Самая поздняя могила из этой группы (Таралай) включается из-за способа конструкции, позиции тела, отсутствия голубого бисера (но также отсутствуют лук и седло), она датирована методом дендрохронологии 1689 годом. Возможно, что в этом случае наблюдается эволюция погребальных практик. Два человека похоронены в деревянной колоде из выдолбленных стволов в Атахе на Вилюе и в гробе-колоде в Урун Муране 1 в Центральной Якутии. Эти захоронения, напоминающие более поздний способ конструкции, включены в эту же переходную фазу. В захоронении Атах найдены наконечники стрел и детали ловушки, погребенный одет в ноговицы, украшенные голубым, белым и черным бисером; в захоронении Урун Муран 1 находятся охотничье снаряжение и нож на поясе, на пуговицах второго пальто имеется украшение из больших голубых бусин. Третье захоронение, Буогарыма 1, также относится к этой переходной фазе по отличающемуся способу конструкции, но в нем еще имеются лук и стремяна, и не обнаружено никакого привозного имущества. Поздняя фаза средневекового периода включает, как минимум, пятьдесят семь первых лет присутствия русских на территории Якутии.

Захоронения первой половины XVIII века

Группа состоит из двадцати одного захоронения мужчин, женщин, детей, а также одного группового захоронения из пяти человек. (Охтубут). Признаки, которые позволяют выделить эту группу из других – это наличие богатого сопровождающего инвентаря, голубого бисера и шелка, «символической

березы», установленной на крышку гроба. Гроб сделан из плах прямоугольной формы, в соединении углов был применен способ вставки торцевых стен в пазы боковых продольных стен. Кроме того, может быть представлено в изобилии привозное имущество (тысячи бусинок), иногда встречаются шелк и ткань типа даба.

Четыре комплекса датируются методом дендрохронологии: Сэргэлэх - 1700 годом, Мунур Урях – 1727, Кыыс Унуога – 1728 и Ожулун 2 - 1741 годом. Женщина из захоронения Булгуннях2 на Вилюе – близкая родственница девушки из Кыыс Унуога, жетоны на ее одежде датированы концом XVII века. Ее одежда похожа на одежду девушки из Кыыс Унуога, поэтому датировка ее захоронения первой половиной XVIII века кажется корректной. Мужчина из захоронения Селисе на Вилюе, хотя и похоронен в гробе, украшенном металлическими деталями, находится в погребальной камере с охотничьим снаряжением. Следует отметить значительное наличие шелка, саван, рубашку, шапку и рукавицы с подкладкой из шелка, а также футляр для ложки, расшитый шелковыми нитями. Еще две шелковые рубашки были обнаружены в Мунур Уряхе (1727) и в Булгунняхе 1 (первая половина XVIII века). В этом же захоронении была обнаружена металлическая миска, похожая на миски из некоторых острогов Южной Сибири конца XVII века. Поэтому датировка первой половиной XVIII века вполне вероятна.

Этот комплекс резко отличается от более ранних захоронений местом расположения могил, способом конструкции, трупоположением, разнообразием сопроводительного инвентаря. Комплекс не основывается только на наличии привозного имущества, поскольку среди этих захоронений шесть (Елечей 1, Мунур Урях 1 и Кус Чарбыт в Центральной Якутии; Булгуннях 2, Тунгус Кюель 4 и Орджогон 1 на Вилюе) содержат ящик-гроб или колоду с телом, сооруженные в погребальной камере больших размеров. Погребение Мунур Урях 1 похоже на Кус Чарбыт и находится в 150 километрах от него, но, если в Мунур Урях 1 находится замечательный сопроводительный инвентарь, то в Кус Чарбыт он представлен только двумя большими голубыми бусинами на подвеске к оружию. К тому же переходная фаза между этим комплексом и ранним периодом - небольшая. Захоронение Таралай 1689 года относится к группе раннего периода, а захоронение Сэргэлэх 1700 года входит в группу, о которой шла речь в этой части, поскольку включает все ее характерные признаки.

Погребения древнего периода (15-17-го в.в.). Имеются принадлежности всадника, голова погребенного покоится на седле, орудия охотника-воина: лук, колчан, стрелы с правой стороны от умершего, нож в ножнах на левом бедре. Представлена посуда: чорон с тремя ножками вдоль правой ноги, берестяной сосуд с содержимым вдоль левой ноги умершего. № 1 погребение Тиит Баппыт (Чурапчинский улус). Сопроводительный инвентарь в погребениях Нюрбинского района менее значителен, чем в погребениях Центральной Якутии, в погребении Ойогос Тумула (№ 2) обнаружен только один берестяной сосуд, положенный между колодой и гробницей, содержащий половинки грудных и поясничных позвонков и два ребра жеребенка, а также один берестяной сосуд положенный вне гроба из погребения Тымпы (Нюрбинский район, Вилуй) (№ 3).

Burials from the ancient period (15th-17th centuries). Equestrian objects are present, with the head of the deceased lying on a saddle. Hunter-warrior equipment are present: a bow, quiver, arrows to the right side of the deceased, and a knife in its sheath at the left hip. Crockery items are also present, including a three-legged tchoron along the right leg and a birch bark container at the left foot complete with contents, n°1, Tiit Bappyt (uluus of Tchouraptcha). There are fewer objects in the graves of the Nyurba region compared to those of central Yakutia: only one birch bark container placed between the hollow trunk and the coffin, containing half thoracic and lumbar vertebrae and two foal ribs in Oyogosse Tumula (n°2), and one birch bark container exterior to the Tympy coffin (Nyurbinsky ulus, Vilyuy) (n°3).

В этой группе мы можем выделить две подгруппы в зависимости от количества сопроводительного инвентаря и природы некоторых предметов. Существует десять захоронений, в которых сопроводительный инвентарь представлен в большом количестве с наличием особых предметов – признаков знати, как, например, перстни с печатками глав рода в захоронениях Шаманское дерево 1 (у двух женщин), Мунур Урях 1, Елечей 1 в Центральной Якутии и в Булгуннях 1 на Вилюе; жезлы в Орджогон 1 на Вилюе и кнуты в трех женских захоронениях – Бере, Елечей 1 (Центральная Якутия) и Булгуннях 2 (Вилуй). В этой подгруппе одно захоронение, Батта Чарана, относится к переходной фазе от предшествующего периода: если способ конструкции и наличие даба, привозной ткани, со-

ответствует данной фазе, то седло и стремяна, положенные на ящик-гроб, а также вложенный в гроб нож напоминают ранний период.

Четыре захоронения – Булгуннях 1, Тонгус Кюель 4, Ожулун 1 и Орджогон 2 – можно отнести к фазе, переходной ко второй половине XVIII века, имея в виду, что Ожулун датирован методом хронологии 1760 годом. Если способ конструкции погребальной камеры в Тунгус Кюель 4 и Ожулун 1 еще сохраняется, то простота ящика-гроба в Орджогон 2 или простая колода из выдолбленного ствола в Булгуннях 1 напоминает более поздний способ. Кроме того, уменьшение количества сопроводительного инвентаря в трех из этих захоронений является характерным для последующих погребений.

Вторая половина XVIII века

Факториальный анализ позволил объединить две группы погребенных.

Одна группа состоит из восьми женских захоронений, отличающихся от других уменьшением количества сопроводительного инвентаря, наличием ножа снаружи ящика-гроба, наличием трубки в гробе. Кроме того, крышка ящика-гроба состоит из цельного дерева. В большинстве захоронений покрытие гроба из бересты не такое тщательное, иногда вовсе отсутствует. В одежде чаще используется даба, голубой бисер становится редкостью либо отсутствует. Зато встречается трубка с металлическим мундштуком.

В местности Мунур Урях погребен глава рода (датируется 1727 годом дендрологическим методом). Рядом с ним имеется другое захоронение, очевидно, более позднее, но похожее на него (наличие кольца, например), и поэтому относится к этой группе.

Слева - погребение Кыйс Чаарбыт (Таттинский улус), датированное первой половиной XVIII века. Умерший похоронен в колоде. Сопроводительный инвентарь положен рядом с телом, это - в основном, посуда (железный котел, деревянный горшок и ложка), а принадлежности охотника-воина (лук, колчан и стрелы, традиционное оружие пальма, топор) размещены за пределами гроба с левой стороны. Лошадиные ребра и чорон помещены между колодой и гробницей. Такое двойное помещение, а также наличие принадлежностей охотника-воина и лошадиных ребер напоминает погребения хунну из района озера Байкал. Справа - Елечей 1 (Мегино-Кангаласский улус), погребение женщины. Умершая похоронена в двойном ящике. Между ящиками на уровне ног положен сопроводительный инвентарь: пара сапог, предметы конской сбруи, седло, сумка с посудой (кытыйа, сосуд из кожи и из дерева), сумка с пищей (мясо и ребра коня), махалка от комаров и коробка, содержащая гребень, кожу, берестяной ремешок, нить для шитья, наперсток, мех и бисер. Внутри гроба положены удила, кнут и курительная трубка.

Left: Kous Tcharbyt (uluus of Taatta), a burial dating from the first half of the 18th century. The deceased lies in a hollow tree trunk within a coffin. Mainly crockery items (iron cauldron, wooden pot, spoon) were placed with the body and hunter-warrior equipment (his bow, quiver, and arrows, and traditional weapons: palme and axe) were placed outside, on the left side of the coffin. An offering of horse ribs was placed at the feet of the subject, between the trunk and the coffin, along with other crockery containers, including a one-legged tchoron. This double containment, the presence of hunter-warrior equipment and horse rib offerings, recalls the characteristics of the Xiongu graves in the Baikal region. Eletchei 1 (Megino-Kangalassky ulus), a female grave. The deceased was buried in a double coffin, creating a space at her feet in which objects were placed. Objects present are a pair of boots, harness parts, a saddle, travel bags containing crockery (kytiya, container in leather and wood), food (meat, horse ribs), a fly-swatter, a box containing a comb, leather, a strip of birch bark, thread, a thimble, fur and beads. In the coffin horse reins, a knout and a pipe were deposited.

Джарама 3 (Чурапчинский улус), погребение новорожденного в гробе-колоде, датированное концом XVIII века. Ребенок завернут в шкуру жеребенка, завязанную веревкой из конского волоса. На левое плечо положена соска из рога.

Jarama 3 (Churapchinsky ulus), a burial of a newborn in a hollow tree trunk, dating from the end of the 18th century. The child is wrapped in a foal skin bound with horsehair, with a horn baby-bottle placed on the left shoulder.

Захоронения с элементами христианизации

Группа включает захоронения мужчин, женщин и детей, общей характеристикой которых является погребение в колоде из выдолбленного ствола и отсутствие сопроводительного инвентаря. Три могилы относятся к одному и тому же погребальному комплексу Джарама. Надмогильное сооружение характерно для конца XVIII века, а в одной могиле были обнаружены две русские монеты 1772 и 1776 годов, которые использовались как украшение. Дендрологическая датировка Ожулуна 1 - 1760 год. Захоронение в местности Кизн Эбэ относится к христианскому периоду и имеет такую же конструкцию. В нем обнаружен крест, но не из медного сплава, а из серебра. Учитывая, что широкомасштабная кампания по христианизации началась в 1760 году, это захоронение может быть отнесено к периоду от 1760 по 1800 годы. Два захоронения можно отнести к переходной фазе: погребение Синигес, где захоронена женщина в колоде из выдолбленного ствола с нательным крестом и свечами;

и погребение Истин тумула (Вилюй), содержащее гроб, в качестве сопроводительного инвентаря представлена только трубка, характерная для захоронений конца XVIII века.

Христианские захоронения XIX века

Данный комплекс включает тридцать одно захоронение, которые в ходе факториального анализа разделены на три группы. В третью группу вошли четырнадцать погребений, все – христианизированные, основным признаком которых является использование гроба, отсутствие сопроводительного инвентаря и наличие нательного креста у большинства субъектов. Что касается двух первых групп, то, если в них христианские знаки и представлены (наличие креста и свечей), то конструкция могил и наличие привозного имущества позволяют отнести эти захоронения к переходной фазе от второго периода (гробы-колоды и иногда привозные предметы, например, в Лампа 2, Охтубут 3) или от периода с элементами христианизации (гробы из досок и отсутствие сопроводительного инвентаря).

Кладбище XIX века (Центральная Якутия). Следует отметить наличие в деревянных надмогильных сооружениях стел из песчаника, привезенных с берегов Лены.

19th century cemetery (central Yakutia). Stoneware steles found within the wooden superstructures were imported from the River Lena more than 100 km away. Below: a carved wood superstructure element, dated to 1920. The Yakut inscription is transcribed using the alphabet created for this language by the linguist S.A. Novgorod in 1917.

Отметим, что классификация разграничивает абсолютно аналогичную группу захоронений, в которых отсутствует крест, но могилы находятся на христианском кладбище (данный критерий не учитывается в классификации). Все эти захоронения входят в данную группу как могилы без креста, изолированные и датируемые дендрохронологией XIX веком; христианский характер этих захоронений выявляется при раскопках по положению рук (еще один критерий, который не имеет роли в классификации). В этих могилах часто встречаются привозные ткани (даба, сукно, ситец), иногда в большом количестве. Так, в Сэдэне, в традиционном якутском захоронении, на покойнике,

погребенном по православному ритуалу, было пальто из даба (привозная ткань), застегнутое на восемь русских пуговиц, и штаны из сукна (ткань для военной формы). Кроме этого, данная группа (кроме детских захоронений) отличается глубокой могильной ямы, достигающей до слоя вечной мерзлоты.

Датировка этих захоронений явно соответствует XIX веку. Так, согласно методу дендрохронологии, Охтубут 3 относится к 1805 году, а Кыыл Бастаах 1 - к 1849 году. Захоронение Сэдэн, видимо, датируется тем же периодом, как и Кыыл Бастаах 2. В захоронении Киэн Эбэ 2 бумажный венчик на голове ребенка также датируется серединой XIX века.

2.5. Этногенез якутов и мир мертвых

С.Дюшен, В.Попов, П.Жерар, Л.Алексеева, М.Жибер, Э.Жирков, И.Обутов, Б.Марти, С.Колодезников, Д.Николаева, А.Абрамов, С.Амори, А.Гоголев, Э.Крюбези

Архитектура могил, распределение и тип инвентаря лежат в основе их классификации на пять комплексов, которые, по всей видимости, соответствуют определенным хронологическим фазам. Сравнение с историческими данными позволяет провести параллель между культурной эволюцией и историческими событиями. В главе по исследованию Кыыс Унуога мы представили данные, относящиеся к концепции погребального обряда и его роли в культуре якутов. Эти элементы были выявлены скрупулезными исследователями, но иногда между ними имеются противоречия. По всей вероятности, одни данные представляют верования, которые разделяются всем народом. Другие данные вызывают споры у этнологов. По мнению одних, эти данные дают очень точные представления древних, по мнению других, напротив, они дают весьма смутные представления, исходящие от их индивидуального понимания.

Вероятно, в то время, когда собирались эти данные, население было христианизировано, и исследователи сами тоже имели христианское понимание того, что им объясняли. Так, абаасы иногда называются «чертями». Для информантов и этнологов XIX века наибольшую путаницу создают различные части кут, рассматриваемой как душа и, по всей видимости, часто понимаемой как единое целое, в то время как она состояла из трех частей. С этим же связано понимание юер как «возвращение мертвых».

С такими оговорками эти данные доводят до нас верования и обряды так, как о них рассказали информанты в XIX веке. Археология позволит оценить то, каким образом обряды бытовали в повседневной жизни целого народа на основе фактов, а не толкований. Но, прежде всего, археология покажет нам их временную глубину и эволюцию. К тому же, некоторые обряды исчезли, не оставив в памяти воспоминаний, другие, возможно, существовали до позднего времени, но о них мало что известно.

Связь захоронений с историей

Преобразование села и сельского хозяйства в советское время, приток людей извне стали причиной изменений некоторых сторон общественной жизни и даже исчезновения устной традиции. Тем не менее, общая картина во многом остается неизменной, устная традиция продолжает жить, что мы могли наблюдать в Вилюйском районе. Начиная с XIX века, политические ссылки, а затем и местные исследователи истории перекладывают устную традицию в письменные свидетельства. В этом контексте шесть захоронений представляют особый интерес, в том числе, четыре, принадлежащие мужчинам из местной знати, два - женщинам, имевшим особый социальный статус.

Что касается мужских захоронений, то Му-нур Урах в Чурапчинском районе Центральной

Якутии и Селисе (его родственник по отцовской линии) недалеко от вилюйского села Хатын Сысы отмечены яркими признаками местной традиции. Эти захоронения исключительны, прежде всего особой одеждой субъектов, необычностью погребального ритуала, что позволяет судить о них, как о предводителях могущественных родов. Захоронение Мунур Урах было хорошо известно местным жителям и, как часто бывало в то время, было сожжено в советское время. Его описания в записях конца XIX века были найдены В. Поповым и С. Колодезниковым. Что касается могилы Селисе, жители Хатын Сысы еще в 2007 году идентифицировали ее как могилу основателя села. Эта могила является единственной в Вилюе, которую сожгли в советское время.

Сведения относительно двух других мужских захоронений недалеко от сел Бордон, Булгунняхтах и Орджогон (Сунтарский район) менее точные. Тем не менее этнографический опрос жителей села показал, что местные традиции и история еще живы, и некоторые даже записаны якутскими исследователями.

Установлено, что основателем поселения мог быть некий мужчина по имени Бордон, который,

возможно, мигрировал со своими старшим и младшим сыновьями из долины Туймаада. Дата требует уточнения, но имеется упоминание о первом конфликте 1634 года после прихода русских. Каждый из братьев мог основать поселение, основу для будущего села. Возможно, Элэнгэ мог обосноваться на том месте, где впоследствии появилось село Бордон элэнгэ. Другой брат мог основать село Бордон 2, а третий – третье поселение. Основатель Бордон 2 имел двух сыновей: старший Хохо и младший Хохо, которые обосновали свои поселения. Одного из сыновей старшего Хохо звали Угунда, имя сына младшего Хохо было Киров. Возможно, могила мужчины из местной знати в Булгунняхтахе недалеко от старинного села принадлежит одному из вышеупомянутых лиц (Бордону? или Хохо?). То же относится и к захоронению Орджогон недалеко от озера Дёнкюндэ, разделяющего местность на две части. На одной части обосновалась община Тюёмюк, на другой – Эчик. Оба были сыновьями представителя местной знати по имени Босхон Бэлгэтили.

Что касается женских захоронений, два из них имеют живой след в устной традиции. Это могила Кыыс Унуога, которую бережно обошел плуг, и

Оттох Алаас 2 (Нюрбинский район, Вилюйская группа улусов). Стенки гроба из погребения женщины XIX века имеют следы покраснения, вызванные крупным костром, разведенным во время рытья ямы. Они определяют время захоронения умершей: поскольку земля была еще заморожена, вероятнее всего, похороны состоялись в период с ноября по декабрь или с апреля по май, так как могила находится на открытой местности..

Ottokh alaas 2 (Nyurbinsky ulus, Vilyuy region). This female grave from the 19th century has reddened walls, due to a significant fire that occurred when the pit was dug. They also show that the burial occurred when the ground was still frozen, probably between November-December or April-May, because the grave is situated in an open environment, away from the wooded cold zones.

само название говорит о ее обладательнице. Вторая в местности Булгунняхтах 2, также принадлежит женщине особого социального статуса, по всей вероятности, шаманке. Ее могилу нам показала пожилая женщина, которая узнала об этом от своих родителей, будучи еще ребенком. По словам этой женщины, родители знали, кто там похоронен, но никогда не называли имени.

Количество погребенных в могиле

Было подвергнуто раскопкам 110 захоронений, из них в трех находилось более одного человека, каждый раз можно отметить близкородственные связи (захоронения Шаманское дерево 1 начала XVIII века, Ат Дабаан 3 начала XIX века и Ойогос тюмюлэ 2 - XIX век). В одной яме было два гроба новорожденных детей, похороненных в одно и то же время, но без признаков родства (местность у реки Танда). Все остальные могилы являются индивидуальными.

Первичные и вторичные захоронения

Умерших либо хоронили на деревьях, на подмостках, в гробницах, называемых арангас, либо в земле. Что касается захоронений в арангасах, устная традиция сообщает, что если останки и конструкция трижды падали на землю, их следовало хоронить в землю. Мы обнаружили арангасы на земле, которые не были предметом захоронения или частичного захоронения, поскольку в некоторых из них явно не было костей (возможно, их унесли звери или путешественники, ибо многим арангасам было более ста лет). Мы не располагаем сведениями о практике арангасных захоронений, но теоретически они могли проводиться круглый год, такие факты известны.

В случае, названном ТД1, захоронение находится на возвышенности, недалеко от древних захоронений XVIII века. Строение плохо сохранилось, яма не глубокая, сантиметров 40, легко можно провести интерпретацию. По всей видимости, изначально женщина была погребена в гробе из ствола дерева, и когда тело разложилось, гроб-ствол был перенесен, что вызвало сползание некоторых длинных костей и перемещение маленьких костей, нескольких элементов из железа и двух синих бусин. С оружием со всем содержимым было перенесено в ящик и погребено на небольшой глубине на отдельно стоящем холме над озером.

Нет ничего удивительного в практике вторичного погребения, оно практиковалось и сегодня встречается в некоторых культурах, при этом часто последнее захоронение соответствует переходу в ранг предка. Подобная практика является относительно редкой у якутов, но поражает расположение костей в колоде из выдолбленного ствола дерева. Это может быть вызвано разными причинами: функциональная причина, связанная со снятием одежды с покойника, или ритуальная. Обе причины не исключаются. Примечательно, что такие случаи известны у хунну в некрополе Эгийн-Гол (с III века до нашей эры до II века нашей эры) на севере Монголии, где были проведены раскопки могил, очень похожих по расположению и по устройству.

Время погребения

Рытье ямы для захоронения требует, чтобы почва была, если не оттаявшей, то, по крайней мере, поддавалась деревянной лопате, что возможно с мая по сентябрь. В другое время года нужно разводить огонь, чтобы мерзлота оттаяла. Относительно времени смерти и времени погребения существуют различные сведения. Покойников, умерших зимой, могли оставлять дома до весны. В этом случае семья уходила в другой дом. По другим источникам, нужно было ждать весеннего праздника ысыах. Согласно третьим предполагается, что в старину покойников могли хоронить в тот же день, независимо от времени года.

Когда земля сильно замерзшая, с ноября/декабря по апрель/май, разводили огромный костер на земле на все время рытья могилы. Можно легко установить следы покрасневшей почвы на дне ямы и брошенных туда углей при ее наполнении. Мы обнаружили такие следы в 26 захоронениях из 81, то есть в 32% случаев, что означает, что совершалось больше погребений в то время, когда землю можно рыть без разведения огня (с мая по сентябрь). Между тем, мы не знаем, была ли зависимость между смертностью и временем года. Возможно, летом она была выше, чем зимой? Либо больше хоронили тогда, когда климатические условия позволяли. Могила Шаманское дерево 1 была вырыта зимой, что подразумевает, что трупы никоим образом не хранили для того, чтобы похоронить вместе в теплое время года. Речь идет о людях, умерших одновременно или близко во времени, от трупов которых нужно было быстро избавиться. В Ат Дабаан 3 в двойном погребении начала XIX века яма была вырыта летом, одежда погребенных межсезонная,

История вторичного захоронения. Динамика восстановления

Н.Сенегас

В местности Сытыган Сихэ 2 на вершине террасы четвертичного периода, возвышающейся на восточном берегу реки Лена, был относительно глубоко (на глубине одного метра от поверхности) зарыт гроб. Эта могила находилась между двумя первичными могилами двух мужчин (отца/сына), отстоящих друг от друга на расстоянии 50 метров, и, судя по всему, была вырыта в мерзлой земле, о чем свидетельствуют обширные участки покраснения почвы, образовавшиеся от костров для оттайки земли. Останки, обнаруженные во вторичном захоронении, принадлежат человеку, который относится к той же семье, что и рядом захороненные люди, он мог бы быть, например, их двоюродным братом. Ящик закрыт покрывалом из бересты (нет ни досок, ни бревен). Внутри, в северной части, было обнаружено выдолбленное теслом бревно, в западной половине которого находился скелет. Его соединения частично сохранились, нижние конечности были сложены на туловище, освободив тем самым восточную сторону ящика. Скелет полный, не хватает только первой правой пясти. Среди костей были найдены фрагменты одежды, три голубые бусины, пуговица и пластинка из медного сплава. В южной части ящика были беспорядочно сложены остатки досок, под которыми были найдены: в юго-западном углу - зольный осадок, а также деревянная коробочка прямоугольной формы; в юго-восточном углу - каменный молоток. Когда вытащили половину колоды, в северо-восточном углу строения обнаружили сложенные на шкуре деревянный сосуд с содержимым, ребра и правая бедренная кость лошади с остатками органической ткани, пара рукавиц и две железные детали, на западной стороне - фрагмент железного огнива, сотня бусин (черные, белые, голубые), пара серег из голубых бусин и медных колец, одна пуговица. В рукавице была обнаружена недостающая правая пястная кость скелета.

Сытыган Сихэ, вторичное захоронение, датирующееся началом XVIII века (Хангаласский улус, южнее Якутска, в сторону г.Покровска).

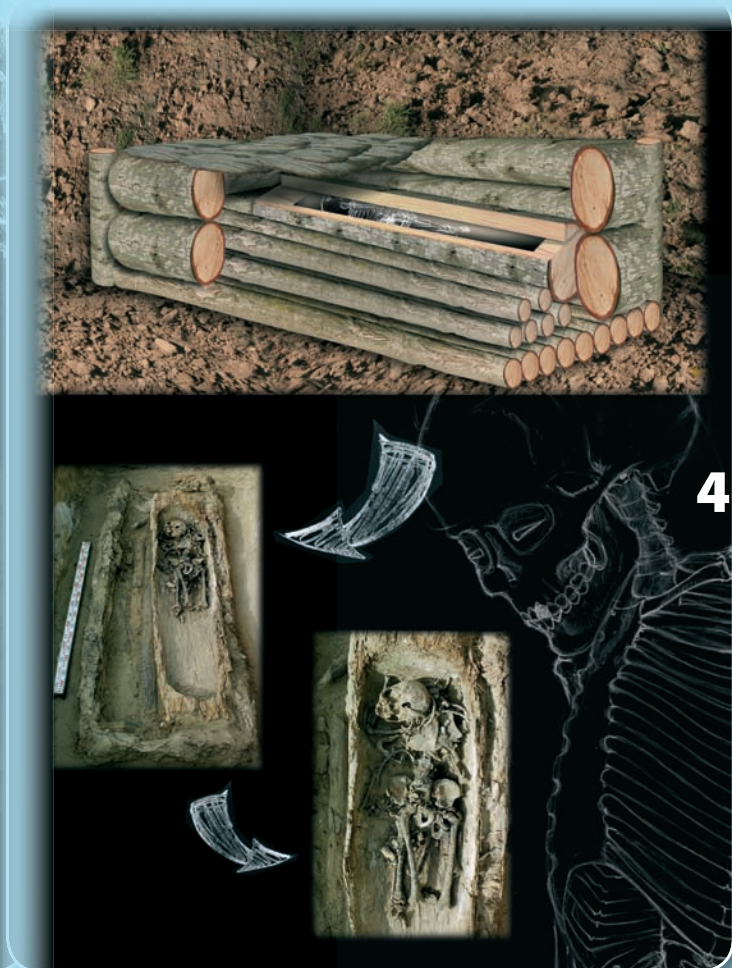
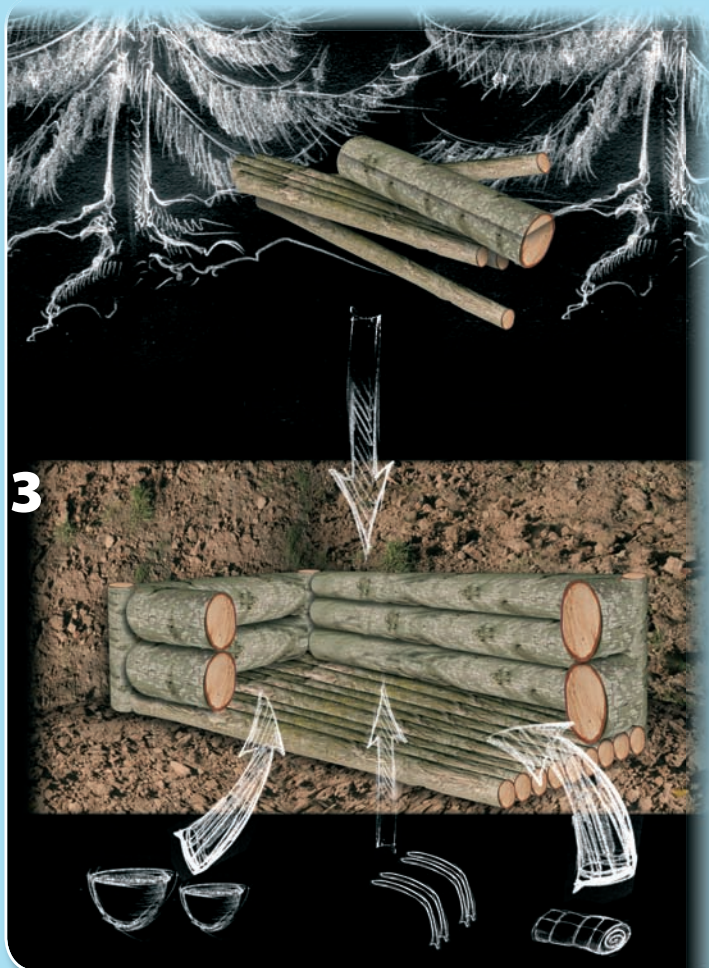
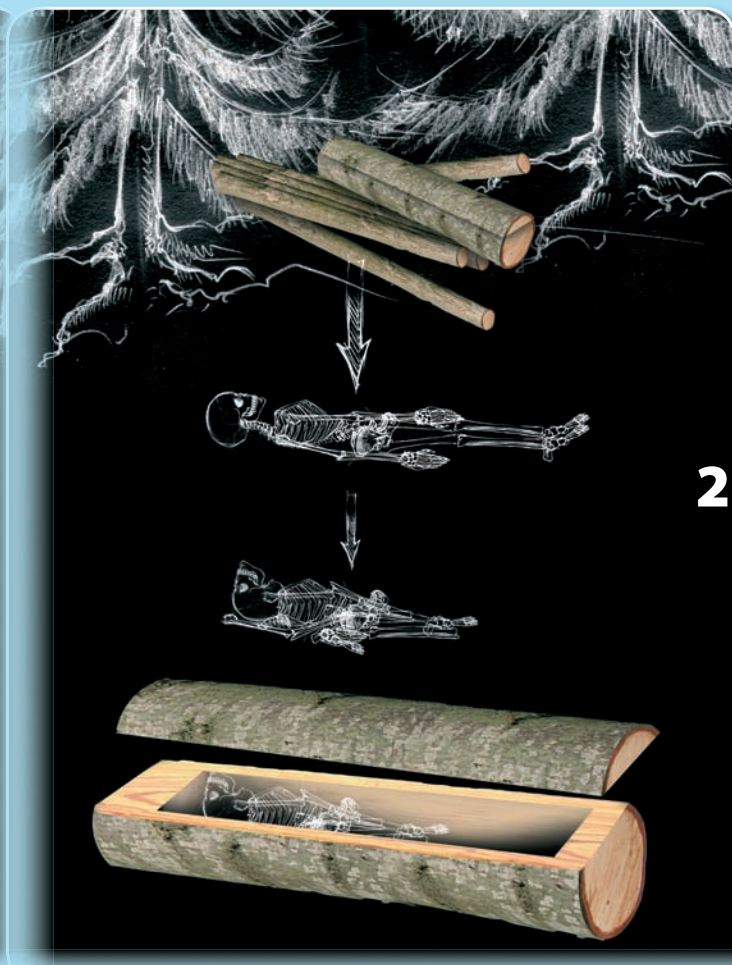
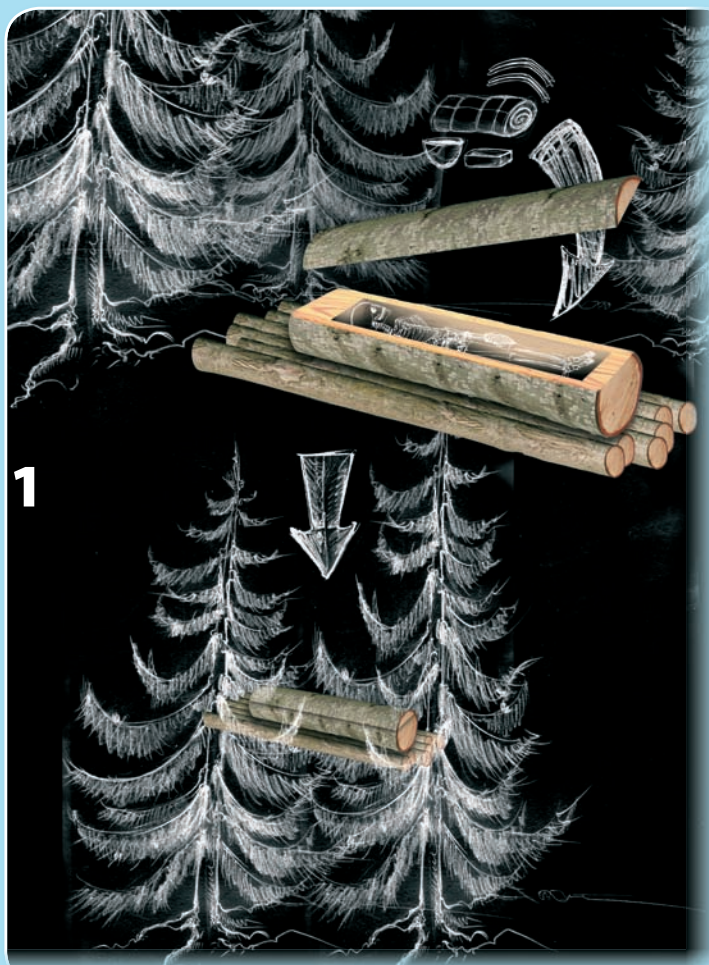
Sytygan Sihe, a secondary burial dating from the beginning of the 18th century (Khangalassky ulus, south of Yakutsk, in the direction of Pokrovsk).

Толкование могилы Сытыган Сихэ 2 сложно, не на все вопросы можно дать ответ. Тело вначале было положено в гроб, изготовленный из половины выдолбленного ствола, и в момент, когда вследствие разложения оставались только остатки связок и сухожилий, могила была вскрыта для перезахоронения. Останки одежды были вынуты, как об этом свидетельствует пясть, оставшаяся в рукавице. Первая пястная кость - это одна из костей, связки которой рвутся в первую очередь, когда двигают труп (Crubezu и др., 2004). Затем нижние конечности были сложены на туловище. По существовавшему у якутов обычаю колода должна была первоначально находиться не там, где мы ее нашли, а под открытым небом, на платформе между двумя деревьями. Ее перенесли на террасу над Леной (возможно, недалеко от места первоначального захоронения) в приготовленную для нее яму, положив сначала на дно остатки одежды и все, что находилось рядом с покойником (серьги, кресало), затем деревянный сосуд с кисломолочным продуктом, заднюю ногу и ребра лошади. Затем на все это был поставлен ящик-гроб, в одном углу были положены деревянная прямоугольная коробочка и зольный осадок, а в другой угол был положен или брошен каменный молоток. В самом конце остатки досок были брошены или поставлены на ранее сложенные остатки одежды и вещей. Эти доски могли (согласно гипотезе) быть остатками платформы, на которой до этого находился ящик-гроб. Гроб был тогда накрыт покрывалом из бересты, которое провалилось под грузом осадка.

Попытка последовательного восстановления погребения Сытыган Сихэ (Н. Сенегас)

Dynamic reconstruction of the Sytygan Sihe grave. (N. Sénagas).

Пример расположения погребений в Центральной Якутии («долина знатных», Охтубут, Чурапчинский улус). Погребения расположены на термокарстовых буграх по краям алаасов.

Example of a burial locations in central Yakutia (Okhtoubout, 'Valley of the Nobles', Churapchinsky ulus). The burials are situated on thermokarst mounds bordering an alaa; a large depression serving as grassland or pasture.

погребальные подушки сделаны не из еловых веток, на них еще сохранились листья.

В 17 из 25 могил, вырытых зимой, можно исследовать одежду, в пяти случаях одежда была демисезонная, в двенадцати других – зимняя. В пяти летних захоронениях одежда была по сезону (10%). В остальных случаях речь идет о зимней одежде (45%) или о демисезонной (45%). Это подразумевает, что погребальная одежда не была той, которую носили в то время года, когда случилась смерть, но эта была, безусловно, лучшая одежда, та, которая должна была позволить покойнику совершить долгое сорокадневное путешествие, как это передает устная традиция.

Расположение, глубина и ориентация

Что касается локализации захоронений, то захоронения XVIII века в Центральной Якутии (за исключением Киэн Эбэ, первого христианского кладбища) почти всегда располагаются на выступах (отрогах, высоком мысе) или на полувозвышенности напротив местности с озером или пастбищ (за исключением Кыыс Унуога и Елечей 2). В начале XVIII века захоронения имели больше сопроводительного инвентаря, площадь пастбищ была больше, максимальных размеров достигала местность «Шаман-

ское дерево». С другой стороны, эти захоронения часто группируются по два или три, и бывают обширные погребальные комплексы, большинство из которых приписывается XIX веку, и наиболее близкие к XIX веку могилы находятся там. Между тем, иногда случается, что на расстоянии захоронение относится к более древнему периоду, и невозможно утверждать, идет ли речь о естественном продолжении древнего погребального ансамбля или о случайном факте.

В Вилуйском регионе расположение примерно такое же, как в Центральной Якутии, хотя выступы менее выражены либо вовсе не выражены (например, Булгуннях), однако близость алааса, озера или луга для выпаса отмечалась почти всегда. Отметим два исключения: это Селисе и Атах. В первом случае захоронение расположено недалеко от болот, поэтому пришлось возвести насыпь.

Тело не похоронено в земле, а помещено в сайба. В местности Атах обнаружена колода в земле, при этом невозможно определить, было ли так изначально, либо это упавшая конструкция арангаса или сайба.

Захоронения до XVIII века обычно расположены изолированно, часто на вершине бугров, возвышающихся над местностью, имеющей озеро, но не обязательно большой выпас. Эти возвышенности настолько ярко выражены, что неискушенный человек может принять их за курган.

Однако на стыке XVII и XVIII веков имеется несколько случаев, когда, соблюдая традиции древнего периода, хоронили не на отдельно стоящих буграх, а вблизи алаасов, как в более поздний период. Это касается древнего захоронения Буогарыма (XV-XVII вв), включенного в комплекс XVIII века. Тем не менее, в этом случае, очевидно, захоронение относится к концу XVII века. В самом деле, в местности Буогарыма в Чурапчинском районе имеется много обширных захоронений, которые возвышаются над огромным участком для выпаса скота. Исследования географов показывают, что этот участок раньше был еще более значительным. В Буогарыма 2 женщина имеет две бусины голубого цвета, привозные из Китая, кромку шапки из сукна (привозная ткань для военной формы), две

пары серег из белого и черного бисера, как правило, относимых к началу XVII века. Хронологически это захоронение вносится в классификацию (визуальную и информационную) могил XVIII века; напротив, погребение Буогарыма 1, расположенное в нескольких метрах, не включает ни одного привозного элемента, а на берестяное покрытие гроба положены два стремени и пряжка (ремня?). Его отнесение к захоронениям более древнего периода связано с отсутствием сопроводительного инвентаря, и по аналогии со стремянами и с седлом, подкладываемых под голову в более древних захоронениях. Таким образом, захоронение Буогарыма может быть интерпретировано как погребальное место якутов, которое могло быть создано к концу XVII века, когда в некоторых захоронениях еще, возможно, поддерживалась древняя традиция.

Начиная с конца XVII и в течение всего XVIII века расположение могил, вероятно, диктуется желанием ассоциировать одного или нескольких предков с местностью, по всей видимости, где он жил. Можно задаться вопросом, в какой мере приход русских, которые вносили ясак в зависимости от количества поголовья скота, мог бы создать или ускорить чувство идентичности, связывающее людей с их землей или с землями их рода. Что касается древних могил, то напротив, представляется затруднительным рассматривать значение захоронения по отношению к месту. Во всей видимости, люди искали «необычное, исключительное место» с определенными размерами, этот элемент хорошо известен в тюрко-монгольской традиции захоронений, например, в Монголии XIII века (Crubézy *et al.*, 2006).

Что касается глубины могил, то в некоторых захоронениях XVIII века глубина ямы достигала более 1,5 метра (Шаманское дерево 1, Кус Чарбыт, Ожулун 2, Бере, Елечей). Верхняя часть ящика-гроба находится примерно в 30-50 см под землей. Все эти могилы принадлежат к особой группе либо по сопроводительному инвентарю, либо по одежде погребенных субъектов.

Христианские захоронения XIX века, за исключением детских могил, - глубокие, в некоторых глубина достигает 1,7 метра (Улгумада бёрётё). Напротив, глубина могил раннего периода на 20-30 см меньше, чем в XVIII и XIX веках.

До конца XVIII века редко встречаются захоронения новорожденных и младенцев: 7 случаев из 38, то есть 18% до середины XVIII века. С приходом христианства начинается практика похорон ма-

леньких детей, 20 случаев из 48, то есть 42%. Однако они лежат на поверхности земли, могильщики не считали необходимым достигать мерзлоты. Отметим, однако, что речь идет о захоронениях конца XVIII и начала XIX веков, за исключением Ожулун 1, имеющего дендрологическую датировку 1760 годом.

Что касается ориентации могил, большинство расположено в направлении запад/восток, или с небольшим смещением к северо-западу или юго-западу.

Только две могилы первой половины XVIII века (9%) ориентированы головой на север (Охтубут 2 и Бойола 2). А во второй половине XVIII века ориентация север/юг встречается наиболее часто (40%). Эта соотношение связано с наличием двух местностей, где эта ориентация является исключительной: Джарама (четыре могилы), Кемюс Бюлюнсе (две могилы) и в захоронении Мунур Урых1 bis и Елечей 3. В XIX веке только четыре захоронения

Могила на земле- «сайба». Захоронение Юрюн Эбэ, 2006 г. (Нюрбинский улус). Под надстройкой виден гроб и его берестяное покрытие.

The Saiba grave found on the surface of the ground. Site of Urung Ebé, 2006 (uluus of Nyurba). Under the partially collapsed superstructure, the coffin and the birch-bark lid covering it are visible.

Мегино-Кангаласский район, частично разрушенные чардаты, датированные XVIII веком.

Megino-Kangalassky ulus. Partially collapsed Tcherdats dating from the 18th century.

имеют ориентацию север/юг, то есть 15% от исследованных случаев (Киэн Эбэ, Туман алааса, Оччугуй и Тумус Кюель3).

За исключением этих захоронений, в большинстве случаев люди похоронены головой к западу или к северо-западу, только в 7 случаях из 94 погребенные ориентированы головой на восток. Ориентация тел в захоронении Шаманское дерево 1 головой к юго-востоку, без сомнения, связана с размещением тел в одном ящике-гробе, как и в женском захоронении в местности Ойогос тумула. Четверо погребенных у устья реки Танда и один в местности Балыктах ориентированы головой на восток.

Наземная погребальная конструкция или чардаат

Наблюдение за христианскими могилами XIX века показывает, что в это время сосуществовало три типа захоронений: могилы с деревянным надмогильным сооружением в классической якутской традиции; могилы без надстройки, но со стелой из песчаника, привезенного с берегов Лены, для захоронения людей европеоидной расы в XIX веке, и могилы без надстройки, наиболее часто встречающиеся, к примеру, на кладбище Киэн Эбэ. С другой стороны, понемногу везде в Центральной Якутии были обнаружены отдельно расположенные могилы с деревянной надстройкой, которые часто датируются XIX веком, а некоторые советским периодом.

В целом, эти типы надстроек имитируют дом или сарай и могут быть отгорожены более или менее значительным количеством заграждения. Исследование около пятнадцати могил в Чурапчинском районе, наиболее древние из которых восходят к XVIII веку, а более поздние к 1950 году, показало их эволюцию. Этот необычный комплекс, по-видимому, связан с особым, величественным местом, стоящим особняком, скрыто, что позволяло избежать нежелательных визитов случайных и посторонних людей. С течением времени деревянные домики над могилой стали усложняться, приобретая все более и более массивный вид.

Отмечается уменьшение количества заграждений и надстроек, и, особенно в XIX веке происходит замена вертикальных деревянных ритуальных стел или коновязей деревянными крестами.

Появились две-три стелы из песчаника, в некоторых случаях они ставятся рядом с домом. В течение XX века крест заменяется советской звездой.

Эти домики и надстройки представляют собой предмет исследования во многих научных трудах ученых Якутии, но остается открытым вопрос о времени их появления и их культурном влиянии. По результатам раскопок можно утверждать, что надстройки существовали в начале XVIII века, но также и на могилах, которые нами были датированы концом XVII века. Существование их до этого периода представляется сомнительным. С течением времени надстройки могли сгореть в лесных пожарах, также много, вероятно, было разрушено в советское время. Кроме того, даже след от колышка в земле мог исчезнуть на самых древних могилах. Поэтому нельзя с полной уверенностью говорить о том, что надмогильных построек в начале и середине XVII века не было. Этот вопрос требует дополнительных исследований.

Было исследовано десять надстроек: четыре, относящиеся к первой половине XVIII века (Бере, Юрюн Мыран 1, Орджогон 1, Булгунняхтах 2), четыре второй половины XVIII века (Джарама 1, Орджогон 2, Булгунняхтах 1, Угут Кюель), и два XIX века (Улдумада Берете, Кыыл Бастаах). Согласно традиции, надстройка должна быть сооружена через год или два после смерти, в крайнем слу-

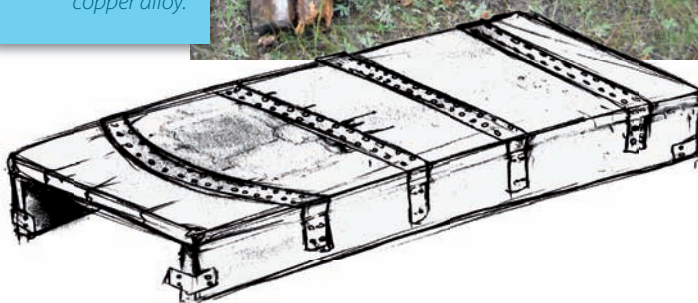
чае – на третий год. В XIX веке считали, что, если после трех лет ее не ставили, то не было смысла ее ставить, поскольку «это уже было большим грехом». Это примечание предполагает, что было много людей, которые «не торопились» строить надстройку. Тем не менее, в местности Кыыл Бастаах 1 дендрологическая датировка показывает, что ящик был сделан в 1849 году - дерево было быстро использовано, напротив, надмогильный памятник, вероятно, был поставлен спустя 42 года, в 1892 году, через одно или два поколения после смерти. Если учесть, что смерть некоторых личностей и их могилы могли представлять «опасность» для жизни людей даже спустя сотни лет, возможно, в этом случае мы имеем дело с сооружениями, которые могли быть построены по рекомендации шамана или в ответ на его замечания о том, что в свое время долг не был исполнен, и это вызвало или может вызвать череду всевозможных несчастий в семье.

Способ конструкции и покрытия ящиков и гробов

В наиболее древних захоронениях (Табалаах, Орто Арыы, Нэлэгэр и Тымпы) широкий ящик-гроб и покрытие, как правило, сделаны из небольших неотесанных бревен (кругляка). В местности Нэлэгэр ящик состоит из четырех полубревен в днище и четырех полубревен для крышки. Продольные стенки сделаны из трех бревен, поставленных друг на друга, в которые через треугольные пазы входят широкие доски поперечной стенки. Берестяное покрытие закрывает перекрытие ящика. В древних захоронениях Джусулен, Тиит Баппыт, Таралай, Улахан Алаас и Бютэйдээх Лампа 1, Бойола 1 доски используются в конструкции для того, чтобы закрыть ящик. Впоследствии появляются ящики-гробы, которые могут заключать внутри гроб-колоду из ствола дерева. Могила Ойогос тумула относится к одной из самых древних в Вилуйском регионе.

Погребение Сэлыс, Нюрбинский улус, фотография и чертеж крышки гроба, скрепленной с помощью декоративных полос из медного сплава.

Grave of Celysse, uluus de Nyurba. Photograph and drawing of a lid assembled with the aid of decorative bands made from copper alloy.

Суола 1 (Мегино-Кангаласский улус, Центральная Якутия). В данном погребении ребенка имеется множество берестяных покрытий, которые окутывают колоду и перекрывают крышку гробницы. Они делают это погребение уникальным.

Sola 1 (uluus of Megino-Khangalass, central Yakutia). Numerous birch barks cover the hollow trunk of this child's burial, which completely cover the lid of the coffin. This feature makes this grave unique.

Берестяные покрывала могил

К. Оштрассер-Пету. Г. Пету

Якуты жили зимой и летом в разных жилищах. В летний период они переезжали в разборные жилища конической формы - урасы (як.), что-то вроде вигвамов, но в отличие от них покрытых не шкурами, а берестой. Зимой эти жилища разбирались, а бересту хранили в сухом месте, чтобы вновь использовать в следующем году.

Берестяные покрытия урасы украшались широкими орнаментальными полосами, расположенными на трех уровнях жилища, а также на входной двери. Узоры, видимые с внутренней стороны жилища, могли варьироваться в зависимости от желания и верований хозяев. В основном они представляли собой геометрические фигуры и символические формы, изображавшие животных или относящиеся к мифам и религии. Эти узоры призваны были защитить семью, служить оберегом.

Береста в естественном виде - очень гибкий материал, якуты смазывали ее животным жиром (например, сливочным маслом) или рыбьим жиром, чтобы сделать ее более жесткой, прочной и водонепроницаемой. Полосы бересты, используемые в качестве основы для узоров, выкрашивались в красный цвет. Для узоров использовали более тонкую бересту "аранга" естественного белого цвета или красили в черный цвет по специальному рецепту из чаги (гриб, растущий на березе), измельченной и смешанной с растительным маслом или водой. Декоративные разрезы делались при помощи ножа или ножиц, а также при помощи складывания, чтобы добиться ровных форм. Накладывание белых полос под ажурные черные полосы позволяло делать двухцветные орнаменты на красном фоне. Аранга пришивалась на широкие берестяные полосы при помощи конского волоса или окрашенных или естественных растительных волокон. Впрочем, нередко растительное волокно встречается как неотъемлемая часть декора.

Когда умирал кто-то из членов семьи, для покрытия могил использовали бересту от покрышек урасы, специально для погребения куски бересты не готовились. Это можно рассматривать как символ дома, который усопший уносил с собой для жизни в другом мире.

Поскольку традиционные жилища не сохранились до наших дней, только остатки узорчатой бересты, найденные в могилах, могут рассказать нам об этих элементах архитектуры и орнаментики. Как уже упоминалось выше, эти берестяные полосы были носителями многих символов и обозначений. Рассмотрим несколько примеров. Зигзаги и треугольники представляли собой урасы - жилища - и тем самым, средний мир, где жили люди. Этот символ на бересте выражал пожелание, чтобы духи всегда были с обитателями дома. Параллельными двойными (или тройными) полосами или в форме восьмерки изображался муравей. Изображения пчел и пауков, очень почитаемых насекомых, символов плодородия, выражали желание семьи, чтобы боги позволили иметь много детей.

Также встречается символ пчелы в узорах, имеющих форму ячеек в улье.

Что касается круглых арок, то они были символами лошади и ее подков. Разведению лошадей якуты придавали огромное значение, это животное было очень почитаемо, а его символы рассматривались как «дети духа лошади».

Как уже отмечалось, двери урасы также украшались узорами. Эти створки имеют особенную форму, с отверстиями на верхней части, чтобы их можно было подвешивать. Так, в одной из могил (Таралай 1), покрывало из бересты было положено поверх гроба, на нем имелись именно такие отверстия. Все говорит о том, что была использована входная дверь в дом. В большинстве цивилизаций это было символом перехода, совершенно уместным в контексте погребения.

На выезде из села Чурапча, на территории проведения праздника, мы видим реконструкции урасы (летние жилища якутов). От некоторых осталась только конусообразная деревянная основа. Согласно традиции основа должна была покрываться берестой, части которой снимались, когда умирал хозяин дома, и использовались в качестве покрытия сверху или внутри могилы.

The festival area at the exit of Tchouraptcha displays many reproduction uraha (Yakut summer houses). Only the wooden frames are visible for some of the houses. Traditionally, the houses were covered in birch bark, and certain parts were dismantled when the owner died to be disposed of on, or in his grave.

Береста с орнаментом имела значение как в мире живых, так и в мире мертвых. Узоры на бересте выражали верования и мифы, которые умершие члены семьи уносили с собой, чтобы быть защищенными от злых духов и непредвиденных случаев, встречающихся на пути в другой мир.

Расположение и количество узоров в разных могилах отличаются. Наблюдается некоторая разнородность особенно в организации и локализации узоров на берестяных покрывалах, которые обычно находят уложенными поверх и внутри могильного ящика. В некоторых могилах мы смогли рассмотреть расположение узоров на бересте прямо на месте нахождения или после их извлечения и таким образом создать несколько схем расположения мотивов, некоторые примеры которых представлены на этой странице.

Пример орнамента на берестяных покрывалах. Справа - погребение Бойола 1 (Мегино-Кангаласский улус, Центральная Якутия). Богатое женское погребение с берестяным покрытием гробницы имеет округлую форму в самой узкой части, характерной для двери от Урасы (летнее жилище). Повторное использование наблюдается только в Центральной Якутии.

Examples of decorative coverings made from birch bark. Opposite: Boyola 1 (Megino-Kangalassky ulus, central Yakutia). Burial of a wealthy female. The lid of the coffin, made from birch bark, is rounded at the narrowest part, characteristic of the doors of Uraha (summer houses). The reuse of doors has only been observed in central Yakutia.

Один из наиболее интересных случаев представлен в Мунур Урях 1. Большинство могил XVIII века состоят из ящика, сделанного из широких досок, имеющих до 298 колец по дендрологии. Наиболее древние - Бата Чарана и Буогарыма 1.

Гробы появляются в христианский период в XIX веке. Исключением является Селисе, могила знати, датируемая началом XVIII века. Для изготовления гробов середины XIX века ни один гвоздь не использовался, все работы по дереву проводились при помощи топорика, тесла, без единого следа пилы (которая появилась в Якутии до XIX века). Однако следы пилы были замечены на памятниках, расположенных недалеко от захоронения в местности Охтубут 3, датируемого 1805 годом, и на бо-

лее поздних могилах. Несколько захоронений, безусловно, относящихся к промежуточному периоду, имеют традиционную конструкцию (Тонгус Кюель 1, Оччугуй и Тутэх – из широких досок, в Синигес – колода), с традиционным раструбным соединением (Дилиилэ Сыйылыга, Сэдэн, Туман Алааса, Кыыл Бастаах 1 и 2, Тонгус Кюель 2).

Конструкции на пазах/штифтах с индивидуализированными пазами, видимо, появились позднее; ящики-гробы XVIII века обычно строились на основе ободного соединения деталей. Такой способ часто бывает менее крепким, поскольку детали имеют тенденцию к расшатыванию под воздействием собственной тяжести в несколько десятков килограммов, и даже намного больше центнера для больших ящиков. Чтобы исправить это, использовалось два способа: иногда насыпали землю на высоту до двух третей боковых брусьев (стоек) напротив их наружной части, заполняя яму до помещения тела; реже втыкались колышки для поддержания (как в Кыыс Унуога).

До христианизации могилы почти всегда покрывались берестой. Их складывали в полосы, состоящие из круговых срезов бересты шириной в среднем от 20 до 25 см, сшитых вместе сухожильными нитками. В крупных захоронениях со значительным сопроводительным инвентарем покрытие часто многослойное, полосы из бересты накладываются друг на друга. Полосы располагаются продольно или поперек могилы. Они могут свисать вдоль стенок ящика на одну треть их ширины, затем поднимаются вдоль стенок ямы. Последний способ, называемый в Якутии «пазырыкской традицией», связан с предварительным наполнением части ямы. Мы обнаружили его в нескольких хронологических периодах (27% случаев - в древний период, 25% - в первой половине XVIII века, 19% - во второй половине XVIII века, 44% случаев - в христианский период в XIX веке). В течение второй половины XVIII века и в XIX веке покрытие из бересты не закрывает полностью гроб примерно в 25% могил.

Среди захоронений до XIX века известно только пятнадцать исключений (15 из 57 случаев, то есть 26%). В двенадцати захоронениях не имеется никакого берестяного покрытия: в могилах раннего периода, в местностях Бютэйдээх и Балыктаах, Лампа 1 и Тымпы, в первой половине XVIII века в «Шаманском дереве 2 и 3», Суола 2, Булгуннях, во второй половине XVIII века – Джарама 2, Лампа 2, Елечей 3, Булгуннях 1. В трех могилах имеется покрытие из коры лиственницы, грубой и твердой

Суола 1 (Мегино-Кангаласский улус, Центральная Якутия). Детское погребение первой половины XVIII века. Замазывание колоды бетулином подтверждает гипотезу о том, что погребенный наводил страх на современников.

Sola 1 (uluus of Megino-Khangelass, central Yakutia). Infant burial, dating from the first half of the 18th century. The closure of the trunk with betulin, reinforces the hypothesis that this subject was feared by his contemporaries.

для отделения и резки: это - Охтубут 2 (начало/середина XVIII века), Джарама 4 (середина/конец XVIII века) и Тунгус Кюель 5 (отсутствуют данные для установления датировки). Погребенные без вещевого инвентаря, возможно, относились к такой социальной среде, где не имели возможности положить в гроб вещи и бересту от летнего дома-урасы. Напротив, в двух могилах из этого улуса Центральной Якутии (Бойола 1 и Елечей 1) имеется важный элемент летнего дома – дверь.

Замазывание ящика бетулином

В двух захоронениях (Булгунняхтаах 2 и Суола 1) ящики-гробы были замазаны березовой смолой. Речь идет об особенных случаях: в местности Сола – погребение маленького ребенка, в Булгунняхтаах 2 на Вилуе – женщины из знатного рода, которая, возможно, была шаманкой.

Береза, установленная на могилу

В шестнадцати захоронениях из двадцати одного, относящихся к XVIII веку, исследованных с точки зрения наличия или отсутствия сопроводительного инвентаря, мы обнаружили остатки березки (диаметр ствола несколько сантиметров), которую воткнули в могильную яму на глубину от крышки ящика до поверхности земли. В могилах XIX века такого не наблюдается. В древнем периоде имеется лишь одно захоронение (Таралай),

Попытка реконструкции погребения Джарама 1, датированного второй половиной XVIII века (Н. Сенегас). Надмогильное сооружение, разрушившееся во время раскопок, было разобрано по частям, каждый элемент был пронумерован. Благодаря этому, можно понять планировку построения надмогильного сооружения и иметь возможность восстановить данное погребение, чтобы выставить его в музее. Внизу – Береза, воткнутая внутрь гроба, доходила до надмогильного сооружения. Верхний край дерева был защищен крышей.

Left: reconstruction in the actual landscape of the Jarama 1 grave, dating from the second half of the 18th century (N. Sénégas). The superstructure was already collapsed on discovery, so it was carefully disassembled, and every section was numbered to enable the grave to be reassembled in a museum, in the future. Right: photograph of the birch tree that was planted on the coffin; it emerges from the superstructure and its extremity is protected by the roof.

датированное методом дендрологии 1689 годом, то есть, очень раннее. В Бугоарыма 1 покойник лежит на животе (ничком), вероятно, это человек, покончивший жизнь самоубийством. На ящике имеется три фрагмента березы (а человек один). В «Шаманском дереве 1» и в Джарама 1 основания березок срезаны топором, в то время как в Кыс Унуога (диаметр ствола почти десять см) и, несомненно, в Мунур Урях речь идет о березах, которые были вырваны с корнями (отчетливо видны основания двух больших корней). Верхняя часть этих берез не сохранилась, возможно, прогнила или распалась во время разрушения надстройки. Только в Джарама 1 в ходе демонтажа надстройки мы констатировали, что березка была установлена

сверху ящика-гроба, покрыв погребальную яму, и выходила на поверхность через отверстие, и, в конце концов, ее верхушка оказалась под укрытием крыши могилы.

В целом, в культуре сибирских народов береза ассоциируется с возрождением, но особенно с мифо-обрядовой темой восхождения к небу. Так, в Бурятии наутро первого посвящения шамана внутри и вокруг его жилища втыкали березки, которые накануне были вырыты с корнями. Если на березке имелись корни, ее сажали в юго-западном углу, верхушка проходила сквозь дымоход. Это символизировало бога-причетника, который указывал дорогу, по которой шаман может достичь неба (Czaplicka, 2004).

Попытка реконструкции женской одежды из погребения Сэргэлэх (Чурапчинский улус), датированное первой половиной XVIII века. Капоровидная шапка из соболиного меха с подкладкой из лисьего меха или же шкуры волка имеет рожки, обшитые с одной стороны рядами бисера, с другой стороны имеется медный круг, символизирующий солнечный диск. Солнечный диск, найденный во время раскопок на задней части черепа, обычно пришивался спереди. Под шубой из шкуры оленя (не представлена) покойная имела обрядово-праздничную шубу Таналай. Шуба сшита из шкуры жеребенка, короткие рукава и края платья окантованы соболиным мехом. Воротник, плечевая и нижняя части платья декорированы бисером черного, белого и голубого цветов. (рисунок К. Оштрассер-Пети)

Reproduction of the clothes worn by the woman of Sergueleakh (Churapchinsky ulus), a burial dating from the first half of the 18th century. Under the reindeer skin coat (not shown), the individual wore a tangalai for the spring festival of Yhyakh. The coat was made from foal skin, with sable fur for the arms (short) and lower section. It was decorated with black, white and blue beads on the collar, shoulders, back, and anterior, middle and bottom sections. Drop-shaped pendants were also attached to the collar. (Watercolour Ch. Hochstrasser-Petit).

По всей вероятности, подобная традиция появилась лишь в конце XVII века. Мы не нашли никаких ссылок в записях этнографов XIX века на то, что может означать эта традиция, которая быстро утерялась после христианизации, или люди, которых тогда опрашивали, не хотели об этом говорить. Наличие березки внутри, а не над могилой самоубийцы, вызывает вопросы, тем более, что она разделена на три части. Новый обычай либо отказ от возрождения или указания пути достижения неба, об этом остается только догадываться.

Внутреннее убранство ящиков-гробов, расположение тел и их покрытие

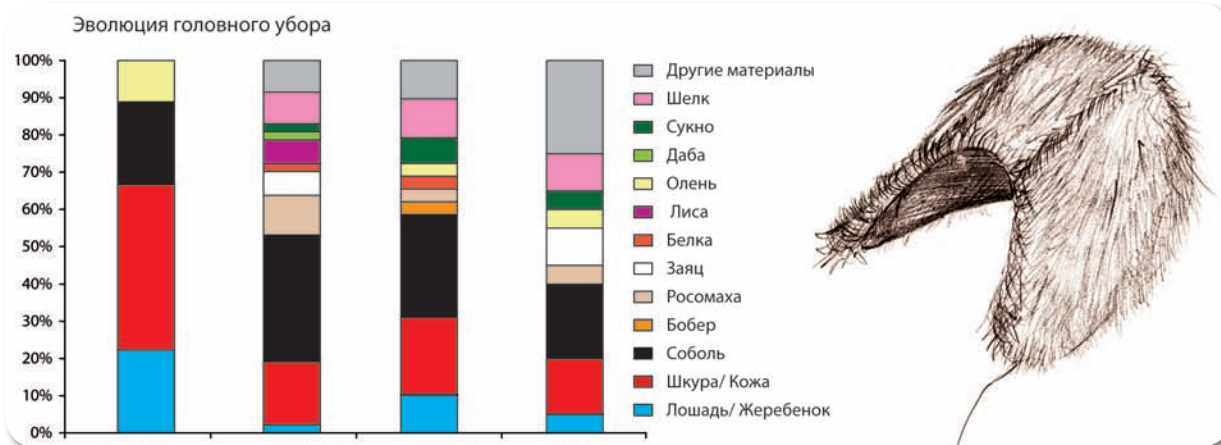
Внутренняя часть ящика-гроба может быть также покрыта берестой. В древнем периоде имеется единственный случай, в местности Орто Арыы: ребенок лежит на бересте, боковые края частично выходят на тело, как папка. В XVIII веке это становится правилом для захоронения знати Чурапчинского района (26% могил XVIII века). Для более позднего периода наблюдается один случай (Кулусунах 2 - 6% исследованных могил). Очевидно, дно из бересты придавало содержимому ящика белый вид. Необходимо отметить, что этот незапятнанный чистый вид достигался также, когда дно ящика устилалось шкурой зимнего зайца, как в случае с Буогарыма 1 (ранний период) и Сэргэлэх и Сэттэ Тумул (первая половина XVIII века).

Непосредственно на дно ящика или на берестяное покрытие кладут покрывало из меха, обычно, шкуру жеребенка, иногда зайца, под голову под-

кладывают достаточно часто подушку. В древний период и в первую половину XVIII века подушка изготавливается из конской или заячьей шкуры, или даже, как в могиле Елечей 2, из шкурки соболя. В течение первой половины XVIII века индивидуальные подушки из кожи представляют половину случаев (6 из 12). Их становится много во второй половине XVIII (7 случаев из 10). А в XIX веке подушки изготавливают не из кожи, а из ткани (2 из 7). В двух групповых захоронениях способ изготовления подушек вызывает удивление, как если бы служители культа были вынуждены все сделать второпях. В погребении Шаманское дерево в трех могилах под голову подложено свернутое пальто. В местности Ат Дабаан в двойном захоронении начала XIX века подушки сделаны из веток не хвойных деревьев, а лиственных.

С другой стороны, до периода христианизации тело могло быть укрыто покрывалом. В Шаманском дереве в могиле двух женщин - кожаное покрывало, в Ожулун 2 женщина и в Нэлэгэр мужчина укрыты одеялом из меха зайца. Либо это может быть пальто из ткани (хлопчатобумажной?), как на мужчине из Мунур Урях 1 или шкура жеребенка на женщине в местности Сэргэлэх. Иногда покрытие из бересты также покрывает тело, как в Шаманском дереве 1 и Мунур Уряхе 1. В Шаманском дереве 1 ребенок, погребенный в ящике, обернут в шкуру жеребенка, завязанную веревками.

Нами было зарегистрировано три различных типа положения трупа. Наиболее часто встречается положение трупа на спине. Однако, в наиболее древних захоронениях субъект может лежать на боку. И наконец, было обнаружено два субъекта,

Головной убор и его эволюция в погребениях Центральной Якутии. Следует отметить разнообразие материала и мехов в XVIII веке, затем широкое использование в XIX веке головных уборов из ткани.

The evolution of the chapka in the graves of central Yakutia. In the 18th century a diversification of materials is observed, notably in the furs. From the 19th century there was an increase in chapkas made from fabric.

Мунур Урях 1 и «Долина знати»

В.Попов, Э.Крюбези

В Чурапчинском улусе в радиусе менее 15 км были обнаружены могилы Шаманское дерево 1, Кыйс Унуога, Сэргэлэх. На покойниках была расшитая бисером одежда из шелка и привозных тканей. Примерная дата захоронения – 1700-1728 гг. Мужчины относятся к одному роду по отцовской линии, которая уже была установлена в могилах Джусулен (тот же самый район), и географически происходят все из одного места, которое исследователи называют «Долиной знати».

1

Мунур Урях 1 (Чурапчинский улус), захоронение 1727 г. Этапы раскопок (с 1 по 6). Белый цвет - дерево, красный - береста, зеленый - ткань, желтый - шкура лошади. (Н.Сенегас).

Mounour Urekh 1 (Churapchinsky ulus), a burial dated to 1727. Steps in the excavation (1-6). White: wood; red: birch bark; green: fabric; yellow: horse skin. (N. Sénégas).

2

3

4

5

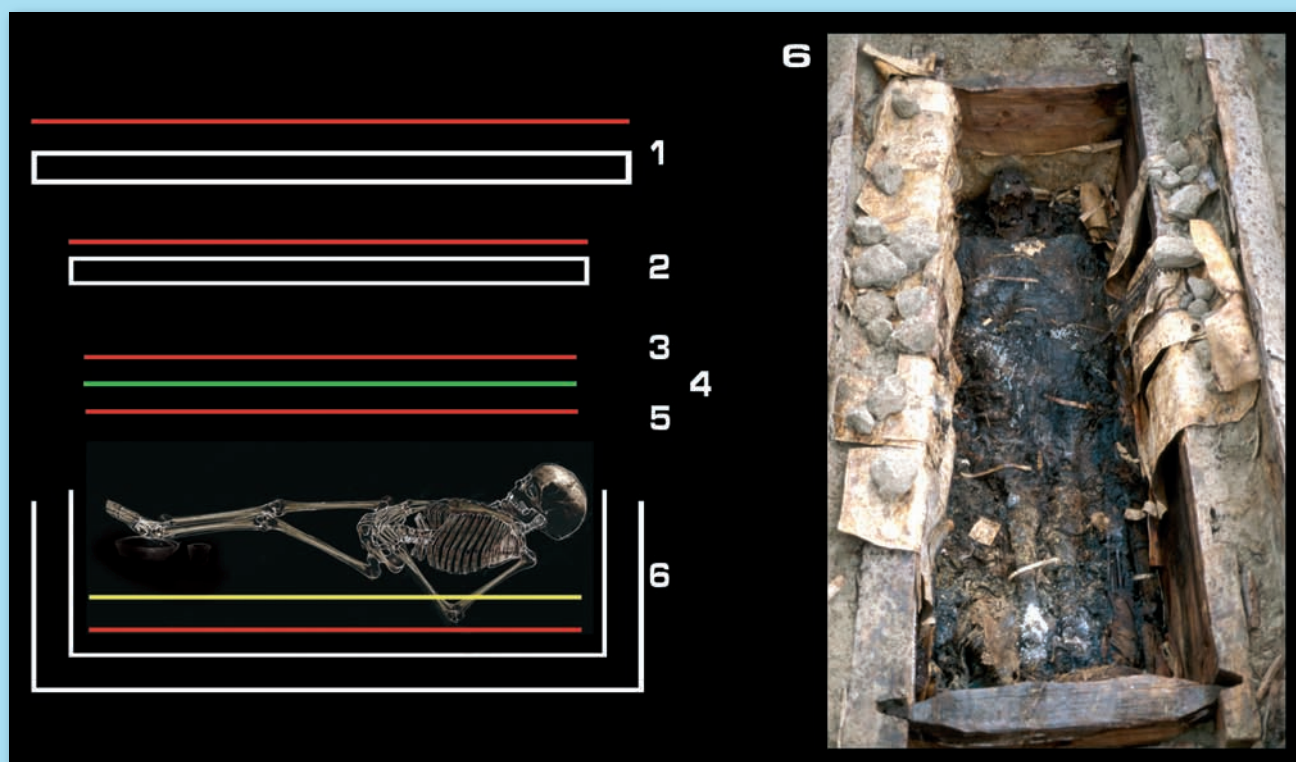
Практика захоронений - смешанная, в ней прослеживаются традиции из Центральной Азии и из Алтая, которые существуют в Якутии с XV века, а также новые традиции, занесенные из Бурятии и/или Монголии. Так, в могиле Джусулен был обнаружен котелок, что обычно встречается в скифских могилах и говорит о древнем периоде захоронения. В то время как покроей платья в захоронении Кыйс Унуога, шелковая туника в Мунур Урях, стрижка мужчины из погребения Шаманское дерево 1, двойной погребальный ящик, идентичный тому, что был найден в Эгийн Голе (север Монголии, времена первой степной империи), а также помещение в могилу останков лошадей, отсылают скорее к Монголии и Бурятии, чем к Центральной Азии или Алтаю.

С помощью дендрологии была установлена датировка могилы Мунур Урях 1 – 1727 год (захоронение произведено зимой 1727/ 1728 гг., с разницей в несколько месяцев с погребением Кыйс Унуога). Могила расположена на пологом скате террасы между лиственничным лесом и лугом и представляет собой двойной ящик.

Первый ящик (2,78 м X 1,06 м X 0,54 м) состоит из 4 бортовых досок и 5 досок для крышки. Поперечные борта вставляются в продольные (удерживаемые четырьмя колышками, расположенными в 50 см от углов) с треугольными выемками на концах. Ящик покрыт кусками бересты (12 поперечных фрагментов). После закрытия внешнего ящика была поставлена символическая береза от ящика до верха могилы. Она должна была дойти до надстройки, разрушившейся в наши дни.

Второй ящик (2,0 м X 0,6 м X 0,35 м изнутри) построенный и собранный идентично первому (кроме крышки, состоящей всего из 3 досок), накрыт берестой (11 поперечных фрагментов). При открытии погребального ящика, прямо под крышкой обнаружено еще одно покрытие из двойного слоя бересты. На другом двухслойном берестяном покрытии была разложена зеленая ткань, края которой сложены вдоль стенок ящика. И, наконец, дно ящика также выстлано поперечно разложенной берестой.

Между восточными краями обоих ящиков находятся кожаная сума, останки жеребенка (грудная кость и ребра), завернутые в бересту, и топор. Захороненный - мужчина, лежащий на спине, на лошадиной шкуре, с подушкой под головой. Ноги его положены на седло, внутренний ленчик которого покрыт пластинкой из медсодержащего сплава. Рядом лежит сумка из двухслойной кожи, с мехом, образующим защитный слой (от холода?). Железный котелок, лежащий на седле и на ногах покойного, перевернут, внутри имеются остатки органического характера, деревянная посуда (сосуд, ложка) и каркас заплечного рюкзака-ранца. Вдоль левого бока покойного положен лук, колчан с девятью стрелами, пальма, рукоять кнута и сумка, лежащая между левой рукой и верхней частью бедра.

Мунур Урях 1, прекрасно сохранившийся ленчик седла.

Mounour Urekh 1, a perfectly preserved saddle pommel in bronze.

одежда, что же касается шелковой блузы, то она - единственная в Якутии, и, скорее всего, она очень дорого стоила, так как была завезена издалека. Покойник был одет в свою самую нарядную одежду.

Трусы находятся на 15 см ниже, чем нужно, как если бы они соскользнули, или их специально так оставили. К тому же, поверх шелковой туники, примерно в области трусов был найден тампон из мелких корешков и соломы. Между нижними конечностями находилось большое количество фекального вещества, что было связано, судя по всему, с ослаблением анального сфинктера после смерти. Тем самым, можно предположить, что трусы были надеты после смерти, но недостаточно высоко подняты, как бывает во время погребального приготовления усопшего (сложно одевать тяжелый и крепкий труп), и для тех, кто его готовил, последствия ослабления сфинктера стали неожиданностью. Скорее всего, они начали готовить тело сразу после смерти, а когда в конце одевания это случилось, они ограничились тем, что положили тампон на одежду усопшего.

На головном уборе имеются рожки и солнечный диск, на руке - перстень с выгравированной печаткой. На голое тело надето подобие трусов с украшением из бисера в верхней части, туника из шкуры жеребенка с короткими рукавами, с подкладкой из ткани типа даба. На тунику надет пояс из металлических вставок, на переднюю боковую сторону которого вешалась «бисерная юбка» из лошадиной шкуры, называемая хапар, в форме U, широко открытая посередине. Она предназначалась для защиты во время работы боковых сторон бедер. Гетры (повернутые мехом внутрь) пристегивались к двум внутренним металлическим кольцам хапар, расположенным чуть ниже пояса. На ногах - сапоги из шкуры лошади, украшенные голубым и белым бисером. Поверх туники из шкуры жеребенка надет шелковая блуза с растительным орнаментом (которую надевали через голову) длиной до колен, закрытых гетрами. И, наконец, на нем было пальто до колен из шкуры жеребенка, вышитое бисером,

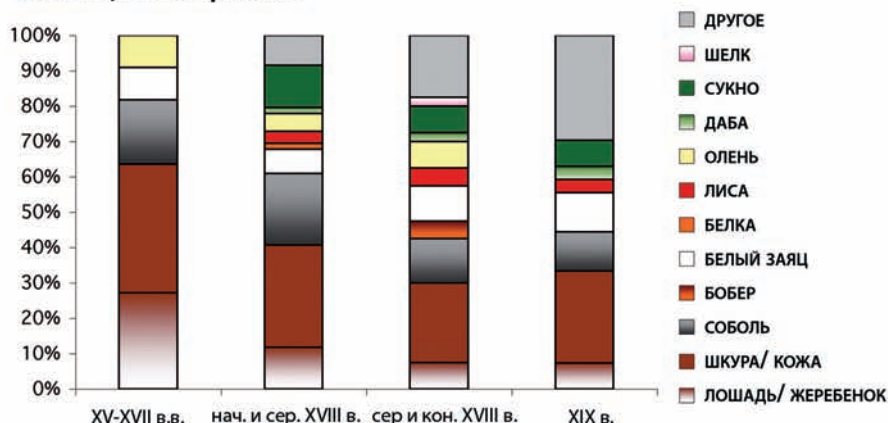
и рукавицы из лошадиной шкуры, украшенные белым и голубым бисером. Вышивка бисером на рукавицах и на хапар свидетельствует о том, что это - не рабочая

Мунур Урях 1, двойная кожаная сумка мехом внутрь.

Mounour Urekh 1, a leather sack double-lined with fur.

Эволюция материалов

The evolution of coat materials found in the graves of central Yakutia. The diversity of furs increased in the 18th century and the use of imported fabrics increased in the 19th century.

Эволюция материалов для шубы, встречаемых в погребениях Центральной Якутии. Отмечается большое разнообразие мехов в XVIII веке и увеличение привозных тканей в XIX веке.

лежащих на животе: ребенок в Шаманском дереве 1 снаружи ящика-гроба и мужчина в Буогарыма 1. В Шаманском дереве 1 скученность тел повлекла за собой положение двух тел на боку, что связано, по всей видимости, с одновременностью захоронения, нежели с требованием ритуала. В наиболее древних захоронениях, с XV по XVIII века, за единственным исключением, ящики-гробы - широкие, верхние и нижние конечности покойников свободно отведены. Видимо, это старались соблюдать в большинстве случаев. Впоследствии гробы стали более узкими, особенно те, которые изготавливались из половины ствола, и трупы в них сильно зажаты.

Положение рук в большинстве случаев - на уровне таза в древний период (77%), такое положение сохраняется в 40% случаев до XIX века, за исключением второй половины XVIII века, когда такое положение встречается в 67% случаев. В начале XVIII века почти в 50% случаев руки расположены вдоль тела. Положение рук на груди и на животе встречается в 15% случаев в ранний период, в XVIII веке редко (менее 6%), а в последующем становится чаще (43%). Отмечены три случая необычного положения трупа: в древний период в Джусулене положение субъекта на правой руке, в Шаманском дереве 1 ребенок, похороненный снаружи гроба с отведенными назад руками, при этом его левая рука расположена вертикально гробу, и, наконец, ребенок из двойной могилы у реки Танда, у которого левая рука положена под голову.

Одежда погребенных

Погребенные одеты, в основном, в зимнюю одежду, реже - в демисезонную.

Лица покрыты саваном, за исключением одного мужчины, покончившего жизнь самоубийством и погребенного на животе, а также молодой женщины из Шаманского Древа 1, на которой было подобие маски из шкуры лошади, которую носили замужние женщины, Младенцев в XIX веке хоронили завернутыми или покрытыми тканью, которая выполняла в таких случаях функцию савана. В 31% рассмотренных случаев (всего двадцать шесть) XVIII века, саван изготовлен из шкуры лошади или жеребенка и в 27% случаях - из шкурки соболя. В Кыыс Унуога саван сшит из джута, в других случаях - чаще всего из ткани (12%) либо из меха неопределенного происхождения (15%). В Селисе и Тунгус Кюеле встречается саван из шелка, в Шаманском Древе в детском погребении и в Елечей 2 - саван из заячьей шкуры. В XIX веке в одном случае из девяти саван сделан из даба, в других случаях - из ткани, которая была определена как хлопчатобумажная (в Кыэн Эбэ 5 и Оттох алаас 1) и из индийского ситца (в Кыыл Бастаах 2, Оттох алаас 2). В Синигес - из меха колонка.

Одежда погребенных может быть предметом стереотипного описания.

- На голове имеется головной убор из меха (шапка), который может закрывать уши и даже спускаться до подбородка. Эволюция используемого материала показывает, что до XVIII века,

в основном, их шили из выделанной кожи лошади или жеребенка, а в XIX в. часто используется сукно. В XVIII веке используется разнообразный мех, в том числе и для пальто.

- На верхней части тела у погребенных имеется рубашка или жилет из хлопка (в некоторых могилах XVIII века) или из мягкого меха (заяц-беляк ценился наравне с соболем). На мужчинах имеется еще одна рубашка, а на женщинах платье, часто из кожи, и пальто. Поверх второй рубашки или платья может быть надет пояс с кольцами, предназначенными для подвешивания предметов личного пользования, того, что у современных людей помещается в карманах. Если имеются рукавицы, то они - кожаные, часто украшены орнаментом. Некоторые из рукавиц, как в Мунур Урях 1, - явно парадные, которые не могли носить в повседневной жизни.
- На нижней части тела у погребенных имеются «примитивные трусы»: сыалдыа (як.) или натазник с медными кольцами или кожаными тесемками для штанов или ноговицы, которые заправляются в кожаные сапоги, известные под названием торбаза.

Разумеется, эта общая схема включает многочисленные качественные и количественные вариации. Приведем некоторые из них:

Шапка могла быть декорирована разнообразными способами. Она может быть украшена полосками ткани (даба) или шелка, мехом, использованным как в качестве простой опушки, так и целой подкладки. В Сэттэ Тумул шапка выполнена весьма удачно с точки зрения эстетического оформления - меховая, она была украшена опушкой из беличьего меха, а внутренняя сторона шапки из мягкого заячьего меха. В начале XVIII века на шапке встречаются маленькие рога, сделанные из рулонов бересты, покрытые мехом, и даже расшитые бисером. Ее носили как мужчины, так и женщины, по всей вероятности, принадлежащие к местной знати. Металлические диски, изображающие солнце, обнаружены в 9 могилах, с XV по XVIII век, как у мужчин, так и у женщин. Классически диск пришивался к передней части шапки, но он мог быть расположен на верхушке и даже сзади, однако, точно неизвестно, было ли это необычное расположение связано с модой или с погребальной практикой.

Пальто-доха из выделанной кожи лошади или жеребенка, с шерстью или без, встречается достаточно часто, особенно, в древних захоронениях. В могилах знати, как в Кус Чарбыт, встретилось пальто из двойной кожи жеребенка, обитое ею как

внутри, так и снаружи. В Тиит Баппыт (старинное захоронение) пальто сшито из меха соболя, в то время как в Охтубут 2 в могиле пожилой женщины, в которой ящик-гроб был накрыт простым покрытием из лиственницы, пальто сшито из кожи оленя. Помимо социального различия, эволюция материала для изготовления пальто, возможно, связана с некоторыми экономическими тенденциями. В течение XVIII века материалы становились разнообразнее. Меха служили в качестве «платы» за привозные ткани, что привело, разумеется, к накоплению различных материалов в результате импорта.

Увеличение разнообразия произошло и за счет уменьшения количества пальто из кожи жеребенка или лошади, которое встречается все реже. Использование кожи оленя, разумеется, напрямую было связано с контактами с тунгусами. С середины XVIII века количество соболя уменьшается, и местные семьи в центре Якутии уже не могли позволить себе шубы из этого меха. Что касается шуб из меха бобра, то их не было до XVIII века, а к концу этого века они и вовсе исчезают. Вероятно, это связано с исчезновением вида из-за охоты в целях продажи, прежде всего, китайцам, что мы проиллюстрируем ниже в ходе исследования соболиного пути.

Иногда встречаются меховые шарфы (моойто-рук, як.) типа «боа», чаще из хвостов белки или соболя, позднее платки из шелковой ткани.

Если пальто украшались бисером или материей, отражающей социальный статус, то рубашки шились для удобства. Так, в Кус Чарбыт на взрослом мужчине была рубашка из очень мягкой кожи, как сейчас мы назвали бы, из «замши». Поверх рубашки был надет жилет из меха соболя. В Мунур Урях 1, Селисе и Булгуннях 1 шелковая рубашка была не только удобной, но и, скорее всего, подчеркивающей высокий статус. Вариации обуви и одежды для нижних конечностей позволяют оценить адаптацию одежды к определенным климатическим условиям. Так, в Буогарыма 1 погребенный «самоубийца» похоронен в своей обычной одежде. Между тем, предполагается, что в большей части могил погребенные одеты в свою нарядную одежду, что очевидно в могилах из «Долины знати». Об этом свидетельствует наличие почти во всех случаях зимней шубы (лучшей) и даже рукавиц, богато расшитых и мало использованных в повседневной жизни.

В связи с этим возникает вопрос относительно одежды, в которой хоронили усопших. Еще один исключительный случай, связанный с мужским

Джусулен

Э.Жирков, С.Дюшен, С.Колодезников, П.Жерар, В.Попов

Могила Джусулен в Чурапчинском улусе 1440-1660 гг. (дата, установленная при помощи радиоуглеродного анализа), представляет собой индивидуальное захоронение мужчины, ориентированное на запад/восток, находящееся на пригорке у леса. Мужчина происходит из того же рода по мужской линии, что и мужчины, найденные в более поздних захоронениях «Долины знати». Наличие древесного угля на поверхности свидетельствует о том, что ранее имелась надстройка, которая была сожжена; прямо под углем имелись также остатки железных деталей, деревянного сосуда, ящика и также детали конской упряжи.

Ящик-гроб (на глубине 0,70 м от поверхности земли) с покрытием из поперечных полос бересты сооружен из 5 бревен молодых лиственниц на дне, из досок, формирующих стенки и крышку (1,82 м в длину, 0,92 м в ширину и 0,20 м в высоту, так как доски ящика просели). Второе покрытие под крышкой находится на теле, а третье, состоящее из 6 поперечных полос, постелено под телом на дне ящика.

На мужчине - головной убор с металлическим «солнечным» диском, разные серьги справа (чередование белых и черных бусин) и слева (простая белая бусина), а также пояс, украшенный белыми и черными бусинами. Застежки ноговиц сделаны из бронзы старинной работы, которая нам уже встретилась в Орто Ары. Изначально мужчина лежал головой на седле, об этом свидетельствуют металлические детали, обнаруженные под головой, справа от головы найдены удила, остатки коврика или покрывала из сплетенного в косички конского волоса (типичная техника плетения у якутов и бурятов). Когда седло истлело, оно просело, и тело захороненного сдвинулось. Покойник был обнаружен лежащим на животе, голова лежала на правом плече, со слегка согнутым локтем, предплечье находилось прямо перед лицом; левое плечо приподнято, а локоть слегка согнут в левую сторону от тела. Нижние конечности согнуты, колени согнуты в левую сторону.

С правой стороны от тела был положен нож со сломанным лезвием, с левой стороны - колчан с разными стрелами и гарпун. Слева от ступней имелся железный котелок, а по обеим сторонам от захороненного - две части сломанного пополам большого лука.

Джусулен (Чурапчинский улус), захоронение датируется 1440-1660 г.г. Положение тела, изначально лежавшего на боку, не совсем обычно и свидетельствует о древности захоронения.

Djousoulén (Churapchinsky ulus), a burial dating between 1440 and 1660. The position of the man, lying on his side, is unusual, and characteristic of the ancient period.

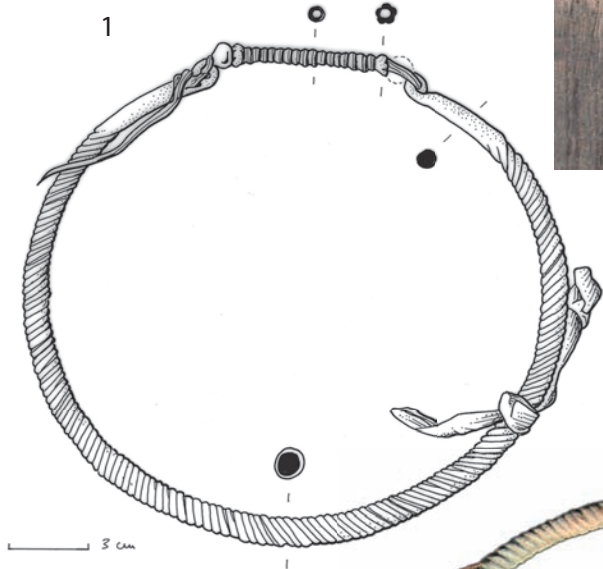
Традиционные якутские серьги с чередованием белых и черных бусин. Серьги носили как женщины, так и мужчины. Они встречаются в погребениях разных исторических периодов и всегда имеют четное количество бусин (характерно для мира мертвых).

Traditional earrings composed of alternate black and white beads. Earrings were worn by men as well as women, and were found in graves from all time periods, in even numbers (a characteristic of the world of the dead).

Украшение платья из бисера и бахромы, погребение Шаманское Дерево 1. Этот орнамент представляет собой традиционный мотив «ынахсыт», изображающий теленка, сосущего корову, и символизирующий разведение скота и благополучие и

Decorative beads and drop-shaped pendants from a dress in the 'Shamanic Tree 1' grave. Traditional Yakut motifs, called ynakhsyt, decorate the dress, and represent a cow feeding a calf, symbolising livestock farming and prosperity.

Рисунки и фотографии различных гривн, найденных в погребениях: №1 - Бульгуннях 2 (Сунтарский улус), №2 - Охтубут, Шаманское дерево 1 (Чурапчинский улус), №3 - Елечей 2 (Мегино-Кангаласский улус).

Drawings and photographs of various torques found on the sites of Boulgouniakh 2 (Suntarsky ulus), n°2 Okhtoubout, Shamanic tree 1 (Churapchinsky ulus), n°3 Eletchei 2 (Megino-Kangalassky ulus).

погребением в Мунур Урях 1, дает богатый материал для исследования, поскольку оно хорошо сохранилось. Мужчина похоронен в нарядной одежде. Что касается других захоронений, даже если формально нет возможности доказать, что имела особая погребальная одежда, вероятнее всего, она имела место, хотя нам систематически встречалась, например, только шапка, в ее зимней, летней или демисезонной вариации. И наоборот, нам встретилось очень мало аналогов трусов. Если пальто и одежда, надевавшиеся прямо на тело, встречаются довольно часто и могут быть легко описаны, то с нижней нательной одеждой дело обстоит сложнее. Что касается соломы в сапогах, которая часто использовалась в повседневной жизни, особенно зимой, то она встретилась всего в 18% случаев, в могилах разного времени (от 43% в могилах раннего периода до полного отсутствия во второй половине XVIII века). В погребении второй половины XVIII века в Сола 2 обнаружена стелька из меха соболя, а в погребении позднего периода в Кыл Бастаах 1- из заячьего меха.

По поводу отсутствия трусов можно предположить несколько причин: или они плохо сохранились, т.к. расположены на тех участках тела, которые подвергаются сильному разрушению, или их не было изначально. То же самое можно сказать про некоторые виды одежды, напрямую контактировавшие с кожей, и про солому в торбазах. В действительности, все погребенные, разумеется, не могли быть в торбазах в момент смерти, но они все похоронены в них, хотя не во всех можно найти солому. Солома служила утепляющей стелькой, и ее использование должно было быть почти обязательным в повседневной жизни, по крайней мере, в течение холодного времени года. Однако те, кто готовил покойника к погребению, умывали и одевали его, больше заботились о его внешнем виде,

который будет виден всем во время похоронной церемонии, а не о комфорте.

Украшения

Нам не встретилось ни одной татуировки, что характерно для якутов и отличает их от некоторых других сибирских народов. Серьги регулярно встречаются как в женских, так и в мужских погребениях, за исключением древней могилы мужчины в местности Джусулен, погребенного на боку. Двенадцать перстней с печаткой было обнаружено в могилах знати: у мужчины из Мунур Урях 1; у женщины, похороненной в соседней могиле (Мунур Урях 1 bis), и у пожилой женщины из местности Шаманское Дерево 1, в женских могилах Ожулун 2, Елечей 1 в Центральной Якутии, в Вилюйском районе в мужских могилах Селисе, Атах и Булгунняхтаах 1. В XIX веке в двух христианских могилах у погребенных обнаружены перстни с печаткой: у женщины из местности Синигес и у мужчины в Тутэх. Кольца обнаружены у трех женщин (Сэргэлэх, Ожулун 2 и Булгуннях 2) и у девочки от 7 до 9 лет (Елечей 2). Кольцо, скорее всего, обручальное, имелось у мужчины-христианина в Киэн Эбэ 4. У женщины из могилы Сэргэлэх среди вещей, помещенных с нею, была найдена шкатулка для драгоценностей, в которой было две пары серег и два браслета из медного сплава.

У двух погребенных женщин (Шаманское Дерево 3 и Булгуннях 2) и двух девочек до 14 лет (Елечей 2 и Джарама) обнаружены гривны, у одной молодой женщины из Шаманского Древа 1 - горжетка.

С погребенными в могилу были положены вещи, которые они носили в повседневной жизни. Вещи являлись предметами обиходного пользования мужчин или женщин. По причине отсутствия карманов, некоторые из предметов повседневного пользования, как например, огниво, нож, кисет для табака, были прикреплены к поясу или вложены в сапог (например, трубка в верхней части правого сапога у женщин). Иногда они были прикреплены шнурками к гривне, как в случае с женщиной из

Курительная трубка из лиственницы с чашкой из мамонтовой кости (Шаманское Дерево 1). Ее обнаружили в правом сапоге умершего, где ее обычно носили.

Pipe made of larch, with the burner sculpted from mammoth ivory ('Shamanic Tree 1'). The pipe was found in the man's right boot; the usually place for its carriage.

Шаманского дерева 3. Эти предметы, должно быть, были оставлены на усопшем (если он умер в этих одеждах) или положены позднее (если его переодели). Что касается ножей, часто на поясе имеются только пустые ножны, а сам нож в целом виде, либо намеренно сломанный или с изогнутым лезвием, клали сбоку и даже вне ящика-гроба, между крышкой и боковой стойкой. Однако возникает вопрос, все ли предметы повседневного пользования помещали в гроб после смерти человека? Так, у женщин часто встречается трубка (вещь личного пользования), но огниво встречается редко, и только у четырех женщин из общего числа были найдены сумочки, в которых мог содержаться табак. Что касается мужчин и женщин, у которых не было табака, означает ли это, что табакерка хранилась у них дома, отдельно? Одалживали ли они табак у остальных членов семьи или те, кто их хоронили, не сочли благообразным прикрепить кисет для табака к поясу покойника?

Помещение предметов и сопроводительного инвентаря на дно могилы

Анализ различных типов захоронений, осуществленный для классификации могил по периодам, позволяет отличить частные случаи от общего в погребальной практике. Классификация могил и сопроводительного инвентаря, помещенного в них, позволяет выявить некоторые хронологические тенденции. Так, в могилах людей, обращенных в христианство, уже нет сопроводительного инвентаря, принадлежавшего усопшему, кроме

вещей, связанных с православными обрядами, например, свеча в руке. Уже с середины XVIII века, даже когда нет признаков христианского захоронения, тенденция к уменьшению предметов в могиле очевидна. В данной главе мы рассмотрим вопрос о могилах раннего периода и могилах XVIII века, оставив вопрос о христианизации в стороне. На самом деле, оказывается, что наряду с длительными тенденциями, существует разрыв между ранним периодом (XIV-XVII вв.) и XVIII веком.

Различия между ранним периодом и XVIII веком

То, что позволяет отличить ранний период от XVIII века, помимо типов сопроводительного инвентаря, это способ его размещения, положение тел и форма гробов. К тому же, в могилах XVIII века по сравнению с предшествующим периодом, имеется большое количество сопроводительного инвентаря, что само по себе создает ощущение разрыва. И, наконец, в могилах раннего периода похоронены мужчины и только два ребенка, в то время как в более поздних могилах погребены люди обоих полов и даже маленькие дети, что весьма затрудняет анализ.

Нами обнаружено пятнадцать могил, датированных с XV века по XVII век. Все эти могилы - мужские, взрослых и детей, похороненных в ящиках-гробах из досок или бревен. Гробы - широкие, обычно туда вкладываются берестяные сосуды, ножи, и очень часто охотничьи снасти (лук, пальма и т.д.). Часто встречается седло или стремяна в изголовье тела или на ящике-гробе, иногда присутствует чорон

Погребение Тиит Баппыт (Чурапчинский улус) относится к раннему периоду (XV - XVII в.в.). Голова покоится на седле. Лук положен напротив лица, колчан со стрелами - вдоль правой руки. Две стрелы имеют неострые костяные наконечники, с которыми можно было охотиться, не повреждая мех животных, т.е., томары.

Tiit Bappyt (Churapchinsky ulus), a burial from the ancient period (15th-17th centuries). The head rests on a saddle; the anterior arched saddle-tree is visible. The bow lies against his face and arrows are in a quiver lying along his right arm. Two bone arrows have blunt heads; this enabled animals to be hunted for fur, without damaging the coat.

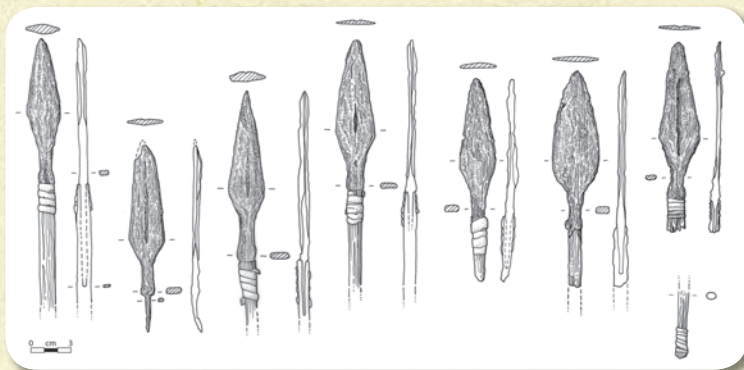

Лук, колчан и стрелы, найденные во многих погребениях, являются главным снаряжением якутского охотника. Сверху, слева направо - снаряжение из захоронений Шаманское Дерево 1, Суола 2 и Бойола 1. Внизу - наконечники стрел из погребения Шаманское дерево 1.

Bow, quiver and arrows found in many graves; essential objects for the Yakut hunter. Top left to right: from the sites of Shamanic tree 1, Sola 2 and Boyola 1. Bottom: arrowheads from the Shamanic Tree 1 grave.

Пальма - якутское традиционное оружие (погребение Нэлэгэр, Таттинский улус). Обнаружена в погребении раннего периода. Пальма была намеренно сломана. Якуты считали, что такие предметы имели собственную власть и могли исполнить свое предназначение. Поэтому якутам следовало их «убить», а также не позволить душе умершего, превратившейся в юер, воспользоваться ими.

Traditional Yakut weapon, called a palme (Nélégheer, Tattinsky ulus). This was found in a burial from the ancient period (15th-17th centuries) and had been broken on purpose. Yakuts believed that objects had their own will and wanted to accomplish that for which they were made. It was necessary to 'kill' them, to prevent the soul, which became üeur, to use them.

(деревянный сосуд для кумыса). Что касается седла, оно часто содержит элементы конской упряжи, например, стремена, которые иногда изготовлены из дерева. К концу XVII века, в конечной фазе этой традиции, встречаются только стремена и подпруга

Деревянная чаша - «кытыйа» (погребение Нэлэгэр). Расколотая на две части, она была отремонтирована с помощью берестяных полос под ornamentированными ручками и в днище.

Wooden cup, called a kytyia (Nélégheer). Spilt in two, it had been repaired using strips of birch bark under the decorated handles and on the base.

седла на гробе (Буогарыма 1). Деревянные сосуды с тремя ножками (чорон) были найдены в Тиит Баппыт и Улахан Алаас, где наблюдается большое сходство могил. Однако, если в Улахан Алаас чорон был сделан из цельного куска дерева, то в Тиит Баппыт ножки были сделаны отдельно и затем вставлены в отверстия, что является более древней техникой изготовления чоронов. В обеих местностях сосуд не стоял вертикально, следов молочного продукта не обнаружено. В отличие от большин-

ства случаев, он был помещен в необычном месте - за головой покойника, в Улахан Алаас - на седле, а в Тит Баппыт - между бедром покойника и луком. В обоих случаях похоже на то, что чорон был положен после того, как поместили тело, и до того, как положили оружие (в данном случае лук). Расположение сосуда отличается от положения всего остального инвентаря, аккуратно сложенного в углу или у края гроба. Возможно, что чорон вложили в конце погребальной церемонии, после того как было положено тело, но до размещения в гробе остального инвентаря (в обоих случаях чорон был расколот надвое), после того, как некоторые участники церемонии выпили содержимое сосуда. Как бы то ни было, качество сосуда великолепно, и речь идет об особом сосуде, использовавшемся в исключительных случаях.

В XVIII веке в захоронениях знати и мужчин (детей там нет) расположение и тип сопроводительного инвентаря различаются даже в тех могилах,

Лакированная чаша (Киэн Эбэ 1, Таттинский улус). Привозная вещь, обнаруженная в детском погребении, датированном концом XVIII века.

Lacquer bowl (Ken Ebé 1, Tattinsky ulus). Imported objects found in a child's grave, dating from the end of the 18th century.

где отсутствуют привозные вещи. В погребальных камерах имеются колоды или ящики-гробы, и инвентарь иногда складывается в пространство между ними, чаще со стороны ног, чороны на трех ножках отсутствуют. Обнаружена одна могила мужчины из знати, в которую был вложен деревянный сосуд (Кус Чарбыт), однако это - не чорон с тремя ножками, кроме того, он помещен между колодой и ящиком-гробом, в зоне приношений. Такой же случай отмечен в могиле ребенка в Киэн Эбэ 1, где в аналогичном месте была обнаружена привозная лаковая чаша. Таким образом, расположение этих предметов во время церемонии, как видно, бывает различным.

В XVIII веке седла обнаруживаются только в могилах знати, и они, скорее, связаны с выставлением напоказ социального статуса покойника. Большое количество предметов, помещенных в могилу или рядом с ней, носит, скорее, показной характер, нежели связано со строгим соблюдением погребальной практики, поскольку в любой могиле предыдущего периода наличие элементов конского убранства кажется обязательным. В Шаманском Дереве 1 седла были расположены снаружи ящика-гроба, в Бере, Орджогон 1 и Булгуннях 1 и 2 – на ящике, в Елечее - между двумя ящиками, у ног. В Сэргэлэх и Мунур Урях1 в ящик-гроб было вложено седло, находившееся у ног погребенного. Такое размещение не встречается в раннем периоде. В Шаманском Дереве 1 собиравшие усопшего в последний путь особо выделили седла лошадей (их два) и еще одно вычужное седло. Все седла расположены вдоль гроба, чередуясь с грудями сложенного инвентаря, где на самом верху лежали деревянные миски, притом некоторые из них внушительных размеров. Эти седла, возможно, не все были предназначены для мужчины, возможно, одно для мужчины и по одному для каждой женщины. В одной груди был великолепный седельный ковер-чепрак, расшитый сотнями бусин, с бронзовыми/или латунными пряжками, под которым была сумка с огромным количеством стеклянных бусин. Нельзя не отметить нарочитое подчеркивание богатства.

Привозные вещи характерны для могил начала XVIII века. В могилах раннего периода часто встречается привозной бисер черного и белого цветов, часть вооружения также могла быть привозной. В раннем периоде такой бисер использовался только для изготовления серег, впоследствии он встречается чаще на одежде или некоторых предметах повседневного обихода (сумочки с огнивом, кото-

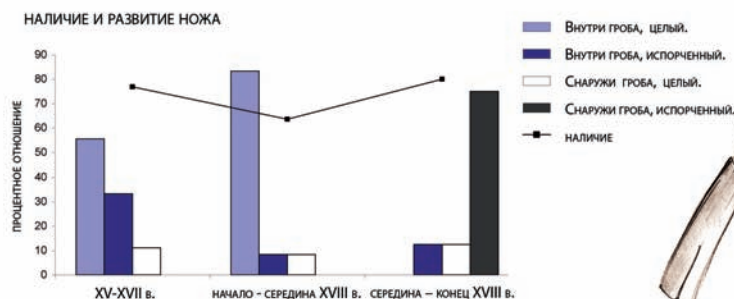
рые носили на поясе). Бисер часто обнаруживают в скромных могилах, где он использован в серьгах или как элемент оформления сумки. А в богатых могилах могли быть сотни бусин, либо в качестве оформления пальто или платья, либо даже внутри сумок. Для этого периода характерно использование шелка, однако он встречается редко. В могиле, датированной 1760 г. (Кизн Эбэ 1), мы обнаружили красную и черную пиалу из лака. Ткань, называемая даба, часто встречается в могилах XVIII века, однако ее привезли немного раньше, и она быстро получила распространение.

Совпадение элементов раннего периода и XVIII века

Совпадающие элементы могут быть выявлены в соответствии с имеющимися образцами только для мужчин старше тридцати лет. При раскопках таких могил обычно можно встретить полную экипировку наездника и охотника/воина, а также железный котел. Кроме этого, в поле нашего интереса попадают деревянные сосуды и посуда из бересты, которые встречаются в могилах различного периода.

Что касается оружия в мужских могилах, нами было обнаружено два вида: с одной стороны, лук и колчан, встречающиеся очень часто, с другой стороны, более редкое оружие из железа, представленное «якутским мечом», пальмой. Что касается луков, это очень большие охотничьи луки (пешего охотника), достигающие двух метров в высоту; нам встретился всего один лук всадника в могиле раннего периода. В семи случаях внутри могилы были найдены предварительно сломанные луки, и, судя по их расположению, они были положены в числе последних. В двух случаях - в Шаманском Дереве 1 и Бойола 1 – лук, вложенный внутрь, не был сломан. В пяти других случаях лук был снаружи, между сундуком и половинкой ствола или на гробе, и, следовательно, также является частью элементов, помещенных в могилу в последнюю очередь. В четырех захоронениях был обнаружен целый лук: в Улахан Алаас, Орджогон 1 и 2, Булгунняхтаах 1. В Кус Чарбыт он был сломан. Что касается пальмы, боевого оружия, которое в XVII и XVIII вв. было частью традиционного вооружения якутского воина, оно было обнаружено в шести случаях захоронений раннего периода. Когда пальма помещалась снаружи гроба, как в местностях Балыктаах, Джусулен, Улахан Алаас и Таралай, она была найдена целой, в то время как в захоронении Нэлэгэр пальма была намеренно сломана. В захоронениях XVIII века

Нож и его эволюция в погребениях Центральной Якутии. Отмечается переход от раннего периода к концу XVIII века. Вначале нож располагался внутри гроба, пригодный для использования (целый) или сломанный (испорченный), затем – снаружи, намеренно испорченный.

The evolution of the knife in the graves of central Yakutia. During the ancient period the knife was placed inside the coffin, in a usable or unusable state, but to the end of the 18th century, the knife was placed outside the coffin in an unusable state.

внутри гроба-ящика была найдена пальма рядом с луком (Шаманское Дерево 1, Мунур Урях 1, Юрюнг Мыран 1). В Кус Чарбыт, Орджогон 1 и 2 и в Булгуннях 1 пальма была вложена снаружи и не была намеренно сломана. Только в Селисе пальма была сломана и помещена внутри гроба.

Элементы лошадиной уздечки были обнаружены снаружи гроба в могиле главы рода Мунур Урях 1, датированной 1727 годом; они были помещены с приношениями рядом с гробом в захоронении Шаманское Дерево 1, которое намного позднее предыдущего, а также в Джусулуне на поверхности (но удила находились возле седла, под черепом).

В женском захоронении в Елечее 1 удила лежали справа от головы, в то время как седло и стремяна находились в отделении для инвентаря между двумя ящиками. В Орджогоне 1 и Бере – поверх ящика, в Булгуннях – вдоль ящика, при этом седло лежало сверху. Это позволяет предположить, что независимо от периода, узду вкладывали редко, и чаще всего это было частью конца погребального обряда.

Было обнаружено шесть железных котлов, три из них находились внутри гроба у ног покойного. В Джусулуне (ранний период) и в Мунур Урях 1 (1727 г.) они были перевернуты, внутри котелка была деревянная миска, деревянное ведро с орнаментом и каркас/остов рюкзака (ранца). В Кус Чарбыт (первая половина XVIII века) котелок лежал вверх дном, рядом найдена деревянная ложка, и прямо возле котелка – останки рюкзака. Три других были обнаружены снаружи гроба; в Шаманском Дереве 1 котелок был перевернут, внутри него была ложка и остатки органического вещества. В Булгуннях 1 и 2 котелки также были перевернуты и лежали на ящиках. В захоронении мужчины котелок содержал остатки органического вещества, в захоронении женщины в котелке была ложка и деревянный предмет в форме трезубца.

Помимо чоронов, о которых мы уже говорили выше, и которые играли большую роль в обрядах, в могилах довольно часто встречаются и другие деревянные сосуды: это могут быть деревянные чаши (кытыйа, як.), деревянные или берестяные горшки, а иногда ложки. В Тиит Баппыт, в могиле раннего периода был найден берестяной горшок, вертикально поставленный слева у ног погребенного, в нем некогда находился кисло-молочный продукт. В Кыыс Унуога было найдено два деревянных сосуда (в ногах с левой стороны), с остатками кисло-молочных продуктов. В Батта Чарана (могила мужчины раннего периода) найдена большая деревянная чаша (кытыйа) в ногах, перевернутая вверх дном. В Нэлэгэр найдено две деревянные пиалы, одна – под головой, другая – возле левой ноги. В Буогарыма 2, на ногах субъекта лежала дорожная сума, под которой находилась

Нож и ножны (Буогарыма 1, Таттинский улус). Два предмета были найдены в погребении по отдельности (захоронение относится к раннему периоду). Нож был расположен у ног покойника, ножны – вдоль левой ноги. Лезвие ножа было намеренно согнуто, чтобы умерший больше не смог им воспользоваться.

Knife and sheath (Bourogayma 1, Tattinsky ulus). The two objects, dating from the ancient period, were found apart in the grave; the first was found at the feet of the deceased with the blade folded rendering it unusable, and the second was found lying along the left leg of the deceased.

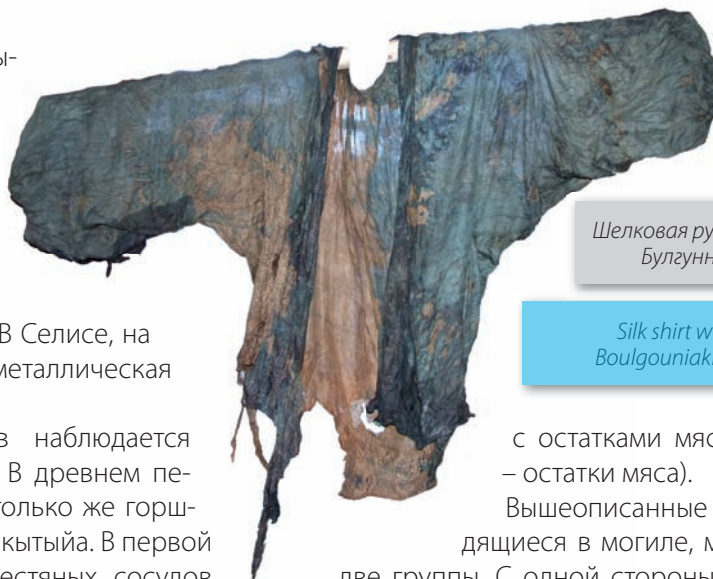
кытыйа, а в Сэттэ Тумул кытыйа была внутри кожаной сумки, положенной на гроб. Горшки и ложки находят у мужчин, женщин, детей без какой-либо разницы в зависимости от половой принадлежности или возраста. В Селисе, на Вилуе была обнаружена металлическая тарелка.

Относительно сосудов наблюдается определенная эволюция. В древнем периоде обнаруживается столько же горшков из бересты, сколько и кытыйа. В первой половине XVIII века берестяных сосудов становится меньше, чем деревянных (из березы и другого дерева). Количество последних увеличивается, форма становится разнообразной. Наконец, во второй половине XVIII века в захоронениях доминируют кытыйа. Берестяные сосуды исчезают почти полностью (возможно, имеется один в женском захоронении SRT2).

На Вилуе в захоронениях местности Булгуннях обнаружен сопроводительный инвентарь вдоль гроба, состоящий из больших жестких берестяных сосудов. Возможно, их единственное предназначение заключалось в использовании при погребении: в женском захоронении в них содержалась жидкость, возможно, молоко (?), в мужском – в них обнаружены органические остатки (в одном сосуде была левая половина грудной клетки лошади

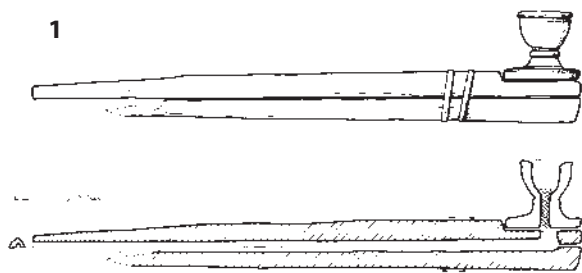
с остатками мяса, в другом сосуде – остатки мяса).

Вышеописанные виды посуды, находящиеся в могиле, можно разделить на две группы. С одной стороны, посуда, в которой содержался молочный продукт, т.е. посуда, выполнявшая функцию контейнера. С другой стороны, посуда, помещенная в качестве таковой, т.е. как элемент личных вещей усопшего. Необходимо отметить, что нам встретилось всего два керамических горшка, хотя, как показали раскопки жилищ, осуществленные в 1970/1980 гг., в то время такая посуда чаще всего использовалась в повседневной жизни. Один был найден у ног женщины из Сэргэлэх, в могиле первой половины XVIII века; другой - в детской могиле Джарама 4 конца XVIII века. Три других керамических горшка были обнаружены на поверхности, два - в Истинг Тумула, один - в надстройке Юрюнг Мыран 1 с кытыйа и ребрами жеребенка. Деревянная посуда использовалась, скорее, для торжественных случаев или во время

Шелковая рубашка мужчины из погребения Булгуннях 1 (Сунтарский улус, Вилуе).

Silk shirt worn by a male subject from Boulgouniakh 1 (Suntarsky ulus, Vilyuy).

Длинная трубка, характерная для народов Сибири: № 1 и 2 - погребение Сола (Мегино-Кангаласский улус), № 3 - Шаманское дерево 1 (Чурапчинский улус), № 4 - Лампа (Мегино-Кангаласский улус).

Long pipe, characteristic of the autochthonous people of Siberia: n° 1 and 2 Sola (Megino-Khangalassky ulus), n° 3 Shamanic Tree 1 (Churapchinsky ulus), n° 4 Lampa (Megino-Khangalassky ulus).

Семейная драма : Охтубут – Шаманское дерево 1

*В. Попов, Н. Сенегас, К. Оштрассер-Пети, С. Амори,
М. Дранкур, С. Полле, Э. Жирков, П. Жерар, Б. Люд, К. Кейзер*

Шаманское дерево 1 представляет собой групповое захоронение пяти людей, хорошо одетых, состоящих в близком родстве, похороненных вместе в зимнее время в начале XVIII века в прекрасно сделанном гробе. Аутопсия не выявила никаких следов травм, а изучение ДНК полости пульпы зубов трех субъектов показало, что они умерли не от бактериологического поражения. У многих людей той поры предполагаемой причиной смерти считается болезнь вирусного происхождения, оспа или корь, которые унесли много жизней.

Ящик-гроб находится на глубине полутора метров от поверхности (3,14 м в длину, 1,10 м в ширину, 0,78 м в высоту) и состоит из пяти половинок ствола, две из которых составляют дно, три - крышку гроба, для перегородок использованы четыре толстые доски. Поперечные перегородки вставляются в треугольные пазы на концах продольных перегородок (внутренние размеры 2,78 м длины и 0,70 м ширины). Гроб накрыт покрытием из бересты, его удерживают на крышке два полена, положенные между половинками ствола. Покрытие состоит из пятнадцати поперечных полос, имеющих в ширину от восемнадцати до двадцати пяти сантиметров. Под крышкой, прямо поверх тел, имеется еще одно берестяное покрытие из тринадцати поперечных полос, шириной от двадцати двух до тридцати четырех сантиметров. Дно ящика выстлано поперечно выложенной берестой, поверх которой положена шкура жеребенка.

На дне ямы имеются четко видимые следы покраснения почвы, что свидетельствует о том, что на последнем этапе рытья в яме разводили большой костер.

Могила расположена в зоне, где в июле, во время наших раскопок, вечная мерзлота находилась глубже уровня могилы. Из этого можно сделать вывод, что могилу копали в момент, когда земля замерзла на глубину более одного метра, что связано с температурными условиями на поверхности земли. Тем самым, исключается лето, осень и первые месяцы зимы. По всей видимости, могила была выкопана в период между концом декабря и концом мая, что предполагает, что трупы не хранились в ожидании более благоприятного сезона, от них нужно было поскорее избавиться.

Могила имела внушительную надстройку, которая сгорела, но сохранились большие бревна от ее основания, уходящие под углом в землю и доходящие до гроба. Реконструировать надстройку данного захоро-

Седельный коврик, украшенный бисером и ажурными металлическими пластинками, из серии сопроводительного инвентаря, уложенного снаружи гроба.

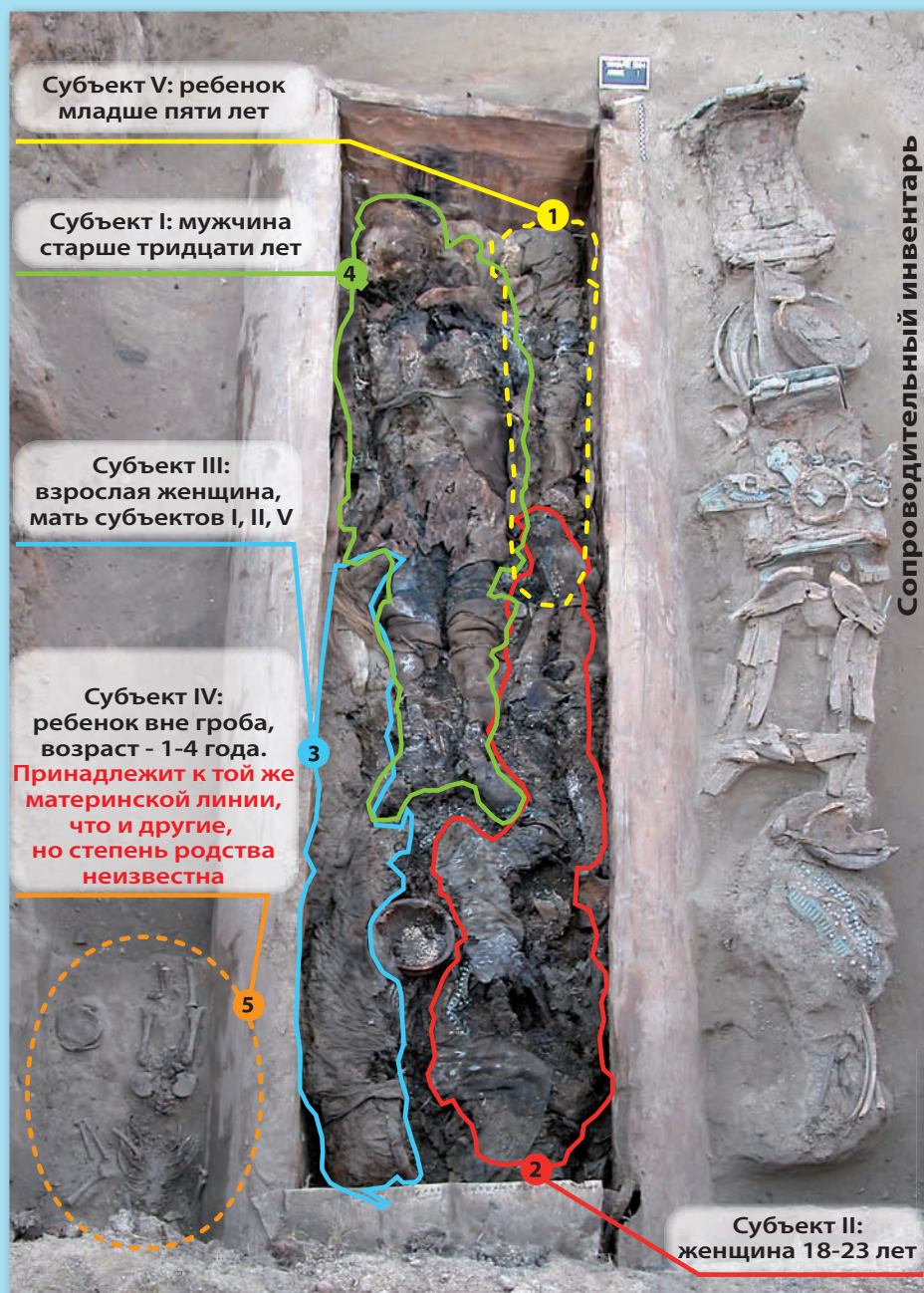
Saddle carpet decorated with beads and ornamental metal-work plates, found in a collection of offerings outside the coffin.

нения позволила найденная в архиве фотография могилы такого типа, сделанная в начале XX века, и иллюстрировавшая тип захоронений, характерный для Чурапчинского улуса. Она ничем не похожа на другие типы надстроек, которые мы видели или раскапывали до настоящего времени в Якутии.

В групповом захоронении Шаманское дерево 1 на мужчине имеется саван для лица из конской шкуры. Для ребенка, лежащего рядом с ним, в качестве савана использована перевернутая шапка из заячьего меха, на которой лежит дорожная сума из конской шкуры, сшитая мехом внутрь. Пожилая женщина похоронена в саване из шкуры, сшитом с шапкой (по всей видимости, наспех). На молодой женщине нет савана, но на лице имеется маска из конской кожи с отверстиями для ушей, вышитая бисером и отороченная мехом, маска завязывалась веревочками, проходящими под затылком. Такую маску носили замужние женщины до климакса, чтобы спрятать лицо от чужих людей, особенно от свекра. В настоящее время сложно определить, был ли саван на ребенке, который похоронен лежащим на животе вне гроба, а если и был, то, скорее всего, он был из кожи.

Порядок, в котором умерших положили в гроб, возможно, свидетельствует о некоторой социальной и семейной иерархии: маленький ребенок, его замужняя сестра, их пожилая мать и их брат, наездник и воин. Первый, кого положили на бок возле стенки с южной стороны, - это мальчик пяти лет, затем, скорее

всего, положили его сестру, молодую женщину двадцати лет, замужнюю, если судить по маске, которая скрывала ее лицо от свекра, затем положили их мать, женщину уже в возрасте, она лежит на боку у северной стенки. Между двумя женщинами положена деревянная миска, оба тела и миска накрыты кожаным покрывалом. Последним был положен брат девушки и мальчика, мужчина в расцвете сил, лежащий на спине, со снаряжением вождя, воина и охотника (пальма,

Шаманское дерево (Охтубут, Чурапчинский улус). На иллюстрации изображены захороненные. Римскими цифрами погребенные пронумерованы при раскопках, арабскими обозначен порядок их возложения в могилу

Shamanic Tree 1 (Okhtoubout, Churapchinsky ulus). The image shows the deceased individuals (Roman numbers used during the excavation) and the order in which they were deposited into the grave (Arabic numbers).

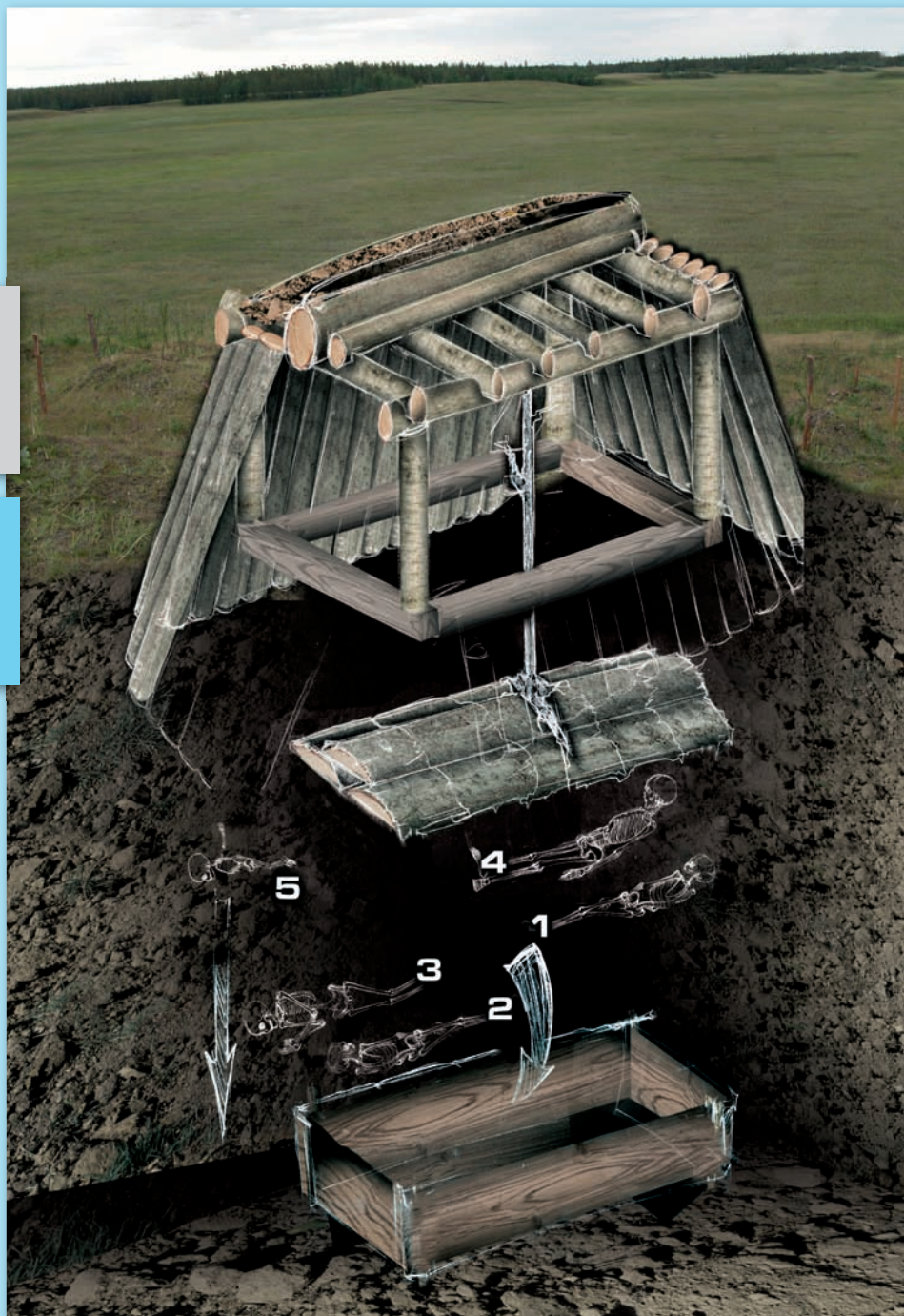

Попытка реконструкции погребения Шаманское Дерево 1, датированное первой половиной XVIII века. Номера представляют порядок расположения тел. (Н. Сенегас).

Reconstruction in the actual landscape of the Shamanic Tree 1 grave, dating from the first half of the 18th century. The numbers represent the order in which the bodies were deposited into the grave. (N. Sénagas).

лук, колчан), и со свернутым пальто в качестве подушки. Он частично прикрывает собой тело брата. Перед закрытием гроба на трупы было положено берестяное покрытие. С южной стороны гроба похоронен ребенок, ему было от года до четырех лет, он принадлежит по материнской линии к остальным четверым, похороненным в той же могиле. Ребенок был положен на живот, на подстилку из бересты,

его опустили в яму, держа за верхние конечности, когда эта сторона ямы была почти закрыта (для того, чтобы удержать боковые перегородки гроба). Возле правой ноги ребенка положен берестяной сосуд. С северной стороны сложены приношения: два седла и одно вьючное седло, различная утварь (топор, рубанок, сумка), одежда (сапоги, носки), пища, посуда (сосуды, ложка), а также любопытная сумка из бересты, в которой находился костяной инструмент, используемый для изготовления древка стрел. Те, кто собирал умерших в последний путь в захоронении Шаманское дерево 1, уделили особое внимание седлам. Они разложены вдоль гроба, чередуясь с грудями, наверху которых были уложены стопками деревянные миски, некоторые - очень больших размеров. Эти седла могли быть предназначены не только мужчине, но также и каждой из двух женщин. Однако, показательный характер погребения, бесспорно, проявляется в одной грудке, где лежит великолепный седельный коврик-чепрак, украшенный сотнями бусин и бронзовыми и латунными деталями, под которым лежала сумка с тысячами стеклянных бусин внутри.

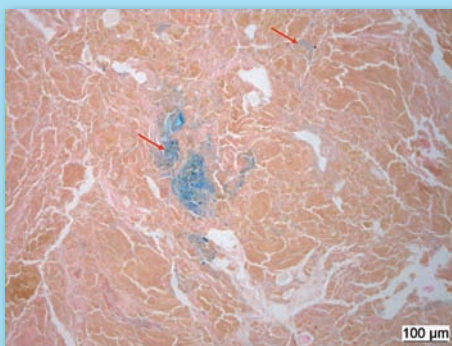
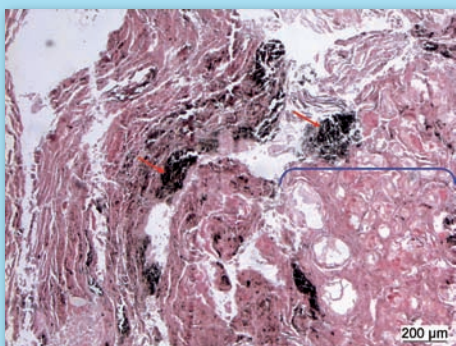

Как только ребенок и приношения были положены в могилу, гроб был накрыт покрытием из бересты, в центре которого был положен вверх дном котелок. Под ним были обнаружены ложка и органические останки (лепешка, позвонок и ребро лошади). Затем яма была накрыта символической березой, которая от крышки гроба уходила вверх в надстройку. Больших размеров надстройка (найдена обгоревшей) состояла из бревен, имевших в среднем 15 см в диаметре, которые входили под углом в землю вдоль стен ямы и доходили до верхней части гроба. Расположение бревен показывает, что часть, выступавшая над поверхностью земли, напоминала традиционный якутский дом-балаган с бревенчатыми стенами, стоящими под углом, уходящими в землю, и с плоской крышей, покрытой землей. Эта могила находится в обширной местности под названием Охтубут, что значит «погибший на поле боя». Из-за того, что в нескольких метрах на окраине леса находится кэрэх, вилообразная лиственница для жертвоприношений, к названию местности было добавлено «шаманское дерево», так как в нем имеется несколько групповых захоронений (все они исследованы). В нескольких метрах от могилы были найдены две другие, ребенка или подростка, сына замужней женщины и внука матери, т.е. племянника двух ее сыновей, а также женщины, не относящейся к их роду.

Одежда, подношения и расположение - все говорит о том, что мы имеем дело с захоронением знати начала XVIII века. Наши интенсивные поиски захоронений лошадей не увенчались успехом, но были найдены седла (по одному на каждого взрослого), которые заменяли животных для сопровождения их в долгом пути в мир иной, а животные приношения и одежда (сменная обувь, носки) призваны помочь им в достижении цели. Загадочно захоронение маленького ребенка рядом с гробом, возможно, речь идет о сопровождающем молодого мужчины, которого называли «стременной» (ыныырдыт [«тот, кто надевает седло»]), его предназначение – служить хозяину в загробном мире. Однако он слишком мал (максимум 5 лет, но, скорее всего, младше), принадлежит к одной материнской линии с остальными, и возможно, причиной того, что он похоронен вне гроба, является его юный возраст. Как показывает практика, в XIX веке детей младше 7 лет хоронили в яме, где были похоронены родственники.

Помимо количества захороненных, эта могила вызывает много других вопросов. Необычен тип структуры захоронения, но в особенности, необычно то, что оружие, в отличие от всех других могил, не было сломано. Разве что на внешней стороне колчана не хватает одной подвески, таковых было три, а это знак мира живых, в то время как два - четное число, которое связано с миром мертвых.

Однако в вирилокальном обществе, где жена уходила жить в семью мужа, странно присутствие молодой женщины, возможно, что она вернулась к родителям из-за эпидемии. Такое встречается во многих традиционных обществах. И, наконец, маленькая четырехугольная сумочка из бересты, найденная среди приношений вне гроба, не имеет аналогов в раскопанных захоронениях. На поверхности сумочки нанесено несколько рисунков, а внутри был найден кусок кости с прорезью, предназначенной для того, чтобы вставлять в нее клинок ножа и использовать как рубанок для изготовления древков стрел. Сумочка напоминает берестяной контейнер, часто такой же плоской формы, встречавшийся в якутских домах, традиционно содержащий какой-нибудь предмет домашнего обихода, в который шаман вкладывал душу члена семьи после его смерти. Этот предмет, хранившийся в доме, помещался часто над очагом, ему поклонялись и приносили подношения. Нахождение такого предмета в могиле, по меньшей мере, загадочно (может быть, в нем душа умершего отца?); это могло означать конец семьи, уничтоженной одной из первых эпидемий.

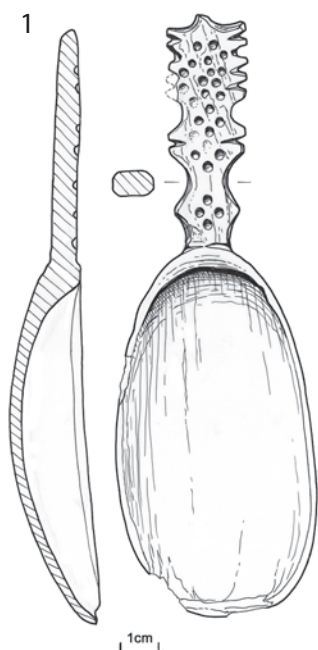

При гистологическом исследовании мумифицированных тканей выявлено значительное количество железа в легких молодой женщины (умершая II), последствия легочных кровотечений при ее жизни. В итоге зубного генетического исследования никакой бактериальной инфекции не было найдено, таким образом, данное повреждение легких могло быть связано с вирусной инфекцией.

Histological study of the mummified tissues revealed a significant quantity of iron in the lungs of the young woman (subject III), the consequence of a pulmonary haemorrhage whilst she was still alive. No bacterial infection was found during the genetic dental study, but the haemorrhage could have been the result of a viral infection.

традиционно содержащий какой-нибудь предмет домашнего обихода, в который шаман вкладывал душу члена семьи после его смерти. Этот предмет, хранившийся в доме, помещался часто над очагом, ему поклонялись и приносили подношения. Нахождение такого предмета в могиле, по меньшей мере, загадочно (может быть, в нем душа умершего отца?); это могло означать конец семьи, уничтоженной одной из первых эпидемий.

Предметы повседневной жизни, найденные в погребениях. Ложка с резной ручкой (Киэн Эбэ 1, Тамтинский улус).

Examples of objects used in daily-life, found in the graves. Spoon with a carved handle (n° 2, Nelegher uluus of Taata ; n° 3, Ken Ebé 1, Tattinsky ulus).

поездок. Стоит отметить по этому поводу, что в Нэ-лэгэр один из двух деревянных сосудов эстетически очень удачно выполнен, с искусно сделанными ручками, но способ, которым сосуд был отремонтирован, исключает его использование для жидких продуктов.

Тенденции дальнейшей эволюции, случай с ножом

Тенденции дальнейшей эволюции определяются частотой встречающегося в захоронениях инвентаря, независимо от периода. Эти тенденции, без-

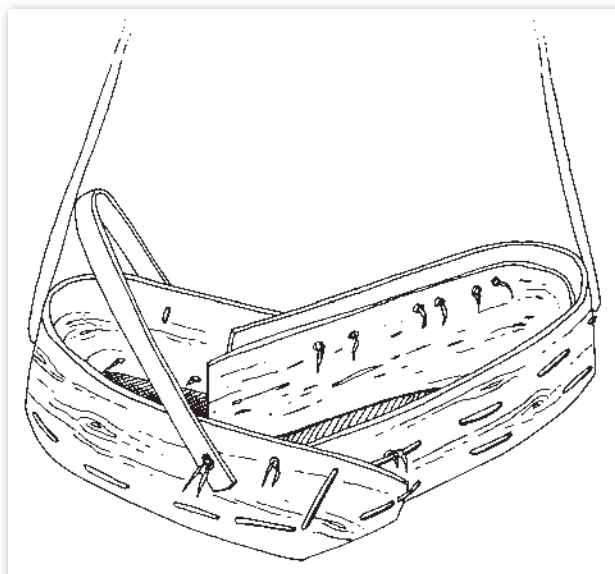
условно, следует изучить, исходя из состава имеющихся образцов.

Нож встречается в 77% могил раннего периода и в 80% могил конца XVIII века. В могиле, датированной 1805 годом, он также присутствует, но в сломанном виде и не внутри ящика-гроба. С течением времени нож встречается все реже. В первой половине XVIII века наличие ножа сокращается до 64%, наблюдается тенденция к более редкому использованию ножа в качестве сопроводительного инвентаря. Таким образом, нож отдалается от покойника; люди, собирающие его в последний путь, начинают помещать нож вне гроба, и, в конце концов, вовсе убирают из сопроводительного комплекса.

Детский рожок для новорожденных из христианского погребения (Дырылаа Сайылыга, Чурапчинский улус). Коровий рог с насадкой из выделанной кожи, которая использовалась в качестве соски. Справа, погребение Тунгус Кюель 2 (Нюрбинский улус, Вилуй). Погребение новорожденного похороненного в ящике-гробе с колыбелью, положенной внутри ямы и частично на крышку гроба.

Baby-bottle from a newborn Christian burial (Dirilaa Sajylyga, Churapchinsky ulus). The cow horn still has a leather tip, which was used as the teat. Right: Tungus Keul 2 (Nyurbinsky ulus, Vilyuy region). Burial of a newborn in a coffin. A cradle was placed in the pit, partially on the lid of the coffin.

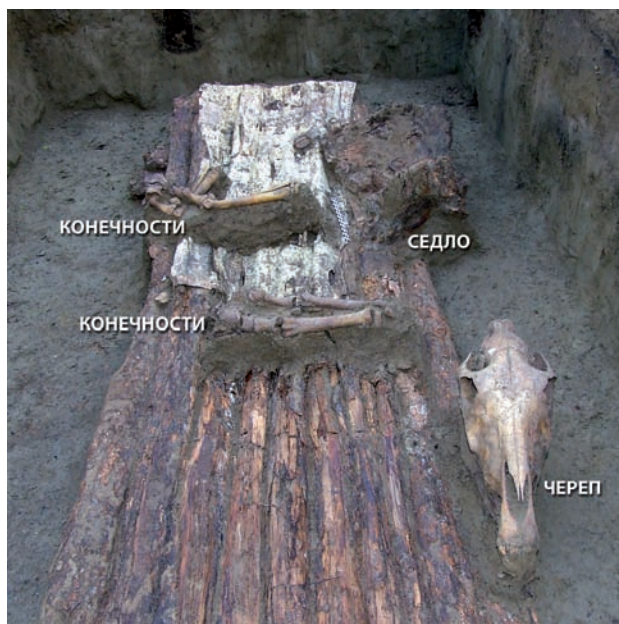
Независимо от периода, мужчины, принадлежащие к знати, похоронены в больших могилах с богатым сопроводительным инвентарем в полном воинском облачении. При них всегда имеется нож, расположенный на поясе в ножнах, как, по всей видимости, они носили его при жизни. В других захоронениях мужчин на спине (в Джусулуне, в мужском захоронении раннего периода тело лежит на боку), если в могилу положено оружие (лук или пальма), то оно часто бывает специально сломано, в отличие от ножа на поясе. В захоронениях мужчин в возрасте и женщин, похороненных без боевого оружия и охотничьей снасти, встречается нож без ножен, не прикрепленный к поясу. Если он находится внутри ящика-гроба, то предварительно сломан и расположен в необычном месте (у изголовья, под деревянной чашей). Он может быть вложен целым снаружи гроба, намеренно согнутым, но внутри гроба в более поздних захоронениях. Исключение составляет случай явной порчи оружия и ножа в захоронении мужчины, похороненного на животе и в повседневной одежде (Буогарыма 1).

Особенности мужских захоронений

В некоторых могилах «воинов», которые, скорее всего, фактически являются могилами мужчин из местной знати, помимо оружия, встречается искусно изготовленная экипировка всадника.

В захоронениях XVIII века мужчин из знати был обнаружен кованый топор. Этот предмет помещен на определенном расстоянии от тела. В Кус Чарбыт он был вне половинки колоды, в кожаном чехле рядом с луком и колчаном, в Мунур Урях 1 - между ящиком-гробом и перегородкой погребальной камеры, и под самым красивым седлом в Шаманском Дереве 1.

В Кус Чарбыт рядом с луком, колчаном и топором был найден хлыст с длинной деревянной ручкой и маленьким кожаным концом, напоминающий центральноазиатский кнут. В Шаманском Дереве 1 помимо седел, деревянных горшков и оружия, непосредственно связанных с погребенным мужчиной, был также кнут с деревянным скребком, предназначенным наводить блеск на волос и шерсть лошади, и традиционная якутская махалка. В Мунур Урях 1 собиравшие в последний путь усопшего особенно выделили сумки: там имелся рюкзак (с деревянной арматурой) для транспортировки габаритного груза, глубокая кожаная сумка с двумя деревянными ручками и очень интересная ма-

Пожертвования, помещенные на гроб погребения Орджогон 2 (Нюрбинский улус, Вилуй).

Offerings placed on the coffin in the Ordiogone 2 grave (Nyurbinsky ulus, Vilyuy).

ленькая сумка, содержащая две маленькие сумочки, вложенные одна в другую. Эта сумка, возможно, служила примитивным термосом.

В мужских захоронениях снаряжение всадника и инвентарь охотника/воина рассматриваются как помещение личных вещей мужчины, в то время как их ценность и декор свидетельствуют о его социальном статусе. Так, в Мунур Урях 1 и в Шаманском Дереве 1 количество положенных в могилу предметов связано с явным желанием подчеркнуть высокий статус и достаток погребенных.

Особенности женских захоронений

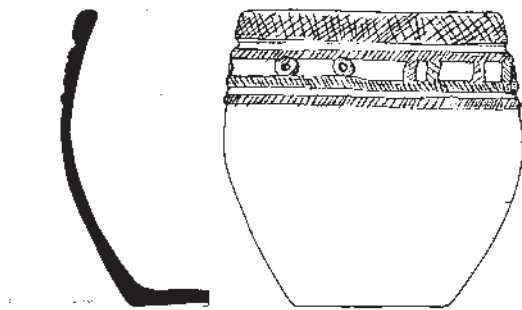
Нарочитое выставление напоказ богатства в женских могилах выражается больше в одежде и в ее оформлении, чем в сопроводительном инвентаре. Тем не менее, в женских могилах часто можно обнаружить помещенную у ног деревянную миску (кытыйа) с ложкой, содержащую остатки органического вещества, преимущественно кисло-молочных продуктов. В Шаманском Дереве 1, в ящике-гробе имелась одна-единственная миска с ложкой, помещенная между обеими женщинами (мать и дочь), которые лежали напротив мужчины.

Найденные курительные трубки составляли, в основном, часть сопроводительного инвентаря женщин (кроме одного случая мужчины в

Керамика, положенная на поверхности погребения Урун Мыран 1 внутри надмогильного сооружения (Мегино-Кангаласский улус).

Ceramic pot deposited on the surface of the Urun Myran 1 grave, in the interior of the superstructure (Megino-Khangalassky ulus).

Шаманском дереве 1, у которого трубка была вложена в сапог). Как у многих коренных народов Сибири, это - трубки с длинным мундштуком (трубки с коротким мундштуком предназначались для мужчин, хотя в Шаманском Дереве 1 это не так). Было обнаружено восемь трубок, главным образом, в сапогах (в правом сапоге ближе к краю голенища), одна была найдена на дне ящика-гроба (Ожунун 2, датируемая 1741 г.), и одна в сумке, лежащей на ногах субъекта (могила 2, расположенная у реки Танда, датируемая второй половиной XVIII века).

В семи могилах, как в мужских, так и женских, были обнаружены сумки, в которых могла содер-

жаться трава или пакля для разжигания огня (в раннем периоде и в начале XVIII века у мужчин в захоронениях Табалаах, Улахан алаас и Сэттэ тумул; в конце XVIII века у женщин в погребении у верховьев реки Танда - BPT2, Кулусуннаах 1 и Лампа 2). В шести захоронениях обнаружены кусочки огнива (у мужчин из погребений Шаманское Дереве, Табалаах, Селисе и Сола 2, и у женщин из BPT 2 и Лампа 2).

Разнообразие сопроводительного инвентаря является характерной чертой именно женских захоронений, хотя нами не установлено четкого правила. Так, в Ожунун 2, возле левого колена

Захоронение лошади Булгуннях 3, очень похожее на погребение Булгуннях 2, красположенное в двадцати метрах (Сунтарский улус, Вилуй).

The horse burial in Boulgouniakh 3 is probably associated with the saddle found in Boulgouniakh 2, twenty metres away (Suntarsky ulus, Vilyuy).

женщины положена шкатулка для драгоценностей, называемая маллаах иһит (як.), дно и выступы перегородок которой украшены орнаментом; в ней две пары серег из черных и белых бусин, два медных браслета и два маленьких кожаных кошелька. В Орто Арыы была найдена маленькая сумка из бычьего пузыря, в Охтубут 2 сбоку от пожилой женщины - деревянная трость, причем, длина трости предполагает, что женщина не могла ее держать за ручку (набалдашник), а намного ниже, что указывает на то, что, помимо медицинского предназначения, эта трость имела также социальное значение как атрибут принадлежности к местной знати.

Особенности, связанные с погребением новорожденных и маленьких детей

В половине могил новорожденных и маленьких детей XIX в. встречаются соски из рога с кожаным наконечником (4/8). Необходимо отметить, что большая часть детских могил, в которых мы провели раскопки, были могилами детей до года, а также новорожденных, которых кормили грудью в момент кончины, и поэтому им не нужна была соска. В связи с этим возникает вопрос о смысловом значении помещения соски в могилу. Воспринималась ли соска как предмет, символизирующий маленьких детей, или это вещь, которую оставили с ребенком, так как изготовили специально к его рождению? Или потому, что мать не могла больше кормить его грудью, и ей пришлось кормить ребенка из рожка? Этот последний случай мог бы иметь место в случае эпидемий, как например, это описывалось у народов Северной Америки (Boyd, 1984).

В Джарама 4 могила ребенка около года (конец XVIII века) отличается от других могил наличием необычных элементов; в осадке ямы был обнаружен деревянный ящик, в котором находился керамический горшок. Внутри него была солома, которую мы сначала приняли за птичье гнездо. На самом деле, речь шла об имитации гнезда... Это могло бы остаться загадкой, если бы не определенные исторические свидетельства, которые отмечают, что, согласно верованиям якутов, зародыш или ребенок возвращаются к божествам, пославшим их, в виде маленькой птички. По другим сведениям, горшок символизирует материнское чрево, а гнездо - место, куда проникает душа (христианская интерпретация).

В погребении Шаманское Дерево 1 положение ребенка в возрасте от одного до четырех лет на животе в яме, но вне ящика-гроба, по крайней мере, загадочно. Основываясь на интерпретациях могил железного века в Центральной Азии или на Алтае, можно было бы увидеть в нем жертвоприношение или сопровождающего мертвеца, хотя ни один конкретный элемент (следы на костях) не подкрепляет эту версию. Как бы то ни было, этот ребенок - родственник по материнской линии людей, похороненных в гробу. Эту ситуацию мог бы объяснить тот факт, что в XIX веке, а возможно и раньше, верили в то, что у ребенка до семи лет вместо «души» была только кут и, и поскольку он не имел социальной индивидуальности, для него не вырыли отдельной ямы, и гроб (или тело?) было помещено в погребальный памятник одного из его родителей.

Жертвоприношения животных или остатки похоронной пищи

Помещение в могилу продуктов питания имеет место, начиная с раннего периода и в течение всего XVIII века, в христианских могилах оно уже не встречается. Помещение животных встречается больше в раннем периоде (пять могил из семи), в первой половине XVIII века встречается столько же случаев помещения животных (шестнадцать из двадцати девяти, то есть 55%), сколько молочных продуктов, то же наблюдается и в течение второй половины XVIII века (семь случаев из тринадцати, то есть, в 54 %). В большинстве случаев раннего периода встречается лошадь, но в XVIII веке представлены и другие животные (заяц, птица из отряда голенастых, утка). Размещение приношений в могиле меняется со временем; если в раннем периоде чаще клали внутри сундука, то позднее наблюдается тенденция к помещению (животных и молочных продуктов) снаружи сундука, что становится регулярным в течение второй половины XVIII века. В могилах обычно встречаются ребра лошади или жеребенка. В местности Охтубут 2 в могиле пожилой женщины XVIII века были найдены остатки ребер, бедра и поясничных позвонков жеребенка, находившиеся в ногах и у изголовья погребенной. В Батта Чарана и в Шаманском дереве 1 под кытыйа (деревянная чаша) были найдены остатки мяса на деревянных шпалках. Подобные приношения встречаются довольно редко и свидетельствуют о практике, присущей для Центральной Азии.

Приношения на поверхности

Иногда приношения встречаются в грунте, заполняющем погребальную яму. Изучение захоронений в местности Джарама с сохранившимся надмогильным сооружением дает основание предположить, что эти приношения (почти систематически) помещались на поверхности ямы после ее заполнения грунтом, затем закрывались ящиком. Речь может идти о приношениях животных: птицы или рыбы (Джарама 1 и 4).

В других редких случаях, особенно, в Кулусуннаах 1, в могиле женщины были обнаружены деревянный горшок и кости лошади (часть грудной клетки)

на глубине 3 см под поверхностью. Это приношение было, вероятно, помещено в последние моменты полного заполнения ямы. Оно абсолютно идентично приношениям, обнаруженным в других женских могилах внутри гроба или ящика-гроба (что не было сделано в данном случае). Несомненно, что в случае с Кулусуннаах 1 значение приношений на поверхности отличается от тех, которые были положены в последний момент. Оно ближе к тем случаям, когда приношения помещались в глубине, хотя здесь этого не было сделано, возможно, по причине недостаточных габаритов гроба, или потому, что те, кто хоронил, не захотели класть приношения к ногам трупа.

2.6. Захоронения лошадей

К.Ферре, В.Попов, Э.Бертело, Ф.Лемер

У якутов, как в культурах Алтая, Центральной Азии и Монголии, лошадь была в высшей степени жертвенным животным. Жертвоприношения лошадей настолько поразили воображение первых западных путешественников, что этот факт достаточно часто описывается в их рассказах и порой получает удивительные интерпретации (Crubézy et al., 1996). Наиболее часто описывается традиция хоронить лошадей вместе с усопшими.

Два погребения на Вилуе связаны с захоронениями лошадей. В местности Булгуннях 2 захоронение лошади находится в нескольких метрах от

могилы женщины. Мотивы упряжи идентичны мотивам гривны из металла на женщине. В Орджогон 1 голова и ноги лошади аккуратно сложены на поверхности гроба мужчины и связаны с помещением седла.

Эта традиция может быть связана с якутским ритуалом, состоящим в умерщвлении лошадей для сопровождения пожилых и почитаемых людей. Так, следуя последнему желанию своего отца, легендарный герой Элэй заживо хоронит своего коня и убивает еще одного для похоронной трапезы (Овчинников, 1897). Кроме того, иногда умерших хоронили в сопровождении других людей. С приходом русских эта практика была запрещена, но эпизодически встречалась до конца XVII века и даже до начала XVIII века. «Во время похорон именитых людей, в могилу рядом с усопшим закапывали живого оседланного коня и юношу, называемого «стременной» (ыныырдьыт [«тот, кто надевает седло»]), который должен был служить своему хозяину в загробном мире (...) На церемонии обязательно должен был присутствовать шаман, он убивал второго коня и подвешивал его голову, шкуру и копыта возле могилы» (Окладников 1947; Попов 1949). И.Д.Новгородов (1955) цитирует Штраленберга и Миллера, которые уже в XVIII веке упоминают об этом ритуале, как вышедшем из употребления. Также он описывает захоронение, обнаруженное в 1938 году в Чурапчинском районе, в котором в 23 шагах от могилы богато одетого погребенного находилось захоронение его коня. В пяти шагах от могилы коня был обнаружен свернувшийся клуб-

Крупный план ленчика седла из погребения Бере (Мегино-Кангаласский улус).

Detail of the saddle pommel found in the Bere grave (Megino-Khangalassky ulus).

ком труп, без одежды и гроба, который, вероятно, был рабом. (Константинов 1970, 19-20). Труп слуги был обнаружен в могиле богача Тосуухана в Нюрбинском районе, а также в могиле благородной женщины, погребенной с семьей лошадьми (Окладников 1955, 1970). Десять лошадей были похоронены живьем с князем Долгуйбат-Болтай в Мегинском улусе (Серошевский, 1896).

В одной якутской легенде происхождение этого ритуала объясняется следующим образом. Жила-была шаманка со своим мужем и детьми. Умирая, она попрощалась с семьей, выплакала все слезы и приказала, чтобы оседлали ее коня. Когда она собралась сесть на него верхом, ее душа улетела в небо, а тело упало на землю. С тех пор умерших стали помещать на деревьях и убивать их верховых лошадей (Худяков, 1969). Другая легенда рассказывает о храбром Моджукане, который, почуяв приближение старости, и опасаясь, что воспользовавшись его слабостью, враги придут отомстить ему, решил, чтобы его похоронили живым. Когда яма была готова, он надел свою самую красивую одежду, наелся досыта жирного мяса и напился кумыса, взял свое лучшее оружие и, оседлав своего коня в богатом убранстве, спрыгнул в яму, которую сыновья засыпали землей (Троцанский, 1911).

Причину отсутствия каких-либо следов умерщвления лошади можно найти в рассказах, в которых говорится о том, что якуты забивали до смерти коней, предназначенных для захоронения с умершим хозяином (Константинов, 1970; Алексеев, 1975), и хоронили их живьем или, привязав к столбу, оставляли умирать от голода. Наконец, забить лошадь до смерти было способом бескровного умерщвления. И.А.Худяков описывает обычай умерщвления коня: «Собствен-

ную верховую лошадь покойника или покойницы седлали во весь убор, как она оседливалась при жизни хозяина, затем ее обгоняли по всему тому месту и полю, где он (или она) жил; это делалось для того, чтобы лошадь простилась с солнцем и светом. Затем лошадь вводили в нарочно сделанный для этого загон. Самый сильный человек ударяет ее дубиной так, чтобы она померла не дрогнув; и если лошадь помрет сразу от одного удара, то родственники покойного радуются, а если нет, то думают, что, верно, и покойник-хозяин мучается на том свете, да и родственники его плачут, предполагая, что, пожалуй, и из них кто-нибудь скоро помрет» (Худяков, 1969).

Как правило, методы умерщвления скота варьируются в зависимости от религии и этноса, но также от вида и предназначения животного, мирского или жертвенного. Существует большое различие между шаманистскими или буддистскими народами Сибири и мусульманскими народами Центральной Азии: первые избегают пролития крови, и предпочитают убить скот путем разрыва или пережатия аорты, а вторые убивают, перерезая горло (Ferret, 2006). В наше время, для обычного потребления якутские скотоводы продолжают рвать аорту лошади, в то

Погребение в местности Алаас Эбэ Чурапчинского улуса, датированное XVIII веком. Участниками археолого-этнографической экспедиции под руководством А.И. Гоголева (1976-1977 гг.) в 22 м к северо-западу от дерева, где было подвешено 12 белых лошадиных шкур, было раскопано и изучено погребение человека, одетого в шубу из бобрового меха (Гоголев 1987, 1993).

Лошадь, которую мы раскопали, была взнуздана и не имела никаких следов повреждения. Наличие многочисленного бисера, украшающего конскую сбрую, указывает на принадлежность его хозяина, жившего в начале XVIII века, к якутской знати

At Alaas Ebé in the uluus of Tchouraptcha, twelve white horse hides, dating from the 18th century, were still visible suspended near a grave in the middle of the 19th century, (Gogolev, 1987; 1993). At least one male's grave, with the deceased dressed in a beaver fur coat, and two horse burials 22 m north-west of a tree where their skins were suspended were present in this site, which was previously excavated by A. Gogolev. From our excavations, the horse was magnificently rigged and showed no signs of trauma. The number of beads decorating the harness suggests that the horse had belonged to a member of the elite class, living at the beginning of the 18th century.

время как крупному рогатому скоту перерезают горло. Данное различие отражает прямо противоположный символический статус, придаваемый этим двум разным видам животных. Животное бьют по лбу обухом топора, чтобы оглушить. Удар должен оглушить, но не убить, так как необходимо, чтобы сердце продолжало работать, чтобы случилось внутреннее кровоотечение. Как только лошадь падает на землю, ей делают надрез около 10 см на груди, между легкими и диафрагмой, просовывают руку на глубину примерно тридцать сантиметров в поисках аорты и вырывают ее (исследования, проведенные в Усть-Алданском, Верхоянском и Среднеколымском районах). Это расхождение говорит о различии в традициях: для якутов разрыв аорты соотносится с ритуальным умерщвлением, а перерезание горла - с мирским. Считается, что конь, которому перерезали горло, как корове, неспособен перевести усопшего в иной мир.

В ходе археологических раскопок обнаружено наличие нескольких лошадей в некоторых захоронениях в первой половине XVIII века (Алексеев, 1980). В 1969 году в Ленинском улусе (нынешний Нюрбинский район) в местности Ынах Сысыыта археологи обнаружили захоронение пожилого мужчины, ориентированного головой на запад, погребенного с оружием, посудой и седлом. В 24,5 метрах к западу от этой могилы в другой яме были похоронены четыре лошади, частично запряженные в упряжь, лежащие на боку в два ряда головой на запад. Две из них, расположенные на

западе, лежали на правом боку, две, расположенные с восточной стороны, лежали на левом боку (Константинов, 1970). Предпочтительная для якутов ориентация головы на запад при погребении лошадей противоположна традиции скифских курганов Пазырыка (Гоголев, 1993) или алтайских и бурятских захоронений (Kotwicz, 1927) хоронить головой на восток, в то время как людей хоронили головой на запад.

Существует много видов захоронения лошади: во-первых, лошадь под седлом, похороненная рядом с хозяином, либо, что бывает редко, в одной яме с ним. Иногда лошадь, оседланную и взнузданную, привязывали к коновязи рядом с могилой, где она умирала от голода (Серошевский, 1896). Впрочем, сэргэ-коновязи всегда ставились на могиле влиятельных людей (Иванов, 1976; Бравина, 1983; Зыков, 1986). В местности Эмис Таттинского района обнаружено захоронение двух лошадей рядом с гробом хозяина. Лошади были в сбруе, голова направлена на запад. Они привязаны к коновязи раба (сэргэ раба), предназначенного служить своему хозяину в том мире (Яковлев, 1992).

Во-вторых, лошадей могли хоронить в другой яме, несколько дальше от могилы хозяина (на 12-15 метров). По мнению Л.В.Константинова (Константинов, 1970), для якутов характерно раздельное захоронение людей и лошадей. Однако, оно встречается также в захоронениях теленгитов, а также сакков в Дубан-Тобе (Duban-Tobe) и на Памире (Алексеев, 1980; Гоголев, 1993).

Якутские лошади являлись предметом ритуального жертвоприношения после смерти человека. Рядом с погребением, на дереве, вешали лошадиную шкуру с головой и ногами, остальную часть съедали во время похорон. (Центральная Якутия, лето 2006 г.)

The horses could have been objects in a slaughter ritual following the death of an individual. After eating the meat, the skins were suspended by the heads and feet, to a tree close to the grave (central Yakutia, summer 2006).

Наконец, в-третьих, несколько кобылиц были убиты путем разрыва аорты, затем с них сняли шкуру; мясо этих животных было сварено и съедено, а шкуру с головой и конечностями вывесили на дерево недалеко от могилы.

Согласно Линденау, спустя неделю после похорон проводилась другая церемония; забивали лошадей, потребляли их мясо и вешали шкуру животных. Для особо богатых людей через год снова проводили такой обряд, когда ставили ограду на могилу (Алексеев, 1975; Константинов, 1970; Гоголев, 1993). Рядом с могилой с одной стороны ставили шести в количестве, равном числу погребенных лошадей, с другой стороны - в количестве, равном числу съеденных лошадей.

Иногда покойника сажали на коня и совершали прогулку. Этот обряд, отмеченный в местности Ёргённёх Чурапчинского района, называется хааннаах кутурган (кровавый траур, скорбь). Покойника привязывали к седлу лошади в богатой упряжи и трижды обходили вокруг озера по ходу солнца. Кровью лошади окропляли землю, затем ее забивали и хоронили на расстоянии пяти метров от могилы хозяина (Яковлев, 1992).

Погребальное жертвоприношение включает одновременно живых и тех, кого употребляют в качестве погребальной трапезы. Первых забивали до смерти, зарывали живьем, либо, привязав к коновязи (колышку), оставляли умирать с голоду. Вторых закалывали путем разрыва аорты. Первых хоронили целиком; других вывешивали, вынудив внутренности и частично употребив в виде погребальной пищи. Симметрия этих действий соответствует функциональной дифференциации. По всей вероятности, в первом случае, когда оседланную и взнузданную лошадь зарывали в могилу, либо привязывали к коновязи рядом с могилой, лошадь выполняет функцию проводника души в загробный мир. Во втором случае лошадь обеспечивает погребальную трапезу.

Все же захоронение животных не встречается постоянно. С археологической точки зрения можно отметить, что эта практика исчезла. Хотя встречается любопытное разделение погребальной практики, принимающей все более христианские формы, и обрядов, сохраняющих некоторые традиции прошлого. Так, если якуты продолжают забивать лошадей для организации похорон, то в погребениях XIX века уже не встречается останков этих животных. И даже ранее, в XVIII веке подобная практика встречается не повсеместно (чуть более 50% случаев в XVIII веке).

Фактически произошла трансформация этого ритуала: лошадь закалывают не для того, чтобы похоронить вместе с умершим, а чтобы употребить мясо в качестве погребальной еды (Jochelson, 1933). Часто умирающий сам заранее выбирал лошадь, которую следовало забить для погребального угощения (Коёнев, 1894). Иногда лошадей забивали и потребляли даже до наступления смерти, во время прощального пира умирающего (Серошевский, 1896). В дальнейшем лошадь выполняет две функции: она обеспечивает погребальную трапезу и «переносит» дух умершего в другой мир.

Помимо этнографических данных, результаты раскопок также показывают, что определенная вариативность имела место уже в раннем периоде и останки животных в могиле обнаруживались не систематически. В течение XVIII века погребение животных становится все более редким, все чаще находят их останки на определенном расстоянии от могил, это позволяет интерпретировать функции животных в качестве элементов погребальной пищи, в которой возрастающее значение отводится молочным продуктам.

Эта эволюция, которая, по всей вероятности, датируется серединой XVIII века, объясняет тот факт, что крайне мало останков лошадей было обнаружено в ходе археологических раскопок, в то время как частичные приношения (в основном, конских ребер, позвонков, грудной кости, плюсны, эпифиза), а также элементов снаряжения (седла, удила, стремяна, хлыст), заменяющих саму лошадь, встречаются в большом количестве.

Лошадь, предназначенную для сопровождения покойного в другой мир, а также для потребления в качестве погребальной пищи, снаряжали и обвешивали (як. айааһыллалар), чтобы она была готова к предстоящей дороге. Затем, не снимая седла, ее убивали ножом, направляя голову на запад. Отрезав голову, в течение получаса держали ориентированной на запад. Разделявая тушу, старались не ломать кости, ни перерезать основные сухожилия, чтобы она не хромала в том мире (Попов, 1949). Мясо отдавали тем, кто участвовал в погребении. Голову с челюстями и с первым шейным позвонком иногда вывешивали около могилы (Серошевский, 1896), что, впрочем, было не всегда, а на христианских могилах вовсе редкость.

Предполагалось, что жертвенные животные доставляли мертвых в тот мир. Поэтому животных забивали сразу после наступления смерти: для мужчин забивали лошадей, либо быков, для женщин – коров, телок или телят, на Севере забивали

домашних оленей. Если состояние покойника позволяло, убивали верховую лошадь, уже обьеженную и в хорошем состоянии (Серошевский, 1896). За неимением могли имитировать седлание лошади перед забоем (Башарин, 1962).

Животное, предназначенное служить проводником в загробный мир, независимо от того, хоронили его или нет с усопшим хозяином, по-якутски называется хоодьулга/хайлыга (алт. койло-ат, хакасс. койлага/хойлага, тув. хольге). Üle aha, буквально «пища для работы», обозначает, как правило, кобылу или корову, которую забивают для похоронного угощения. Устаревшее слово tülèsè означает вареное мясо, которое ели на похоронах, его следова-

ло полностью употребить до выноса тела (Пекарский, 1907, Jochelson, 1933, Попов, 1949, Башарин, 1962, Бравина, 1983).

Этот обычай продолжается и сегодня в некоторых проявлениях (в Среднеколымском районе). Для похорон уважаемого человека могут пожертвовать последней скотиной, при необходимости заменив лошадь коровой. Тушу потребляют в качестве погребальной пищи. В северных районах иногда вывешивают целиком шкуру животного с головой и конечностями. Если это лошадь, то ее снаряжают перед тем, как забить, поскольку она продолжает рассматриваться как проводник души покойного в другой мир.

2.7. Христианизация Якутии

Э.Крюбezi, О.Гарифуллина, С.Дюшен, Э.Жирков, П.Жерар, Л.Алексеева, Б.Марти, С.Колодезников, С.Амори, С.Эверстов, М.Жибер, Д.Николаева

Христианизация и христианизации: возможные интерпретации

Говоря о христианизации Якутии, мы одновременно говорим о возможности исторической интерпретации археологических данных. В предыдущей главе не была затронута «монголизация» Якутии, несмотря на то, что она, in fine, происходила раньше, но отсутствие точных исторических данных не позволяет нам глубже изучить ее. Кроме того, в предыдущей главе мы также не затронули вопрос об «европеизации», поскольку, несмотря на значительное присутствие русских с начала XVII

века до 1689 года об этом не свидетельствуют ни археологические источники, ни местные обычаи. Что касается христианизации, то здесь историческая интерпретация археологических фактов возможна, поскольку существуют документальные подтверждения.

Размышляя о христианизации, мы одновременно размышляем о распространении среди местного населения новой религии, которое, согласно текстам, являлось фактом политической воли русских и широко ими поощрялось. Тексты дают нам также ключевые даты христианизации. В них содержится мало данных о том, как ее восприняло местное население, в част-

Надмогильное сооружение типа чардат. Наличие православного креста указывает на христианское погребение, датированное XIX в.

A grave superstructure, of attic-type, called a tchardat. The presence of an orthodox Yakut cross indicates a Christian grave dating from the 19th century.

ности, в погребальной практике, где многое все еще оставалось личным, скрытым, показывая тем самым истинную глубину верований. Таким образом, вероятно, рассуждение о христианизации равносильно исторической интерпретации археологических данных, которые, в свою очередь, предоставляют данные о религиозности населения, проявляющейся в погребальной практике.

Необходимо отметить, что наши исследования больше направлены на осмысление полученных фактов, нежели на саму христианизацию. Гораздо шире вопрос, который мы только затронем, это – значимость христианизации для местного населения. В какой момент население осознало тот факт, ощущаемый христианами, что между Богом – единым – и человеком существует путь и этот путь есть Христос? Мы не можем рассматривать это на основании наших данных, поскольку речь идет о личном убеждении субъектов. Зато тексты подсказывают нам, что это понятие означало такое изменение видения мира, культуры, что оно не могло быть принятым в чистом виде, по крайней мере, первыми поколениями крещеных якутов; было необходимо дать ему якутскую интерпретацию. Представляется – но это надо доказать – что последняя касалась видения мира и себя. Очевидно, якутские верования были представлены и/или интерпретированы в христианских терминах. Повествования XIX века, касающиеся трех миров, превращенных иногда в три яруса, уже сами по себе напоминают о христианской и православной интерпретации якутского «нижнего мира». Впоследствии представители «темных сил», сначала обитавшие, если верить некоторым рассказам, в различных частях этого нижнего мира, были заменены «чертятами», с которыми черные шаманы продолжали бороться. Некоторые же действия, не содержащие никаких кровавых жертвоприношений, осуществлялись белыми шаманами, которых, естественно, заменили православные священники.

Надгробный камень из песчаника на христианском кладбище XIX века в Центральной Якутии.

Sandstone tombstone in a Christian cemetery in central Yakutia, dating from the 19th century. Sandstone was often imported hundreds of kilometres from the place of extraction; the banks of the River Lena.

Изучая вопрос о христианизации, мы одновременно не только изучаем способ введения христианских догм, но и размышляем об условиях этого введения, а также об исчезновении, или скорее, о развитии предшествующих верований.

В свете вышесказанного, вместо того, чтобы попытаться дать непосредственно историческую интерпретацию археологических данных, мы постарались провести сначала чисто археологическую интерпретацию. Возможно ли, не обращая к историческим данным, обнаружить свидетельства культурного изменения? Далее, если ответ на этот вопрос положителен, то благодаря чему общий исторический контекст, явление христианизации, позволяет интерпретировать некоторые археологические данные, иначе бы оставшиеся немymi? В-третьих, способствует ли учет исторического явления христианизации на частном примере Якутии улучшению понимания?

Исторические данные: начало, конец и внешние влияния с археологической точки зрения

С приходом русских в XVII веке православная христианизация Якутии стала делом решенным. Для того, чтобы ускорить ее и мотивировать местное население, было объявлено, что всякий, кто будет крещен, будет освобожден от ясака (налог, выплачиваемый мехами) в течение трех лет. Тем не менее, только к 1760 году осуществилась «массовая» христианизация, когда и было крещено большинство местного населения.

Свидетельства якутов или народов Севера, где подобная процедура была проведена в XIX веке, показывают, что церемония крещения чаще всего не имела религиозного значения для местного населения. Вместе с тем, похоже, что вначале не велось никакого учета крещеных, а у священников, посланных в Сибирь чаще всего была только твердая вера, но отсутствовали педагогические аргументы для ее передачи, а их поведение некоторые даже считали греховным (они были одними из первых, вступивших в смешанные браки). С тех пор традиционная религия и шаманизм сосуществовали вплоть до XIX века. Если традиционные верования исчезли в связи с усилением, начиная с 1850 года, христианизации в глубинке (особенно со строительством церквей, стоявших на пути следования епископов от Москвы до Владивостока), то шаманизм все еще был распространен.

Христианство, как и шаманизм, потерпело серьезное поражение после 1917 года, особенно сильный урон был нанесен с 1923 по 1930 годы, когда воинствующие атеисты сжигали надстройки старинных захоронений, как, например, в Чурапчинском улусе. С этого времени христианство исчезло «официально», в то время как шаманизм оставался во многих местах, свидетельством чего является агитация того времени против шаманов. По всей видимости, шаманизм испытал определенный спад после второй мировой войны, но до 1970-х годов еще продолжали существовать настоящие шаманы. Вероятно, в этот период недостаток медицинской помощи западного типа компенсировался

шаманами, выступавшими в качестве целителей.

Начиная с 1920/1930 годов, погребальные комплексы представляют собой огромные поля для захоронений (с появлением колхозов жилища были объединены), могильные памятники увенчиваются советскими знаками. С предыдущих времен остается только обычай размещать захоронения на высоких местах (при входе в деревни), чаще всего, выше источника водоснабжения. Однако в глубинке продолжали хоронить на мысах, возвышавшихся над алаасами, с надстройками, сохранявшими стилистическую преемственную связь с предшествующими временами.

Однако в историческом и археологическом плане необходимо различать три типа населения. С одной стороны, вновь прибывшие русского или европейского происхождения, которые становились все более многочисленными, начиная с середины XIX века, и, с другой стороны, две группы местного населения: те, кого хоронили в традиционных местах, и те, кто захоронен на православных кладбищах.

Европейцы были православными и должны были, в некоторой мере, передать свой образ жизни последним, хотя существует много примеров чужеземцев, которые в культурном плане становились настоящими якутами. Прекрасный пример русского влияния представляет почтовая станция Еланка, появившаяся в начале XIX века к югу от Якутска на террасе, возвышающейся над устьем реки, впадающей в Лену; в местности, особенно благоприятной для охоты и рыбалки. Кладбище

Выгравированные кресты или нанесенные краской (справа) на гробах в погребениях Дакки Кюеля, Куэн Эбэ 5 и Оттоох Алаас 2, Куэн Эбэ 6.

Engraved or painted crosses (right) on the coffins in the Dakky Kuola, Ken Ebé 5, Ottokh alaas 2 and Ken Ebé 6 graves.

общины не показывает а priori якутского влияния. Захоронения отмечены на поверхности стелами из песчаника и несколькими «обелисками» высотой примерно в один метр из того же материала, породы, находящейся в сотнях метров от кладбища. Такие стелы из песчаника обнаружены также в нескольких сотнях километров от центра их изготовления в якутских захоронениях с деревянными надстройками. Вероятно, речь идет о способе, распространенном, благодаря чужеземному влиянию, на якутской территории.

Похоже, что в конце XIX века большинство местного населения захоронено в погребальных комплексах, содержащих от десяти до нескольких десятков могил, надстройки которых напоминают

традиционные. Количество могил, тем не менее, необычно (погребальные якутские комплексы содержат от одной до четырех могил), и часто на поверхности имеются привозные стелы из песчаника, очевидно, с берегов Лены, находящиеся более, чем в 100 километрах к югу. Могилы отмечены большим деревянным крестом (часто сохранившимся, но поваленным в траву), и, очевидно, в этом случае можно употребить термин «православное кладбище». Согласно сведениям на стелах, они, вероятно, появились около 1880 года. Раскопки там нами не проводились.

Некоторых коренных жителей продолжали хоронить (ср. выше) на их земле, стараясь, по всей видимости, не приближаться к христианизированным погребениям, и даже впоследствии к «советизированным».

Христианизация как объект археологического исследования

Христианские захоронения не являлись нашим первоначальным объектом изучения. За исключением захоронения Киэн Эбэ, они были раскопаны случайно, поскольку на поверхности выглядели как традиционные захоронения. Оказалось, что они все относятся к периоду до 1850 года, переходному времени, узнаваемому по объединению могил и/или по их внешним признакам. Таким образом, наш пример не является показательным, поскольку в начале ничто не указывало на то, что могилы, которые мы собирались раскапывать, являются христианскими или вовлеченными в процесс христианизации. Однако они все оказались таковыми.

Если рассматривать только археологические данные, то факториальный анализ показывает группу из двадцати восьми могил, главными характеристиками которых являются: субъект, имеющий на шее крест (правда, не систематически), отсутствие сопровождающего имущества, чаще всего, гроб вместо ящика-гроба. Эти могилы часто содержат привозные ткани (даба, сукно, ситец), иногда в больших количествах. Данная группа - совершенно однородная и может быть датирована первой половиной

Христианские кресты из погребений, обнаруженные во время раскопок

Christian crosses found in the tombs excavated by the archaeological mission.

XIX века. А *posteriori*, она объединяет комплекс христианских могил, которые мы классифицировали как «христианские» во время раскопок или во время исследования останков.

Не имея исторических показателей и не зная признаков христианизации, археолог может определить эти признаки, начиная с 1800 года. Произшедший культурный перелом «равнозначен» в археологических терминах переходному перелому XVII/XVIII века: новые предметы, новые погребальные обычаи, изменение контингента погребенных в связи с увеличением количества детей. Но, если, вместо того, чтобы осознать признак глобального подобию (принцип факториального анализа), археолог интересуется специфическими элементами, такими, как наличие креста, то он может заметить, что крест представлен в хронологически предшествующей группе. Таким образом, можно заметить изменение в культуре и без знания признаков христианизации, и, применив способ умеренной интерпретации, можно прийти к выводу о переломе или непрерывной эволюции. Вероятно, возможна и религиозная интерпретация, а увеличение привозных предметов могло бы способствовать экономической интерпретации с точки зрения увеличения обменов, что явилось бы классической ошибкой смешения ассоциации и причины.

Как только общее значение христианизации принято во внимание, интерпретировать становится легче; тем не менее, определить, является ли крест в могиле, хронологически предшествующей группе захоронений, признаком распространения предметов или знаком христианизации, труднее. Можно было бы принять религиозную интерпретацию с учетом того факта, что этот крест находится в месте (Киэн Эбэ), где другие захоронения являются христианскими и расположены с учетом первой могилы. Вероятно, что первые, чисто материальные, признаки христианизации зарегистрированы около 1760 года (время, к которому относится Киэн Эбэ 1).

Мы постараемся показать, что учет якутских исторических данных позволяет уточнить этот феномен, свидетельствуя о том, что первое захоронение Киэн Эбэ связано с массовой христианизацией, которая, по-видимому, сначала затронула элиту; и что многие факты, которые *a priori* ничем не напоминают о христианизации, явно с ней соотносятся. Вместе с тем, если известно, что христианизация началась с XVII века, некоторые факты, предшествующие 1760 году, могут быть в этом плане оспорены.

Сопоставление этих трех интерпретаций показывает, что после чисто археологической интерпретации христианизация предстает как довольно внезапное явление, с предвещающими признаками, когда кресту придается религиозное значение; а если параллельно с археологическими данными учитываются якутские исторические сведения, то христианизация предстает как прогрессирующее явление.

От массовой христианизации 1760 года к всеобщей христианизации: различающиеся процессы

Для того чтобы исследовать явление христианизации, мы взяли в качестве образца двадцать восемь захоронений XIX века, которые представляют все ее неоспоримые признаки. В этих захоронениях количество детей довольно значительно (16/30, т.е. 54%). По всей видимости, захоронения взрослых в мерзлых почвах достаточно хорошо изучены, а захоронения детей исследованы намного меньше. Двенадцать из шестнадцати детей имеют возраст меньше года (Киэн Эбэ 2, 6 и 7, Верховье речки Танды 1 а и b, Тумус Атах, Дириила Сайлыга, Кыыл Бастаах 2, Тунгус Кюэль 2 и 3, Ченкелёй), в двух случаях детям - около четырех лет (Киэн Эбэ 5), и, наконец, двум - около восьми лет (Киэн Эбэ 3 и 9, Ойогос тумула 2).

Мы проводили раскопки этих захоронений, исходя из двух соображений:

- Захоронения, глубину могил которых мы считали идентичной или близкой захоронениям XVIII века (от сорока до шестидесяти сантиметров), и которые при открытии или аутопсии останков на самом деле оказались христианскими. Они датируются между 1805 и 1849 годами.
- Захоронения в местности Киэн Эбэ, это - христианское кладбище, основанное около 1760 года вокруг традиционного захоронения. Именно расширение зоны раскопок вокруг этого захоронения и открыло комплекс погребений, самые недавние из которых восходят к середине, и даже, к концу XIX века. Кладбище, несомненно, содержит десятки могил. Отметим, что в этом комплексе очень многочисленны захоронения маленьких детей (3/7 субъектов имеют возраст меньше года и 4/7 субъектов - 57% - дети моложе девяти лет).

Киэн Эбэ - это местность в Таттинском улусе, представляющая собой огромный холм в сотни метров с буграми, появившимися под воздействи-

Киэн Эбэ (Таттинский улус). Схема представляет номера могил. Христианское кладбище было создано около 1760 года вокруг традиционного захоронения (Киэн Эбэ 1), которое соединяет характерные признаки захоронений знати первой половины XVIII века (двойное вместилище и привозное имущество в качестве сопроводительного инвентаря) и нательный крест, первый признак христианизации.

Figure to show the number of graves (Ken Ebé, Tattinsky ulus). The Christian cemetery was founded in approximately 1760, surrounding a traditional grave (Ken Ebé 1). The grave has the same architecture (double containment) and objects (imported) as the graves of the elite class from the first half of the 18th century, including a cross around the necks of the deceased individuals; the first sign of Christianisation.

ем вечной мерзлоты. Устная традиция, записанная пятьдесят лет тому назад этнографом, с которым мы встречались, относит эту зону погребения к потомкам некоторых из четырех сыновей Дьох-согора. Речь идет об одном известном человеке, имя которого носят, по крайней мере, четыре деревни, а сам он был сыном знаменитого Отоха, жившего много веков тому назад в этой местности и бывшего таким богатым, что «считал коров пастбищами».

На одном из этих бугров мы заметили захоронение (Киэн Эбэ 1), над которым возвышались остатки надстройки амбарного типа и береза, посаженная на ящике-гробе. Оказалось, что это захоронение ребенка от одного до двух лет в колоде, положенной в ящик-гроб, покрытый берестой. Между колодой и ящиком-гробом находилась привозная лакированная чаша. Следовательно, речь идет о захоронении представителя знати, совершенно похожем

по своей концепции и обычаям на захоронения начала XVIII века. Тем не менее, удивительно, что речь идет о захоронении не взрослого, а ребенка. По своей концепции данное захоронение совершенно идентично другой детской могиле (Ожулун 1), датированной методом дендрологии 1760 годом, а способ вырезания колоды сближает ее также с целым рядом захоронений, датированных концом XVIII века (ср. хронология). При раскопках выяснилось, что у ребенка на шее висел посеребренный металлический крест. При расчистке этого захоронения мы обнаружили шесть других (№ 2, 3, 4, 5, 6 и 7), относящихся к христианской группе, которые, очевидно, изначально были расположены с учетом первого захоронения. Ни на одном из них первоначально не было ни надстройки, ни посаженной березы. Речь не идет о семейном участке, хотя и нельзя исключать родственных отношений между двумя субъектами.

За исключением Киэн Эбе 2, которое покоится на Киэн Эбэ 4, захоронения не пересекаются. Тем не менее, некоторые отличаются способом построения, что позволяет предложить относительную хронологию:

Киэн Эбэ 4, глубокое захоронение мужчины старше шестидесяти лет, похороненного в скрепленном гробу с головной подставкой. Гроб вставлен в бревенчатый ящик. Ящик и гроб частично обрушились. Голова лежала на подушке из лиственничных стружек. У погребенного было обручальное кольцо. Головная подставка из собранных кусков дерева, так же, как обручальное кольцо и отсутствие приношений, наводят на мысль о христианизации субъекта. Отсутствие берестяного покрытия можно объяснить таким же образом. Гроб в ящике обычен для захоронений представителей знати XVIII века. Это захоронение сочетает христианские элементы (головная подставка) с элементами, присущими средневековой знати (способ захоронения).

Захоронение Киэн Эбэ 3 находится по соседству с Киэн Эбэ 4, направление и глубину которого оно повторяет. Яма первого захоронения пересекает яму второго, что указывает на то, что Киэн Эбэ 3 было выкопано после Киэн Эбэ 4. Речь идет о ящике-гробе с берестяным покрытием на боковых сторонах. В нем содержится ребенок примерно восьми лет с крестом на шее. Лицо покрыто саваном,

сам он накрыт хлопчатобумажным саваном. У него платок, хлопчатобумажная рубашка из очень плотной ткани, кожаное пальто, застегнутое на медные пуговицы, а на нижних конечностях очень хорошо сохранившаяся якутская традиционная одежда. Крест, саван и отсутствие приношений свидетельствуют о христианизации, берестяное покрытие остается весьма традиционным.

Четыре других захоронения, присоединенные к этому комплексу (Киэн Эбэ 7, 6, 5 и 2), представляют собой могилы с гробами, в трех случаях это - захоронения грудных младенцев (Киэн Эбэ 2,6,7) и в одном случае ребенка лет примерно четырех-пяти (Киэн Эбэ 5).

Киэн Эбэ 2, с заколоченным гробом, содержащим младенца, находится на Киэн Эбэ 4. На голове младенца обнаружен венчик из бумажных полосок, символизирующий для православных корону Царства небесного. На нем с трудом различается центральный образ, окруженный двумя симметричными элементами. Вероятно, речь идет либо о богородице со скрещенными на груди руками, образ, по-прежнему популярный в России, называемый «Умиление», либо, как можно до сих пор видеть на подобных венчиках, образы Спасителя, Богоматери и Святого Иоанна Крестителя. В наше время эти образы обрамлены с двух сторон православной молитвой «Трисвятое». Эта молитва обнаружена в

Тунгус Кюеля (Нюрбинский улус, Вилюй). В 1000 км по прямой, местность Тунгус Кюеля имеет ту же стратиграфию, как и погребения из местности Киэн Эбэ, можно предположить, что имелись разнообразные формы строительства и в то же время определенные стандарты, введенные церковью в Якутии.

Tungus Keul (Nyurbinsky ulus, Vilyuy region). 1000 km away, as the crow flies, the Tungus Keul site has the same stratigraphy as the Ken Ebé graves, suggesting that construction modes in Yakutia changed at the same time due to the standards imposed by the Church.

View of the nataznik decorations

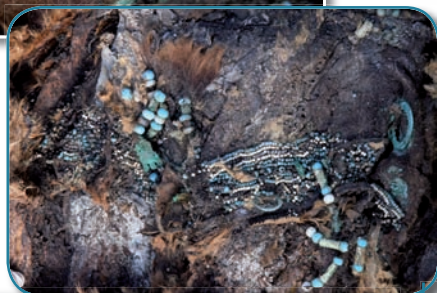
крест

The cross

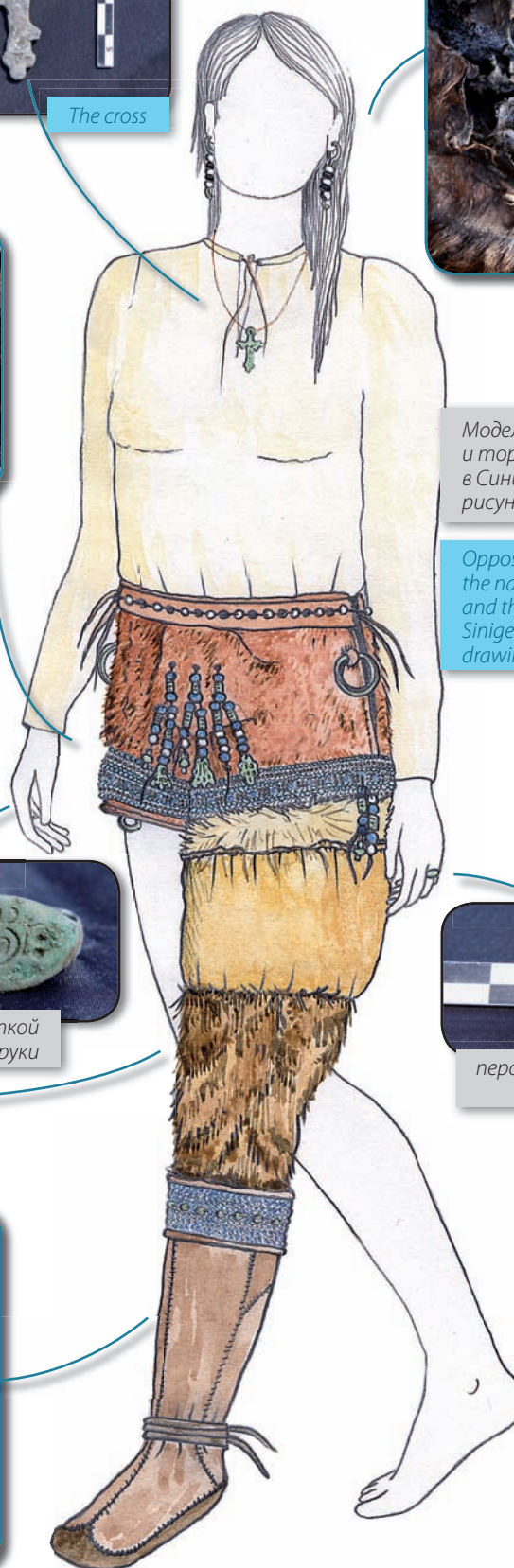

серьги

Earrings

Фрагменты украшений натазника

Модель натазника, ноговиц и торбазов погребенной в Синигес (акварельный рисунок К. Пети)

Opposite: a reproduction of the nataznik, the nogovitse and the tarbaza worn by the Siniges subject (watercolour drawing: C. Petit)

Detail on the nogovitse

Right signet ring

перстень с печаткой с правой руки

Left signet ring

перстень с печаткой с левой руки

Торбаза

View of the tarbaza

Фрагмент ноговиц

римском обряде в песнях *Impropères* («Виноваты») во время Поклонения Кресту Святой Пятницы, а также в многочисленных богослужениях. Образы и надписи на венчике напоминают о том, что тот, кто завершил свой земной путь, надеется обрести корону благодаря Богу и заступничеству Богородицы и Святого Иоанна Крестителя. Обычно во время панихиды венчик надевается на усопшего, а в его правую руку кладут псалом № 91 (90), печатавшийся вначале на том же листе, что и венчик, но в нашем случае он обнаружен не был. Данное захоронение содержит все элементы современного, «полностью» христианского захоронения: четкие ориентиры восток/запад, отсутствие какой бы то ни было надстройки, тело завернуто в саван, представляющий собой ситцевый платок. Тело положено на матрац из лиственничной стружки в заколоченный гвоздями гроб из досок, обрезанных теслом, а не пилой. Что интересно в случае с этим захоронением, так это усовершенствованная церемония исполнения русского православного ритуала и почти полное исчезновение всякого местного элемента. Поскольку гроб был заколочен, захоронение должно быть недавним, середина и даже вторая половина XIX века. В трех других случаях гробы были скреплены, что, вероятно, говорит о их большей древности.

Киэн Эбэ 7 - наиболее плохо сохранившееся захоронение. Младенец завернут в кожаный саван.

Захоронение Киэн Эбэ 6 находится на той же глубине, что и Киэн Эбэ 2, хотя направление у него другое. На крышке гроба видны следы нарисованного креста. Кроме того, у субъекта, захороненного в Киэн Эбэ 6, обнаружены новые детали: он покрыт цветным ситцем (не завернут), а крест висит на хлопчатобумажной нити.

На крышке гроба Киэн Эбэ 5, со стороны, видимой снаружи, вырезан крест.

Следовательно, порядок захоронения мог быть следующим: Киэн Эбэ 1, Киэн Эбэ 4, затем, конечно, Киэн Эбэ 3, затем, возможно, Киэн Эбэ 7, и в то время, когда христианизация уже укоренилась - Киэн Эбэ 5, потом Киэн Эбэ 6 и, наконец, Киэн Эбэ 2. Последний покоится на Киэн Эбэ 4 и мог бы быть его внуком. Если считать, что Киэн Эбэ 1 захоронен позже 1760 года, Киэн Эбэ 4 похоронен перед концом XVIII века, а Киэн Эбэ 2 - на два поколения позже (меньше пятидесяти лет), тогда весь комплекс, вероятно, существовал менее века, что кажется логичным.

Местность Киэн Эбэ, место захоронения известной семьи якутской знати, позволяет нам просле-

дить ее эволюцию, начиная с массовой христианизации, исторически засвидетельствованной в 1760 году, до осуществления в течение примерно одного века, захоронений с вполне последовательным православным ритуалом. Можно предложить исторический сценарий развития местности Киэн Эбэ.

Захоронение ребенка из знатной семьи произведено в традициях захоронений начала XVIII века, в духе массовой христианизации 1760 года. Ребенок имеет нательный крест, вероятный признак его крещения. Вокруг захоронения этого крещеного ребенка, узнаваемого благодаря возвышающейся над могилой надстройке, устанавливаются захоронения, все субъекты которых похоронены согласно ритуалу, отличающемуся от ритуала первоначального захоронения, поскольку он становится все более и более христианизированным. После ребенка первым был похоронен взрослый, его захоронение повторяет способ захоронения представителей знати начала XVIII века в том, что касается двойного вместилища. Тем не менее, люди, выбравшие это место и имевшие, без сомнения, некоторый престиж, стремились также показать, что покойник был христианином. Это стремление ощущается как во время его возложения в гроб, сопровождающегося сооружением головной подставки, так и во время погребения, когда было устранено большинство традиционных элементов, кроме традиции двойного вместилища. Затем рядом с этим ящиком в ящик, покрытый берестяными полосами, положили умершего ребенка, тоже с крестом на шее. По сравнению с предыдущим захоронением православный ритуал соблюден в гораздо меньшей степени, либо потому что хоронили другие люди, либо потому что из-за ребенка похороны проводились в узком кругу, и не было необходимости показывать, что тот, кого хоронили, был христианином, при этом обе гипотезы не исключают друг друга. В дальнейшем, все идет к тому, что христианские похороны становятся необходимыми, кресты на гробах (нарисованные или вырезанные) должны об этом напоминать. Христианство не является больше отказом от старинных традиций, оно становится традицией с устоявшимся общественным отношением, поскольку элементы из одного захоронения обнаруживаются в другом (способ закрытия гробов, кресты и т.д.). За исключением крестов материальные элементы христианизации являются кустарными, изготовленными дома, в то время как, например, в одежде отмечаются привозные элементы. В начале XIX века усиливаются экономические обмены и ввоз

Охтубут 3

К.Оштрассер-Пети

На краю одного алааса имеются следы построек, направленных длинными сторонами с запада на восток, яма выкопана до уровня вечной мерзлоты (1,46 м от поверхности земли). Поскольку могила находится на слое вечной мерзлоты, одежда на трупе сохранилась исключительно хорошо, тело было мерзлым, а на дне гроба лежал лед. Гроб состоит из шести толстых досок, вытесанных топором и собранных при помощи треугольных пазов. Крышка изготовлена из цельного дерева и покрыта двенадцатью поперечными полосами бересты. На подстилке из бересты лежит женщина, под головой у нее подушка из шкуры жеребенка, набитая травой и утиным пухом. На женщине - кожаная шапка цвета охры с водонепроницаемой выделкой, меховая опушка сшита из меха соболя. На шапке - четырехугольный орнамент светло-зеленого цвета. Лицо покрыто куском кожи и шелковым платком. На ней - пальто до колен из шкуры оленя мехом наружу, завязанное кожными тесемками. Рукавицы из водоотталкивающей кожи изнутри подбиты мехом соболя, верхняя часть загнута. Верх рукавиц украшен тонкими полосками соболиного меха, деталью из темной кожи и медными трубчатыми подвесками. Под меховым пальто на ней надето другое, более легкое пальто, называемое сон (як.), сшитое из тонкой кожи специальной выделки, с узким кожаным поясом. На ногах - традиционные ноговицы с напуском, не пропускающие воду благодаря специальному способу обработки, прикрепленные под коленом при помощи завязок, шесть раз обернутых вокруг ноги; и торбаза из обработанной шкуры лося, держащиеся при помощи завязок, обернутых шесть раз вокруг щиколоток. Верхняя часть сапог завернута и образует отвороты. Тело положено на спину, головой на запад. Голова лежит прямо на меховой подушке. Правая верхняя конечность согнута и перпендикулярно телу лежит на животе. Левая верхняя конечность вытянута вдоль тела. Правая рука лежит поверх рукавицы, в то время как левая - в рукавице. Нижние конечности вытянуты, ступни - в расслабленном положении. Снаружи гроба, с восточной стороны (возле ног), был положен согнутый нож, намеренно приведенный в негодность.

Охтубут 3 (Чурапчинский улус), захоронение датируется 1805 г. Такое положение рук уже было зарегистрировано в христианских погребениях во время раскопок Э.Жиркова. Правая рука вынута из рукавицы, чтобы умерший смог осенить себя крестом во время Страшного суда.

Okhtoubout 3 (Churapchinsky ulus), a burial dated to 1805. The position of the hands has already been documented in Christian graves during the excavations of E. Jyrkov. The deceased makes a sign of the cross with his de-mitted right hand (watercolour Ch. Hochstrasser-Petit).

товаров, в деревнях появляются готовые вещи, как этот бумажный венчик с изображением Богоматери. Они свидетельствуют об обменах, касающихся религиозных элементов, а также, сопутствующим образом, о том, что религиозность стала более управляемой, более православной и более русской.

Таким образом, Кизн Эбэ является, вероятно, одним из самых старых христианских кладбищ, известных до сих пор в Якутии. Оно, видимо, создавалось на землях известного главы рода, вокруг захоронения крещеного ребенка из семьи знати. Впоследствии на этом месте хоронили детей и взрослых, тоже крещеных, по все более и более православным обычаям. Параллельно около аласов продолжали создаваться отдельные захоронения с более традиционным способом погребения и надстройками; должна была сохраниться и практика арангасов. В середине XIX века кладбище, вероятно, было перенесено в другое место, например, к месту богослужения, когда сеть христианских общин начала образовывать структуры в деревнях.

Среди отдельных захоронений XIX века особенно показательным является захоронение Седен. Вначале оно

имело надстройку. Захоронение расположено на некотором расстоянии от христианского кладбища, оно - неглубокое (средневековая практика) и возвышается над озером на краю плоскогорья. Это - захоронение пожилого мужчины, который «не смотрит» на озеро, так как лежит головой на восток, а ногами на запад, в то время, как озеро находится на востоке. Ящик-гроб, построенный на месте, покрыт пластинами бересты, украшенными искусно выполненным красивым якутским традиционным крестовым орнаментом. Лицо покрыто саваном, тело также находится в саване, на груди - крест, в скрещенных руках - свеча, изначально вставленная между двумя пальцами левой руки. Он одет в пальто из даба, застегнутое на восемь русских пуговиц (типа мундира). Рубашка и суконные брюки с подкладкой - также из даба, трусы - из кроличьей шкуры, и торбаза - из конской. Местоположение на краю мыса, одежда из привозных тканей, изящество орнамента, медные пуговицы и общая тщательность захоронения подсказывают, что это - могила знатного человека, погребенного (судя по типу пальто) в XIX веке. Что особенно интересно, так это констатация важности христианской

церемонии, имевшей место во время погребения, и продолжение существования, и даже возврат средневековых якутских языческих элементов во время этой же самой церемонии.

Были обнаружены два других захоронения, в которых имелись восковые свечи. Отсюда алас на Вилуе - это местность, где на возвышенности напротив озера расположены три могилы. Рядом, у подножия нескольких одиноких деревьев были обнаружены остатки деревянной птицы, использовавшейся во время камланий шаманов. Две могилы были раскопаны, в них обнаружены останки двух пожилых женщин в гробах без сопровождающих предметов, но одна женщина имела крест. В одном случае крест был вырезан на крышке с внутренней стороны гроба (т.е., служители культа не мог-

Погребение Седен (Таттинский улус, Центральная Якутия), слева - берестяное покрытие, украшенное крестом; справа - умерший с крестом на груди и свечой в левой руке.

Seden grave (uluus of Tattinsky, central Yakutia). Left: the birch lid decorated with a cross. Right: the subject was buried with a cross on the chest and a candle in the left hand.

ли его видеть). Были обнаружены также три свечи, одна – за головой, две других – между ногами. На правой руке женщины не было рукавицы. В Синигесе, в Центральной Якутии в одиночной могиле у женщины, захороненной в колоде, был на шее крест, правая рука была вынута из рукавицы, чтобы она могла осенить себя крестом, а по четырем углам вместилища стояло по одной свече

Все три случая с обнаруженными свечами свидетельствуют об определенном соблюдении православного ритуала, когда в каждом углу гроба должно стоять по свече, часто даже в доме покойного. В Синигесе ритуал соблюден полностью, а в Седене речь идет о варианте, связанном с тем фактом, что субъект похоронен не в гробу или колоде, которые легко перемещать, а в ящике, следовательно, свеча была вставлена в руку на месте захоронения. Три эти случая с разницей в несколько десятков, и даже больше, лет, наводят на мысль об участии при положении в гроб (в Синигесе и Оттох алаасе) или при погребении служителя (священника?), знавшего ритуал церковной службы. Имела ли место религиозная церемония между домом и местом захоронения? Мы не можем это уточнить, но все же отметим, что захоронение Синигес, самое древнее из трех, находится ближе всех к Якутску, поэтому, возможно, что оно испытало влияние священников из столицы. Во всех трех случаях выбор места захоронения традиционен. Если в Синигесе и в Седене могилы – одиночные, что свидетельствует о том, что впоследствии эти места не

были востребованы, то в Оттох алаасе почти рядом захоронены пожилые женщины, не находящиеся в родственных отношениях, и впоследствии около их захоронений были проведены шаманские обряды. Довольно удивительно, что те, кто хоронил субъектов в Оттох алаасе (в одном случае, видимо, зимой) не знали, что женщины были христианками! Ведь крест был вырезан на нижней стороне крышки, а она, скорее всего, была закрыта до прихода к озеру, как об этом свидетельствует хаотичное расположение трех свечей, если только они не были спрятаны, так как их не было видно при открытии гроба при раскопках. Обряды при закрытии ям были традиционными, в Седене выбор великолепного берестяного покрытия с узорами в форме креста отсылает как к якутской традиции, так и к христианской.

Эти захоронения показывают, как с середины XVIII века, и, конечно, в течение более одного века местные знатные жители интегрировали христианскую религию, но сохраняли, тем не менее, традиционные элементы, особенно в том, что касалось отношения к земле, к деталям погребения, и даже шаманским обрядам.

Христианизация, погребения и религиозность

Исследование тридцати одного субъекта из захоронений XIX века позволяет нам выявить детали, показывающие, как новая религия проявляла себя через фактический материал во время погребений.

Единственная деталь, встретившаяся в комплексе захоронений, - отсутствие приношений в виде еды и/или возложения оружия (для мужчин), означает отказ от предшествующих верований или, по крайней мере, желание служителей культа обозначить разрыв с прошлым.

Наличие положительных знаков, в частности, знаков таинства (крест на шее, почти обязательный с момента крещения в православной среде; обручальное кольцо, означающее венчание в церкви, традиционно остававшееся на пальце покойного), которые могли бы рассматриваться как показные знаки, является менее систематичным. Крест на шее встречается в восемнадцати случаях, а обручальное кольцо из металла, содержащего медь, только у одного из четырех взрослых в

Раскопки и описание погребения Кус Чаарбыт (Таттинский улус).

Excavation and data collection of the Kous Tcharbyt grave, overlooking an alaas (uluus of Taatta).

возрасте (субъект из Киэн Эбэ 4 с обручальным кольцом является одним из тех, кто не имел креста). Необходимо отметить, что в России традиция хоронить с нагрудными крестами установилась только в XVI-XVII веках, и только в XVIII веке она укоренилась (Рапова, 2009). Следовательно, в том, что касается этой практики, вроде бы имеется соответствие между русскими обычаями и обычаями, которые будут распространяться среди якутов. Таким образом, наличие креста в таких захоронениях, как Киэн Эбэ 1 и Синигес очень показательно, поскольку в то время в России это не было правилом для всех крещеных.

Если в случае с младенцами (Киэн Эбэ 7, Тунгус Кюель 2 и 3) отсутствие креста можно было бы объяснить тем, что они умерли и были похоронены до его получения (отсутствие священника или крестов), то в случае со взрослыми (Кулусунах 2, Туман Алааса, Оттох алаас 1, Ойогос тумула 2) и детей постарше (Киэн Эбэ 9, Тунгус Кюель 1, Ойогос тумула 2) оно не совсем понятно. У взрослого из Киэн Эбэ 4 не только обручальное кольцо, но и другие признаки, например, ярко выраженная головная подставка, показывают, что он бесспорно был христианином. Возможно, что крест, обычно скрытый под одеждой, изымался после кончины, в то время как обручальное кольцо, бывшее на виду, оставляли на месте. Это очень даже возможно, если крест был серебряным, поскольку, согласно историческим данным, этот металл нельзя было оставлять на покойниках.

Вместе с тем христианизация может сопровождаться иными знаками, связанными не только с таинством. Эти знаки оставлялись теми, кто занимался погребением, либо непосредственно на теле, либо на вместилище, либо во вместилище. Что касается знаков на теле, то речь идет о расположении савана для лица и савана для тела, напоминающих о положении во гроб Христа, или о знаках, связанных с надеждой на воскрешение и/или с религиозным обрядом: бумажный венчик на голове с изображением Богоматери со скрещенными руками и свеча, вставленная в руки. Что касается знаков на вместилище (ящик-гроб, гроб), то на нем мог быть нарисован или вырезан крест, отсылающий к христианской символике тех, кто занимался погребением. Если говорить о знаках во вместилище, то встает вопрос о наличии головной подставки, значение которой остается загадочным и не рассматривается в текстах: расположение головы так, чтобы она была лицом к небу и, следовательно, повернута к востоку (на Западе) и появлению

небесного Иерусалима (апокалипсис Святого Иоанна). Предположим, что это равнозначно овалу с изображением Христа во славе, что, возможно, означает принадлежность покойного к телу христову (Crubézy *et al.*, 2006). В девяти случаях из двадцати восьми (т.е. 5/13 для взрослых) яма была вырыта глубоко для того, чтобы достичь вечной мерзлоты, в частности, для взрослых и никогда для детей. Что касается взрослых, то можно предположить, что могильщики или те, кто их нанял, верили в воскрешение мертвых и не хотели, чтобы покойный или его одежды разложились, дабы быть в надлежащем виде во время Страшного суда.

Из знаков, свидетельствующих о христианизации, некоторые могли быть восприняты легче, чем другие, ввиду уже существовавших обычаев, в частности, саван для лица и саван для тела. В случае христианских захоронений они встречаются часто, обычно из хлопка, и иногда даже саван для тела покрывает саван для лица. В средневековых погребениях саваны для лица встречаются почти систематически (по крайней мере, в случаях, когда это можно подтвердить, в частности, в мерзлых захоронениях), даже если они не из хлопка (скорее из кожи) и часто представлены вывернутыми наизнанку шапками. В средневековых захоронениях отсутствуют саваны для тела в узком смысле, но тела, особенно, знатных персон, иногда накрыты каким-нибудь покрытием, а в некоторых случаях, пальто, вывернутым наизнанку. Согласно текстам, в христианский период саванами покрывали в доме, тогда как раньше пальто, очевидно, клали на тело во время похорон. Обычай покрывать тело существовал уже в традиции знати в начале XVIII века, но принятие христианской религии позволяло осуществлять этот обычай дома, а не вдали, только в присутствии киибэс.

Знаки, имеющие отношение к обработке древесной стружки, обнаруженные в работах конца XIX и начала XX века, найдены только в Киэн Эбэ 2, Киэн Эбэ 5, Кыыл Бастаах 2, Дакки Куола и Ченкелёе. Мы уже упоминали о том, что Киэн Эбэ 2 – это последняя могила, расположенная в данном комплексе, и что она должна датироваться серединой XIX века. Вероятно, некоторые из этнографических знаков, засвидетельствованных в конце XIX века, не укоренились прочно во времени, или они основываются на свидетельствах, не отражающих общие традиции, или же они локализованы в пространственном отношении. Что интересно, отказ от стружек обнаружен в захоронении Кыыс Унуога, которое представляет случай трагической смерти

и явно является захоронением удаганки. Можно поставить вопрос, в какой мере древние обычаи, направленные против шаманов или других субъектов, которые нагоняли страх, могли бы лечь в основу последующих обычаев.

Интереснее всех этих материальных деталей может быть наличие многочисленных захоронений новорожденных, тогда как в начале XVIII века захоронения детей не встречаются, или же дети погребены в могиле взрослого, поскольку они приобретали свою духовную сущность сюр только к семи годам. Вероятно, население стало воспринимать понятие души с самого рождения или крещения. Исторические данные показывают, что когда количество сущностей увеличивается (разные части кут, затем сюр), наблюдается некоторая путаница в объяснениях местного населения, как это подтверждают запутанные свидетельства конца XIX века (уже под христианским влиянием). Вероятно, православные священники могли объяснять просто, что вполне устраивало Церковь.

В итоге, отсутствие предметов, глубина захоронений взрослых и погребение новорожденных могли означать глубокое изменение менталитета. Появляются представления о том, что путешествия в сорок дней больше не существует, что нужно сохранять тела до Страшного суда, что новорожденные могут иметь душу с самого рождения или с момента крещения.

Ранние признаки христианизации ?

Предыдущие выводы отмечают глубокие изменения якутского общества и культуры. По отношению к этим выводам знаки таинства, особенно крест и обручальное кольцо, являются дополнительными знаками, и поскольку они имеют показательный характер, их наличие со временем будет увеличиваться – свеча в руке, бумажный венчик, крест на гробах. С этого времени встает основной вопрос: могли ли проявляться до этого ранние знаки, имеющие отношение больше к менталитету, чем к таинству, или касающиеся некоторого отношения к смерти.

Надо рассматривать две группы захоронений: захоронения местности Джарама, особенно три детские могилы Джарама 2, 3 и 4, и некоторые отдельные захоронения конца или середины XVIII века.

Три захоронения Джарама, следующие за Джарама 1, захоронением представителей знати начала или середины XIX века, находятся на некотором расстоянии от первой. Они точно датированы кон-

цом XVIII века. Это - захоронения в чисто якутской традиции, но резко отличающиеся от погребений предшествующей фазы, поскольку являются захоронениями детей, которых обычно в традиционном якутском мире не хоронили индивидуально. , Вероятно, традиционные верования существовали вплоть до Джарама 4, поскольку якутские ритуалы начала XVIII века соблюдены. Мы обнаружили в детской могиле в керамическом изделии имитацию птичьего гнезда, означающего, что ребенок имел кут, которая в облике птички должна была присоединиться к божествам айыы. В то же время в этих трех захоронениях нет никаких приношений, связанных непосредственно с телом. Некоторые из захоронений имеют слегка трапециевидную форму, а в одном случае голова умышленно повернута к востоку.

Этот комплекс из трех захоронений Джарама, являющийся современником Киэн Эбэ, показывает, что обе традиции, христианская (Киэн Эбэ) и традиционная (Джарама) сосуществовали. В то

Старое христианское погребение из Вилуйского района.

Ancient Christian grave in the Vilyuy region.

же время он показывает, что, если в Киэн Эбэ наряду со знаками, относящимися к христианскому соборованию, очень сильно проявляется отказ от некоторых традиционных ритуалов, то в Джарама, несмотря на сохранение традиционных обычаев, дети погребены совсем как в христианских общинах. Возможно, что некоторые элементы христианской веры начинали появляться в традиционной среде: отсутствие сорокадневного путешествия, понятие о душе у маленьких детей, которые должны были прибыть (к кому? к чему?) традиционным способом к месту назначения (навсегда оставшемуся неизвестным для нас) якутского мира или христианского или же слившихся обоих миров.

Из отдельных захоронений особенно интересно погребение Охтубут 3. Оно действительно свидетельствует о принятии христианизации, по крайней мере, об ожидании Страшного суда (глубокая яма) без предварительного путешествия (отсутствие приношений). В то же время субъект погребен в традиционном месте, что говорит либо о том, что привязанность к своей земле была сильнее, чем поиск «христианской земли» (кладбище), либо о том, что служители культа посчитали, что данный субъект должен быть похоронен в стороне, либо о том, что поблизости в то время еще не было кладбища. Еще удивительнее нож снаружи, означающий, что предшествующие верования могли частично остаться или что они превратились в суеверие.

Итоги : первый примерный сценарий

В сельских местностях Центральной Якутии первый погребальный комплекс, который мы раскопали, появился к концу XVIII века. За последующие пять десятков лет христианизация распространится более широко. Общины обретут определенную структуру, чтобы создать настоящие кладбища с крестами. Мода, введенная первыми прибывшими русскими, на стелы из песчаника, производимые на Лене, будет распространяться, и стелы станут предметом торговли, даже если они будут не заменять надстройки, а добавляться к ним. В эпоху коммунизма кладбища будут объединены около централизованных жилищ. В то же время, некоторых людей продолжали хоронить иногда (подалеке от путей сообщения) на высоких местах, где были погребены их предки, правда, используя при этом новые христианские или коммунистические символы.

С конца XVIII века до 1850 года, помимо христианских кладбищ, встречаются отдельные «христианские» захоронения детей или взрослых. Речь

идет о субъектах, по отношению к которым православные ритуалы были хорошо соблюдены в том, что касается тела (одежда, саван для лица и т.д.), и эти ритуалы были осуществлены в доме усопшего. Напротив, погребальные действия, происходившие на месте захоронения (несомненно выбранным покойным по древней традиции), которые могли осуществляться киибэс (по поручению семьи), остаются весьма традиционными. Вполне допустимо, что иногда при церемонии присутствовал священник, а семья порой выбирала среди покрытий урасы (летнее жилище) те, которые напоминали христианские мотивы. Во время сооружения надстройки на следующий год после похорон на месте коновязей устанавливался крест.

Узнать, насколько христианство смогло глубоко укорениться, конечно, намного труднее. Как подтверждают примеры Киэн Эбэ 1 и Синигес, христианизация началась, вероятно, с крещения знатных семей, которое потом могло стать примером для подражания. Затем, определенную роль стали играть прибывшие первые иммигранты и появление почтовых станций. Однако помимо этого политико-экономического аспекта могли также иметь значение при обращении в христианскую веру некоторые элементы, относящиеся к признанию «я» и индивидуальности человека, заслуживающие еще уточнения.

До того, как появились христианские знаки, связанные с таинством, детей моложе семи лет хоронили индивидуально, что предвещает будущие христианские захоронения и что показывает разрыв с якутской традицией, согласно которой дети должны были лежать в могиле какого-нибудь родственника, поскольку они не обладали еще совокупностью своих сущностей. В то же время, сборники свидетельств XIX века (к сожалению, поздние) наводят на мысль о том, что между различными сущностями многосоставного якутского «я» царила некоторая путаница и что нижний мир имел, вероятно, сложную для восприятия структуру. Следовательно, представление о душе с самого рождения или с крещения могло стать простым понятием, заменившим другое, которое, может быть, не сильно отличалось, но, очевидно, было более сложным. Возможно, что то же самое произошло и с концепцией мира, «преобразованного» в трехуровневый мир с раем и адом.

Продолжение работ даст возможность узнать, в какой мере археология может позволить приблизиться к самой сущности якутского мышления во время данного процесса христианизации. Напри-

мер, кажется, что можно легко понять увеличение глубины ям для взрослых, чтобы достичь мерзлоты. Это можно было бы объяснить тем фактом, что в традиционной религиозности якутов боязнь могил была, как раз, связана с тем, что часть «я» субъекта оставалась в могиле и, что личности, которых особенно боялись, как, например, в Кыыс Унуога, были

похоронены глубоко. Следовательно, когда священники побуждали к погребению с помощью властей, запрещавших практику арангасов и когда было сказано, что умершего ожидает Страшный суд, то глубоко вырытая яма вписалась в якутское сознание, которое было обеспокоено тем, что происходило с покойником в ожидании этого суда.

2.8. Интерпретационный анализ и эволюция

Э. Крюбези, В. Попов, Л. Алексеева, С. Дюшен, Э. Жирков, А. Шараборин, Д. Николаева

Интерпретационный анализ сопроводительного инвентаря

Погребальные обычаи имели много более или менее формально выраженных значений. Они были связаны, главным образом, с боязнью возвращения мертвых в виде юер и с общим страхом перед абаасы, особенно тех, кто был ответственен за смерть и всегда находился в теле. Наряду со страхом перед мертвыми существовала боязнь могил, связанная с тем, что часть кут (буор кут) оставалась там. В

этом контексте, а также учитывая объяснения самих якутов, полученные в XIX веке и касающиеся некоторых особых вопросов, можно предложить объяснение наличествующих предметов, и даже отсутствующих, таких, как серебряные украшения, которые систематически изымались (см. выше). Как уже упоминалось, археология выявляет факты, не отмеченные в текстах, касающиеся различий между субъектами, даже отсутствия некоторых элементов, которое может быть объяснено тайным умышленным изъятием или не вложением какого-либо предмета в могилу.

Правило, касающееся серебряных украшений, возможно, является древним, имеющим силу для населения XIV/XV веков, и в последующие периоды, оно, похоже, также тщательно соблюдалось. Ведь якуты знамениты своими серебряными ювелирными изделиями. За исключением одного из первых привозных крестов, в захоронениях не было обнаружено ни одного серебряного предмета. Это, по меньшей мере, приводит в замешательство, если только не считать этот факт соблюдением данного правила, которое могло даже повлечь за собой изготовление особых предметов для умершего, как, например, деревянные пуговицы в некоторых христианизированных захоронениях XIX века. Причины такой традиции не понятны; тем не менее, в отличие от многочисленных захоронений Южной Сибири и Центральной Азии, только одно из раскопанных нами якутских погребений было разграблено современниками. Возможно, это частично объясняется страхом перед покойниками и их возвращением, но также, может быть, и отсутствием драгоценных металлов.

В то же время, в XIX веке память о некоторых обычаях полностью исчезла, как, например, обычай сажать на могилах березу, ушедший, насколько нам известно, из коллективной памяти.

Раскопки погребения Булгуннях 2 (Сунтарский улус).

Excavation of the Boulgouniakh 2 grave (Suntarsky ulus).

Женщины XVIII века

А.Алексеев, А.Гоголев, Д.Николаева, Э.Май, Э.Крюбези

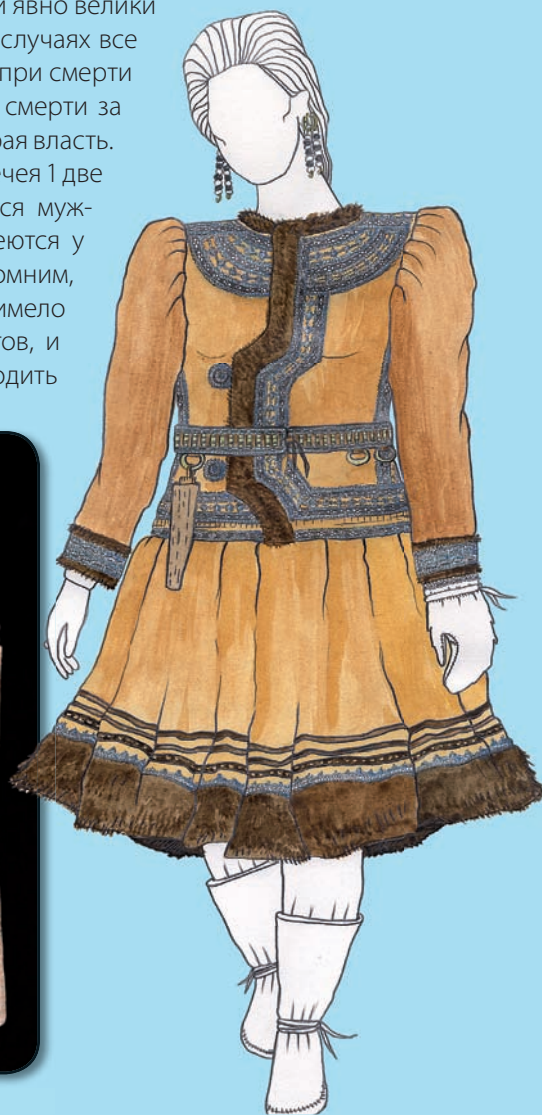
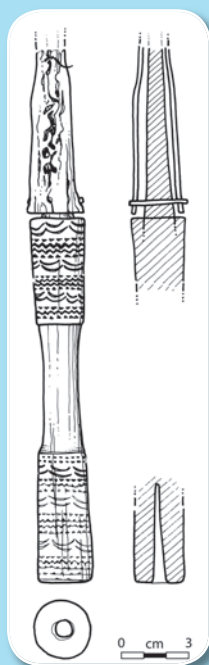
Захоронения, датируемые концом XVII века и ранее, - почти полностью мужские, за исключением захоронения Урун Муран 2 на вершине горы, где могила была вскрыта, а тело вторично сожжено. Захоронения мужчин представляют собой одиночные могилы на вершине холмов, большинство которых напоминают погребения воинов-охотников. Череп часто покоится на седле, рядом положены удила. В начале XVIII века эта традиция исчезает, ей на смену приходит традиция глав рода, узнаваемая по их печаткам с гербами. Погребения находятся рядом с алаасом или лугами (на Вилюе). Глава рода по-прежнему имеет свое оружие, в некоторых случаях – жезл, и часто похоронен с лошастью и/или седлом. Одновременно появляются женские захоронения, в тех же местах, что и мужские, кроме захоронений женщин моложе двадцати лет, расположенных чуть в стороне. Их становится все больше, и возможно даже, по нашим подсчетам, что к середине XVIII века якуты больше почти не хоронили мужчин. Символы также меняются, поскольку удила исчезают, они были обнаружены только в одном случае, в захоронении знатной женщины в Елечей 1. То же происходит и с гривной, символом власти, обнаруженной на шее главы рода Суор Бугдук, скончавшегося в первой половине XVII века (Бравина, Попов, 2009). В течение XVIII века гривна становится исключительно женским атрибутом. У женщин появляются печатки с гербом (у 6 из 19 женщин в Центральной Якутии в XVIII веке и у 5 из 22 в Вилуйском регионе), но в случае двух молодых женщин (взрослые женщины 30-40 лет, остальные были постарше) печатки явно были изготовлены не для них. К кольцу самой молодой женщины из захоронения Шаманское Дерево были добавлены растительные волокна, для его сужения, чтобы она могла его носить. У

женщины из захоронения Елечей 1 были печатки на обоих безымянных пальцах, но они были явно велики для нее. В обоих последних случаях все происходит так, как если бы при смерти или за некоторое время до смерти за ними была признана некоторая власть. Кроме того, у женщины из Елечей 1 две разные печатки! Что касается мужчин, то разные печатки имеются у троих из района Вилюя. Напомним, что понятие рода и линии имело большое значение для якутов, и что они должны были находить

Погребение Элечей 1 (Центральная Якутия), справа - фотография и рисунок кнута из данного захоронения.

Eletei 1 grave (central Yakutia). Right: photograph and drawing of the knout deposited in the coffin.

жен не в своем роде, а в другом. Может быть, здесь и кроется путь для дальнейших исследований. Помимо печаток с этими женщинами тесно связана символика лошади и верховой езды. Как и у обоих мужчин XVIII века, признанных главами рода, в могиле женщин имелось седло, и даже лошадь (Булгуннях 2, Вилюй). Кроме того, в трех случаях (Елечей 1 и Бере 1 в Центральной Якутии, Булгуннях 2 на Вилюе) на теле или рядом с ним находился великолепный кнут, кроме захоронения Бере 1, где сопровождающее имущество и кнут были положены на ящик-гроб. В обоих случаях, когда кнут соприкасался с телом, он был последней вещью, положенной перед закрытием ящика-гроба, а в случае, когда он лежал на гробе вместе с остальным сопровождающим имуществом, ничто не противоречит тому, что он также был положен в последнюю очередь. В трех этих случаях кнуты были символически «убиты», поскольку люди, совершавшие обряд погребения, выдернули из них ремешки, которые были приделаны к кнутам либо при помощи кольца к концу, противоположному петле (Булгуннях 2), либо при помощи кольца, привязанного поперек

рукоятки, часто далеко от конца, как у парадных кнутов XIX века. Кнут встречается в захоронениях нечасто - помимо выше-названных, мы обнаружили только два кнута в мужских захоронениях конца XVII века и/или начала XVIII века (Кус Чарбыт и Мунур Урях 1), но они ничем не напоминают кнуты, обнаруженные в женских захоронениях. В 201 захоронении, изученном с 1895 по 2005

годы, каталог которых был составлен В.Поповым и Р.Бравинной, кнут был обнаружен только один раз в женской могиле в Центральной Якутии (Мегино-Кангаласский район), где находилось также и седло.

Что представляет собой эта эволюция? Какой статус имели эти женщины? Якутский эпос и некоторые историко-археологические данные позволяют сформулировать ряд гипотез.

Привлекают внимание два эпических произведения: «Эллэйада», - легенда об Эллее, мифическом основателе якутского народа, составленная Г.В.Ксенофоновым на основе различных вариантов легендарной поэмы, - и олонхо «Нюргун Ботур Стремительный». В «Эллэйаде», действие которой можно датировать

Погребение Булгуннях 2 (Центральная Якутия), справа - жезл, вверху - акварельный рисунок - реконструкция одежды погребенной..

Boulgouniakh 2 grave (Suntarsky ulus) with the subject's baton to the right. Top right: watercolour reproduction of the coat and chapka worn by the deceased.

началом древнего периода, герои мужского пола, воины, присутствуют на протяжении всего повествования; женщины-хозяйки отсутствуют, есть только девушки, чтобы выходить замуж и рожать детей. В олонхо «Нюргун Ботур» обстановка меняется, постоянно упоминаются лошади и скот. Не имея возможности датировать это олонхо, мы идентифицировали упоминающиеся в нем элементы как относящиеся к XVIII веку. В этом олонхо, появившемся после прихода предков якутов в Якутию, герой встречает семью, в которой мать, пожилая женщина, называется «хозяйкой мест», а дочь – «дочерью хозяев мест», муж же называется только «стареющим мужем». Эта женщина находится в центре домочадцев и в центре повествования, и когда рассказывается о борьбе ее детей и тех, кто к ним присоединился, чтобы защитить их, когда все гибнут, она обвиняет именно себя, считая себя «виновной из всех виновных». О роли супружеской пары и/или ее мужа речь никогда не идет. К тому же, именно она возглавляет церемонию отъезда героя, окропляя землю кумысом и благословляя алгысом (як.), в котором она, кроме всего прочего, говорит, что ее пение приведет к счастливой развязке и притягивает счастье и успех. В последнем случае она выступает в роли семейного шамана, которая иногда могла быть особенно ярко выражена. Ведь переход от семейного шаманизма к «профессиональному» зависел, в конечном счете, от способностей служителей и их результатов, что могло привести некоторых могущественных мужчин или женщин к выполнению нескольких функций. В этом олонхо речь идет также о волшебном кнуте, подаренном небесной удаганкой Айы Умсур своему брату. В опасные моменты он мог превращаться в огненный меч, в трехслойные доспехи или в любой другой предмет, служащий больше для защиты, чем для нападения. В олонхо уточняется, что «волшебный и священный кнут» богато украшен, с тремя утолщенными концами, с семью выпуклыми знаками. Три женских кнута, обнаруженные нами, состоят из центральной части и двух утолщенных концов из резной кости.

Изначально у них был третий конец, тот, на котором находились ремешки, и который был «убит» до того, как кнут был положен в могилу. Семь выпуклых знаков не подходят ни к какому элементу кнута из захоронений Елей 1 или Бере, зато к рукоятке кнута из Булгуннях 2 были приклеены семь берестяных полосок, а на резных концах этого кнута – семь выпуклых вертикальных элементов. Близкая родственница по отцовской линии девушке из захоронения Кыыс Унуога, женщина из Булгуннях 2, чьи пальцы были зашиты в рукава, гроб склеен бетулином, а кнут похож на «волшебный кнут» небесной удаганки Айы Умсур, могла тоже играть роль главы семьи, а также шаманки.

Таким образом, представляется, что после периода героев, охотников-воинов, наступил период скотоводов, во время которого женщины, вероятно, изменили статус, став главами родов, семейными шаманками или шаманками, нагоняющими страх. Может быть, эти категории существовали и раньше, в любом случае их статус изменился.

Погребение Бере 2
(Центральная Якутия)) и
жезл из погребения.

Bere 2 grave (central Yakutia). Left: baton associated to the grave.

В древний период охота, особенно на лося, богатого на мясо, должна была иметь важное значение. Приход русских, строительство острогов и ясак, пушной налог, глубоко изменили общество и, конечно, создали неравенство. Русские жаловали титул господина (тойон – як.) уже влиятельным богачам (баай – як.) и, вероятно, они продавали говядину казакам из острогов и вновь прибывающим. Важным событием стало открытие Нерчинской фактории (1689), повлекшей значительное увеличение частной торговли пушниной. Археологические данные показывают, что эта торговля контролировалась тойонами и, особенно, некоторыми главами рода и/или племени. Таким образом, из-за рыночной экономики исчез герой, охотник-воин, приспособившись к скотоводству и ведению охоты на пушных животных. Однако, в этом сценарии важную подсказку, позволяющую объяснить возникновение женской знати, можно найти в работе В.Ф.Троцанского, где говорится о том, что каждая жена полигамного якута жила отдельно со своими детьми, семьей, скотом. Во время частого отсутствия мужа она была настоящей главой семьи и сама выполняла семейные ритуалы, принимая на себя роль белого шамана [Троцанский, 1902]. Таким образом, если ага-уса (як.) это - объединение нескольких семей, родственных по отцовской линии, то ийе-уса - противоположность первому и представляет собой группу семей, родственных по материнской линии. Согласно Э.Май (2007), данная гипотеза кажется совершенно правдоподобной, даже если, по ее мнению, она представляет единичный случай, поскольку полигамия практиковалась немногими мужчинами, главным образом, богатыми, как, например, некий Чоччо, у которого была «законная» супруга и пять-шесть других жен, считавшихся «незаконными», от каждой из которых он имел детей. Необходимо отметить, что, если подобные случаи могли быть редкими в XIX веке, то в начале XVIII века они должны были встречаться гораздо чаще, поскольку население переживало период экономического подъема. В то же время русские ввели перепись населения для возможности сбора налога, и каждая семья была учтена, что давало относительную независимость семьям ийе-уса, которые чувствовали себя социально признанными.

Большинство усопших похоронено если не в праздничных одеждах, то, по крайней мере, в тех, которые считались лучшими в их гардеробе, содержащем многие виды одежды ввиду чрезвычайных климатических условий в течение года. Почти все одеты в зимние или демисезонные пальто (несмотря на то, что почти две трети субъектов похоронены в теплое время года), в то время как зимние шапки, защищающие уши и завязывающиеся под подбородком, встречаются редко. Что касается соломы в обуви в качестве натуральной стельки, то она представлена только у 18% субъектов. В действительности, часто очень трудно определить сезонность костюма, может быть, потому, что выбор одежды не зависел от того, в какое время года человек умер; одежда, видимо, должна была представлять статус покойного. К тому же, понятие о смерти, рассматриваемой в то время как далекое путешествие, вероятно, может объяснить частую встречаемость теплых пальто и шапок, и даже иногда наличие пары сменной обуви (под правой ногой в Улахан Алаасе, на втором скоплении приношений между двумя седлами в «Шаманском дереве 1»; а в Елечее, в ящике для приношений, обувь была первой из положенных вещей).

Несмотря на то, что пояс был частью костюма, он встречается редко и часто застегнутым. Это довольно удивительно, поскольку, согласно информаторам XIX века, не должно было быть никакого узла или застежки, чтобы не мешать душе выйти из тела. Либо данная традиция была достаточно поздней, либо она не соблюдалась, либо же соблюдалась только по отношению к людям, похороненным в арангасах; в то время, как души похороненных под землей должны были быть ограничены «в движении».

Элементы общественного признания в захоронениях очевидны. Особенно явно они выражены для некоторых усопших (вероятно, представителей знати), которые имеют ящики-гробы больших размеров, хорошего качества березовые покрытия в несколько пластов. Они часто похоронены с более полным оснащением, в котором приоритет отдавался больше охоте, роскоши или войне, чем повседневной жизни. Если эти элементы общественного признания позволяют выделить представителей элиты из числа других, то они также отражают обыденный статус субъектов. Так, лук систематически встречается во взрослых мужских захоронениях как молодых мужчин, так и в зрелом возрасте, но отсутствует в захоронениях пожилых людей (Батта Чаранга). Пожилая женщина из Охту-

бут 2 имеет большую трость, служившую как палкой для опоры, так и элементом общественного признания. Якуты объясняют, как вещи, представляющие функцию покойного, могли быть захоронены вместе с ним. Этого объяснения недостаточно для понимания причин данной практики, но оно подтверждает то, что мы могли наблюдать: знатные мужчины похоронены со своим оружием, женщины – с некоторыми предметами повседневной жизни и т.д.

Поскольку существовало представление о подготовке к сорокадневному путешествию, в могилу клали пищу. Если взять все периоды, то пища находится только в 40% захоронений, но она присутствует в 86% захоронений первой половины XVIII века, и, кажется, что это одно из последних приношений, которое исчезло до XIX века. Котелки (о которых иногда упоминается в текстах), обнаруженные в мужских захоронениях древнего периода и XVIII века, можно, вероятно, отнести к категории приготовления пищи. В том, что касается приношений животных, в частности тех, которые обнаруживаются иногда на могиле, они, возможно, являются частью церемонии «искусной разделки», но как в ритуалах, так и в этнографических описаниях наблюдается большое разнообразие.

Постепенно внедряются другие обычаи, а «правила», сформулированные в XIX веке, раньше существовали только в виде тенденций. Самым значительным примером кажется случай с ножом, у которого согнуто лезвие. Этот ритуал намеренной порчи (или помещения их снаружи могил, явно выраженный в случае с топорами) колющих и/или режущих предметов объясняется тем, что якуты считали, что эти предметы обладают собственной «жизнью» и хотят при жизни выполнить то практическое предназначение, ради чего они были изготовлены: после смерти хозяина его вещи (нож, пальма, топор и т.д.) могли убить или ранить живых. Следовательно, надо было «убить их» и в то же время не позволить душе, превратившейся в юёр, воспользоваться ими против живых. Эта традиция существовала уже в древний период, но следовали ей не систематически. Так, в Джусулене был сломан лук, но пальма осталась целой. Впоследствии в захоронениях мужчин из элиты явно проявляется нежелание лишать знатного человека, главу рода или семьи, его ножа. В XIX веке, когда якуты говорили, что «убивая» предметы, их отправляли вместе с умершим, они превосходно разбирались в традиции, но, тем не менее, игнорировали (или трансформировали?) страх перед возвращением

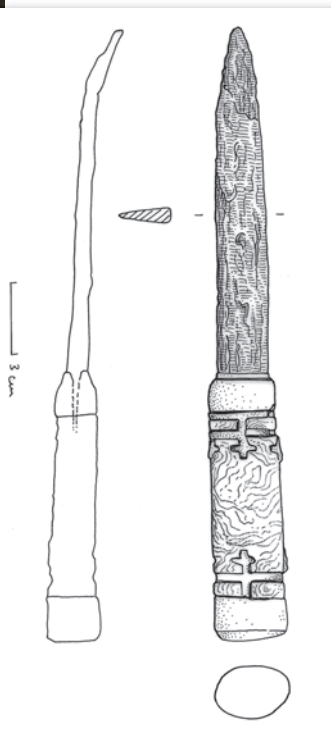
мертвых. Зато, когда они добавляли, что эти предметы превращались в непригодные для того, чтобы показать счастье и изобилие тех, кто оставался и не нуждался в них, то обоснованность этой интерпретации заставляет задуматься.

Если взять за основу гипотезу, согласно которой нужно было «убивать» эти предметы, чтобы помешать им вредить, мы можем попытаться объяснить разницу между захоронениями. Мы уже упоминали о том, как наличие предметов, подвешенных к поясу, кажется случайным в захоронениях: либо потому, что живые не посчитали нужным надеть этот пояс на покойного, либо потому, что они не подвесили к нему того, что на нем должно было быть, предпочитая, может быть, оставить это себе в качестве наследства... Если, например, в могиле есть нож с погнутым лезвием, но нет ножен, понятно, что нож принесли осознанно во время погребения. Ведь, чтобы искривить нож или пальму, надо воткнуть лезвие между двумя хорошо закрепленными элементами и надавить сверху; это - действие, легко осуществимое в жилищах, если

вставить острие лезвия между двумя столбами строения. Нож (или оружие), поврежденный для того, чтобы избежать возвращения умершего к живым, предполагает, что он принесен на могилу не как предмет повседневной жизни, связанный с покойным, или как элемент общественного признания, а как предмет, которым тот обладал, и который будет служить для того, чтобы заклясть судьбу. С этой точки зрения, что касается пожилых женщин и мужчин, которые в обыденной жизни пользовались в качестве колющего предмета только ножом, понятно, что нож приносили, потом ломали и/или клали на расстоянии от тела. Что касается мужчин, у которых были лук или пальма, охотничье или военное оружие, то именно оно выбиралось для ритуала, в этом случае нож становился просто дополнительным предметом.

У некоторых представителей знати в захоронениях Шаманское дерево 1 и Мунур Урях 1, оружие не было сломано, оно было положено внутрь ящика-гроба. Можно рассмотреть несколько интерпретаций: либо их общественный статус лежал в основе другого верования, либо, будучи «воинами-покровителями», они не могли вернуться, чтобы мучить живых; либо, если они были «свирепыми воинами», то никто не осмелился сломать принадлежащее им оружие. Возможно, эти гипотезы являются взаимодополняющими.

В связи с этими ритуалами привлекают внимание два исключения. Первое - захоронение Сэттэ Тумул, где мужчина в зрелом возрасте похоронен без лука, но с неповрежденным ножом, второе - захоронение Буогарыма 1. Относительно Сэттэ Тумула трудно предложить какое-либо объяснение. Единственное из ряда вон выходящее добавление - это наличие на ящике-гробе сумки, содержащей кытыйю (деревянная чаша). Таким образом, в захоронении - мужчина без лука, с сумкой на ящике-гробе; люди явно не боялись, что он вернется их мучить. Зато в Буогарыма 1 мужчина, который, несомненно, покончил жизнь самоубийством, действительно наводил страх на тех, кто его хоронил!

Погребение Булгуннях 1 (Сунтарский улус, Вилуйская группа районов). Нож не был умышленно поврежден, он положен на гроб целым

Boulgouniakh 1 grave (Suntarsky ulus, Vilyuy), the knife, placed on the coffin, appears intact, and has not been intentionally rendered unusable.

Обряды

Тщательный анализ всех захоронений показывает очень точный порядок возложения, который вместе с анализом обстановки позволяет изучить сложные обряды.

За исключением некоторых покойников (самоубийц?), после кончины совершали погребальное обмывание покойника, затем его тщательно одевали. Мы обнаружили только один ректальный тампон в захоронениях, а экскременты вытекли наружу только в двух случаях: в захоронении христианизированного ребенка и мужчины из Мунур Урях 1.

Рытье могилы означает, что земля или оттаяла, или, по крайней мере, ее можно было копать деревянной лопатой, - возможность, выпадавшая с мая по сентябрь, поскольку в противном случае необходимо разводить огонь, чтобы мерзлота оттаяла. Тела людей, умерших зимой, в случае, если их должны были хоронить, а не возлагать в арангасы, должны были храниться, дожидаясь погребения после того, как земля оттаяет.

Как только могила была вырыта, сооружался ящик-гроб и оборудовалась внутренняя часть (береста, если имелась; покрытие из шкуры жеребенка или что-либо другое, даже седло, чтобы положить тело). Эта операция могла быть довольно долгой в случае захоронений знатных людей. Часто использовались колоды весом в несколько десятков килограммов, сделанные из столетних и даже многовековых деревьев, изучение годовых колец которых показывает, что они должны были располагаться на большом расстоянии от жилищ людей, которые использовали для печного отопления все мало-мальски пригодные деревья вблизи. В одном случае выяснилось, что части ствола, закрывавшие ящик-гроб, были явно взяты из постройки (легкое укрытие для скота?), где подобный тип досок часто встречается до сих пор), о чем свидетельствуют следы от маленьких штырей посередине досок, как, например, в случае с гробом в Ченкелёе. В другом случае, в Таралае, дерево сушилось в течение года (мнение специалистов по дереву), но в большинстве случаев, вероятно, пригодные деревья специально подбирали и рубили для ящика-гроба.

Когда могила вырыта и ящик-гроб готов, приносили покойного со всем снаряжением и клали в ящик. После этого укладывали снаряжение в определенном порядке, что представляло целый церемониал: сначала клали горшки с молочными

продуктами, часто в ногах, что вынуждало служителей культа двигать ноги покойного (хорошо заметно в Кыыс Унуога), затем приношения животных и/или остатки тризны по усопшему (хорошо заметно в Охтубут 2). В захоронениях древнего периода в этот момент клали чорон (из которого пили служители культа?). Прямо перед закрытием клали нож или оружие. Можно сказать уверенно, что луки ломали на месте, а не приносили сломанными в противоположность ножам из кованого железа, лезвия которых были погнуты.

Существовали различные варианты в зависимости от типов захоронений, церемонии которых должны были длиться дольше, но, кажется, что порядок был более или менее одинаковым. Когда ящик-гроб был закрыт, он покрывался берестой, затем яму закапывали. Деревянная надгробная постройка должна была быть сооружена в течение последующих трех лет, но иногда ее «забывали» или строили намного позже.

Сходства и различия между традициями древнего периода и XVIII века

Между захоронениями, начиная с XIV/XV веков до конца XVIII века и до христианизации, обнаруживаются общие тенденции, восходящие к общему корню, существующему на Алтае и окружающих территориях с V века до н.э., и даже раньше, ко времени, иногда называемому «скифским» (в широком смысле). К ним относятся берестяные покрытия гробов захоронений, наличие бересты и в самих захоронениях, жертвоприношения лошадей, бревенчатые ящики-гробы, наличие разнообразного боевого оружия у мужчин, котелки, другая посуда и лучшие одежды, которые надевали на покойных. Тем не менее, отмечаются различия между захоронениями XV-XVII веков и захоронениями XVIII века. Эти различия могли бы восходить к двум различным традициям, но нам, к сожалению, очень не хватает материала для сравнения из древних погребений Сибири, Центральной Азии и Монголии (бронзовый и железный века).

Захоронения XIV-XVII веков кажутся больше связанными с тюркскими племенами или погребальной практикой западных районов Байкала, в то время как захоронения XVIII века, похоже, больше испытали южно-азиатское влияние, в особенности, монгольское (но, может быть, не только их). Размещение захоронений на местностях, возвышающихся над озерами, встречается, например,

у тюркских или тюрко-монгольских племен в XIII веке в Монголии (Crubézy *et al.*, 2006), то же самое можно сказать и о положении седла под головой или о стремянах в ящике-гробе, которые встречаются в некоторых захоронениях Западной Сибири. В некоторых случаях захоронений представителей знати, подтвержденных документальными данными, речь идет, как и здесь, о погребениях мужчин. Наряду с этим можно было бы сравнить якутский сосуд-чорон для питья кумыса, положенный в конце погребальной церемонии в ящик-гроб, с чашами для питья в руках у некоторых тюркских погребальных статуй («каменные бабы»). Более того, мусульманский автор (Ибн Фадлан, которого цитирует J-P Roux 1963) отмечает, что в Средние века в некоторых тюркских племенах в руку усопшему вкладывали деревянную чашу, наполненную опьяняющими молочными напитками.

Захоронения представителей знати XVIII века напоминают по всем пунктам захоронения хунну долины Эгийн-Гол в Монголии, датированные с III века до н.э. по II век н.э. Они состоят из ящика-гроба или колоды, помещенной в ящик больших размеров, со снаряжением, положенным между вместилищем для тела и погребальной камерой (что также встречается в некоторых захоронениях на Алтае). Так же, как и в Эгийн-Гол, существуют вторичные захоронения, иногда с согнутыми телами. Наконец, опять же, как и в Эгийн-Гол, представители элиты стремились приобрести китайский шелк и китайские предметы (даже их имитации). Вместе с тем, в Монголии, так же, как и в Якутии, в захоронениях обнаружены конские ребра, а конские черепа (один в Якутии в захоронении лошади) не

носят следов удара дубиной по лобной кости, как это часто встречается на Алтае. Это - потрясающее совпадение, прошедшее через века, поскольку, как минимум, 1500 лет разделяют эти погребальные комплексы. Тем не менее, кажется, что мы находимся перед лицом традиции, которая сохранялась в какой-то, пока не установленной, местности (Бурятия? Манчжурия?), и которая смогла проявиться, начиная с XVIII века, наверное, между 1689 и 1728 годами (см.: ниже).

Возможно, что в самый древний период по тюркской или тюрко-монгольской традиции захоронению в земле подлежали только всадники из элиты (все или некоторые), о принадлежности к которой говорит их снаряжение, а также некоторые из детей мужского пола, которые уже были всадниками, или родители их считали таковыми. Захоронения в арангасах, предположительно, практиковались для остального населения. Неизвестно, как поступали с детьми до года. В период «монгольской» традиции в земле хоронили представителей элиты (как мужчин, так и женщин) или их часть, а затем даже и большую часть других людей (тех, чье возвращение опасались?). Как показывает захоронение «Шаманское дерево 1», традиция, отмеченная в XIX веке, согласно которой дети младше семи лет должны быть похоронены в одной могиле с родственниками, могла уже существовать. В конце XVIII века верование, согласно которому дети младше семи лет имели свою кут, улетавшую в виде птички к божествам айыы, должно было бытовать, так как в Джарама 4 мы обнаружили в захоронении ребенка имитацию птичьего гнезда, помещенного в керамическое изделие.

Часть надмогильного сооружения погребения Джарама 1 (Чурапчинский улус). По углам кровли крыши высечены лошадиные головы.

Detail of the Jarama 1 grave superstructure (Churapchinsky ulus). The ridge of the roof has a horse head sculpture on each extremity.

Итак, представляется, что между группой первого периода «тюрко-монгольской» традиции и группой «монгольской» традиции произошло значительное изменение. Первая традиция затрагивает – с оговорками – элиту всадников, где преобладали некоторые мужские линии потомства. Во второй традиции все указывает на то, что если раньше знать придавала большое значение лошадям как элементам престижа и кичливости (богато украшенные седла, праздничные элементы, в некоторых случаях конские жертвоприношения), то теперь ее снаряжение больше не было специаль-

но приспособлено к борьбе между всадниками, к войне. Вместе с тем люди теперь были похоронены на местах, возвышающихся не над озерами или лесами, как раньше, а над пастбищами, и наконец, женщин, особенно принадлежащих к знати, стали хоронить в земле, а не в арангасе. Все эти детали, вероятно, могут означать глубокое изменение в общественной структуре, общественных отношениях. Наряду с этим, им присущи некоторые собственные элементы, например, обычай сажать березу на могиле, до сих пор больше нигде не обнаруженный.

2.9. Родственные отношения

К.Кейзер, Э.Крюбези, А.Алексеев, Б.Люд, Н.Кирьянов

Родственные связи исследовались по генетическим данным, полученным при анализе проб, взятых с захороненных субъектов. Помимо изучения истории народа, эти анализы проводились для того, чтобы понять организацию погребальных комплексов и родственные связи захороненных в них людей. Так, например, мы можем определить, имеют ли родственные генетические связи два человека, похороненные бок о бок, или же здесь надо рассматривать другие причины. Кроме того, помимо близкородственных связей (родители/дети), исследованных благодаря маркерам, называемым «последовательности повторяющейся ДНК», эти анализы могут выявить: у мужчин – тех, кто происходит от одного предка по отцовской линии (маркеры Y хромосомы), у мужчин и женщин – тех, кто происходит от одного предка по материнской линии. Отметим, что родом считается совокупность родственников, происходящих от одного предка или причисляющих себя к нему, поэтому определение этих родов, известных у якутов, теоретически возможно.

Замороженные тела позволили выявить большинство генетических маркеров, используемых сегодня в генетике для идентификации индивидов. Такие исключительные результаты получены благодаря хорошей сохранности ДНК в холодной среде. Однако выяснилось, что якутское население мало изменилось, поскольку изначально, должно быть, имелось небольшое количество основателей. Это значительно затрудняет точное определение их родственных связей, и сегодня мы можем просто уточнить, что они были близкими родственниками, не имея возможности установить, были ли они

двоюродными братьями, сводными братьями или дальними родственниками. Мы изучим сначала отцовские линии, затем материнские и, наконец, родственные связи между людьми, захороненными в одном месте и в один и тот же хронологический период.

Отцовские линии

Наиболее четко родственные связи по отцовской линии представлены в погребениях, раскопанных в Мегино-Кангаласском, Чурапчинском, Хангаласском улусах и на Вилюе. Это – пять одиночных погребений раннего периода (до 1689 года), где похоронены только мужчины. В Таттинском улусе эта линия не встречается, зато другая, тоже часто представленная линия родственников, обнаружена только в этом районе.

В пяти захоронениях, где погребены родственные друг другу мужчины, не наблюдается никакого единообразия в погребальных практиках. Один мужчина лежит на боку, другой – на спине, с сопровождающим имуществом «охотника/воина» (наиболее часто встречаемого в этот период). Третий – без имущества, четвертый обнаружен в жилище, а мужчина из Вилюя был сначала разрезан на куски и затем сложен в анатомическом порядке! Двое мужчин из этих пяти захоронений, как показывает генетический анализ, могли быть родными братьями, не случайно они погребены в нескольких километрах друг от друга.

В XVIII веке эта родственная линия наиболее четко представлена у мужчин в Центральной Якутии, причем у мужчин из элиты, о чем свидетельствуют

богатое сопровождающее имущество, перстни с печатками, на которых изображены гербы; одежда, украшения и размеры ящиков-гробов. Они обнаружены в Чурапчинском и в Хангаласском улусах (но их нет в Таттинском и Мегино-Кангаласском улусах), в захоронениях Алаас Эбэ, Шаманское Дерево и Мунур Урях. На Вилые эта линия включает совокупность знатных мужчин из раскопанных нами захоронений Селисе, Орджогон 1, Орджогон 2 и Булгуннях 1. В этих погребениях дважды зафиксирован факт, когда руки похороненных мужчин были в муфте, кроме того, у одного из них ноги были спутаны вывернутыми наизнанку штанами, надетыми на его штаны.

Материнские линии

Наиболее четко материнская линия родства прослеживается у трех погребенных, обнаруженных на Вилые, в Чурапчинском и в Мегино-Кангаласском улусах. Другая материнская линия представлена пятью останками, из которых трое захоронены очень близко друг от друга. Это захоронения на Вилые: в Селисе – мужчина, глава рода, и в нескольких километрах от этой могилы – еще одна, где похоронены женщина и мужчина (Тунгус Кель 4 и 5).

Захоронения в одной могиле

Нами были раскопаны три групповые могилы – Шаманское Дерево (XVIII в.), Ат Дабаан (конец XVIII/начало XIX в.в.) и Ойогос тумула (XIX в.). Два последних захоронения являются христианскими.

В трех этих захоронениях находятся останки людей, родственников по материнской линии:

В могиле «Шаманское Дерево» похоронена мать со своими тремя детьми (взрослая женщина, взрослый мужчина и подросток) и, возможно, родственником является четвертый, похороненный вне ящика-гроба, но в той же могиле.

Двое мужчин, похороненных в могиле Ат Дабаан 3, принадлежат к одной и той же материнской линии, но, при этом, не имеют между собой близкого родства. Возможно, это – отношения «дядя по материнской линии/племянник» (вероятность – 21%) (Ricaud, 2003, Ricaud *et al.*, 2004).

В могиле Ойогос тумула были похоронены в одно и то же время две женщины и ребенок; речь идет о матери и ее дочери, а рядом с дочерью женщина, состоящая с ними в родстве по материнской линии.

Захоронения на родовом кладбище

Начиная с XVIII века, и даже раньше, многочисленные захоронения, раскопанные нами, располагаются на высоких мысах, возвышающихся над алаасами. На них расположены иногда две-три могилы на расстоянии в несколько метров. В якутской традиции часто говорится о родовых захоронениях. Якуты предпочитали хоронить в местах, где уже были погребения. Поэтому очень часто захоронения на одном и том же кладбище относятся к разным периодам. Помимо этого критерия, нам не известно, что мотивировало их выбор. Можно еще отметить, что захоронения, в которых было больше всего сопровождающего имущества, находились на самых возвышенных местах алааса, то есть, на лучших местах. Вероятно, эти люди при жизни принадлежали элите, были владельцами этих земель.

Отряд во время экспедиции 2008 года

The field team during the 2008 mission.

В захоронении Сытыган Сиге (левый берег реки Лена) из трех мужчин, принадлежащих к разным материнским линиям, один оказался отцом, второй его сыном и третий – его племянником, а значит, двоюродным братом его сына по отцовской линии (Ricaud *et al.*, 2006).

Двое мужчин из захоронения Орджогон (Виллюй) принадлежат к разным материнским линиям, но к одной отцовской линии. Их аллели совпадают по 9 из 15 локусов.

Мужчина и женщина из захоронения Булгунях (Виллюй) имеют разные материнские линии, но, при этом общие аллели по 12 из 15 исследованных локусов. Необходимо также отметить, что генетически они являются родственниками по отцовской линии (женские линии различны, но у них много общих аллелей) с девушкой из захоронения Кыыс Унуога (см.: глава 1), которое находится в Центральной Якутии на удалении примерно 750 километров к северо-западу.

В местности Оттох алаас (Виллюй) находятся три могилы, две из которых были раскопаны нами. Это захоронения двух пожилых женщин (христианок), которые принадлежат к разным материнским линиям, но имеют общие аллели по 12 из 15 исследованных локусов. Таким образом, они являются родственницами по отцовской линии.

В местности Шаманское дерево, рядом с групповым захоронением находились две могилы. Одна – более поздняя, погребенный в ней не имеет родственных отношений с другими субъектами. Во второй погребен ребенок, являющийся сыном дочери, следовательно, внуком женщины, похороненной в групповом погребении. Родственные связи здесь проявляются по материнской линии, как и в групповом захоронении.

Захоронения на христианском кладбище или с элементами христианизации

Нами частично были раскопаны два христианских кладбища, расположенные на месте родового кладбища. Это – захоронения Киэн Эбэ в Таттинском улусе и Тунгус Кюель на Виллюе, в основном, погребения детей, что вполне объяснимо, так как в это время все умершие предавались земле, а 66% умерших составляли дети младше 18 лет. Кроме того, в местности Джарама также были погребения детей, чего не существовало до христианизации, за исключением «Шаманского дерева». В верховьях

речки Танды были обнаружены два гроба с новорожденными, христианами.

Христианский комплекс Киэн Эбэ включает 7 останков, похороненных с конца XVIII до середины XIX века. Несмотря на то, что их отцовские линии различаются из-за мутации, анализ последовательностей повторяющейся ДНК указывает на то, что один из погребенных (субъект 4) мог быть дедом двух мальчиков, умерших в младенчестве (субъектов 2 и 6). Это совпадает с стратиграфическим расположением гробов, а также с абсолютными датировками, определенными для этих погребений. Похороненные на этом кладбище субъекты 3 (мальчик восьми лет) и 8 (пожилая женщина) относятся к одной и той же материнской линии.

На христианском кладбище Тунгус Кюель похоронены трое детей, из которых двое являются родственниками, как показывает анализ ДНК, по материнской линии. В ходе исследования уточнить какие-либо другие детали не удалось.

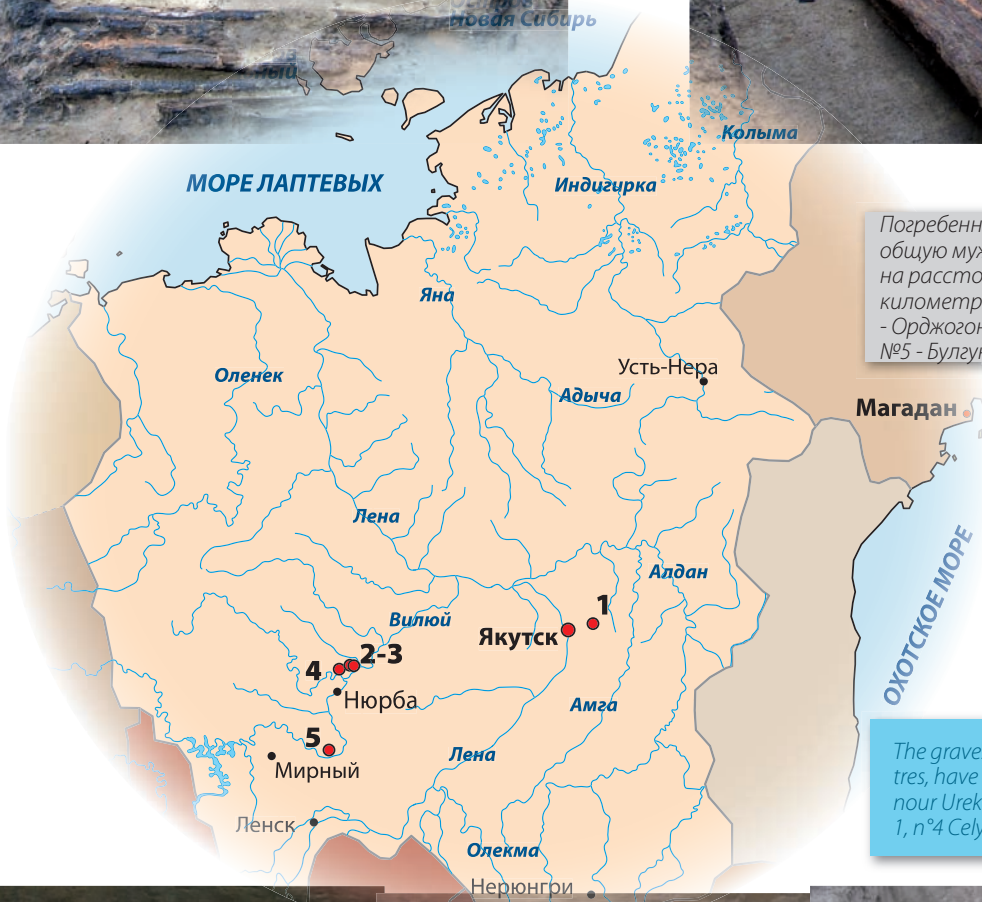
Двое из троих детей, похороненных в местности Джарама в конце XVIII века, имеют общего предка по материнской линии, но, к сожалению, из-за плохой сохранности ДНК, не было возможности установить, были ли они близкими родственниками друг другу. В то же время они не имеют никаких родственных связей с девушкой, похороненной в этой местности в начале XVIII века.

В захоронении, названном «Верховье речки Танды», датированном XIX веком, два новорожденных похоронены в отдельных гробах, но в одной могиле. Они не имеют никаких родственных связей между собой. Следовательно, речь идет о двух детях явно одного возраста, которых родители решили похоронить в одно время и в одном месте.

В целом в захоронениях на христианских кладбищах родственные отношения между детьми проявляются по материнской линии, так же, как и в захоронении Шаманское дерево, где подросток является внуком женщины, похороненной на родовом кладбище.

Интерпретации

Одна мужская линия встречается чаще, чем другие. Это можно объяснить тем, что представители этой линии были более многочисленны, чем представители других линий или же тем, что их погребали в земле чаще, чем их современников из других мужских линий, которых продолжали хоронить в арангасах, то есть, “воздушным” способом.

Погребенные в этих могилах имеют общую мужскую линию, несмотря на расстояние в несколько сотен километров (№1 - Мукур Урах 1, №2 - Орджогон 2, №3 - Орджогон 1, №4 - Селисе, №5 - Булгуннях 1)

The graves, separated by hundreds of kilometres, have similar paternal lineages (n°1 Mounour Urekh 1, n°2 Ordiogone 2, n°3 Ordiogone 1, n°4 Celysse, n°5 Boulgouniakh 1).

Следует отметить, что в XVIII веке у всех потомков этой линии - солидно обустроенные могилы и богатое сопровождающее имущество. Это свидетельствует о том, что они являлись представителями элиты. Частое наличие перстней с изображением гербов на печатках говорит о том, что они были главами родов. Кроме того, некоторые похороненные на большом удалении друг от друга (более 800 км) имеют удивительное сходство в одежде, например, в захоронении Селисе на Вилюе и в Мунур Урях в Центральной Якутии. Надо сказать, что эта группа родственников по мужской линии совершенно отсутствует в XVIII веке в Таттинском и Мегино-Кангаласском улусах. В Таттинском улусе в это время часто встречается другая линия. Возможно, это свидетельствует о том, что эта группа родственников по мужской линии в

XVIII веке перебралась на Вилюй в район современной Нюрбы.

Из совокупности погребений XVIII века, относящихся к этой линии и/или роду, из шести похороненных, которых мы могли исследовать, четверо были похоронены с котелками (среди погребенных, не относящихся к этой линии, соотношение составляет 1/13), что свидетельствует о традиции, пришедшей с Алтая.

Вместе с тем, имеются различия между синхронными погребениями Центральной Якутии и Вилюя. Например, в четырех могилах на Вилюе имелись в составе погребального имущества металлические котелки. Традиция класть котелки некогда существовала на Алтае. Кроме того, в двух погребениях людей, родственников по мужской линии и описанных выше, имелись меховые муфты, и руки

Слева - двойное погребение Ам Дабаан 3 (Хангаласский улус, южнее Якутска), датированное концом XVIII -началом XIX в.в. Оба умерших принадлежат одной материнской линии, но не являются близкими родственниками. Справа- Ойогос Тумула 2 (Нюрбинский улус, Вилюй). Это тройное погребение, датированное XIX веком. В могиле покоятся две женщины 23-30 лет. У ног одной из них покоится лежащий на животе ребенок 7- 8 лет. Погребение находится на окраине христианского кладбища и не имеет никакого надмогильного сооружения.

Left: the double burial of At Dabaan 3 (Khangalassky ulus, south of Yakutsk), dating from the late 18th to the early 19th century. The two men belong to the same maternal lineage, but are not close relatives. Right: Oyogosse tumula 2 (Nyurbinsky ulus, Vilyuy region). The triple burial, dating from the 19th century, contains two young females aged 23 and 30 years old, placed on their stomachs, and a child aged 7-8 years old. The subjects were buried simultaneously at the edge of a Christian cemetery and no superstructure had been built. DNA analyses showed a probable mother-infant relationship between the child and the young woman on the left.

похороненных были в муфтах. Такая традиция не зафиксирована в Центральной Якутии. В одной из могил на Вилюе был захоронен мужчина, туловище которого было разрезано на части, а затем как бы восстановлено, то есть, сложено в анатомическом порядке. Такое вроде бы иногда применялось по отношению к шаманам у тунгусов (устное сообщение С.Васильева) и бесспорно существовало в некоторых погребальных традициях раннего железного века на Алтае. В Центральной Якутии такая особая погребальная практика никогда ранее не встречалась в погребениях раннего периода.

Все описанные выше люди имели одного общего предка, который прибыл в Якутию один или с потомками (сыновья, внуки) или с родственниками по боковой линии (братья) и который, видимо, имел значительные функции. Даже ранние могильные комплексы людей этой родственной линии показывают, что при жизни эти люди были представителями местной знати, особенно это становится очевидным в XVIII веке, когда в Центральной Якутии они явно являются уважаемыми главами, а на Вилюе они, возможно, наряду с ролью главы рода исполняли роль шамана, что отмечал еще в 1736 году Гмелин, писавший о неких людях, «объединяющих в себе обязанности князя и шамана».

О происхождении якутов говорится в эпических поэмах - Олонхо. В них упоминаются в зависимости от вариантов разные основатели. Одна из поэм, наиболее известная, исполненная Михаилом Говоровым из Усть-Алданского района в декабре 1924 года, повествует о двух главных основателях. Омогой прибыл в этот край по реке (Лене) со всей своей семьей, подвластными людьми, скотом и обосновался на месте современного Якутска. Вторым был Эллэй, «прибывший из той же земли», который присоединился позднее к Омогою и женился на одной из его дочерей. У Эллэя родилось семь сыновей, которые, повзрослев, заняли разные местности (например, Хадаар-Хангылы был предком жителей Татты) или выполняли различные функции (старшего звали Лабынгха-Суурук, он был белым шаманом). В Олонхо, кроме того, указывается, что они должны были жениться на местных женщинах, что подтверждает генетическое исследование женских линий (Федорова 2008). Мужчины, относящиеся к наиболее часто встречающейся линии, действительно могли быть потомками знатного основателя (Омогоя или Эллэя), который был предком глав рода Центральной Якутии, а также глав-шаманов на Вилюе. Схожесть ритуала захоронений, одежда и кровнородственные связи между

людьми, похороненными в Булгунняхе 1 и 2 на Вилюе и в Кыыс Унуога в Центральной Якутии, свидетельствуют о том, что родственные связи не были нарушены со временем, сохранялись, по крайней мере, до начала XIX века, возможно, и позднее, принадлежность к какому-либо роду всегда подчеркивалась и имела значение в якутском обществе. Связь между Олонхо и нашими находками, относящимися к раннему периоду, можно было бы также усмотреть в упоминании о семи сыновьях Эллэя (число, больше подчеркивающее несомненно совершенный характер потомства, чем биологическую реальность), которое можно соотносить с различием погребальных практик, выявляющим различие функций и полномочий. Отметим, что потомки этой линии никогда не встречались в Таттинском улусе, где преобладает другая линия. Поскольку наиболее часто встречающаяся отцовская линия в Таттинском улусе и наиболее часто встречающаяся отцовская линия в Центральной Якутии различаются только по одному маркеру Y-хромосомы, вероятно, что они разделились не так давно. Эту первоначальную родственную связь можно было бы объяснить одним описанием из Олонхо, где уточняется, что Эллэй прибыл из той же земли, что и Омогой, а это может свидетельствовать о их возможном общем происхождении.

Как правило, те, кто похоронен в одной местности, являются близкими родственниками по отцовской линии (кроме христианских могил). Даже женщина, похороненная в Булгунняхе 2 (Вилюй) с кнутом, напоминающим кнут из сказки о шаманке с волшебным кнутом, является родственницей по отцовской линии погребенному в Булгунняхе 1. Эта женщина также является родственницей по отцовской линии девушке из захоронения Кыыс Унуога в Центральной Якутии. Это еще раз свидетельствует о значимости отцовских родов у древних якутов. Возможно, по отцовской линии передавались и некоторые властные полномочия. Кроме глав рода это могли быть полномочия функции шамана. Ведь у якутов, несмотря на то, что функция шамана не обязательно является наследственной, она часто передается в рамках одной семьи (Czaplicka 1914, по Серошевскому). В этом случае родственники по отцовской линии могли быть предпочтительнее. У нас есть предположение, что женщина, похороненная в Булгунняхе 2, практиковала что-то вроде семейного шаманизма или белого шаманизма, которым у якутов могли заниматься и женщины, если они были главой семьи (Czaplicka 1914).

Двойные или групповые погребения

Погребение Шаманское дерево 1 - это групповое погребение с четырьмя останками в одном ящике-гробе. Порядок захоронения следующий: подросток, потом женщина, сначала помоложе, в возрасте от двадцати до тридцати лет, затем женщина в возрасте от тридцати до пятидесяти лет, и, наконец, мужчина старше тридцати лет. Снаружи ящика-гроба, между ним и краем могилы, похоронен без гроба ребенок (от года до четырех лет), лежащий на животе, ничком. Анализ генетических данных позволил выявить, что женщина постарше была матерью троих других похороненных здесь (с вероятностями, превышающими 99,95%), и что последние были связаны между собой отношениями братья/сестра (с вероятностями, превышающими 99,79%). Что касается ребенка снаружи, то он принадлежит к той же материнской линии, но из-за плохой сохранности ДНК получено недостаточное количество маркеров, не позволяющее определить точные родственные отношения с четырьмя другими, похороненными в этой могиле. Погребение «Шаманское дерево 2», расположенное в нескольких метрах от описанного, является индивидуальным. В нем похоронен мальчик примерно двенадцати лет. Он является сыном женщины помоложе из погребения «Шаманское дерево 1». Генетический анализ показывает, что он является племянником мужчины и подростка и внуком женщины постарше. Зато женщина, захороненная в третьей могиле, расположенной в нескольких метрах от первых двух (Шаманское дерево 3), не имеет никакой генетической связи с людьми из первых двух могил.

Могила Ат Дабаан – это двойное погребение мужчин, похороненных в конце XVIII или начале XIX века в большом ящике-гробе, разделенном надвое. Они принадлежат к одной и той же материнской линии, но не представляют никаких близкородственных отношений, хотя родство «дядя по материнской линии/племянник» не может быть исключено (вероятность 21%) (Ricaud, 2003, Ricaud *et al.*, 2004). Они принадлежат к той же женской линии, что и девочка в возрасте от двенадцати до шестнадцати лет, похороненная в нескольких метрах от них (Ат Дабаан 1), но не имеют с ней близкородственных связей.

В местности под названием «Верховье реки Тан-да», в могиле, датированной XIX веком, похоронены

два новорожденных младенца в двух отдельных гробах, но положенных в одну могилу. Они не имеют никаких родственных связей между собой. Речь идет о двух младенцах близкого возраста, которых родители решили похоронить в одно время и в одном месте.

Эти три групповые погребения, очевидно, связаны с одновременной смертью нескольких людей вследствие эпидемии, по крайней мере, в «Шаманском дереве 1» и в Ат Дабаане. Члены одной семьи были помещены в один ящик-гроб, в то время как дети, состоящие в родстве или приемные, были положены в одну могилу, но в разных вместилищах.

Близкородственные захоронения

Представляется, что в двух изученных нами могилах XVIII века могут быть выявлены близкородственные генетические отношения. В первом комплексе двое мужчин похоронены в отдельных могилах на расстоянии до двух метров. Могилы расположены на одной прямой, возвышаясь над алаасом. Согласно анализу аутосомных микросателлитных последовательностей ДНК, эти мужчины могли бы быть двоюродными братьями, сводными братьями или же связанными отношениями «дядя-племянник». Что касается захоронения Сытыган Сихэ (СС), то трое мужчин, принадлежащих к разным материнским линиям, оказались отцом, его сыном и племянником отца, а следовательно, двоюродным братом его сына по отцовской линии (Ricaud *et al.*, 2006). Зато анализ маркеров Y хромосомы показывает, что идентичные аллели для трех локусов между СС1 и СС3, и один идентичный аллель по одному локусу между всеми тремя мужчинами, что, вероятно, означает их принадлежность к одной и той же отцовской линии, особенно, что касается СС1 и СС3. Анализ генетических профилей показывает отношение отец/сын между СС1 и СС3 с вероятностью 99,65%, и отношение двоюродного родства между СС2 и СС1 или СС3 с вероятностью 68%.

Двое из троих детей, похороненных в конце XVIII века в местности Джарама, имеют одного общего предка по материнской линии, но, к сожалению, из-за плохой сохранности ДНК невозможно определить, были ли они близкими родственниками. У них не имеется никакой связи с девушкой, захороненной в этой местности в середине или начале XVIII века.

Ат Дабан 1, погребение подростка 12-16 лет, расположенное в нескольких метрах от погребения Ат-Дабан 3. Умерший принадлежит к той же материнской линии.

At Dabaan 1; the burial of an adolescent aged 12-16 years old. The individual belongs to the same maternal lineage as the individuals in the At Dabaan 3 grave, which is situated some metres away.

В захоронениях Буогарыма (конец XVII века), Бэх Алаас (XVIII век) и Истэх-Мыран (начало XVIII века) находятся мужчина и молодая женщина, четыре мужчины и две женщины, которые не принадлежат к одним и тем же линиям и не имеют никакой близкородственной связи.

Христианский комплекс Киэн Эбэ объединяет семь погребений конца XVIII - середины XIX века. Хотя их отцовские линии различаются мутацией, анализ аутосомных последовательностей повторяющейся ДНК указывает на то, что один из них мог быть дедом двух новорожденных младенцев. Это согласуется со стратиграфическим расположением гробов, а также с абсолютными датировками этих погребений. Генетический анализ показал также, что мальчик восьми лет и пожилая женщина принадлежат к одной материнской линии.

Без каких-либо этнографических сведений интерпретация данных, собранных в процессе исследований, была бы сложной, так как у нас мало погребальных комплексов (10) и одиночных могил. Тем не менее, если известно, что якутское общество было вирилокальным и экзогамным (женщины се-

лились в клане своих мужей) и что особые родственные отношения связывали дядю и его племянников по отцовской линии, то интерпретация возможна. Действительно, в четырех случаях из семи, где совместно погребены взрослые и подростки, отношения мужчина/сын/племянник очевидны. Зато, когда объединены одни женщины, за исключением «Шаманского дерева 1» - группового семейного захоронения - , или женщины с мужчинами, то никакого близкого родства не обнаруживается, что объяснимо, так как они принадлежали к разным родам.

Погребения маленьких детей особенны, специальные могилы для них появляются только в христианский период. До того детей погребали в могилах взрослых вне гроба, как бы не допуская к ритуалу взрослых. С введением христианства детей стали погребать в гробах отдельно или вместе со взрослыми. Детские погребения стали зависеть от новой религии больше, чем от кровнородственных связей и принадлежности к клану, кроме случая с Киэн Эбэ 4, 2 и 6 (дед и внуки), что означает, возможно, введение новых социальных отношений, до этого никогда не выявлявшихся.

ГЛАВА 3 ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

3.1. Освоение Дальнего Востока и соболиный путь. Контакты с Китаем

Э. Крюбези, Б. Люд, М.Пети, Д.Руже, Ж. Ларуй

Собственно письменная история Якутии начинается только с приходом русских в 1632 году. Будучи вначале историей первопроходцев из России, она вскоре быстро приобрела коммерческие цели, касающиеся, главным образом, мехов. Она повлекла за собой быстрое освоение Сибири и Дальнего Востока и, помимо контактов с местным населением, были установлены контакты на юго-востоке с бурятами (жившими в районе озера Байкал), монголами и китайцами.

К 1620 году экспедиция Пенды, отправившаяся из Новой Мангазеи (Туруханск), поднялась по Нижней Тунгуске, затем достигла верховьев Лены, по которой она спустилась до излучины, где сейчас находится Якутск. После этого экспедиция Пенды повернула назад и вновь отправилась в верховья Лены, чтобы добраться до Байкальских гор (район Верхоленьска), через бурятские степи достигла Ангара (Верхняя Тунгуска), затем по Енисею достигла своего начального пункта отправления (Туруханск). Следовательно, Пенда был первым русским, достигшим Лены, которая была официально открыта только двенадцать лет спустя со строительством первых укреплений на Лене казаками Бекетова. Якутск был основан в 1632 году (при первом царе из династии Романовых), а регион получил свою собственную администрацию, начиная с 1638 года.

Подобно тому, как до официального открытия Америки Христофором Колумбом она была открыта на севере викингами, русские достигли Якутии задолго до экспедиции Пенды. В 1735 году в дельте Индигирки швед Петер Лазиниус обнаружил двенадцать семей охотников за мехами, чьи русские предки устроились там уже давно. Охотники жили

с якутскими женами и почти полностью забыли свой родной язык. Потомки этих людей европейского происхождения, живущие на Крайнем Севере и вступившие в брак как с немногочисленными русскими, так и с местными женщинами, до сих пор иногда называются российскими исследователями «сибирской расой». Вместе с тем, контакты русских с населением Крайнего Севера могли, вероятно, начаться и раньше. Так, на северном острове Фаддея (Новосибирский архипелаг) археологи обнаружили русское поселение, образовавшееся в 1616-1620 годах в результате крушения торгового судна (коч), прибывшего из России в поисках возможности торговли с коренными народами Крайнего Севера.

A posteriori, трудно определить первые взаимоотношения русских и якутов, поскольку те данные, которыми мы обладаем, относительно противоречивы. Некоторые считают, что население было ослаблено междоусобной борьбой (Gauthier, Garcia, 1996), и, следовательно, явилось легкой добычей для казаков, в чьи обязанности входил сбор ясака, отчего часть населения вынуждена была бежать на Вилюй и на север (гипотеза некоторых якутских исследователей). Другие полагают, что численное преимущество и незаурядная хитрость помогли якутам оказать сопротивление русским и даже добиться их поддержки, что позволило им расширить свой ареал к Енисею, Северному Ледовитому океану и Охотскому морю. Между этими двумя мнениями существуют разные интерпретации... Достоверно то, что якутский язык стал основным языком, на котором говорили в Сибири с XVIII века. Кроме

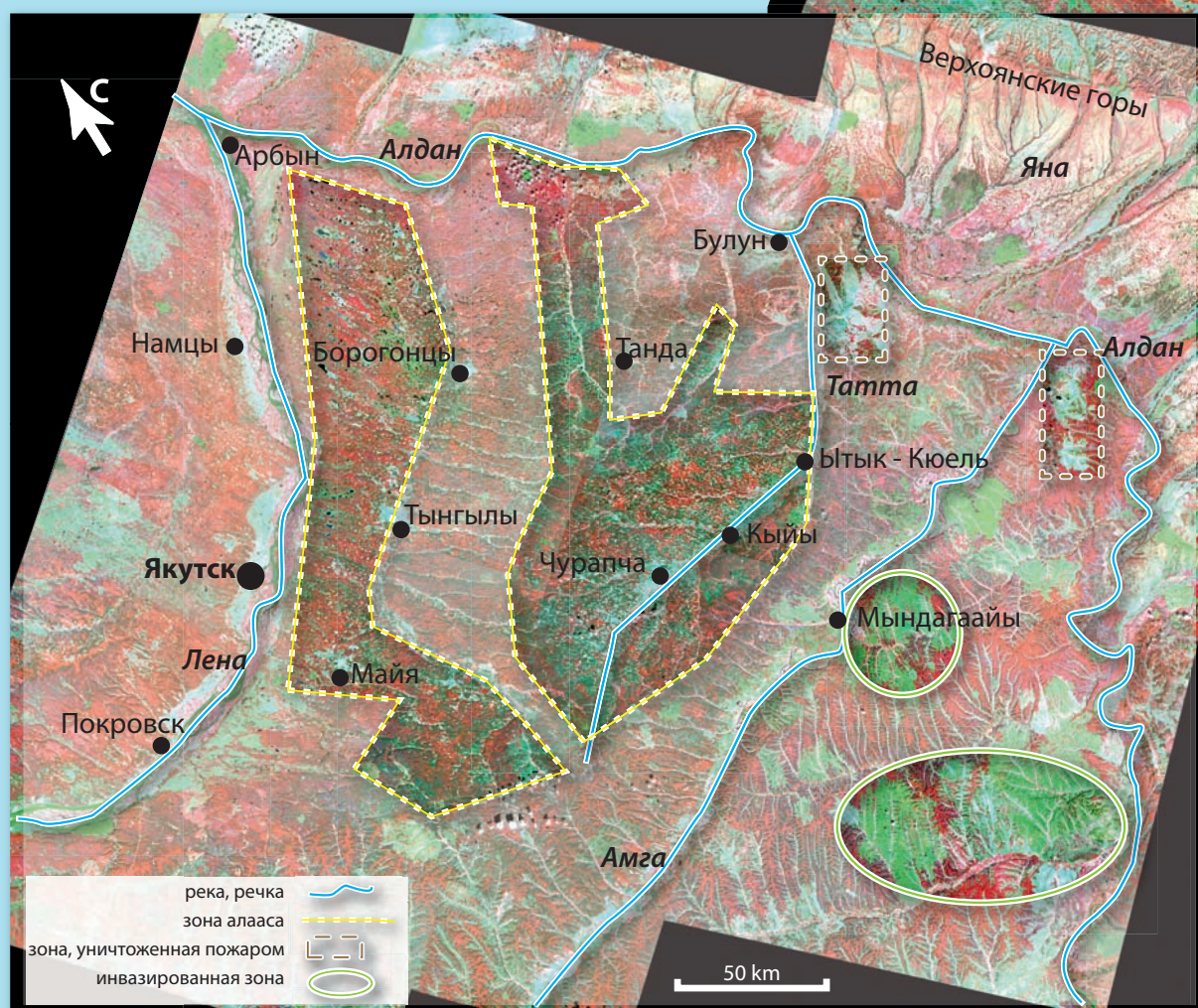

Вид Центральной Якутии со спутника Ландсат «в искусственном цвете»

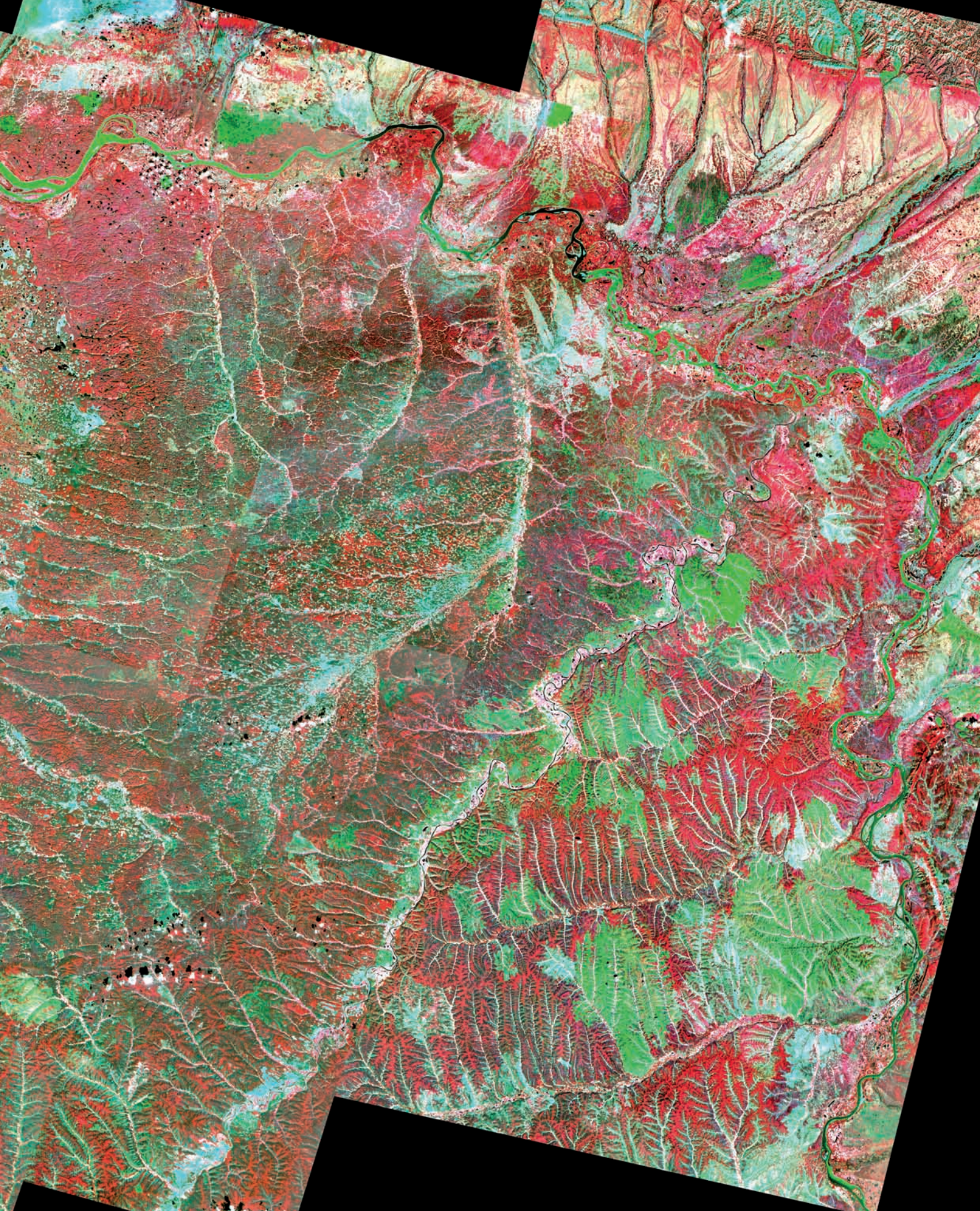
Ж.Селлерон

Мы в самом разгаре короткого лета. Когда спутники-наблюдатели Земли долго летают над планетой, облачная завеса представляет собой серьезное препятствие для видимости земной поверхности. Но летом 2001 г. ясное небо позволило запечатлеть изображение Центральной Якутии в разнообразных и богатых красках. Представленное изображение на самом деле собрано из шести изображений с американского спутника Ландсат. Поскольку каждое из них охватывает квадрат, одна сторона которого достигает 185 км., можно представить колоссальные масштабы территории Сибири, которые представлены здесь наложением аэрофотосъемки южной и северной частей. Иначе говоря, это - площадь в 185 000 км², т.е. 500 x 370 км, что представляет собой всего лишь 6% территории Республики Саха (Якутия). Не будем забывать, что речь идет о масштабах необъятных сибирских территорий.

Несмотря на то, что изображение дано в мелком масштабе, можно различить объекты, находящиеся по соседству в 15 метрах, а многообразие оттенков

и форм позволяет увидеть разнообразие пейзажей Алданского плоскогорья. Широкий прямоугольник огибается рекой Лена на западе и ее главным притоком Алдан с востока на север, где река проходит вблизи предгорного ледника у Верхоянских гор, рельеф которых высотой в 3000 м заставляет Алдан отклониться от первоначального маршрута до его соединения с Леной (слева вверх). Этот предгорный ледник, покрытый сухими лугами и лесистыми возвышенностями (выделено светло-желтым цветом), изрезан многочисленными темными линиями, ориентированными на северо-восток: это горные реки, впадающие в Алдан.

Стоит взглянуть на изображение и можно четко увидеть организацию географического пространства, где проступают большие протяженности алаасов внутри тайги. Сами алаасы, зависящие от особых геологических и геоморфологических условий, развились только на некоторых типах почв: глинистых лёссах и песчаных почвах. Чередование лесов и больших пространств алаасов тянется между правым берегом Лены и долиной Таатты, в самом центре места раскопок в Чурапче. Несомненно, в этом просматривается детерминизм «природа-общество», существующий между типом почвы, алаасами и их лугами, появившимися в результате расселения человека в Центральной Якутии.

За пределами края алаасов неумолимо надвигается тайга. В ней ярко-красным цветом выделяются леса из взрослых здоровых лиственниц и сосен, а густым зеленым цветом показаны участки, где растут больные лиственницы, испорченные нашествиями насекомых, развивающихся под корой. Несколько тысяч гектаров, четко различимых на востоке Амги, передают весь размах и объем нанесенного ущерба. Другие тысячи гектаров леса также регулярно уничтожаются – но со временем восстанавливаются – частыми пожарами, что отражается на снимке светло-голубым цветом.

Весь юго-восточный регион отчетливо выделяется от остальных своей структурой – сетью белых параллельных и симметричных линий, ориентированных, в основном, на северо-запад и юго-восток. Это типичная черта гидрографической сети, называемой гребенка, отражающей изломанный рельеф из узких складок, четко отделенных друг от друга.

Видимая часть Лены – которую легко найти благодаря ее извилистой линии – образует дугу длиной около 300 км. Она образует многочисленные ответвления (выделены зеленым цветом), окружающие большое количество островов, покрытых гидрофильной травянистой и кустарниковой растительностью (розовый цвет), или песком (белый цвет). Эта величественная река длиной в 4270 км и шириной в 4 км на уровне г. Якутска, продолжает свое течение за пределами слияния рек, чтобы влиться в море Лаптевых Северного Ледовитого океана. На изображении хорошо видно главное русло Лены (розовый цвет), окаймленное террасами сосен или лиственниц (красный цвет). Ширина русла достигает местами 14 км! На всем своем протяжении река Лена, так же, как и Алдан, отмечена различными оттенками зеленого цвета, а местами черного. Иными словами, вода в это летнее время далеко не спокойна (показано черным цветом): эти реки несут в период таяния льдов значительное количество мелких веществ, частиц в виде взвеси.

Агломерация города Якутска, расположенная на левом берегу Лены, у подножья прилегающей террасы высотой около 250 м, компактна (16x7 км), дана в бело-голубых тонах, по ее бокам находятся как с северной, так и с южной стороны, большие пространства с преобладанием бирюзового цвета, свидетельствующие о наличии очень сухих лугов, где пасется скот. Кроме столицы другие агломерации мало различимы, т.к. населенные пункты разбросаны далеко друг от друга и не имеют большой протяженности. Тем не менее, можно различить несколько городов и сел, таких, как Покровск, Тунгюлю, Борогонцы, Булун, Ытык Кель, Чурапча, благодаря ровному голубому цвету, обозначающему окружающие их сухие почвы и/или травянистые пастбища.

того, ссыльный поляк Серошевский, написавший классический труд о якутах в конце XIX века, был поражен их необычайно широким и быстрым распространением за период чуть более пятидесяти лет. В строго демографическом плане это распространение тем более удивительно, что население, кажется, сильно пострадало от нескольких массовых эпидемий, начавшихся с приходом русских.

Соболиный путь и быстрое освоение

Для населения Сибири кожа и меха были естественным и преобладающим материалом для одежды перед приходом европейцев. Причина тому - сугубо практическая, даже сегодня зимой в Якутске меха обеспечивают наиболее эффективную защиту от холода.

На Западе и Востоке, в зонах с умеренным климатом, после открытия несколько тысяч лет тому назад животноводства (овцы, козы), прядения шерсти и ткачества, использование мехов должно было уменьшиться. Они использовались только в зависимости от моды и благоприятных условий заготовки. Главными источниками пушных животных были, естественно, холодные и лесистые зоны, тем более, что в других зонах их очень масштабная добыча привела к исчезновению видов (De Planhol, 2004). Очень рано стали добывать пушнину в Скандинавии и импортировать, например, в Византию в V веке. В Европе в IX-XII веках мода на меха распространилась и стала показным символом социального статуса до XVI века. Так, в XIV веке продукция балто-славянских стран, экспортировавшаяся на Запад, должна была превышать миллион шкур в год, преимущественно, белок. Начиная с XVI века, мода на меха демократизировалась, вызывая все более настойчивый спрос. Россия следовала этому течению, тем более, что ее климат особенно подходил, и она могла иметь свое местное производство, в частности, на европейском Севере, где, однако, была исчерпана большая часть запасов еще до XVII века.

Очевидно, что в зависимости от стран и времен устанавливалась мода на мех того или иного животного. Если соболий мех считался ценным в России в XVI и XVII веках, то на него возник повальный спрос: в 1589 он составил две трети всей ссуды в пушнине, отправленной русским царем в Австрию (De Planhol, 2004). Китай тоже временами становился очень большим потребителем пушнины, и, естественно, что покупал он ее на севере, в частности, при посредничестве коренных и степных народов.

В Сибири, начиная с бронзового века, обнаружены престижные предметы китайского производства, которые, должно быть, являются результатом торговли или обмена через различных посредников; торговли, которая с сибирской стороны могла относиться только к пушнине (Okladnikov, 1955).

Сибирь была завоевана и освоена русскими менее чем за восемьдесят лет в течение XVI-XVII веков. Можно говорить не без основания, что «бешеный ритм завоевания этой огромной территории объясняется быстрым истощением фауны» (De Planhol, 2004, 755), поскольку в середине XVII века пушнина составляла 10% доходов московского государства. Так, если русские основали Якутский острог в 1632 году, и в 1638 году регион получил собственную администрацию, то как раз для того, чтобы заставить местные племена платить ясак, главным образом, в соболях. Установленный, начиная с XV века, в бассейне Волги, этот налог касался нерусских народов и сохранялся в Сибири вплоть до XIX века. У якутов количество мехов, предоставляемых семьей, зависело от количества скота, которое имела семья.

Исследования, касающиеся ясака в Якутии (De Planhol, 2004, 756), показывают, что, как и в Западной Сибири, добыча пушных животных была очень интенсивной, поскольку в окрестностях Якутска соболь начал исчезать уже с 1690 года. Однако официальные данные того времени надо рассматривать с осторожностью, поскольку из-за воровства местных управляющих трудно оценить реальный объем добытой пушнины. Склады Якутска, где хранилась пушнина, имели досадную привычку периодически гореть вместе с пушниной, что уменьшало отправляемую государственную долю, в то время как индивидуальные предприятия продолжали процветать... Так, если в конце XVIII века в Западной Сибири шкур соболя приходилось только одна на тысячу, то в Якутске в 1825 году они еще составляли 40% (17% приходилось на лис и 20% на белок).

Помимо ясака развивались частные предприятия, которым удалось, начиная с 1698-1699 годов, собрать в Сибири больше пушнины, чем государственный налог в виде ясака. Со временем соболий промысел теряет прежнюю значимость и ценность. Ведь приходилось считаться с новыми направлениями: менялись мир и международная мода. С середины XVII века предложения сибирских мехов начинают превышать спрос. Поставки из американского Нового Света, которые отныне во множестве поступали на европейский рынок, повлекли за собой понижение цен (De Planhol,

Обмен и торговля пушниной

2004, 757) и изменение моды. Период соболя как законодателя моды заканчивался, начинался период бобра, первым последствием чего явилось его истребление в Якутии в течение XVIII века. С середины XVII века до 1830 годов бобровая шапка, форма которой менялась в зависимости от моды, стала «социальной потребностью» в Европе, одновременно бобровый мех очень ценился в Китае. Эта экономическая потребность повлекла за собой исследование Британской Колумбии в Канаде и создание в 1670 году Компании Гудзонского Залива. В 1778 году капитан Джеймс Кук попытался найти Северо-Западный проход, и по пути обратно в Великобританию его экипаж получил огромную прибыль в Макао, продавая бобровые меха. Следовательно, возможно, что охота на бобра возросла в Сибири к концу XVII века до такой степени, что бобровая шуба могла стать даже престижным знаком, поскольку мужчина из захоронения Алаас Эбэ 2, погребенный с тремя лошадьми, был одет именно в нее (раскопки А.Гоголева).

Это исчезновение бобра имело удивительные последствия в торговле, особенно с Китаем, который ожидал из своих обменных зон шкуры этого животного – «в 1775-1777 годах шкурки бобра и кунницы, добытые, очевидно, в Северной Америке, доставленные британскими коммерсантами в Санкт-Петербург, доставлялись в Кяхту для продажи в Китай, это был тревожный и общий сигнал уменьшения сибирской добычи» (De Planhol, 2004).

Если обмены имуществом между странами часто регулировались посредством денежной системы, то в торговле с населением использовалась система обмена. Промышленные товары обменивались на сырье. Такой рынок обмена напрямую касался торговли пушниной, которая вплоть до середины XIX века функционировала почти исключительно по этому принципу. Речь шла о том, что заинтересованные французские, английские, голландские или русские торговцы имели значительную прибыль, получаемую, естественно, за счет коренных народов. Так чаще всего и происходило, поскольку прибыль от торговли пушниной составляла, в зависимости от случаев, от 500 до 1000%. В качестве примера можно привести Алексея Ширикова, русского торговца, который в 1741 году обменял на Аляске четыре большие шкуры серебристого котика, выделанные (т.е. которые можно было сразу продавать), на «...нож, два рыболовных крючка и горсть синего бисера...» (Bundy *et al.*, 2003, 33). Цель состояла в получении максимальной прибыли путем обмена ценной продукции на дешевые предметы. Некоторые современники даже возмущались тем, что они называли «рынком одурачивания». Например, John D. Cochrane, английский путешественник, писал в 1820 году о русских купцах в Восточной Сибири: «Если бы купцы были обязаны брать больше качественных и необходимых товаров... чем все это барахло, то их торговлю можно

Реки служили всегда путями сообщения в Сибири. Даже в настоящее время некоторые деревни доступны только водным путем. В зимнее время, как только толщина льда достигает достаточной плотности, реки становятся настоящими автодорогами.

Rivers have always been essential means of communication in Siberia. Still today, in summer, there are some villages which are only accessible by navigable routes. In winter, the rivers become motorways, due to the thickness of the ice (above the River Lena).

Процентное соотношение в погребениях соболиного меха, мехов белого зайца и белки, установленного в зависимости от количества наблюдаемых случаев в хронологических периодах (от 7 до 13). Общая форма кривых совпадает с данными об охоте, об уменьшении и вымирании в Сибири количества пушного зверя в течение этого периода. (Planhol, 2004). Следует отметить, что в это время охота для семейных или местных нужд заменяется охотой для оплаты ясака или для коммерческого обмена.

Соболь являлся ценным объектом интенсивной охоты в XVIII веке, так как его мех использовался в качестве основного продукта обмена, в это время он менее встречается в Западной Сибири. Таблица показывает, что численность охоты на пушного зверя серьезно сокращается в начале XIX века, несмотря на то, что в 1825 году 42 % всей пушнины добывалось в Якутии, а в 1832 году - 32 %.

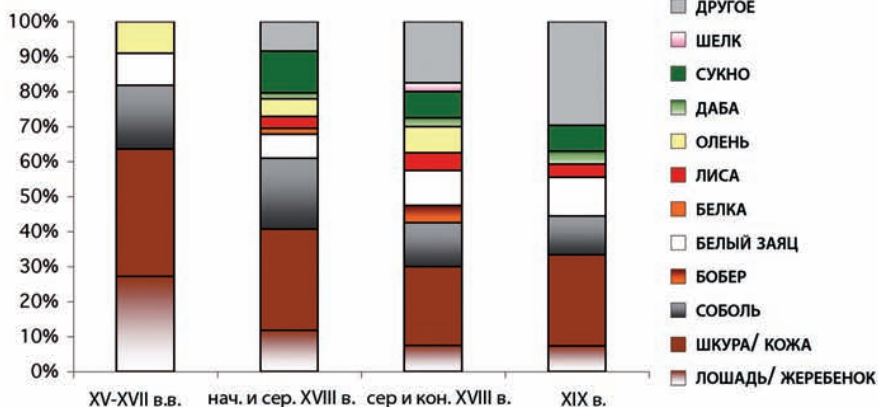
Меху белки придавали меньшее значение по сравнению с соболиным мехом. Даже местные жители не использовали белку для личных нужд ни в XVIII, ни в XIX веке. Появление меха в XVIII веке могло быть связано с развитием охоты на белок, в связи с общим сокращением соболиного меха на мировом рынке.

Мех белого зайца всегда ценился северными народами благодаря своей мягкости, но его частота прогрессивно уменьшается с XV по XIX в.в.. Европейцы поздно обнаруживают это животное, и охота на него начинает развиваться в XVIII веке, когда он представляет две трети пушнины, добытой в Западной Сибири. В Якутии он хорошо представлен в XIX веке, но возможно шел процесс сокращения по сравнению с XVII веком.

Реконструкция женской одежды, погребение Охтубут 3 (Чурапчинский улус), датированное 1805 годом. Кожаная шапка с прямоугольными мотивами светло-зеленого цвета оторочена соболиным мехом по краю.

Reconstruction of the clothes worn by the woman of Okhtoutbout 3 (Churapchinsky ulus), a burial dated to 1805. The leather chapka, with rectangular motifs in light-green, has a border of sable fur. The woman wears a coat of reindeer fur, closed by leather laces. Beads, which were abundant on clothing a century earlier, are no longer found. (Watercolour Ch. Hochstrasser-Petit).

Эволюция материалов

Эволюция материалов одежды погребений Центральной Якутии. Основой для шитья одежды оставалась шкура лошади или жеребенка, в XVIII веке следует отметить наличие разновидности мехов и импортных тканей. В XIX веке развивается изготовление одежды из ткани.

The evolution of clothing material found in the graves of central Yakutia. The base material remains horse and foal skin, but from the 18th century the types of furs diversify and imported fabrics are used. From the 19th century, an increase in the percentage of clothes made from fabric is observed.

было бы меньше критиковать в нравственном аспекте...» (Cochrane, 1824, 132).

В этой системе обмена вропейцы стремились, во-первых, приспособить обмениваемые промышленные товары к «сиюминутному желанию» коренных народов, участвующих в обмене. Во-вторых, познакомить местные народы с новой продукцией (в которой те особо и не нуждались), с целью создания и развития таким образом у них потребности во внешних признаках богатства, чтобы они могли демонстрировать некоторую власть по отношению к своим сородичам. Такая торговая политика чаще всего применялась большими акционерными компаниями (национальными или мультинациональными), которые постоянно боролись за обладание существующими рынками или открытие новых путей сбыта. Управление этими компаниями находилось в столицах или портовых городах. Часто они имели в своем распоряжении значительный

торговый флот и одну или несколько главных факторий со складами. Фактории находились в тех странах или регионах, с которыми велась торговля. Если эта страна или регион находились под покровительством их собственного государства, то компании руководили обмена́ми напрямую без посредников. Для этого у них была сеть обменных пунктов, зачастую укрепленных, расположенных по побережью или вглубь территорий, которые зависели от главных факторий. Эти обменные пункты общались напрямую с коренными жителями и привлекали корабельников как работающих по найму в компании, так и независимых.

Поскольку народы Восточной Сибири не использовали денежную систему, то русские торговцы прибегали главным образом к обмену. Этот же принцип действовал и в торговле между Россией и Китаем в пограничных пунктах Нерчинска, затем Кяхты (Edinarkhova, 2008, 351). Эта частная торговля

дополняла доходы от ясака. Например, известно, что в 1714 году количество шкур, собранных в Восточной Сибири (за год), используя ясак, а также собранных в Якутске до их отправления в Москву составляло: соболь – 2641, лиса – 971, калан – 337 и выдра – 138 (De Marsy, 1776, 198).

Якуты не производили ни ткани, ни стекла, но превосходно обрабатывали железную руду (в противоположность другим коренным народам), однако их металлургия ограничивалась

Раскопки захоронения Булгуннях 2 (Сунтарский улус). Превосходная сохранность погребенного позволяет специалистам полностью реконструировать одежду. Необходимо отметить большое количество бисера, использованного для изготовления данного пояса..

Excavation of the Boulgouniakh 2 site (Suntarsky ulus). The exceptional conservation of the subject found in this grave permitted the clothes to be completely reconstructed by specialists. Of note is the significant quantity of beads used to make the belt.

Китайские жетоны и монеты

М. Пету, Р. Прот

ЖЕТОНЫ

В Якутии было найдено несколько десятков латунных жетонов, которые использовались в качестве украшений для одежды и/или аксессуаров женской одежды. Следует напомнить, что эти жетоны имеют форму денег, но не являются деньгами. Они выпускались государствами для ознаменования каких-либо событий, например, военных побед, политических событий или браков монарших особ (тогда их дарили в качестве «сувенира» некоторым важным особам), либо жетоны выполняли функцию, которую в наши дни можно назвать «рекламной».

Начиная с XVI века и учитывая то, что монетные дворы различных государств не были в состоянии удовлетворить спрос всех администраций, банкиров или торговых компаний, город Нюрнберг стал специализироваться в области производства жетонов, сочетавших качество гравюры, быстроту производства и конкурентоспособные цены на продажу. Несмотря на растущую тенденцию отказа от «счетных жетонов», начиная с середины XVII века, их производство было продолжено благодаря игорным домам (они стали предками современных игровых жетонов) или благодаря политическому и/или декоратив-

Женщина из погребения Булгуннях 2 (Сунтарский улус). Акварельный рисунок К. Оштрассер-Пети и фотографии фрагментов украшения одежды из бисера и жетонов.

Subject found in the Boulgouniakh 2 grave (Suntarsky ulus). Watercolour (Ch. Hochstrasser-Petit) and photographs of the decorations on the beads and tokens associated with the thimbles.

ному характеру, который им можно было придать. Из инструментов для счета они быстро превратились в торговые безделушки, производимые в больших количествах мастерскими Нюрнберга и экспортируемые по всей Западной и Восточной Европе.

Нахождение такого рода жетонов в захоронениях в Восточной Сибири указывает на то, что их распространение географически намного превосходило те границы, которые можно себе представить на сегодняшний день.

Некоторое количество сибирских жетонов было опубликовано в Якутии в советское время. Эти жетоны были, скорее всего, все выпущены в Нюрнберге, кроме двух, отчеканенных в России. Жетоны с изображением профиля императрицы Анны Иоановны (1730-1740 гг.) знаменуют победу России над Турцией в Белграде (1739 г.). Остальные жетоны, а их большинство, относятся к самым классическим нюрнбергским жетонам, на них изображены или символы, или европейские монархи того времени с титулами, в основном, правители Англии и Франции. На реверсе чаще всего значится имя хозяина мастерской изготовителя. Хронологически жетоны выпущены с середины XVII века до 1760-х годов, среди них, чаще всего, встречаются жетоны, выпущенные с 1650 по 1720 гг., что может показаться «нормальным», учитывая, что в этот период производство данного типа продукции достигло значительных размеров (Fauver 2002 : 32).

Команда Франко-якутской археологической миссии в Восточной Сибири вскрыла две женские могилы, в которых были найдены жетоны. В могиле Булгунях 2, на Вилуе, пальто одной из погребенных было украшено стеклянными бусинами, на нем имелось также около двадцати медных жетонов. Два из них, наугад изъятые из общего числа, подверглись чистке и были идентифицированы. В обоих случаях это оказались жетоны из

Нюрнберга с профилем Вильгельма III Английского и его супруги Марии Стюарт, отчеканенные с 1689 по 1694 гг. Лацарусом и Корнелиусом Лауффер. Вполне вероятно, что все жетоны, украшающие это пальто, принадлежат к тому же типу. Несмотря на коррозию, они не несут никаких очевидных следов износа, что говорит о том, что они использовались очень короткое время, и исключает то, что эти объекты применялись в качестве счетных жетонов. Интересно также отметить, что это были единственные жетоны с английской тематикой из всех известных нам случаев в Сибири.

Акварельная реконструкция различных предметов одежды из погребения Бойола 2. Шапка (вверху слева) украшена бисером, жетонами с портретом Людовика XIV и китайскими монетами.

Watercolour reproductions of the various items of clothing worn by the subject found in the Boyola 2 grave. The chapka (top left) is decorated with beads, tokens with the portrait of Louis XIV and Chinese money.

В захоронении Бойола 2 в Центральной Якутии шапка и натазник (трусы) были также украшены десятком китайских жетонов и монет. Очистив пять жетонов, мы поняли, что они все происходят из Нюрнберга, имеют профиль Людовика XIV, отчеканены Корнелиусом Лауффером между 1661 и 1711 гг. Также, как и в предыдущем случае, они принадлежат, скорее всего, к тому же типу жетонов.

То, что в обоих рассматриваемых случаях все жетоны имеют одну тематику, не вызывает большого удивления, так как нюрнбергские жетоны продавались не поштучно (учитывая их низкую стоимость), а стопками по 50, 100 или 200 штук с одинаковым изображением и с одинаковыми сторонами. Похоже на то, что торговцы дали эти жетоны в обмен якутам, сохранив их в условиях, близких к тем, в которых они хранились изначально в Нюрнберге, т.е. в одинаковых стопках (Fauver 2002 : 12). Если после покупки их хранили в беспорядке, то жетоны из одной стопки могли быть перемешаны с другими. С другой стороны, якуты XVII и XVIII вв. не знали о существовании ни Франции, ни Германии, ни Англии, еще меньше они знали Вильгельма Оранского или Людовика XIV, и тем более они не могли прочесть надписи на жетонах. Для них играли роль только форма объекта, качество и тонкость металла и узоров. Можно предположить, что возможное смешение разных жетонов не являлось для якутов препятствием обмену. Что касается торговых путей, по которым эти жетоны прибыли в Восточную Сибирь, то можно предположить, что они были закуплены, как и другие товары из Западной Европы (см. нашу статью о торговом обмене), русскими торговцами в порту Архангельска. Марпежер отмечает в 1705 и 1723 гг. присутствие в этом порту кораблей, прибывших из Гамбурга и Любека, груженных среди прочего изделиями ремесленников из Нюрнберга (Kellenbenz 1970).

Китайские монеты

Китайские монеты эпохи императоров появляются в форме разменных монет из меди или бронзы, с квадратным отверстием посередине (называемые общим термином «сапек»). Это отверстие позволяло нанизывать их на стержень такой же формы, чтобы поворачивать для обрезки. Оно же позволяло нанизывать их на веревочки, образуя связки от 100 до 1000 монет в каждой, облегчая, таким образом, их транспортировку. Такой тип разменных монет с дырочкой появляется в Китае во времена династии Цин (221-205 гг. до н.э.), но получает распространение по всему Китаю только в начале 1 века нашей эры. Монета проживет практически в неизменной форме до 1911 года (Thierry 2003 : 16).

Четыре китайские монеты, обнаруженные в Бойола 2 на натазнике, представлены одной официальной монетой и тремя подделками, отчеканенными во времена династии Цин между 1650 и 1722 гг.

Происхождение этих монет, как и жетонов, рассмотренных выше, разумеется, иностранное, так как речь идет об императорском Китае, но если одни жетоны сделаны из дешевого материала, то другие относятся к денежной экономике, а якуты до позднего времени не практиковали такой вид экономики. Как и жетоны, монеты применялись исключительно в декоративных целях, что наблюдалось также в Северной Америке на северо-западном побережье и в культуре, называемой «Плато». Эти монеты были ввезены в Северную Америку русскими, затем намного позже, начиная с 1860-х гг., китайскими эмигрантами. В случае Якутии речь идет о монетах, обменянных у русских торговцев, но еще с большей уверенностью можно предположить, что их завезли алданские якуты или эвенки.

главным образом коваными предметами (из железа) и литыми (из медных сплавов). Гмелин по этому поводу отмечал в 1736 году: «... почти всегда именно они (якуты) куют железо и свои котлы... Эти котлы и предметы домашней утвари из железа очень хорошо сделаны... Они умеют очень хорошо оковывать сундуки, а вилюйские якуты знамениты тем, что делают сами сундуки...» (Gmelin, 1767, Tome 1, 390). Поскольку якуты были хорошими кузнецами, привозные предметы из железа должны были меньше цениться коренными народами, за исключением предметов, которые по качеству превосходили местные изделия или же были изготовлены по другим технологиям (например, литье из железа). У нас мало документов, касающихся привозных предметов, которые могли обмениваться у якутов, а архивы почти ничего не говорят по этому поводу (насколько нам известно). И только записи иностранных путешественников дают нам какие-то ответы. Гмелин, будучи в Якутске в 1736 году, подарил хозяевам-тунгусам «...новую китайскую трубку из латуни и китайский табак... наперстки из Китая...» (Gmelin, 1767, tome 1, 427-428). Другие свидетельства в большинстве случаев касаются только северо-востока Сибири и Камчатки. Известно, например, что в Восточной Сибири к середине XVII века обменивали медный котелок на собольи шкурки, вмещающиеся в этот котелок; топор – на 18 шкур соболя и два фунта бисера на 10 шкур того же зверька (Forsyth, 1992, 41-43). Кроме того, в 1724 и в 1810 годах упоминаются ножи, топоры, «безделушки» (среди которых наперстки, иглы, пуговицы и колокольчики), а также шерсть, но без уточнений. В 1814 году речь идет о «шерстяных и льняных изделиях, овсяной муке, топорах, ножах, котелках, дешевых товарах, китайском или черкесском табаке...» (Cochrane, 1824). А в 1823 – о «...табаке, ячмене, муке, сахаре,

чае, различных сортах водки; шелковых, хлопчатобумажных и шерстяных тканей; различной железной и медной утвари, бисере...» (Wrangel, 1826). Известно, что часть этих предметов обмена была получена русскими торговцами в факториях, принадлежащих крупным западным компаниям, которые находились в порту Архангельска (на Белом Море) с конца XVI века (Bruce-Lincoln, 2007, 60-62, Kellenbenz, 1970).

В захоронениях, являющихся объектом данного исследования, необходимо правильно выделить изделия местного производства и привозные товары. Обнаружение в некоторых могилах таких изделий, как шерстяные («сукно»), хлопчатобумажные или шелковые ткани, ясно свидетельствует о том, что речь идет о привозных товарах. То же самое можно сказать о бисере, особо многочисленном в женских погребениях, и конечно, о китайских монетах и нюрнбергских жетонах французского, английского или немецкого типа, используемых на платьях и в украшениях. Несомненно, это касается и медных и латунных изделий, таких, как наперстки, котелки из меди или медного сплава.

Погребение Елечей 1 (Мегино-Кангаласский улус). Исключительно хорошо сохранившаяся ткань красного цвета («экарлатин»), вероятнее всего, английского происхождения (акварель К. Пету-Оштрассер).

Eletchei 1 grave (Megino-Kangalassky ulus). The exceptionally well-conserved scarlet-red fabric is of probable English origin (watercolour C. Hochstrasser-Petit).

Возможно, что русские купцы меняли у якутов эти предметы на пушнину, но нельзя исключать и другие пути. Известно, например, что в начале XVII века алданские якуты вели непрямую торговлю с китайцами через дауров, живших в долине реки Амур (Forsyth, 1992), или через эвенков (Crubezy et Alexeev, 2004, 116-118). В XVIII веке якуты расширили свои охотничьи территории к востоку и югу, некоторые из них даже пересекали китайскую границу. Русские пытались пресечь это расширение, но без видимого успеха. Постепенно, особенно с начала XIX века якуты становятся неизбежными посредниками между русскими купцами и другими народами Восточной Сибири и даже иницируют проведение ежегодных ярмарок (Diachenko et Ermonova, 1994).

Зато любая прямая торговля якутов с французскими, английскими и голландскими торговыми компаниями кажется мало вероятной, учитывая настоящую монополию на восточносибирскую пушнину, установленную русскими с XVII века. Если эти западные компании и участвовали в торговых сделках, то, вероятно, при помощи русских торговцев через фактории Архангельска, Москвы или Санкт-Петербурга. Только начиная с 1850 годов, компании, особенно американские, будут

иметь фактории и представителей в Восточной Сибири (Gontchanov, 1853). Что касается китайских товаров, то они, без всякого сомнения, поступали через торговые пункты Нерчинска и Кяхты, но возможно, также и через порт Охотск (на Тихом океане), который, начиная с середины XVIII века, становится значительным поворотным моментом в российской торговле пушниной с Камчаткой и, особенно с Аляской. Вместе с тем отмечается, что в 1818 году английские корабли, возвращавшиеся из Манилы и Кантона, заходили в гавань в Охотске и в Колымский острог (Lévesque, 1812, 387). В связи с этим следует отметить, что в XVIII веке русские нанимали многих якутов для службы проводниками между Якутском и Охотском или для сопровождения различных грузов между этими двумя пунктами.

Связь с Китаем, станции Нерчинск (1689) и Кяхта (1728)

Одним из довольно значительных достижений движения русских в Сибирь была их встреча с китайцами и их соседями: монголами и маньчжурами. Русские сначала встретились с бурятами, живущими

Торговые пути, связывавшие Европу и Сибирь в XVII-XVIII в.в.

Trade routes between Europe and Siberia taken by merchants and goods in the 17th and 18th centuries.

вокруг озера Байкал и на севере современной Монголии (1641-1652). Освоив этот регион, они двинулись на восток вдоль Амура, где наткнулись на маньчжуров, с которыми вступили в вооруженный конфликт. В 1685 году, благодаря артиллерии, установленной с участием миссионеров-иезуитов, китайцы завладели русским острогом Албазин на реке Амур. Нерчинский договор, подписанный в 1689 году, установил по середине реки Аргун границу между двумя Империями.

Нерчинский договор (1689) дал начало значительной русско-китайской торговле: с одной стороны, пушнина, скот и выделанная кожа, с другой, хлопчатобумажные и шелковые ткани (2/3 всех ввозимых товаров), чай и табак. Большинство китайских товаров уходило в Центральную Россию, но часть их оставалась в Сибири.

В июне 1728 года вследствие китайско-российского договора был основан форпост Кяхта (История Сибири, 1968). Город Кяхта находится на юге современной Республики Бурятия, на грани-

це России и северной Монголии. Начиная с 1750 годов, торговля России с Китаем осуществляется главным образом через Кяхту, а Нерчинск теряет свою прежнюю торговую значимость (История Дальнего Востока, 1991). Пропорции этой торговли России с Китаем через Кяхту очень сильно возрастают. Китайские продажи приносили русским торговцам большую прибыль; что касается китайцев, то они покупали дешевую пушнину, которую очень дорого продавали в Китае (что позволяет объяснить пример со шкурками бобра, см. выше). В то же время, стоимость ввозимых китайских тканей увеличивалась по мере их продвижения в глубь России, поэтому купцы стремились продавать их в Центральной России (Александров, 1984). Однако некоторые китайские товары продолжали доходить до Якутска; эвенки, не превращая коммерцию в свое основное занятие, продолжали натуральный обмен изделиями мелкотоварного производства с якутами, особенно ценя изделия кузнецов.

3.2. Торговля и договоры, их влияние на зарождение и исчезновение знати

*Э. Крюбези, А. Алексеев, С. Дюшен, Л. Алексеева, М. Жибер, В. Попов,
К. Оштрассер-Пети, Э. Жирков, Г. Пети, П. Жерар*

В захоронениях до 1700 года почти все имущество и одежда - местного производства. Исключение представляет захоронение Батта Чарана, где обнаружена ткань, называемая «даба». Тем не менее, нельзя утверждать, что между XIV и концом XVII века якуты жили в полной автаркии. Бисер, в частности, белый и черный, для серег был привозным, а некоторое оружие, явно принадлежащее коннице, в частности, пальмы с очень длинными ручками, напоминающие оружие степных народов, должны стать объектом надлежащего изучения для того, чтобы определить их происхождение. Кусок ткани «даба», обнаруженный в захоронении этого периода, вероятно, указывает на погребение, имевшее место между первым приходом русских и 1700 годом н.э. В то же время, часть бытовых предметов, которые мы квалифицируем как якутские, не являются только якутскими, поскольку они встречаются у многих народов Сибири, в частности, у тунгусов.

В исследованных захоронениях с начала XVIII века появляется привозное имущество: бисер,

ткани (шелк, даба, сукно, хлопок), трубки с металлическими головками, лакированная чаша (Киэн Эбэ 1). Некоторые бисерные бусинки - китайского производства, происхождение других - разное. Куски шелка, использованные для создания туники главы рода, похороненного в Мунур Уряхе в 1727 году, имеют размеры кусков, ввозимых в то время китайцами.

Размещение этого имущества в захоронениях в зависимости от хронологических периодов показывает, что до 1700 года, за исключением одного захоронения с даба, привозное имущество встречается редко и представлено, главным образом, бисером. Что касается шелка, он также редок и обнаружен только в XVIII веке в захоронениях представителей элиты в виде платков или маленьких кусочков. Только в Мунур Уряхе, захоронении главы рода, в Селисе и Булгуннях 1 (которые ему родственны) находятся целые туники. Что касается бисера, то он обнаружен тысячами в нескольких захоронениях начала XVIII века в Чурапчинском улусе, в качестве украшений на платьях, седлах,

а также просто положенный в сумку, видимо, для того, чтобы показать достаток семьи (Джарама 1). Его количество очень быстро уменьшается после первой четверти XVIII века, и он исчезает из захоронений в конце этого века. Что касается сукна и даба, их процентное соотношение остается постоянным на протяжении всего XVIII и начала XIX века, поскольку их находят в 11-15% (даба) и 18-35% (сукно) исследованных захоронений начала XVIII века - первой половины XIX века. Если в начале XVIII века они встречаются редко и служат, главным образом, для бортов или кромок, то в дальнейшем встречаются даже пальто, мода на которые широко распространится в XIX веке.

Можно провести параллель с историческими данными. По всей видимости, до создания пограничной станции Нерчинск (1689) импортные товары ввозили редко (черный и белый бисер), а русские товары оставили мало ощутимых следов в захоронениях. Открытие нерчинской ярмарки (1689) легло в основу значительной русско-китай-

ской торговли и было важным для якутов, самые богатые из которых могли приобретать в то время тысячи бусинок бисера, а также шелк. Это процветание было на удивление недолгим, и соблазнительно провести параллель между данным фактом и упадком этой пограничной станции и созданием станции Кяхта (1728).

Больше всего импортных вещей содержится в захоронениях, раскопанных нами в Чурапчинском улусе между 1700 и 1728 годами, в частности, тех, которые расположены на высоких мысах, возвышающихся над просторными территориями пастбищ. К этой категории относятся захоронения: Кыйс Унуога (1728), главы рода Мунур Урях (1727), Шаманское дерево 1, Сэргэлэх, Алаас Эбэ, Бере, Елечей 1 и 2 (в Мегино-Кангаласском улусе) и, конечно, захоронение Селисе в Вилюйском улусе (но оно было частично разграблено). Погребение Кус Чаарбыт в Таттинском улусе идентично погребению Мунур Урях, но в нем из всех привозных предметов обнаружены только две голубые бусины в

Именно в таком естественном окружении - тайга (выделено зеленым и коричневым цветом), деде и большие озера (черный и синий цвета), просторные пастбищные алаасы (розовый цвет) жили погребенные из «Долины знати», в частности, девушка из захоронения Кыйс Унуога. Они извлекали ресурсы из деде (вода обозначена черным цветом) и из обширных алаасов (светло-розовый цвет - сухая зелень; темно-розовый - густая и влажная зелень), недалеко от болот (светло-зеленый цвет), где извивается река Татта. Можно предположить, что в те времена все большие озера, расположенные на одной линии на южной части изображения, были одинаково наполнены водой. Сегодня же видны четкие различия между глубоководными (черный цвет) и мелководными озерами (синий цвет). На северной части изображения, как признак современности, появляется длинная прямая черта - спутниковое изображение высоковольтной электрической линии, пересекающей леса и алаасы с запада на восток.

It is in this natural landscape of taiga (green and brown), duedes and large lakes (black and blue), and the vast alaas grasslands (pink) that the deceased of the 'Valley of the Nobles' used to live, notably Kyys Ounouogha. They travelled and stayed in this environment, extracted their resources from the local small duedes (water/black) and the relatively round alaas (light pink/dry grassland; dark pink/dense and humid grassland) not far from the marshes (light green) where the River Taatta winds. In their time we can suppose that all the large lakes aligned in the south were filled equally with water, while today there is a clear difference between the deep (black) and shallow (blue) lakes. In the north of the image a sign of modern times is observed; a long straight line marks the high voltage electric line which crosses forest and alaas from west to east.

Пейзаж в Центральной Якутии,
последовательность алаасов
(Чурапчинский улус)

Landscape of central Yakutia
showing a series of *alaas* (Churap-
chinsky ulus).

качестве подвески на оружии. Наша гипотеза, что люди, похороненные на лучших, возвышенных местах алааса являются представителями местной элиты, подтверждается наличием в могилах дорогих привозных вещей. Это могли позволить себе только состоятельные люди. Соответственно, можно считать, что у якутов существовала имущественная дифференциация. Нам известно по историческим данным, что вследствие Нерчинского договора (1689) и создания пограничной станции Кяхта, у китайцев возник спрос на большое количество пушнины, в частности, на соболя и бобра. Обычно, торговля могла осуществляться через русских или иногда через эвенков, которые, как известно, покупали у якутов жеребятину, говядину и молочные продукты. Следовательно, можно предположить, что якутская экономическая элита имела при их посредничестве доступ к товарам пограничной торговли.

Тем не менее, приведенная схема, может быть, слишком упрощена. Ведь, кроме имущества, мода на одежду и способ сооружения погребений также подвергались влиянию с юга. У мужчины из Шаманского дерева 1 - монгольская стрижка волос, одежда погребенной в Кыыс Унуога также показывает влияние юга. Форма ящика-гроба в погребальной камере в захоронении Мунур Урях, а также в захоронении представителя знати из Таттинского улуса, это - форма, принятая у китайской

знати, происходящая, вероятно, от степных народов, но, во всяком случае, неизвестная в Якутии до 1700 года. Вместе с тем, кроме этих элементов, уместно отметить существенное изменение погребальных обычаев по отношению к предыдущему периоду. Эти и другие данные показывают, что якуты могли иметь торговые операции с Китаем и без посредничества тунгусов или русских.

Начиная с 1700 года, местная знать принимает южный, если только не маньчжурский, пример для подражания. Странно, но за две тысячи лет до этого, на севере Монголии у династии хунну из первой империи степей произошло аналогичное явление - они переняли китайскую погребальную манеру (ту, которую мы только что описали), и представителей знати хунну сопровождали в другой мир шелк и изделия из лака. В 1728 году вместе с изменением торговой пограничной станции с Китаем, которая отдаляется еще на 500 км (отныне в 2000 км от Центральной Якутии), меняется мода. Примерно в 1760 году, в Киэн Эбэ 1 еще хоронят ребенка, в погребальном вещевом комплексе которого есть чаша из лака, но южные влияния постепенно исчезают. Культура, кажется, меняется в сторону русского влияния, православной традиции в погребальных памятниках становятся более существенными. Это вполне объяснимо, так как к тому времени в Якутии постоянно проживало значительное количество русских.

3.3. В краю алаасов

Ж.-П. Метейе, Ж. Селлерон, Ф. Блан, Д. Гало

Коровы в сибирском лесу! Пасторальный пейзаж Центральной Якутии в двух шагах от Полярного круга и в самых холодных регионах планеты, есть чем удивить европейского гостя. По дороге из Якутска в долину Татты и Чурапчинский район, где находится погребение Кыыс Унуога, на сотнях километров леса чередуются с лугами, покрывающими неглубокие низины размером от нескольких гектаров до десятков квадратных километров, обычно содержащие озера. Это пейзаж алаасов, сердце якутских земледельческо-скотоводческих территорий, неповторимый ритм которого в течение всего короткого лета создается хождением стад между пастбищами и селами и непрерывной работой на сенокосе.

У истоков алаасов

Эта сельскохозяйственная экономика тем более удивительна, что Якутия является краем с экстремальным климатом, практически не имея равных в мире. Это - регион с самым холодным и континентальным климатом, характеризующимся средней годовой температурой от -10 до -12°C, с самой большой разницей между летней и зимней температурами. Температуры до -50°C, обычные с декабря по февраль (самая низкая зарегистрированная температура равна -72°C - мировой рекорд, исключая Антарктику, а средняя температура в январе -42°C), - следствие установления на протяжении всей зимы очень стабильного антициклона, направленного на Якутию. Из-за отсутствия облачности земля теряет тепло (инфракрасное излучение), а нижние слои атмосферы сильно охлаждаются. Охлаждение усиливается явлениями температурных изменений в просторных бассейнах рек Лены, Алдана и Вилюя. В таких условиях средняя температура остается отрицательной с конца сентября по май. Летом, наоборот, длинные солнечные дни и континентальный климат позволяют достичь температур выше 30°C (в июле средняя температура равна 18,7°C). Антициклонические условия, усиленные окружающими горами, которые производят эффект заграждения против океанических влияний, увеличивают континентальность, а также вызывают сильную сухость. Годовые осадки не превышают среднего значения, колеблясь между 150 и 250 мм, две трети осадков выпадают летом;

зимой наблюдаются слабые снежные осадки, сильные ветры, поэтому почва может оставаться часто и долго непокрытой, из-за чего подвергается заморозкам (Koutaniemi, 1985).

Эти климатические свойства являются причиной значительности явления вечной мерзлоты, которое состоит в образовании постоянно мерзлого слоя почвы и пород. Мерзлота занимает всю территорию Якутии, где ее глубина в настоящее время достигает 300-500 м, иногда 1500 м.; ее масштаб в Восточной Сибири - самый большой в северном полушарии, она непрерывно тянется до Монголии, Манчжурии и Западной Сибири. Мерзлота начала формироваться с первых эпизодов похолоданий четвертичного периода более миллиона лет тому назад, но она, кажется, оттаивала при каждом эпизоде потепления до того момента, как начались самые холодные фазы 400 000 лет тому назад. В течение последнего обледенения, очень холодного, называемого вюрмским, 100 000-15 000 лет тому назад, мерзлота покрыла всю Сибирь и большую часть Европы; затем с окончанием обледенения она оттаяла, отступив до своих современных размеров (Anisimov *et al.*, 2002). Таким образом, это очень древнее наследство, которое продолжает уменьшаться из-за эффекта современного климатического потепления, в частности, на юге и в Западной Сибири, но кажется очень мощным и стойким в Якутии.

Ландшафт алаасов - это продукт динамики мерзлоты, а именно, последовательных явлений таяния и выветривания, которым мерзлота подвергается с конца ледниковой эпохи. Этот рельеф, отличающийся впадинами и озерами, пересеченными холмами, называется термокарстом (см. текстовую вставку), по аналогии с морфологией известковых зон, где карст образуется растворением пород водой. Здесь же формы растворения и обрушения порождаются процессом поверхностного таяния мерзлоты.

В Центральной Якутии насчитывается около 16 000 алаасов, местами они покрывают около 30% поверхности. В большом бассейне, находящемся между долинами реки Лены на западе и Алдана на востоке, никогда не было мерзлоты во время четвертичного периода, он был покрыт эоловыми отложениями. Очень холодные и засушливые условия, царившие в тот период в Сибири, не

«Термокарстом» называется рельеф, созданный геоморфологическими процессами, связанными с потеплением постоянно мерзлой почвы, вечной мерзлоты, и с таянием льда, содержащегося в ней. В Якутии мерзлый слой земли имеет в среднем глубину от 300 до 500 метров и может достигать 1500 метров. Его температура колеблется от -2°C до -8°C ; вечная мерзлота имеет здесь большую толщину и протяженность. Только самый верхний слой подвержен динамике замерзания-таяния. Образование термокарстового рельефа соответствует процессам таяния, вызываемым, в первую очередь, общим климатическим потеплением: ландшафт алаасов главным образом сложился в период быстротечного потепления в начале голоцена, в период 12 000-6000 лет назад тому назад. С тех пор динамика алаасов протекает медленно, в зависимости от исторической изменчивости климата (циклы потепления-похолодания) и от географической изменчивости местных условий.

Процесс создания алааса начинается с таяния льда, находящегося на малой глубине; таких мест много в глинистых лессах Якутии, содержащих много воды. Образуются полости и обвалы, которые очень скоро заполняются водой и влекут за собой явления замерзания-оттаивания, с появлением новых трещин, таянием льда в других местах и т.д. Постепенно образуется маленькое озеро, заполняемое водой поверхностного стока, берега обваливаются в увеличивающееся озеро, образуя водосточную воронку, становящуюся все более широкой и глубокой, в которую падают близстоящие деревья. Это озеро называется в якутской терминологии дёде. Постепенно берега отступают, обваливаясь и образуя холмы, в которых наблюдается высокая активность криотурбации: эти рельефы называются баай дириг (як.); когда они укрепляются, на этих возвышенностях часто располагают якутские могилы. Быстрое расширение алааса создает впадину от 3 до 10 метров в глубину, а порой и до 40 метров, ее размеры увеличиваются от нескольких гектаров до нескольких квадратных километров. Впадина имеет достаточно крутые склоны, особенно со стороны наиболее обогреваемых южных приделов алааса, где процессы происходят наиболее активно. Слияние нескольких алаасов в момент их расширения может образовывать настоящие термокарстовые долины, достигающие в длину несколько десятков километров и расходящиеся в форме лепестков из-за соединения с соседними алаасами.

В центре алааса часто имеется неглубокое озеро, которое может внезапно высохнуть в момент оттаивания почвы (в лессах нет грунтового слоя, и непроницаемый слой на дне озера образует вечная мерзлота).

Растительность распределяется вокруг озер концентрическими кругами на маленьких террасах: на дне, часто затапливаемом дождевой водой, бывают влажные луга (где косят сено), а на более сухих почвах на периферии озер находятся степные луга. Деревья на территории алаасов не закрепляются, так как сточные воды и сильное испарение в летнее время влекут за собой повышение солености почвы, которая мешает их росту и способствует росту травянистых, приспособленных к ней.

Современные термокарстовые процессы связаны, главным образом, с изменениями топографической и растительной мозаики и способом использования земель. В Центральной Якутии внешнее таяние,

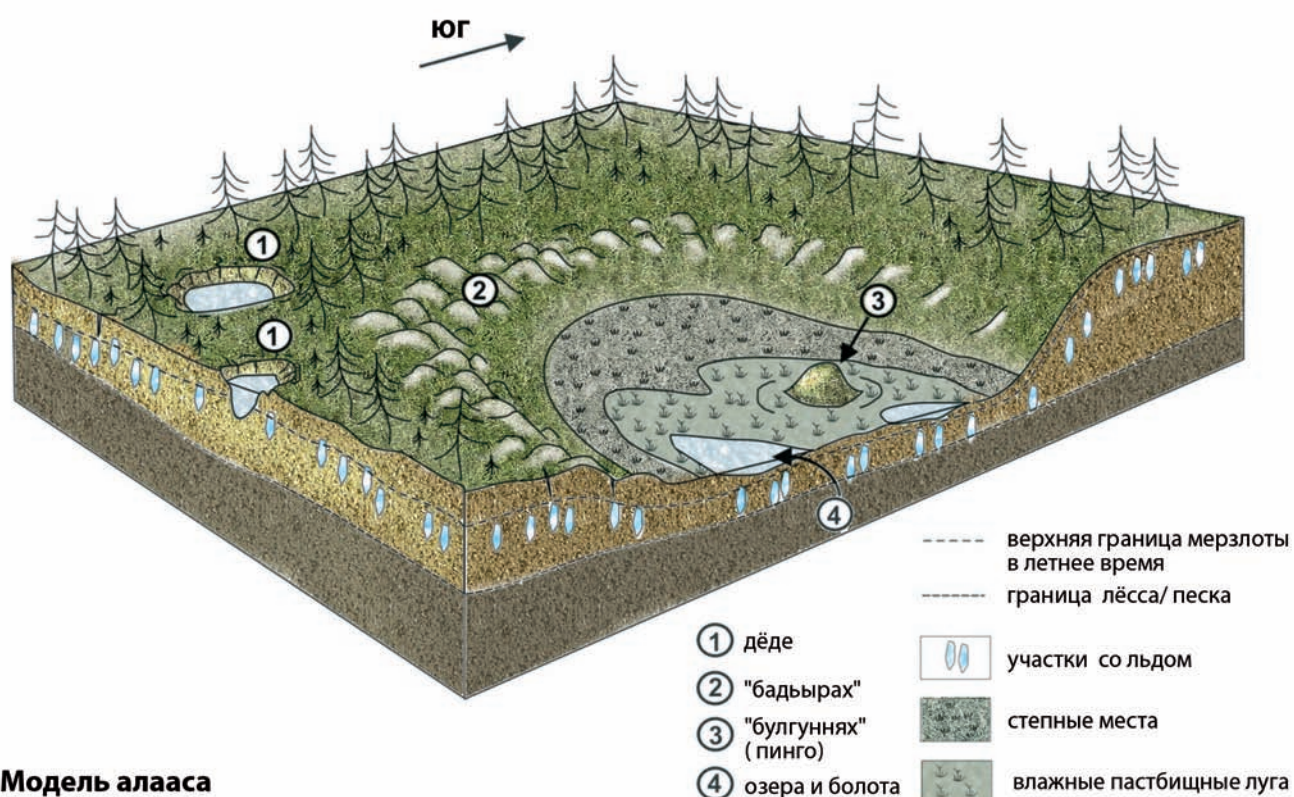
Булгунняхы – часто встречаемые в середине алааса конические возвышенности, которые поднимаются из года в год, иногда до 20 или до 30 метров. Причиной появления таких возвышенностей является увеличение подземного ледяного ядра из-за окружающих его талых вод. В географии обычно используется термин инуитского происхождения - пинго.

Conical mounds, or boulgouniakh, are frequently found in the middle of an alaas. They rise year by year, sometimes reaching heights of 20-30 m. These mounds are caused by the growth of a subterranean ice core, fed by surrounding melt water. The geographical terminology typically used for these formations is pingo, of Inuit origin.

как правило, начинается с первых дней мая и прекращается с первыми большими холодами в конце сентября.

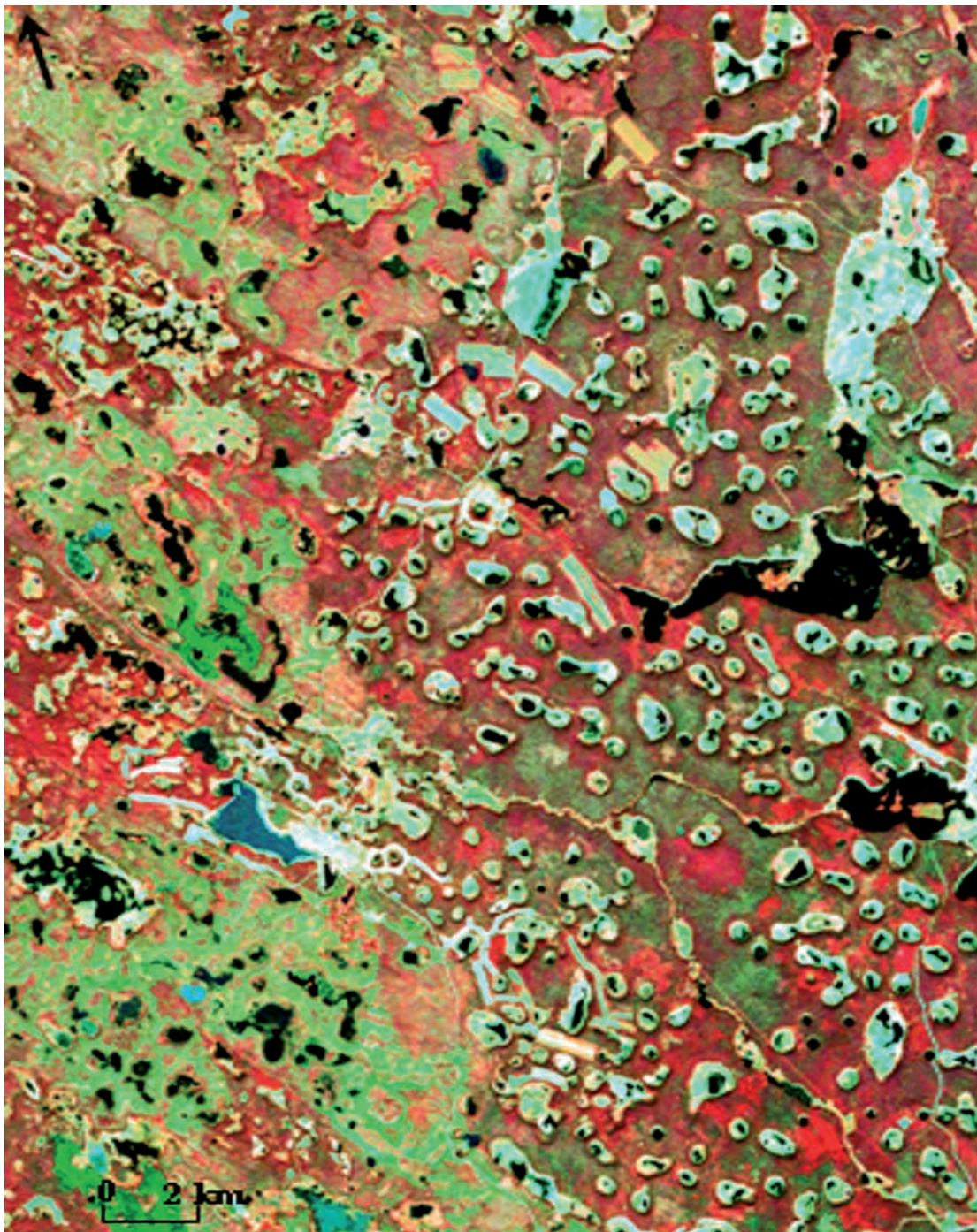
В зависимости от места, растительного слоя и экспозиции, деятельный слой (тает в течение лета) может достигать 0,50 -3,50 м глубины. Летняя граница вечной мерзлоты остается на самой поверхности под лесами с северной стороны; она оттаивает глубже под лесами, освещаемыми солнцем (от 1 м до 1,50 м), и еще больше оттаивает под лугами на южной стороне и под сельскохозяйственными лугами и пашнями. Динамика возникновения дёде может начаться внутри леса в зонах, где проходили пожары, или на распаханых полях. Обнажение почвы усиливает воздействие солнечного света, нагревание и внешнее таяние. Глыбы льда в почве начинают таять, и процесс начинается.

Климатологические исследования показали, что климат в Якутии имел циклы длиной около тридцати лет, с периодами охлаждения (в XXв. - в 1940-1960 гг.) и периодами потепления (1910-1930 гг. и, главным образом, 1970-1990 гг.). Эти циклы связаны с общими тенденциями, известными в масштабах всего Северного полушария. В 1940-1960 годах термокарстовая динамика, по всей видимости, была слаба; но в течение тридцати последних лет, которые являются наиболее теплыми с начала ведения метеорологических записей, она ускорилась, с одной стороны, с созданием многочисленных новых дёде и, с другой стороны, с осушением озер и болот внутри старых алаасов, с увеличением испарения или оттаиванием промерзшей земли. Измерения показали, что отступление берегов молодых озер могло достичь средней скорости порядка 17-25 см/год, в то время как старые впадины могли углубиться на 10-12 см/год. Моделирование позволяет предположить возможность резкого ускорения процесса, приводящего к углублению от 8 до 10 м за 50 лет и до 20 м за 300 лет (Федоров, Константинов, 2003; Брушков и др., 2004). Эти процессы связаны с летними условиями (сочетание жары и влажности ускоряет динамику), а также, по большей части, с зимним климатом. Зима с избытком снега защищает почву, температура которой остается относительно высокой, что благоприятствует летнему таянию вечной мерзлоты; и, напротив, в течение зимы без снега, температура незащищенных почв сильно снижается, что затем замедляет поверхностное таяние.

Модель алааса

Алаасы правого берега реки Лены. Стремительное расширение алааса создает глубокую впадину от 3 до 40 метров, ее территория может охватывать от нескольких гектаров до нескольких квадратных километров. Впадина имеет довольно крутые склоны, особенно с южной стороны, где имеются наиболее активные процессы. Соединение некоторых алаасов по ходу их расширения может образовать термокарстовые долины, которые в форме лепестков растягиваются на несколько десятков километров из-за соединения с соседними алаасами. Данное изображение показывает территорию алааса на высокой террасе правого берега Лены. Посреди тайги (березы выражены ярко-красным цветом, лиственницы - коричнево-красным) видна россыпь впадин, где деде, озера и болота выделены черным цветом, а лужайки алааса - голубыми и зелеными оттенками.

The alaa on the right bank of the River Lena. The rapid enlargement of the alaa created a depression, ranging in depth from 3-10 to 40m and ranging in area from a few hectares to several square kilometres. The slopes are steep, especially those south-facing, which are warmer and more active. The grouping of several alaa, due to their expansion and connection via finger-like junctions, form true thermokarst valleys tens of kilometres in length. This image shows an area of alaa on the high terrace on the right bank of the River Lena. In the middle of the taiga (birches are coloured vivid red, larches red-brown), there is a scattering of depressions where the duedes, lakes and marshes are represented in black and the meadows of the alaa in blue and green.

допускали наличия ледниковых шапок, как в Северной Америке или в Европе; только горы (Верхоянские) представляли долинные ледники. Засуха и сильные ветры повлекли за собой образование лёссов, очень тонких пылинок, сорванных с земли и перенесенных на тысячи километров; лёссы аккумулировались в мощные пласты по всей Азии (ср. желтые земли Монголии и Северного Китая). В Якутии лёссы покрыли бассейны рек Лены, Алдана и Вилюя, образовав морфологию неровных равнин и плоскогорий, едва пересеченных долинами рек, между 100 и 300 м высоты. В Центральной Якутии эти лёссы - очень глинистые и имеют свойство содержать много воды (80-90%), а значит и льда: условия большой подвижности почв, связанной с криогенными явлениями (замерзание-оттаивание, таяние или, наоборот, накопление ледяного ядра и т.д.), таким образом, очень благоприятны и объясняют масштаб термокарстовой динамики, одной из самых зрелищных в мире. Песчаные почвы (встречающиеся, в частности, восточнее реки Лены), лучше дренированные, оказываются менее чувствительными к этой динамике. В Центральной Якутии можно отчетливо увидеть изменения, с Запада на Восток, в удельном весе алаасов в связи с различными геологическими пластами.

Образование алаасов началось с послеледникового потепления 10-12 000 лет тому назад и достигло высшей точки к 5000-6000 лет, когда климат достиг более теплой фазы, чем сейчас. Затем произошло легкое похолодание, соответствующее современному климату (Anisimov *et al.*, 2002). В эти промежутки времени на центральном плоскогорье образовалось множество термокарстовых низин, в частности, в южной и юго-восточной части долины речки Татты, где встречаются алаасы, достигающие 10-20 км², образованные прогрессивным слиянием обширных низин, особенно, рядом с рекой. Но если большая часть крупных образований является послеледниковым наследством, то алаасы образуются и развиваются постоянно, это явление, существующее и поныне, хорошо известно местному населению (образование дёде -як., свежих термокарстовых низин).

Ландшафт алаасов

Таким образом, ландшафт алаасов является древним, но не стабильным, как в наше время, так и в прошлом; он также прост в своих формах и однообразен (см. текстовую вставку «термокарст»). Только большие речные долины нарушают монотонность

форм. Термокарстовые процессы определяют рельеф, но также влияют и на свойства почв, и, следовательно, на лесные, земледельческие и сельскохозяйственные возможности.

Какую среду могли обнаружить первые племена якутов, пришедшие на равнины между Леной и Алданом? Как и сегодня, это был северный лес, тайга, распространившаяся на сотни километров, состоящая, главным образом, из лиственниц (Даурская лиственница, *Larix Gmellini Kuzen*) и берез (*Betula platyphylla Sukacz.*). Во влажных зонах встречается верба (*Salix bebbiana Sarg.*), на песчаных и самых теплых участках (долина Лены) - сосна обыкновенная (*Pinus sylvestris L.*), местами - сибирская ель (*Abies sibirica Lebed*). В подлесках или на опушках встречается много видов кустарников, которые представляют ценность для сбора: ягодники (*Vaccinium vitis-idaea L.*), толокнянка (*Arctostaphylos uva-ursi L.*), кусты красной и черной смородины.

Даурская лиственница, являющаяся основной в однообразной растительности Центральной Якутии, - чрезвычайно крепкое дерево, способное выживать при сильных морозах зимой и при непродолжительном лете, оно растет даже на Севере за Полярным кругом. Это дерево выдерживает низкие температуры, а также засуху, поскольку осадки - слабые (250 мм в регионе, из которых 160-180 мм - летом). Парадоксально, что такой суровый климат позволяет расти огромному лесу, но и здесь мерзлота играет основную роль: с одной стороны, она мешает глубокой инфильтрации дождевых вод, которые задерживаются поверхностным льдом, с другой стороны, она может создать запас воды из-за летнего оттаивания подземного льда (Sugimoto *et al.*, 2002).

Естественная динамика лиственничной тайги часто организована по общему для большинства северных лесов «катастрофическому циклу», состоящему из пожаров или же отмирания, вызванного насекомыми. Отживший лиственничный лес воспроизводится с трудом; пожар порождает массовый возрождающийся цикл, начинающийся с густого посева кустиков, смешанных с березой, рост которых усиливает вытеснение старых деревьев. По прошествии 30-60 лет популяция превращается в молодой лес, результат первого естественного отбора, и, в конце концов, через 80 лет он превращается в молодой строевой лес, который будет зреть вплоть до отмирания и до нового цикла через 200-300 лет. Огонь может также регулярно осветлять лес, не уничтожая его полностью (Tsvetkov, 2004 ; Lopez *et al.*, 2006).

Здоровый лиственничный лес со зрелыми лиственницами, шишки и восстановление после пожара. Даурская лиственница является основной в однообразных лесах Центральной Якутии. Лиственница - крайне выносливое дерево, способное выживать при больших зимних холодах, при коротком теплом сезоне, за Полярным кругом. Она выдерживает низкие температуры и засуху, так как осадки редки (250 мм в год, из них 160-180 мм - летом). Удивительно, что в таком климате может расти огромный лес. Здесь важную роль играет мерзлота: с одной стороны, она мешает глубокому проникновению дождевых вод, которые задерживаются поверхностным льдом, с другой, создает резерв воды при летнем таянии льда (Sugimoto et al. 2002)

A healthy larch forest with adult trees, larch flowers and regeneration after a fire. The Larch of Dahurie grows in essentially mono-species forests in central Yakutia. It is a very resistant tree, capable of surviving the extremely cold winters and the brevity of the kinder seasons. It is also found further north beyond the Polar circle. It resists low temperatures, but also aridity since precipitation is low (250 mm in the region, with 160-180 mm in summer). It is a paradox that the constraining climate allows the growth of an immense forest, but it is the permafrost which plays a fundamental role in forest survival. Firstly, it prevents the deep infiltration of rainwater, which is retained by the superficial frost, and secondly it is a reserve of water created by the summer melting of subterranean ice (Sugimoto et al., 2002).

Среди этих лесов, безграницных источников для охоты, якуты обнаружили в алаасах также благоприятную среду для скотоводства, которая должна была очень походить на современный пейзаж, если не протяженностью, то, по крайней мере, формами и расположением. Большинство алаасов должны были уже иметь свой современный вид из-за жестких фито-экологических условий (засушливость почв, засоление), определяющих регулярную зональность в низинах. Начиная с центра алааса, чаще всего, озера, идут болота с обыкновенным тростником и ситниковыми, затем влажные луга с осокой и злаковыми растениями, густые луга со злаками на незатопленных почвах и, наконец, степи с полынью и вероникой на сухих плоскогорьях и склонах (Mirkin, Gogolevea, Kononov, 1985). Все эти растительные образования адаптированы к более или менее сильной солености почв, вызванной выщелачиванием минералов из-за дождя и таяния мерзлоты, а также испарением, далеко превосходящем слабые осадки; все это концентрирует соли в почвах. Деревья, наоборот, не способны выживать на соленых почвах; они не захватывают алаасы, которые, очевидно, сохранили травянистую растительность с самого своего образования. Влажные луга, которые легко косить, представляют собой обильный кормовой ресурс. Что касается степей, то они также являются ресурсом, широко распространенным на склонах и холмах, которые долго остаются без

Восточнее Татты: гибель деревьев, вызванная нашествием шелкопряда. Крупный план спутникового изображения зоны вокруг деревни Мындыгаи (сверху, слева, выделена цветом фуксии), расположенной на излучине реки Амга (показана черным цветом), окруженной широкими, очень влажными болотистыми лугами (желтый цвет), показывает одновременно красоту и бедствие сибирской тайги. С одной стороны, красота этой хорошо структурированной паутины (показана кремовым цветом), образующейся природным переплетением гидрографической сети. С другой - бедствие, опустошение лиственничных лесов из-за нашествия шелкопряда, масштабы поражения легко различимы. На изображении фиолетовые и красные зоны, обозначающие степень заражения (июль, 2001 г.), противопоставлены здоровому лесу (выделен зеленым цветом). Географически фиолетовая зона (наиболее зараженная) простирается на площади 16х6 км! Однако эти нашествия паразитов, как и пожары, в Сибири являются естественными явлениями. Тайга упорно борется за жизнь и регулярно восстанавливается, несмотря на сложные климатические условия, до следующего частичного опустошения из-за насекомых или пожаров..

The impact of mortality due to insect infestations, to the east of Taatta. The magnified Landsat satellite image of the area around the village of Mindagay (top-left: fuchsia), situated on the side of the meandering River Amga (black) and surrounded by the large, marsh-like, humid meadows (yellow), shows the beautiful and sinister side of the Siberian taiga. On one side beauty; the structured spider web formation (cream) creates a natural maze, a hydrographic network. On the other side sinister; the devastation of large larch forests by insect infestations. In the image, the violet and red areas indicate the level of infestation (summer, July 2001), while the green areas indicate the healthy forest. If the geographical aspect of the violet areas are assessed (the most infested), it extends 16x6 km! But these parasitic attacks, like fire, are natural phenomena in Siberia, thus, the taiga experiences a hard struggle for life as regular regeneration is cut-short due to the constraining environmental and climatic conditions.

Вид на алаас. На таких термокарстовых возвышенностях (справа) обычно располагаются захоронения.

Alaas landscape. The thermokarst mounds (right) are the chosen burial sites.

снега и могут приносить пользу стадам осенью и весной; к тому же, взрослый лиственный лес является светлым и потому обладает значительным травянистым подлеском. Наконец, очень легко расширить площадь лугов на плоскогорье благодаря пожарам. Таким образом, мозаика алаасов и тайги является, вероятно, древним ландшафтом, который изменился в зависимости от человеческого воздействия на среду: пожары, омоложение лесов вырубкой, распространение березы, растущей в сгоревших или пришедших в упадок лесах. В глубине этой территории якуты вели полукочевой образ жизни между стойбищами на летних пастбищах (где возводились большие палатки из бересты, урасы) и деревнями из деревянных, наполовину врытых в землю домов с хлевами и запасами сена, чтобы позволить скоту пережить зиму.

Ландшафт претерпел свои самые большие изменения в современное время, начиная с заселения русских земледельцев в конце XIX века и особенно в советский период и во время коллективизации. Первая фаза коллективизации была предпринята в 1920-30 годы с созданием колхозов, объединивших якутские деревни, рассеянные по тайге. После Великой Отечественной войны были созданы

объединения в форме совхозов. Они привели к организации централизованного оснащения и больших стад, собранных на фермах и в стойлах обширных размеров, развалины которых можно видеть сегодня на окраинах деревень. На протяжении всего этого периода для нужд сельского хозяйства были вспаханы участки на плоскогорьях или же в зоне сухих лужаек на террасах, почвы которых лучше подходят для зерновых культур (рожь, овес, ячмень) и для картофеля. Но при якутском климате обработка земли обычно влечет за собой ухудшение почв из-за эрозии, высыхания и увеличения солености и особенно из-за быстрого развития мерзлоты и появления термокарстовых явлений: расщелин, дёде и т.д. Некоторые исследователи считают, что 15-20% сельскохозяйственных земель, полученных в течение последних тридцати лет, потеряны из-за ухудшения условий мерзлоты (Gavriliev, Efremov, 2003). Самая большая часть зон, обработанных в 1920-30 годах, сегодня вновь превратилась в степи.

С распадом Советского Союза пастбища были перераспределены между семьями в индивидуальную собственность (но леса и обширные территории остаются по-прежнему в собственности

государства или общин). Совхозные средства производства оказались заброшенными, а животноводы в деревнях снова занялись индивидуальной деятельностью, собирая свои небольшие стада

(десяток коров на семью) в индивидуальных хлевах рядом с домами. Продолжается разведение лошадей в полусвободных условиях, они свободно бродят в алаасах и лесонасаждениях.

3.4. Якуты, этнографическое введение

Э.Май

Якуты известны также под этнонимом саха. Их язык принадлежит к алтайской семье (как и монгольский и тунгусский языки). Из всех тюркских народов они - самые северные, они поселились вплоть до границы тайги и тундры на севере Полярного арктического круга в Восточной Сибири. На территории, которая сегодня называется Республика Саха (Якутия), якутов официально насчитывается 432 290, согласно всеобщей переписи населения 2002 года, из общего числа 949 000 жителей. Площадь республики равна 3.101.200 км², на один квадратный километр приходится три человека. В Якутии живут также славяне, появившиеся постепенно с 1632 года, когда был основан Якутск, ставший сегодня столицей республики, а также другие

сибирские народности (эвены, эвенки, юкагиры и чукчи) и выходцы из бывших советских республик. До 1822 года, даты разделения Сибири на административные районы Петром Первым, Якутия не существовала как самостоятельная административная единица.

Многочисленные труды, посвященные якутскому народу, существуют благодаря этнографам, первые из которых, в большинстве, были представителями интеллигенции, отправленными царской властью в ссылку в XIX веке. Есть также работы, изданные путешественниками, такими, как Гмелин или Миддендорф. Таким образом, можно сказать, что не существует документов, посвященных этому народу, датированных ранее, чем середина XVII века.

Таинственное происхождение

Некоторые детали доказывают сегодня, что якуты пришли из другого места. Месяц март (кулун тутар ыйа) – это «месяц поимки жеребят», в то время как это действие осуществляется, скорее, в июне; месяц апрель (муус устар ыйа) – это «месяц ледохода», в реальности лед сходит с рек, в зависимости от районов, с мая по июнь. Эти детали показывают явный сдвиг в календаре, что наводит на мысль о том, что якуты сохранили в своем языке слова и выражения, относящиеся к жизни в южных широтах. Многие исследователи старались выяснить, откуда пришли якуты. Известный якутский этнограф Г.В.Ксенофонтов предложил гипотезу этногенеза якутов в своей книге под названием «Уранхай Саха» (1992). Уранхай Саха – это имя, которым якуты называют себя в эпических рассказах и некоторых легендах. Этот термин Уранхай, вероятно, предназначался для обозначения народов тюркского происхождения, живущих в районе Алтая и Монголии, сохранивших свой первоначальный тюркский язык и перенявших некоторые монгольские слова. Согласно Г.В.Ксенофонову, надо рассматривать Уранхаев как самую древнюю ветвь тюрков, живших когда-то в лесистых районах Байкала.

До настоящего времени положения формулировались, главным образом, на основе исследования лингвистики, этимологии названий народов и топонимики. Они привели к тому, что, некоторые исследователи стали считать якутов выходцами из Индии, другие – родственниками уйгуров. Однако наиболее частые гипотезы возводят происхождение якутов к району Байкала: считается,

что их предками были древние тюрки, различные тюркские племена (из Минусинска, Тобольска и Красноярска) или предки бурятов. Вероятно, их предки жили в северо-западных районах Китая, Прибайкалья и Алтая, их оттеснили к северу во время потрясений, вызванных армией Чингисхана. Эти нашествия повлекли за собой переселения групп населения в XIII веке. Не исключено, что переселений народов было несколько. Так, согласно другой гипотезе, красноярские татары сначала направились к северу, достигнув западных районов Якутии, прежде чем направиться к востоку по направлению реки Лены. По другой теории, якуты спустились по реке Лене со своим скотом.

Вот как поляк В.Л.Серошевский излагает в своей монографии «Якуты» (1896) следующую легенду: «Жил некогда, далеко на юге, человек сильный, господин богатый, по имени Джугун. Был у него сын Онохой – силач, вор, разбойник, про которого говорили, что он «восемьдесят амбаров сломал, девяносто людей убил». Приобрел он такую известность, что и теперь, когда хотят сказать о ком, что он человек смелый, вор ловкий, то говорят: «Человек, как Онохой (...)». (Серошевский, 1993, с.174). Но однажды соседи решили отомстить ему. «Услышавши, что идут с большим войском, он испугался, забрал имущество, людей, скот, жен и детей и пустился бежать» (там же). Они шли долго, затем пришли к истоку реки Лены. Онохой построил два плота, на одном он поместил скот и сел сам со своими людьми, на втором «поставил деревянные чучела, одетые в человеческое платье и вооруженные луками», напугавшие его преследователей, которые видели, что те не падают, несмотря на

Разведение рогатого скота характерно для якутов, которые окружены народами, занимающимися оленеводством. Справа – коровники в Центральной Якутии

Left: Bovid farming is a characteristic of the Yakut people, who are surrounded by people farming reindeer (Nyurbinsky ulus). Right: Stables in central Yakutia.

стрелы, вонзавшиеся в них. Онохой долго плыл на север. Он добрался до Ытык Хая, Почтенной горы, которая находится на средней Лене в районе современного Якутска. Он вышел на берег и окинул взглядом широкие луга. Тогда он решил остаться в этом месте. Он «построил дома, огородил скот, размножил людей и скотину» (он же, с.175). Позже в легенде появляется персонаж Эллэй. Придя на север после смерти отца, Эллэй во время своего бегства потерял книгу: сегодня это наводит якутов на мысль о том, что их предки обладали письменностью. Эллэй, который служит у Онохоя в течение

трех лет, получает взамен одну из его дочерей. Ему хватает сообразительности жениться не на самой красивой, а на самой плодотворной, он судит о ее способности рожать много детей по ее обильной и пенистой моче. Эллэй строит дом с окнами и зажигает дымокуры, которые притягивают лошадей и рогатый скот, защищая их от комаров. Он первый готовит забродившее молоко кобылицы (кумыс) и организует большой праздник ысыах, чтобы отблагодарить духов и воззвать к их великодушию. Персонаж Эллэй, по поводу которого существует значительный корпус текстов, сегодня считается у якутов героем-просветителем, который первым смог приумножить скот, вырезать сосуды (чороны) для питья кумыса и спеть хвалебные песни (алгыс) духам.

Скотоводы, охотники и рыбаки

Скотоводческим умениям легендарного героя якуты придают большое значение, поскольку для них животноводство является одной из двух главных экономических деятельностей. Второй, подсобной, является охота и рыбная ловля. В самом деле, рыбалка и охота считаются сходными, в связи с поиском животных, поимка которых никогда не обеспечена заранее.

В начале некоторых эпических произведений герой является охотником. Но это считается предварительной стадией, и он никогда им долго не остается. Эти стихи больше воспевают богатство героя, состоящее из стад белых лошадей и черных быков. Якуты разводили рогатый скот и лошадей, которые поставляли им одежду, пищу и служили средством передвижения. Тем не менее, охота на лося, дикого оленя, зайца или утку составляли значительный экономический вклад. Баланс между охотой и скотоводством никогда не был постоянным: и тот и другой вид деятельности, по очереди, преобладал в зависимости от обилия дичи и благоприятных условий для создания запасов сена.

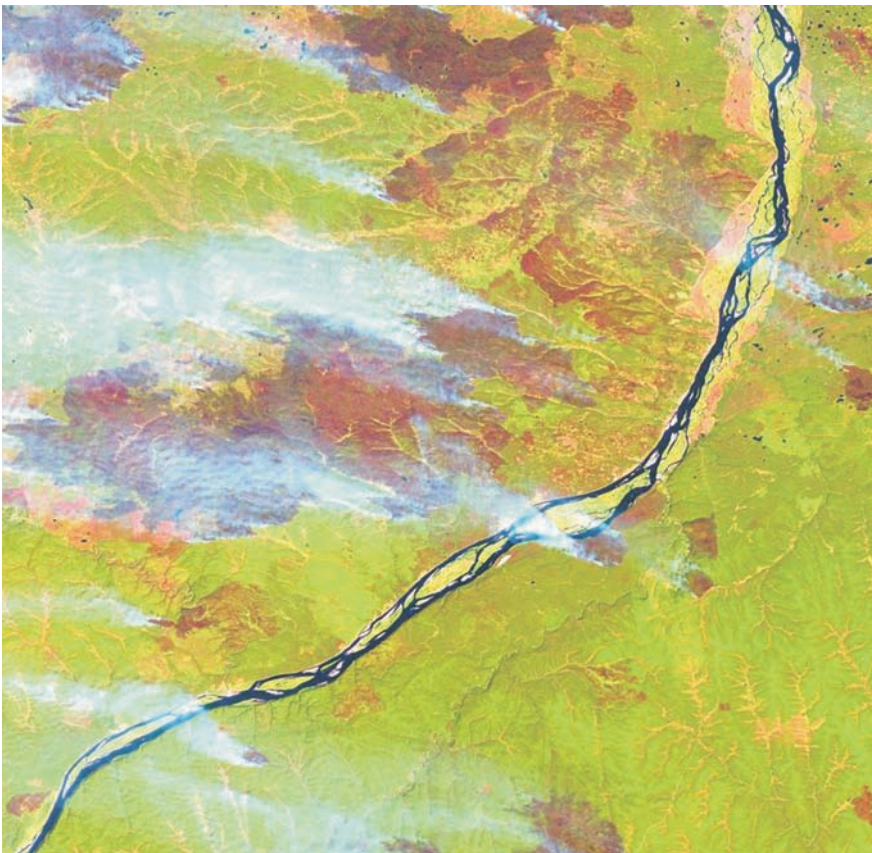
Охота и рыболовство являются вторым видом хозяйственной деятельности якутов. Необходимые снасти рыболова - сеть, лом для прокалывания льда зимой и «сачок для очистки» «льдинок». Карася (из семейства карповых) ловят летом в озерах Центральной Якутии.

Hunting and fishing are the second most important economic activities of the Yakuts. The equipment indispensable for fishing are the net, the pick for breaking the ice in winter, and the 'nets' for evacuating the 'ice cubes'. The crucian, the cousin of the carp, is fished in the lakes in summer.

Якуты нашли место идеальной жизни в алаасах. Этот большой луг в тайге, снабженный источником воды, позволял им разводить животных и охотиться в прилегающем лесу. Таким образом, они могли вести двойной образ жизни, одновременно близкий образу жизни скотоводов степей Центральной Азии, потомками которых они были, и образу жизни народов - охотников и рыбаков, населявших Якутию задолго до их прибытия и ставших частью якутского населения.

Даже если якуты предпочитали скотоводство, надо сказать, что не все имели много скота. Некоторые даже вовсе не имели и были вынуждены ловить карасей (рыба семейства карповых) в озерах алаасов, так что слово балыксыт (як.,рыбак) стало синонимом слова «бедняк». Так, в юридических текстах XVII века различались «бедняки и не имеющие скота» и «богатые и имеющие скот». Наряду с этим С.А.Токарев отмечает, что в 1740 годах население могло классифицироваться следующим

*Тайга во власти многочисленных периодических пожаров. 19 августа 2002 года спутник Landsat пролетал над Якутией на высоте 705 км, в тот самый момент, когда свирепствовал огромный пожар на юго-востоке от Якутска, пожравший сосны, лиственницы, березы, травянистые растения высокой террасы. Синеватый дым заслоняет землю. Гигантский пожар усиливается восточным ветром. Создается впечатление, что ничто не может его остановить; многочисленные очаги (видимые на изображении) кажутся очень живучими, в то время как огонь уже прошел и «проглотил» все эти лесные зоны (в коричневом цвете), в том числе зону в центре изображения длиной... 120 км! Часто после пожаров сокращаются лесные ресурсы для местного населения. Розовый купрей (*Epilobium angustifolium*) начинает заселять сожженные и оголенные территории, защищая, таким образом, почву до появления новых ростков лиственницы.*

*The taiga has been victim of repeated outbreaks of large fires. On 19th August 2002, the Landsat satellite flew over Yakutia at an altitude of 705 km, during a large fire southeast of Yakutsk, which burnt pine, larch and birch trees, and herbaceous vegetation on the high terraces. The pale-blue smoke slightly obstructed ground visibility. The giant raging fire was stirred up by an easterly wind and nothing was able to stop it; the multiple points of origin were active (countable on the image) and the fire spread, burning all the forested area (brown colour) including one in the centre of the image which measured 120 km in length. Soon after the fire, which had fragmented the forest and reduced wood resources for the local population, the rosebay willowherb (*Epilobium angustifolium*) spontaneously colonised the burnt area, to form a dense and very colourful cover, protecting the ground before the growth of new larch saplings.*

образом: Баай, богатый, Мунг-Ат-Баай, очень богатый, кто не знает количества коров и лошадей, которыми владеет; Орто-Баай, тот, у кого пять-шесть стад; Босак-ытыктах, имеющий одно или два стада; Осин-Тёхё тардах, тот, у кого одна или две коровы; последнего называли также балыксытом. В то же время Елисей Реклюс писал: «Якуты едят мясо и предпочитают конину, но они очень дорожат жизнью своих животных и убивают их только во время больших праздников».

Кочевой народ ?

22 июня 1822 года по высочайшему указу М.М.Сперанский провел классификацию местных народов Сибири, основываясь на их укладе жизни и выделил три категории, в зависимости от того, занимались ли они охотой, экстенсивным скотоводством или земледелием. Он выделил сначала тех, кто жил постоянно на одном месте и занимался, главным образом, земледелием, и назвал их оседлыми. Дальше шли кочевники, жившие в юртах, менявшие место обитания в зависимости от времени года и занимавшиеся только разведением скота. К третьей категории принадлежали бродячие народы, которые содержали многочисленные стада оленей, возили с собой свои юрты, а также все свое имущество, переезжая из стойбища в стойбище через густые леса, питаясь мясом животных и рыбой.

Отнесение якутов к одной или другой из этих категорий является, все же, проблемным. Конечно, поскольку они не очень часто занимались

разведением оленей, они не принадлежали к классу бродячих. Они были отнесены Сперанским к категории кочевников. Якуты меняли место проживания в течение года, по сезонам. Согласно источникам, в прошлые времена они переезжали четыре раза в год: у них была зимняя юрта (кыстык), весенние юрты (саагыыр), летнее жилище (сайылык) и осенние пастбища (отор). В сентябре, «месяце юрты (балаган)» (балаган ыйа), якуты проводили четыре недели на оторе (як.), обильном луге, предназначенном для откорма животных. Временные весенние и осенние жилища, саагыыр и отор, были постепенно забыты. С развитием крупного рогатого скота, который сложнее кормить и доить, стал преобладать оседлый образ жизни. Якуты постепенно ограничили кочевой образ жизни, доведя количество мест обитания до двух: зимнее жилище (кыстык), где они жили в деревянном строении с наклонными стенами, покрытыми смесью земли и навоза (балаган), и летнее жилище (сайылык) – строение конической формы, покрытое берестой (ураса). В связи с коллективизацией 1920-1930 годов якуты были вынуждены покинуть природу и окончательно устроиться в деревнях. В наше время скотоводство стало профессией, и только те, кто им занимаются, ведут образ жизни своих предков.

История родов

Понятие рода и потомства очень важно для якутов. Согласно источникам, два разных рода постоянно жили на одной и той же территории. С.А.Токарев пишет, что в XVII веке каждый род был разделен на

Край большого алааса на западной террасе Якутска с мертвыми лиственницами. Наличие плотного белого слоя пушицы болотной – *Eriophorum angustifolium* – говорит об очень сильной влажности.

The border of a large alai with dead larch trees, on the western terrace of Yakutsk: the dense white cover of the common cottongrass (*Eriophorum angustifolium*) reflects the very high humidity.

Центральная Якутия и Вилюй : сходства и различия

Жиль Селлерон

Вилюйская группа районов и районы, расположенные между реками Лена и Амга, несмотря на разделяющие их 820 километров, очень схожи как в почвенном плане, так и в растительном, не говоря уже о континентальных климатических условиях с температурными амплитудами, нередко достигающими 95°C (-60°C зимой и + 35°C летом). В обоих случаях наблюдаются слабые осадки, в редких случаях достигающие 300 мм/год, а также эвапотранспирация. Снежный покров, выполняющий защитную роль, незначителен.

Таким образом, преобладают «вечномерзлые почвы тайги». Они подразделяются на оподзоленные луговые почвы, почвы, насыщенные углекислым газом и соленые почвы. Последние преобладают в части излучины реки Вилюй, в районе Булгунняхы, и по всему правому берегу – от Сунтара до Нюрбы, там, где множество озер. Вся долина реки Татты и сам Таттинский район содержат преимущественно соленые почвы, даже в местах, где расположены алаасы.

Алаасы, имеющие зачастую огромные площади, являются очень ценными источниками трав для пастбищ и ежегодных сенокосов. В обоих случаях наблюдается идентичная динамика, свойственная степным растительным образованиям: побочный поверхностный сток – довольно значительный, несмотря на скудные осадки – способствует подъему соли вплоть до образования настоящих поверхностных корок, которые постепенно вытесняют растительность. В других местах – зона тайги, повсюду Даурская лиственница (*Larix Gmelinii*), неприхотливая порода, очень выносливая, приспособленная к холодному сибирскому климату, избегающая соленых почв. Сосны обыкновенные, ели (преимущественно на песчаных почвах), березы, вербы, болотистая растительность местами нарушают однообразие ландшафта.

Самые большие озера Чурапчинского района находятся, главным образом, на всем протяжении долины реки Татты. Их диаметры могут составлять 300-700 м, самый большой достигает 1300 м. Наблюдается изобилие маленьких алаасных озер. Их размеры очень разные: примерно от 30 до 130 метров. В некоторых алаасах нет никаких озер: это явный признак развития давнего высушивания, поскольку эти озера не связаны ни с каким горизонтом грунтовых вод.

Они расположены, главным образом, на неровных и возвышенных террасах, чаще в центре алаасов, но также и в тайге.

В среднем течении Вилюя ситуация другая. Средний размер многочисленных озер составляет примерно 1600 м. Многие из них являются даже «гигантскими», достигая 2700 м. в диаметре. Алаасные озера также представлены в русле и на аллювиальных террасах, но встречаются намного реже в лесных покровах, по крайней мере, в географически значительных секторах. Зато в некоторых алаасах имеются очень большие озера. Вероятно, эта особенность связана с геоморфологическими и топографическими условиями, установившимися с конца ледникового периода.

Восточные террасы реки Лена представляют собой более узкие долины, изрезанные на плоскогорьях на множество склонов, поскольку освещенные солнцем склоны больше подвержены термокарстовым явлениям замерзания-оттаивания. В среднем же бассейне Вилюя террасы – более ровные и однородные (высота - 250-300 м.), асимметричное русло реки с плоским дном (средняя высота – 140 м.) – очень широкое. Это русло формировалось и постоянно расширялось из-за бесконечных блужданий русла Вилюя, слепые рукава которого окружают озерные пространства. Так что плотность и поверхностное изменение этих озер становятся более сложными: одни имеют термокарстовое происхождение, другие являются эрозионными озерами из-за климатических колебаний и пространственного развития, свойственного Вилюю; некоторые озера появились из-за неоднократных соединений обеих причин.

Итак, есть некоторое сходство между алаасными ландшафтами Центральной Якутии и Вилюя. В Центральной Якутии алаасы лежат в основе человеческой деятельности, и на Вилюе они интенсивно осваивались, о чем свидетельствуют кладбища XIX века, находящиеся рядом с ними. Тем не менее, их значительно меньшее количество на Вилюе побуждало поселившихся там людей либо к уменьшению удельного веса деятельности, либо к изменению образа жизни, поскольку травяных ресурсов было меньше, а прибрежные луга часто затоплялись.

два. Эти родовые разветвления дали свои имена различным округам во время организации территории русскими, которые даровали титул господина (тойон) уже влиятельным богачам (баай).

Благодаря разделению общества на половины, два мужчины из разных родов могли обмениваться сестрами. Был и другой способ получить жену. Якут, недостаточно богатый для того, чтобы расплатиться за невесту, мог на несколько лет наняться на службу к своему тестю. Замужество происходило быстро: как только вестник семьи жениха передавал предложение отцу невесты, невеста отправлялась с сопровождением к жилищу своего мужа. Якутская пословица гласит: «невеста имеет цену». Для якутской семьи, чье имущество передавалось сыновьям, выдать замуж дочь означало одновременно и облегчение и потерю рабочих рук.

В XVIII веке самые богатые якуты, а также шаманы, имели иногда несколько жен. При этой неофициальной полигамии признавалась только одна законная жена, но допускались и другие, в обязанности которых входил уход за крупным рогатым скотом супруга. Семьи жили в нескольких километрах друг от друга, поэтому как одни, так и другие имели достаточные пастбища и охотничьи угодья.

Духи, поставляющие дичь, и духи—предки, дарующие скот

Поскольку охота и скотоводство соответствуют двум различным, но взаимодополняющим экономическим системам, то они также соответствуют и двум различным системам мышления. Якуты считают, что природа заселена духами-хозяевами (иччи). В любой вещи есть дух, но самые сильные духи — это духи огня, воздуха, земли и воды. Дары им приносятся ежедневно и позволяют людям заручиться удачей и благосклонностью духов различных мест, через которые они проходят. Некоторые духи-хозяева считаются владельцами дичи, способными дарить людям диких животных. Именно к ним обращается охотник в охотничьем шаманизме, чтобы получить удачу в поисках дичи. К другой категории духов относятся айы (як.) покровители, которые, в соответствии с пастушеской системой мышления, должны поставлять домашних животных. Наличие двух разновидностей духов представляет основное различие в обеих системах якутского мышления, делящегося на охотничий шаманизм и скотоводство.

Духи также приносят души для рождения не только скоту, но и людям. Русские и якутские этнографы передают термином «душа» понятие кут. Все сходится на том, что, согласно якутским понятиям, человеческая душа состоит из трех элементов: ийэ кут, мать-душа; буор кут, душа-земля и салгын кут, душа-воздух. По Кулаковскому, мать-душа — самая важная, поскольку она даруется духами в само тело матери во время зачатия ребенка. Мать-душа может покидать тело. Она может входить в другой предмет: так, шаман может поместить свой кут в

Якуты содержат домашних лошадей на вольном выпасе, где они сами себе добывают пропитание, даже зимой. Когда лошадь требуется для хозяйственных работ, ее отлавливают и запрягают..

The Yakuts retain the wild character of their herds. They leave their horses to roam freely, so that when they need to mount them, it can occasionally take them a while to relocate them.

свой бубен. Именно кут могут похитить злые духи болезни абаасы. Абаасы может похитить душу-землю, находящуюся рядом с человеком. После смерти кут-мать возвращается к духам айыы, кут-земля превращается в пыль, а кут-воздух - в воздух. В дохристианской якутской системе мышления не существует идеи «рая» в смысле места, где души жили бы постоянно. Предполагается, что после смерти душа направляется на некоторое время к миру мертвых, расположенному вниз по течению реки, затем присоединяется к группе душ. Оттуда она возвращается в мир живых и воплощается вновь в другом теле через одно или два поколения.

Посредническая роль шамана

В якутском обществе шаман был значительной личностью. Его роль меняется в зависимости от того, исполняет ли он ритуал, связанный с охотой, или ритуал, касающийся духов дарителей скота. R.Namayon показала, что в охотничьих обрядах роль шамана состоит в том, чтобы просить удачи во время охоты у духов, которые считаются у народа саха равными людям, и устанавливать воображаемое отношение с духом-хозяином леса через брак с его дочерью. Именно этот брак шамана от имени общества позволяет охотникам добыть дичь.

В ритуалах, посвященных духам скотоводства, роль шамана иная. Духи покровители айыы, многочисленные по своей природе и по наименованиям, в якутском пастушьем шаманизме считаются предками. Следовательно, здесь уже отношение не равенства, а родственной связи, содержащей в себе потенциальное значительное превосходство духов над человеческими существами, которое, начиная с XVIII века, послужит основой для постепенного укоренения христианского Бога. В обрядах, посвященных духам айыы, дарителям крупного рогатого скота и лошадей, шаман «просит» их даровать плодovitость и изобилие одновременно и людям и домашним животным. В связи с этим шаман производит жертвоприношения духам. В виде жертвоприношения (ытык) выступает живое животное. Жертвенные животные не должны больше иметь контакта с человеком, их отстраняют от случки, от доения или же от ежегодной стрижки гривы. Целью ытыка является благодарность духам и просьба об изобилии стад. Жертвоприношения же (кэрэх) предназначались для того, чтобы прогнать духов, неудовольствия которых якуты боялись. Жертвы приносили во время обрядов исцеления, чтобы

изгнать абаасы, которому приписывалась причина болезни, или же в погребальных обрядах, где забитый скот должен был достичь айыы или абаасы. Это различие между ритуалами, посвященными двум антагонистическим категориям духов, легло в основу разделения, осуществленного в XIX веке этнографами, на «белый шаманизм» для духов айыы и «черный шаманизм» для духов абаасы.

Якуты и лошади

Кульť лошадей играет центральную роль в культуре якутов. Лошади представляют исключительный предмет обмена не только между людьми, но и в воображаемых отношениях с духами. Ценимые больше, чем рогатый скот, они чаще его приносятся в дар айыы, которые, как считается, тоже владеют стадами; когда же речь идет об абаасы, дело обстоит наоборот. Разводя лошадей, якуты сохраняют в своих стадах дикий характер, кормя сеном только самых слабых или самых молодых и позволяя животным бродить по алаасам и в тайге. Даже верховых животных, как только те завершают путь, выпускают на волю спустя несколько часов, так что якут, которому нужна лошадь, должен иногда долго ее искать, порой в течение нескольких дней.

Именно эта способность лошади переходить из образа домашнего животного в образ дикого превращает его в самое значимое животное для якута, скотовода и охотника. В некоторых обрядах шаман ведет себя, как лошадь, считая себя в то же время всадником. В костюме якутского шамана действительно присутствуют ремни на спине, называемые «поводья», которые держит помощник кутуруксут (як., тот, кто держит хвост, кутурук). В то же время шаман, «переодетый в лошадь», держит бубен, который он называет своим «диким верховым мерином» и на котором он совершает воображаемую поездку к духам. Всякая идея покорения лошади отвергается в якутском шаманизме, где обряд должен позволить установить контакт с духами, населяющими природу. Именно благодаря своей независимости и своему характеру, одновременно близкому как людям, так и «дикой» сфере, лошадь может представлять собой помощника-двойника шамана, равнозначного животным тайги, обладающим самой большой жизненной силой, таким, как лось или дикий олень.

Эта независимость лошади воспета в якутском эпосе (олонхо), где верховая лошадь героя никогда ему не подчинена. В эпических произведениях лошадь является для своего всадника другом и совет-

чиком, которого подобает слушать, чтобы избежать злосудных. Герой старается не подвергать ее бессмысленному риску во время поисков жены, которые приводят его в «нижний мир». Он никогда не ведет туда свою лошадь. Лошадь уходит пастись на зеленых лугах, но немедленно возвращается, когда герой нуждается в ней. Лошадь - больше, чем простой двойник героя, она, кажется, играет роль символического родственника. Она осуществляет действия младшего брата героя, если тот его имеет, или заменяет отсутствующего мужа или брата для героини.

Развитие общества

Со временем якутское общество изменилось. Оно никогда не было застывшим, и известные сегодня эпические произведения могут рассматриваться не как свидетельство жизни народа саха до их поселения на современной территории, а как со-

единение старинной повествовательной формы, передачи памяти о том, какой была жизнь якутов в предшествующую эпоху и отображения в прошлом современной жизни рассказчика. Образ лошади, вероятно, также изменился. Ничто не доказывает, что лошадь имела во все времена одинаковую значимость в мышлении якутов.

В начале XXI века символика лошади приобрела значительный размах. Претерпев изменения, связанные с приходом на их земли русских в середине XVII века, затем потрясения, вызванные коллективизацией 1920-1930 годов, и репрессии шаманов, объявленных «врагами народа», якуты стали свидетелями падения Советского Союза в конце 1990 годов. Начиная с этого времени, культура, подавляемая в течение семидесяти лет, стала предметом гордости якутов, которые снова утвердились в качестве саха, потомков тюрко-монгольских народов степей Центральной Азии, заменив название «якуты», данное им русскими,

Сибирь ограничена на юге непрерывным рельефом, начинающимся с иранского плоскогорья на западе и заканчивающимся на востоке Алтаем. Этот рельеф включает наиболее высокие вершины мира и физически разделяет два мира: на севере - сибирский, на юге - индо-китайский.

Siberia is bordered in the south by continuous relief, starting with the Iranian plateau in the west and ending with Altai in the east. The relief includes the highest peaks in the world and separates two worlds: a Siberian world in the north and an Indian and Chinese world in the south.

услышавшими его от соседних тунгусских народов. В этом процессе культурного возрождения, которое затронуло также представителей других республик бывшего СССР, лошадь была возведена народом саха в культурный символ, и ее изображение было нанесено на герб Республики

Саха (Якутия). Шаманские обряды возрождаются в новой форме в столице, и якуты обращаются к наследству своих предков, подчеркивая неразделимость саха и лошади, поскольку оба считаются, согласно современному народному мышлению, сыновьями Дьёсөгёя, духа-покровителя лошади.

3.5. Восточная Сибирь, географическая и человеческая интерпретация

Э.Крюбези, Ж.Селлерон и Ж.-П.Метейе

Географическая интерпретация

Сибирский мир можно разделить на три большие биогеографические единицы: лесостепную полосу на юге, занимающую предгорье рельефов, огромную центральную зону тайги и пространство тундры, локализованное grosso modo за арктическим Полярным кругом.

Восточная граница сибирского мира весьма своеобразна, поскольку на спутниковом изображении видно, что лесостепная полоса заканчивается на озере Байкал, похожем на зарубку, перерезающую эту полосу и заканчивающуюся на рельефах рядом с зоной тайги. Таким образом, к западу за озером Байкал начинается другой мир. Российские авторы, лучшие знатоки территории, не ошиблись, относя эту часть не к Сибири, а к Дальнему Востоку, граница которого идет примерно вдоль линии рек (особенно Амура), впадающих в Ледовитый и в Тихий океаны. Тем не менее, в отличие от российских авторов, мы склонны ограничить эту зону соприкосновения долиной Амура и побережьем Тихого океана, относящегося к Японскому морю, поскольку остальные части (Охотское море, Камчатка, остров Сахалин и Курилы) имеют иногда больше сходства с северной тундрой, чем со степями или тайгой.

Другой критерий - климатические условия - может подтвердить нашу позицию по разграничению Дальнего Востока от Сибири. Уже выявлено зависящее от северного полюса климатическое различие между «арктическим континентальным климатом», который соответствует огромному пространству Сибири, вплоть до Якутии, и более локализованным «арктическим океаническим климатом», распространяющимся от Дальнего Востока до Аляски.

Западная граница сибирского мира более расплывчата. Если считать, что одной из харак-

теристик Сибири является континентальный и холодный климат, то можно предположить, что осуществляется постепенный переход от севера Восточной Европы (выше Альп) к обширным равнинам Восточной Европы и от России (менее континентальной) к Сибири, обычно ограничиваемой Уралом. Тем не менее, эта горная цепь, хотя и простирается на 2000 км от Балтийского моря, за исключением ее наивысшей точки (гора Народная – 1894 м), представляет собой во всей своей центральной части, скорее, широкое мало возвышенное плоскогорье, усеянное многочисленными перевалами. Урал является больше исторической границей, чем физической, его переход не является сам по себе великой преградой. Поэтому, согласно такой географической интерпретации, мы отказываемся от классической границы между Европой и Азией на уровне Урала. Мы предпочитаем говорить об азиатском континенте, расположенном южнее вышеупомянутой границы и на Дальнем Востоке.

Лесостепная полоса, расположенная севернее границы между сибирским и азиатским миром, оканчивается на Дальнем Востоке, где уже чувствуются воздействие Тихого океана и совершенно другая экология. На западе эта полоса выходит на Черное море и на Европу, через долину Дуная. Условия для перемещения с востока на запад или в обратном направлении в этой, в конечном счете, ограниченной полосе благоприятны, и, если торговля с азиатским миром представляет трудности, то именно здесь она и осуществляется. Однако отметим сразу, что, если торговля через горные вершины и перевалы все же возможна (ни одна территория не бывает абсолютно враждебна для человека), то торговля через Дальний Восток стоит на первом месте. Ведь озеро Байкал физически врезается в лесостепную зону, и его можно легко

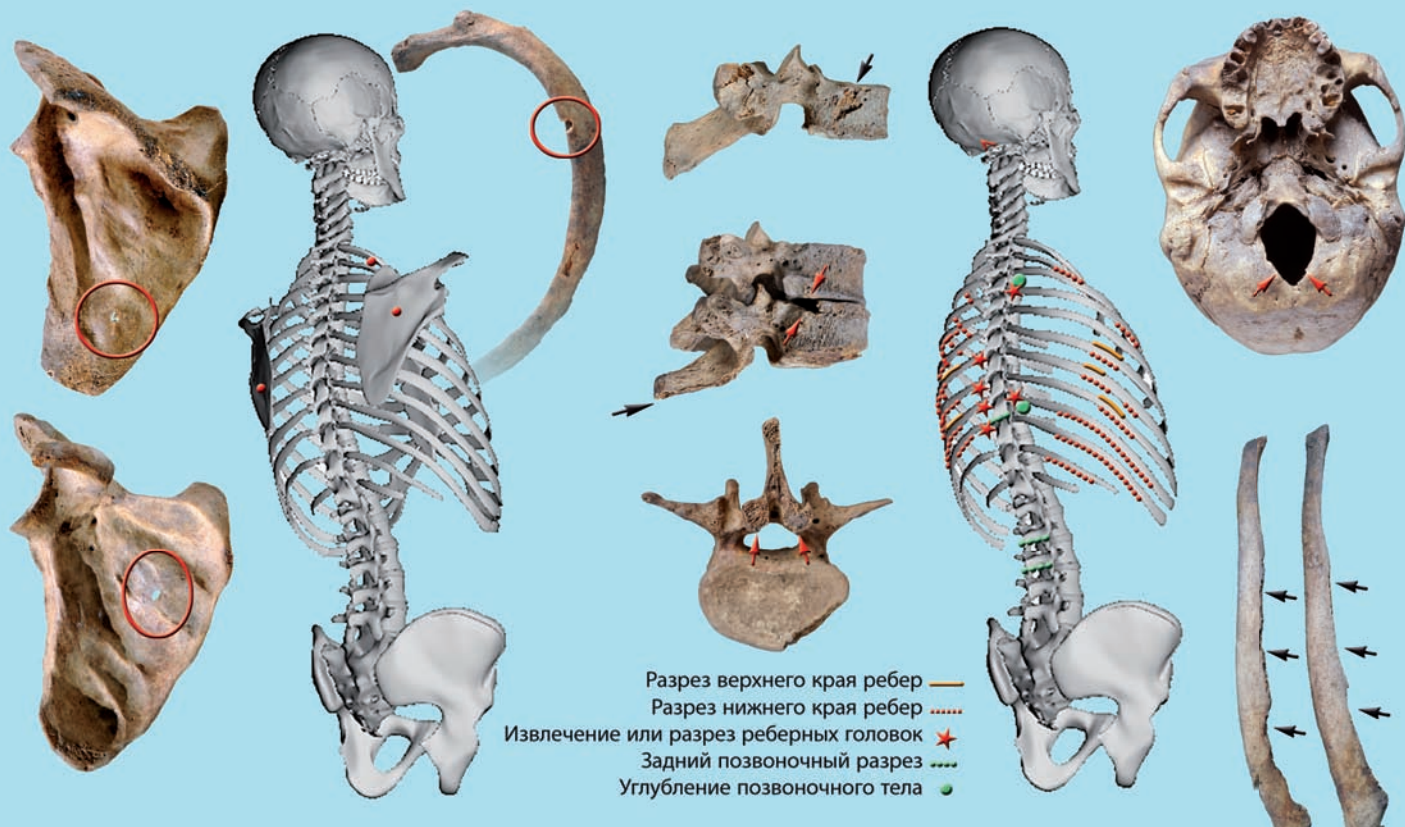
Погребение Тымпы

А. Жеро, Л. Алексеева, С. Дюшен, В. Попов, Д. Николаева, О. Гарифуллина, Э. Крюбези

Погребение Тымпы (Вилуй), расположенное на окраине алааса, датировано методом радиоуглеродного анализа 1640-1690 годами. Погребальный обряд захороненного мужчины является уникальным, кроме того, не имеется никакого сопроводительного инвентаря. Его материнская линия очень часто встречается в Якутии, а отцовская линия соответствует линии глав рода Центральной Якутии и Вилуя XVIII века. Следовательно, речь идет о представителе якутской элиты, социальной верхушки.

Пожилой мужчина покоится на спине, голова повернута на запад. После кончины он был разрезан на несколько кусков, брюшная полость была набита соломой и сосновой корой. Изучение тела показало, что внутренности грудной клетки, без сомнения, были извлечены через брюшную полость; межреберные мышцы были также извлечены и входы к головному мозгу и спинному мозгу были изменены. Все это позволяет предположить бальзамирование умершего. Положение костей с правой стороны связано с положением тела в погребении, так как бальзамирование не поддерживало больше тело умершего. К тому же он имеет многочисленные перфорирующие и острые повреждения либо полученные до кончины, либо послужившие причиной смерти.

Данное погребение напоминает, с одной стороны, скифские погребальные обряды глав родов Алтая железного века, описанные Геродотом, с другой стороны, некоторые тунгусские обряды погребения шаманов, описанные в начале XX века. В обоих случаях, тело, после извлечения мышц и головного мозга, мумифицировалось, иногда в спину вставлялись деревянные бруски (один или несколько) для поддержания тела. В таком виде оно могло использоваться во время обрядов иногда довольно долго (иногда в качестве идола), прежде чем быть преданным земле. Данное погребение отражает либо такие древние обряды, которые якуты унаследовали от своих тюркских предков и которые затем исчезли, либо такие погребальные обряды они переняли на Вилую у тунгусов. На данный момент мы не можем определенно ответить на эти вопросы.

Локализация прободающих и острых поражений на скелете Тымпы.

Locations of the perforating lesions on the Tympy skeleton.

Фотомонтаж всех частей ящика-гроба из погребения Тымпы.

View of all the elements found in the Timpy coffin.

пересечь зимой (даже на поездах, положив рельсы на лед, что иногда делается). А главное, его можно обогнуть на юге, т.е. по территории современной Республики Бурятия и Северной Монголии, которая выше пустыни Гоби остается полностью в вышеописанной лесостепной полосе. В экологическом плане эта лесостепная полоса может быть пригодна для земледелия и скотоводства, тем более, что, если уйти от континентального климата, то видна большая разница между предгорьями Тяньшаня, садами Алматы и монгольскими степями. Тем не менее, степной и континентальный характер не в чести у оседлых народов, и именно в этой зоне мира, вскоре после появления земледелия, родилась новая культура – кочевых пастушеских народов. Приручив лошадь, эти народы перегоняли свой скот (овец и коров) с места на место на четко определенных территориях, кочуя в течение года с пастбища на пастбище, которые даже могли находиться на расстоянии 500 километров друг от друга, как, например, было в Монголии в начале XX века.

Огромные пространства тайги, занимающие миллионы квадратных километров между зоной степей и зоной тундры на севере, представляют собой лес с негниющими мертвыми деревьями, устилающими почву, с множеством озер. В экономическом плане, несмотря на то, что земледелие с использованием современных средств по-прежнему возможно, тайга была и остается большей частью областью охоты зимой и осенью (перелетные птицы) и сбора ягод летом. Кроме того, в разные периоды (в том числе и недавние) там успешно занимались оленеводством. А priori, в этой зоне трудно перемещаться, но нужно учитывать водные источники, особенно, большие реки (Обь, Енисей, Лена), текущие с юга на север, которые все еще, а может быть, и особенно в наши дни, являются настоящими зимними автомагистралями, а летом они вполне судоходны. Они представляют собой пути проникновения в тайгу с юга на север вниз по большим рекам и вверх по их притокам.

Северная зона (тундра) занимает весь север Сибири. Она могла бы быть продолжена по своему западному побережью под Берингией, в частности, Охотским морем и по Камчатке, где условия жизни иногда схожи. Население занимается оленеводством и/или охотой. Передвигаться по тундре явно затруднительно, но зимой можно даже на длинные расстояния, а также возможно сообщение через тундру с южными народами.

Последствия географической интерпретации в отношении населения

Из нашей интерпретации географии Сибири следует, что в южной лесостепной полосе ничто не препятствовало (с экологической точки зрения) перемещениям народов и генным потокам ни в направлении восток/запад (от Байкала к Каспийскому морю, и даже дальше, к Европе), ни в направлении запад/восток из Европы до озера Байкал. Наша географическая и экологическая интерпретация подсказывает нам, что Урал не является естественной границей Европы (он, прежде всего, историческая граница), и что естественная граница может быть продлена полосой, ограниченной на севере зоной тайги, до пространственного комплекса Алтай/Байкал. Эта зона, видимо, очень подходит для обменов между азиатским и европейским континентами, с одной стороны, в районе озера Байкал, где по-прежнему возможны значительные потоки, и, с другой стороны, способом а priori менее значительным, через перевалы Тяньшаня, Алтая и т.д. Если эта зона была областью азиатского населения в историческую эпоху (откуда и его закрепление в Азии), то она становится все более и более европейской с XVII века и с приходом русских, поскольку европейцы там представляют в наше время местами более 50% населения. По такой логике, эта зона могла быть временами больше европейской, чем азиатской, о чем и говорят проведенные нами генетические исследования народов бронзового века и железного века. Такие замены населения, если они имели место, а все побуждает этому верить, должны были привести к значительным демографическим потокам. Особенно в XX веке, помимо прихода русских, повлекшего за собой пост-дженнеристскую демографию и стремление населения к массовым перемещениям, эти потоки необходимо в будущем объяснить в терминах демографических перспектив. При этом экономический образ жизни населения не противодействует, а наоборот, способствует перемещениям на расстояния. Пока что можно выдвинуть гипотезу, что только переход к неолитической культуре (в социо-экономическом смысле) мог бы объяснить большую долю процентного соотношения населения европейского происхождения в этой зоне в бронзовый век и в железный век.

По этой же логике, зона тайги могла быть заселена только с юга по большим рекам или же (в том, что касается ее самой восточной части) с востока

через долину Амура, и вполне возможны контакты между этими двумя зонами в историческую эпоху. Границы раздела с южной лесостепной зоной могли быть, наряду с этим, очень изменчивыми в зависимости от изменений климата.

Что касается северной зоны, то географические последствия определить сложнее. Сегодня большинство специалистов согласны с тем фактом, что предки якутов оставили свою первоначальную родину на юге Сибири и мигрировали к северу

по течению Лены этапами или волнами, разделенными друг от друга несколькими десятилетиями, и даже, несколькими веками. Однако существуют многочисленные расхождения по поводу точного местонахождения первоначальной родины якутов, установления времени миграций, пройденного маршрута и установления этнических составляющих, вовлеченных в этногенез якутов. Скажем сразу, что в данный момент наши результаты не всегда позволяют ответить на эти вопросы.

3.6. Сибирь и коренные народы

М. ле Бер Семенов

Коренными народами Сибири являются группы людей, жившие в восточных и северных районах России в течение веков, и даже тысячелетий, до прихода на эти земли русских первопроходцев. До этого периода местные народы развили свои уклады жизни, свои культуры и технологические традиции, и даже генетически определенную физиологию, формировавшуюся веками, которые позволяли им адаптироваться к экстремальным климатическим условиям и к суровой северной природе. Имея холистическое и шаманское понимание мира, традиционно живя охотой, рыбалкой, скотоводством, эти народы формируют сплоченную и разнородную совокупность, элемент северного социо-разнообразия, входящий составной частью, наряду с саамами и инуитами, в так называемую Циркумполярную цивилизацию.

Приход русских в Сибирь, начиная с XVI-XVII веков, отмечает начало новой эры, принесшей многочисленные кардинальные перемены и необратимые потрясения для этих народов, автоматически ставших «туземцами». Сегодня, по прошествии четырех-пяти веков, коренные народы представляют собой лишь незначительное меньшинство сибирского населения. Из 31,2 миллиона жителей Сибири коренные народы едва составляют полтора миллиона. Для того, чтобы лучше понять эту совокупность, которая до сих пор остается такой же сложной и неоднородной, как и незнакомой широкой публике, необходимо прибегнуть к классификации, следуя различным критериям.

Количественный критерий

Из совокупности коренного населения Сибири пять относительно значительных в количественном плане народов сами по себе объединяют

более миллиона человек: буряты, якуты, тувинцы, хакасы и алтайцы. Ввиду своей относительно большой численности каждый из этих народов в начале советского периода получил статус «Автономной Республики», задуманной вначале по модели «Государство-нация» и призванной обеспечить развитие титульной коренной нации (в действительности, эти структуры послужат, главным образом, для осуществления политики установления советской власти). Якутская автономная республика была создана в 1922 году. Она провозгласила свой внутренний суверенитет, как и все другие республики Российской Федерации, с 1990 года, и некоторое время спустя, была переименована в «Республику Саха (Якутия)» («саха» - самоназвание якутов на якутском языке).

«Малочисленные» народы, которые долгое время были известны под родовым названием «малые народы Севера», образуют блок, меньший, чем первый, но гораздо более сложный для восприятия. Если при каждой переписи населения в советский период насчитывалось 26 «малых народов Севера», то во время переписи в 2002 году – уже 38 «малочисленных народов Сибири, Севера и Дальнего Востока России». В этом блоке некоторые группы приобрели небольшую известность на Западе вследствие открытия границ и появления документальных фильмов и фотографий, посвященных, в основном, наиболее «сохранившимся» народам, таким, как: ненцы (41 000 чел.), эвенки (35 000 чел.), ханты (29 000 чел.), чукчи (16 000 чел.) и др. Некоторые группы, кажется, неумолимо обречены на исчезновение, например, керекы (8 чел.), энцы (237 чел.), ороки (346 чел.). Большая часть малочисленных коренных народов насчитывает от нескольких сотен до нескольких тысяч представителей: речь идет об

орочах, чуванцах, тофаларах, юагирах, нганасанах, кетах, саамах, удэгейцах, алеутах, негидальцах, ительменах, ульчах, нивхах, кумандинцах, сойотах, тазах, челканцах, телегинтах, телеутах, тоджинцах, тубаларах, селькупках, камчадалах, чулымцах, долганах, манси, юитах, коряках, нанайцах, эвенах.

Лингвистический критерий

Коренные народы Сибири долго были носителями многочисленных языков и диалектов, большая часть которых в настоящее время находятся под угрозой исчезновения или уже исчезли. Под влиянием повсеместно распространенного русского языка, а также некоторых региональных языков, оставшихся относительно динамичными (наподобие якутского языка, тувинского, бурятского и др.), количество активно говорящих на сибирских языках в течение XX века только уменьшалось и продолжает уменьшаться в начале XXI века.

Большая алтайская семья включает большинство языков коренных народов Сибири. Эвенки, эвены, нанайцы, ульчи, негидальцы, ороки, удэгейцы говорят на языках тунгусо-маньчжурской ветви. Якуты, алтайцы, тувинцы, хакасы, долганы, шоры, тофалары, кумандинцы, челканцы, чулымцы, теле-нгиты, телеуты, тоджинцы и тубалары говорят на языках тюркской группы. Что касается бурят, то их язык относится к монгольской ветви.

Большая уральская семья включает, главным образом, языки западной части Сибири и Севера Европы: саами (раньше известные как лопари), ханты и манси относятся к народам с финно-угорскими языками; ненцы, нганасаны, энцы и селькупы формируют языковую группу, называемую «самодийской».

На крайнем Северо-Востоке находятся языки, называемые «чукотско-камчатскими», на которых говорят чукчи, коряки и ительмены, и дальше в направлении к Америке – языки алеутов и юитов (азиатских эскимосов).

Наконец, некоторые языки считаются изолированными, например, языки кетов (Енисей), юаги-ров (Колыма) и нивхов (Сахалин).

Социоэкономический и социокультурный критерий

Коренные народы Сибири представляют также большое разнообразие социокультурных и социоэкономических черт, сложное сочетание исторических путей и географических, климатических

и природных условий территорий проживания. Большинство коренных народов Сибири относятся к одному из трех следующих типов :

- Континентальный кочевой тип, основывающий свой образ жизни на оленеводстве, охоте и рыбалке в тундре и тайге. Эта группа включает большую часть самодийских, тунгусских, финно-угорских народов, а также некоторые малые народности тюркской языковой группы, например, долганы и тофалары.
- Оседлый и прибрежный тип, связанный, главным образом, с морскими ресурсами, живущий рыбалкой и охотой на морских животных. Речь идет о тех, кого этнографы долго называли «палеосибирскими» народами – чукчи, коряки и др., а также о других народах, живущих на северо-восточных побережьях (Чукотка, Камчатка) и на островах данного региона (Алеутские и Врангеля).
- Полукочевой тип, занимающий зону степей или являющийся выходцем из нее, основывающий свое существование на разведении скота, лошадей и других степных животных. Этот тип хозяйства характерен для якутов, тувинцев, хакасов, алтайцев, бурятов и др.

Коренные народы Сибири: между исчезновением и возрождением

В течение веков и десятилетий социальное разнообразие северных народов сильно сократилось под влиянием исторических изменений, привнесенных русскими, и контактов с ними. В царскую эпоху, а затем в советскую, эти изменения нанесли большой урон коренным народам. Переселенные в новые деревни и села в рамках программы перевода на оседлый образ жизни и модернизации Советского Союза, сибирские народы жили с тех пор в условиях, способствующих их ассимиляции и утрате своей культуры.

После краха советского режима, лишенные в течение нескольких десятилетий своих традиционных систем ведения хозяйства, коренные народы оказались среди самых неприспособленных перед лицом внезапных для них изменений в экономике и обществе. Из-за снижения уровня жизни угрожающе упали их демографические показатели. В этом контексте некоторые из них мобилизовали свои силы, чтобы попытаться исправить эту катастрофическую ситуацию. Они надеялись создать условия для многостороннего возрождения, социоэкономического, демографического, и, особенно, этно-

культурного и помешать исчезновению, которое тогда казалось неизбежным, общин, своих языков, культур и традиционного образа жизни.

В постсоветский период, до начала XXI века, Якутия выступила в качестве центра и лаборатории возрождения коренных народов Сибири. Якутия является самым большим автономным регионом России, объединяющим наибольшее число коренных народов – якутов, эвенов, эвенков, долган, юкагиров, чукчей. Якутской интеллигенции и представителям этих народов удастся, в рамках суверенитета, провозглашенного в начале девяностых годов, провести реальный анализ проблемы коренных народов Сибири, они вырабатывают интересные инновационные решения для возрождения этих народов. Например, во всех деревнях Якутии создаются национальные классы и школы – саха, эвенские, эвенкийские, юкагирские и др. В центре их деятельности - обучение родному языку, традициям предков, устному художественному творчеству, изучение истории края, приобщение к традиционным видам хозяйственной деятельности и образу жизни и т.д.

Обнищение сибирских коренных народов в постсоветский период во многих регионах способствовало возврату традиций и умений предков, которые были забыты из-за того, что считались отсталыми. Через трудности нового периода коренные народы Сибири смогли вновь осознать значимость и ценность своих традиционных культур, помогавших их предкам веками жить в трудной природной среде при отсутствии всякой внешней помощи и прогрессивных технологий. Работа интеллигенции по реконструкции сознания и этнической самобытности поможет начать этот, само собой разумеется, частичный возврат к традициям, вернуть подобие престижа традиционным видам деятельности и одновременно вернуть коренным жителям их гордость за умение жить в гармонии с природой.

Опыт этого движения возрождения, который из-за политических изменений последних лет в России отныне отодвинут на задний план, показывает, что спасение коренных народов Сибири, как и других коренных народов мира, заключается в настоящее время в умело продуманном сочетании традиционного и современного, местного и универсального.

Народы Сибири, зона предполагаемого расселения якутов в начале XX века.

The people of Siberia; the hypothesised expansion of the Yakut people in the beginning of the 20th century.

ГЛАВА 4

ОТ БАЙКАЛА ДО ПОЛЯРНОГО КРУГА. НАСЕЛЕНИЕ ЯКУТИИ

4.1. Якуты и их история

А.Алексеев, А.Гоголев, М.Жибер, С.Амори

Якуты среди сибирских народов

На территории Республики Саха в настоящее время проживает около одного миллиона человек, из которых примерно 41% - русские, 46% - якуты и 13% - русскоязычные и этнические группы малочисленных народов Севера. Город Якутск основан в 1632 году, но значительный приток русских мигрантов начался только в конце XVIII века (8 000 русских на почти 43 000 общего количества населения Якутии). Сегодня пять этнических групп причисляют себя к коренному малочисленному населению Якутии: юкагиры, эвенки, эвены, долганы и некоторая группа чукчей. Якуты, скотоводы и коневоды, являются, вместе с бурятами, многочисленным коренным народом Сибири. Эвенов и эвенков часто называют тунгусами, охотниками-собираателями, оленеводами. Чукчей и юкагиров можно рассматривать как древние народы региона. Генеалогическое древо юкагиров показывает, что они сильно смешаны с другими народами, особенно с тунгусами – эвенами и эвенками. Ареал распространения юкагиров мог быть достаточно широким в XVII веке, а сильное уменьшение их количества в последнее время может быть связано не только с эпидемиями, но также и с их ассимиляцией на севере с русско-якутским населением. Что касается подразделения тунгусов на эвенов и эвенков, оно, как кажется, было засвидетельствовано с XVIII века, но ничто не позволяет предполагать, что так было всегда. Считается, что тюрко-монгольские предки якутов прибыли на Лену с юга предположительно в XIV-XV веках, К приходу русских в XVII веке в междуречье Лены и Амги существовал новый народ - якуты. Но это точно не известно. Ведь, как отмечалось, если мы можем быть уверены в том, что якуты су-

ществовали как цельное образование ко времени прихода русских, то после этого зона их расселения должна была быстро измениться, а некоторые районы современной территории Якутии могли были заселены ими постоянно уже после прихода на Лену русских. Однако А.Н.Алексеев считает, что расселение якутского населения по Вилюю, Лене в районе Олекмы и верховьях Индигирки произошло еще до прихода русских в Якутию.

Генетические особенности якутов в сравнении с окружающими их народами Сибири были отмечены с 1970 годов, в частности, в исследованиях Mourant, касающихся групп крови: они образуют «пятно» на генетической карте Сибири по отношению к окружающим народам. Очень однородные по анализу протеинов крови и иммунологических маркеров системы ABO (Tarskaya *et al.*, 2002), они, похоже, имеют явное сходство с народами Бурятии и Монголии, при этом, несомненно, смешаны с окружающими оленеводческими народами (Pakendorf *et al.*, 1999 ; Tarskaya *et al.*, 2002).

Численность и демография якутов в различные периоды, очевидно, являются ключевым элементом для понимания населения. К сожалению, цифр мало, и они сложны для интерпретации. По мнению А.Гоголева, наиболее достоверным является подсчет, произведенный в XIX веке в 1830-1840 годах, когда насчитывалось 28 500 якутов (только ясачных мужчин, не включая женщин и детей). Некоторые российские авторы считают, что в середине XVII века якутов насчитывалось 20-25 тысяч. Другие подсчеты кажутся менее приемлемыми, они, возможно, связаны с тем фактом, что якутский язык стал основным языком, на котором говорили в Сибири с XVIII века, и что культурная ассимиляция осложнила подсчеты населения по происхождению.

Происхождение сибирских народов

Происхождение современных сибирских народов остается загадкой, которую вдобавок очень осложняет терминология, меняющаяся в зависимости от авторов, гипотез и интерпретаций, основывающихся всегда на последовательных перемещениях народов.

Из-за своего географического расположения Западная Сибирь, вероятно, была заселена со времен палеолита, как западными народами, так и восточными евразийскими (Okladnikov, 1964). На севере Восточной Сибири, в арктической зоне Якутии на правом берегу реки Яны найдено поселение древних людей эпохи палеолита, датированное около

30 000 лет тому назад (Pitulko *et al.*, 2004). Поселение представляет собой самое северное и древнее из известных сегодня поселений человека. К сожалению, никаких человеческих останков там найдено не было. Отметим, что около 12 000 лет до новой эры или намного позже (согласно гипотезам) произошел переход древнего человека из Азии в Америку. Любопытно, что маркеры Y хромосомы (отцовские линии), обнаруженные в настоящее время у американских народов, представлены также и на Алтае, но почти полностью исключены у коренных народов Сибири (Crubézy, Braga, Larrouy, 2002). Это означает, что народы, заселявшие Сибирь, зону Берингова пролива (так называемую Берингию, выступившую из воды около 14000 лет тому назад) и Аляску, вероятно, вторично отошли к югу, с одной стороны, к американскому континенту, с другой, к центру Азии, где до сих пор находятся их потомки. Наиболее вероятная гипотеза для объяснения этого биологического разрыва, даже если она является спорной, заключается в том, что ледниковый период привел к перераспределению народов (Forster *et al.*, 2004). Они переместились в более благоприятные регионы, то есть, к южным широтам и к теплым прибрежным зонам. В конце последнего ледникового периода, 10 000 лет тому назад, растительность, а вместе с ней фауна и люди, вновь поселяются в северных широтах несколькими волнами. Первая из этих волн (выходцы с юга и центра Сибири), вероятно, дала начало палеосибирским народам, называемым иногда палеоазиатскими. В настоящее время некоторые авторы (Starikovskaya *et al.* 1998 ; Schurr *et al.* 1999) относят чукчей, юкагиров и сибирских эскимосов (коряков, ительменов) к реликтовым народам, последним потомкам этих палеосибирских народов. Другие этнические группы (особенно тунгусы), вероятно, прибыли позд-

нее, оттеснив к северу палеосибирские группы. Наконец, предки якутов прибыли на Среднюю Лену, начиная с рубежа XIII-XIV веков (А.Гоголев) или еще раньше - в VI -VIII веках (А.Алексеев).

Однако не существует единого мнения по поводу дат переселений; народов, которые в них участвовали и числа миграционных волн, которые заселяли северные широты Сибири после каменного века. Сопоставление с данными материальной культуры чрезвычайно затруднено. В культурном отношении эти регионы представляют значительное (к 3000 г. до н.э.) население, называемое «неолитическим» (охотники-собиратели, обладающие керамикой). Об этом свидетельствует наличие керамики и фрагментов кремня во многих местах от Байкала до Ледовитого океана. Впоследствии в этих местах началась эпоха палеометаллов - бронзового и железного веков. Существовала местная металлургия, но народы, связанные с этими техническими традициями, доподлинно неизвестны.

Два явления затрудняют изучение этих «вторичных расселений». С одной стороны, между выходцами из этих разных перемещений с самого прихода имели место контакты и ассимиляции, и они могли привести к появлению новых этнических групп (Schurr, 2004) ; с другой стороны, могли быть генные потоки и эпизодические контакты. Так, благодаря изучению погребения раннего Железного века (390/190BC), найденного под Якутском, мы смогли показать (Amog и др., 2006), что генные диффузии из района озера Байкал в Якутию имели место, по меньшей мере, за тысячу-полторы тысячи лет до прихода первых предков якутов. Это явление не представляет ничего необычного, учитывая экономические и экологические данные, но оно значительно запутывает генетические исследования, поскольку волны вторичных расселений внедрялись в зоны, где часть населения уже имела маркеры, подобные им.

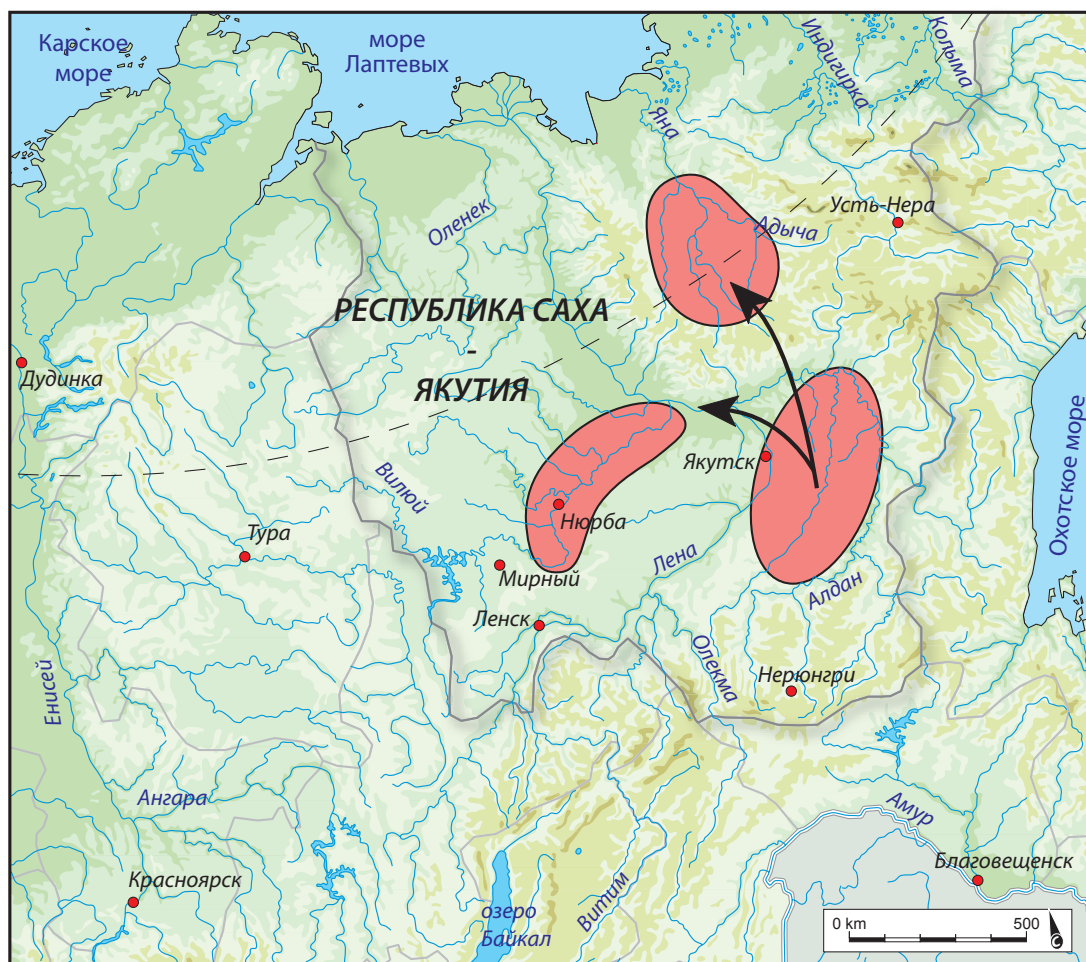
В целом, как показывают генетические анализы, в районе озера Байкал в каменном веке существовало более или менее постоянное и преемственное население. Во всяком случае данные материнских линий показывают, что население, лежащее в основе культуры Серово-Глазково, сохранялось несколько тысячелетий, поскольку обнаружены значительные генетические сходства между субъектами данной эпохи (Mooder *et al.*, 2006) и хунну из некрополя Эгийн-Гол (Keyser-Tracqui *et al.*, 2003), расположенного на севере Монголии (III век до н.э. - II век н.э.).

4.2. От эпических произведений до первых археологов Сибири

Э.Крюбези, М.Жибер, Б.Люд, А.Алексеев, А.Гоголев

Свод мифов и сказаний якутов, где содержатся некоторые сведения об этногенезе якутов, иногда называют «Эллэйадой». Этот концепт с гомеровским звучанием был предложен известным якутским этнографом Г.В.Ксенофоновым. Он связан с длинными эпическими произведениями народа саха, олонхо, содержащими иногда более 20 000 строк стихов, которые рассказывали сказители-олонхосуты длинными зимними вечерами, а порой и ночами. В них упоминаются три предка-основателя народа саха, прибывшие друг за другом - Омогой, Эллэй и Улуу-Хоро. Эти имена воскрешают имена вождей племен, объединившиеся потомки которых смогли принять участие в зарождении якутского народа. Первым был Омогой, его язык и проис-

хождение неизвестны, его потомки будут жить на правом берегу Лены в современных Алданском, Чурапчинском районах и в части Таттинского района. Вторым был Эллэй, предположительно, родом из тюркоязычного племени. Потомки Эллэя будут жить в Хангаласском, Мегино-Кангаласском улусах, и, частично, в Намском. Третьим человеком был Улуу-Хоро, пришедший с Востока, происхождение его неизвестно, но некоторые исследователи склоняются к тому, что он был родом из тюркского племени, а другие исследователи относят его к монголам. В поэмах его потомки, рассеянные по всей территории Якутии (однако большая часть их находится в Намском районе, кроме того, часть жителей Таттинского района также причисляют себя

Распространение якутов в сторону Вилюя и к Верхоянским горам в XVI- XVIII в.в.

Yakut presence in the 17th and 18th centuries; expansion towards Vilyuy and the Verkhoyansk mountains.

к Улуу-Хоро), считались чужими для якутов, может быть потому, что первоначально они говорили на другом языке, не на якутском.

Помимо исследования эпических поэм, начиная с XIX века, было сформулировано несколько гипотез. В конце XIX века В.Серошевский видел в якутах население, первоначально чуждое тому контексту, в котором оно живет в настоящее время, то есть, полностью пришлое. Во второй четверти XX века эта гипотеза была уточнена известным якутским этнографом и фольклористом Г.В.Ксенофоновым, согласно которому сложение якутского народа, его языка, основных элементов материальной и духовной культуры не могут быть связаны с территорией современного обитания. Все это происходило на южной прародине, до переселения в Якутию. Современное якутское население является результатом долгого процесса заселения района реки Лены предками якутов, осуществленного несколькими волнами из южной метрополии, расположенной в районе озера Байкал. Первая волна заселения в I веке нашей эры, вероятно, привела в район Вилюя оленеводов, называемых Ураанхаями, население некогда тунгусского происхождения, подвергшееся влиянию тюркоязычной культуры и содержащее монгольские элементы. Впоследствии эти кочевники частично были ассимилированы, частично оттеснены к северу, к району Оленька новой волной переселенцев – скотоводов, называемых курыканами, которые заселили, в конце концов, среднее течение Лены. Представляется, что гипотеза

Г.В.Ксенофонтова большей частью основывается на стремлении объяснить многие парадоксы, связанные с историческим смешением якутов и тунгусов (эвенков) в районах Вилюя и на Севере. Известный советский археолог А.П.Окладников внес уточнения касательно последнего заселения, рассматривая переселение курыкан из района озера Байкал к северу как отправную точку формирования народа саха. По его мнению, в данном процессе главенствующую роль играли переселенцы из степей. Прибыв на среднее течение Лены между X и XVI веком, курыканы вступили во взаимодействие с местными племенами, которых они частично оттеснили, а частично ассимилировали.

Позже якутский историк А.Гоголев, на основе новых археологических открытий, смог сформулировать более приемлемую гипотезу об этногенезе саха. Согласно его теории, формирование якутов восходит своими корнями к общей культуре степных кочевых народов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи скифов, следы которых сохраняются в традиционной культуре и языке. Культура и, в частности, религиозные воззрения якутов также хранят отпечатки гуннской эпохи. Другие тюркские составляющие (курыканы, кыпчаки), а также монгольские, вероятно, вмешивались в процесс этногенеза, но А.Гоголев считает, что окончательное формирование современных якутов произошло в районе среднего течения Лены, начиная с так называемой Кулун-Атахской культуры, датируемой XIV-XV веками. Эта культура имеет некоторые па-

раллели с культурой курыкан с западного берега озера Байкал, тюркского племени, родственного уйгурам, жившим в Прибайкалье с VI по X век нашей эры.

Эти зачастую сложные данные позволяют определить проблематику, на которую мы попробуем ответить, используя наши материалы. Многое будет зависеть от того, будут ли у нас археологические и генетические данные, позволяющие уточнить и доказать, что якуты могли произойти от одной или нескольких волн переселения народов, приведшего к образованию народа саха, выявить генетические отличия саха в различных улусах. Каким временем датируются эта волна или волны переселений, какие родственные отношения были у народа саха с народами, живущими сейчас в районе озера Байкал?

Древний наскальный рисунок (II - VII в.в. н. э.): удлинённая лодка с гребцами, берег Лены, южнее г.Якутска.

Ancient rupestal painting (2nd-7th century AD): a long boat with the position of its rowers, bank of the River Lena, south of Yakutsk.

Неожиданно новый культурный сценарий

Наши археологические данные показывают, что традиционная якутская культура, какой она была еще в конце XIX века, правда, христианизированная, появилась только в XVIII веке после прихода русских. Представляется, что она оказалась под сильным влиянием их контактов с Маньчжурским Китаем через фактории Нерчинска (1689) и, в меньшей степени, Кяхты. Зато корни ее восходят, по нашим данным, к концу XV века, но вероятно, и еще раньше, к XII веку.

У истоков

Ранний комплекс захоронений, который мы изучили, датируется с XIV по конец XVII века. Он представляет собой разнообразие захоронений, поэтому следует исследовать культурную эволюцию. В могилах этого комплекса погребены люди только мужского пола (взрослые и дети). Они покоятся в бревенчатых или дощатых гробах, с седлом или стремянами под головой или на гробе. Видимо, в это время женщины не имели права на захоронение в земле, их хоронили иначе (в арангасах?). Вполне вероятно, что в захоронениях этого комплекса мы находим только часть мужчин и детей (мальчиков) той эпохи, так как консервативная часть мужского населения Якутии еще не приобщилась к грунтовым погребениям. Сказанное ограничивает наши интерпретационные возможности. Конечно же, захоронения этого комплекса не являются «самыми древними средневековыми захоронениями Якутии», людей, погребенных раньше XIV века, предстоит еще искать.

В этом комплексе захоронение Джусулен особенно интересно, поскольку оно содержит такие предметы, как, например, металлический солнечный диск на голове, который впоследствии будет обнаружен в захоронениях начала XVIII века. Зато оружие, положенное с покойным, является не пальмой, оружием, которое якуты производили впоследствии, а «батасом» с очень длинным лезвием, имеющим 3-4 узора в основании, это - вооружение всадника тюркского происхождения. В этом же комплексе захоронений, в Улахан-Алаас, лук, положенный с усопшим, является не якутским луком (большой с

простым изгибом), а сложным луком с двойным изгибом в традиции степных народов. В двух захоронениях из этого комплекса находился треножный чорон, произведенный до XVIII века, но ставший впоследствии традиционным элементом якутской культуры. Должно быть, эти захоронения принадлежат представителям некой военной элиты, сохранившей привычку передвигаться и сражаться верхом, используя боевое оружие, вероятные корни которого следует искать в южных районах Сибири и Центральной Азии. Погребальные обычаи и места захоронений, не всегда расположенные рядом с пастбищами, отсылают к тюрко-монгольским народам лесостепной зоны (Crubézy *et al.*, 2007). Кроме того, отмечены интересные аналогии (форма гроба, положение тела, мумифицирование, тип и расположение сопроводительных предметов) с некоторыми скифскими захоронениями Алтая, которые свидетельствуют об очень древней культурной основе.

В результате раскопок, проведенных около двадцати лет назад профессором А.Гоголевым в треугольнике Лена/Алдан/Амга, была исследована культура, названная Кулун-Атахской. Она развивалась с конца XIII до XVII века, особенно если судить по раскопкам жилища, расположенного около Джарамы, где мы датировали захоронение, относящееся к первому комплексу, с 1420 по 1470 годы (с двумя стандартными отклонениями). Выкопанное здесь жилище имеет форму локуса, обнаружены кости лошадей и рогатого скота, а формы и узоры керамики, с одной стороны, продолжают в

Орджогон 2 (Нюрбинский улус, Виллюй), Фрагмент пояса от пальто мужчины. Это кольцо, а также элемент его застёжки, украшенный двумя конскими головами, вырезаны из бивня мамонта.

Ordiogone 2 (Nyurbinsky ulus, Vilyuy). The coat belt worn by the male subject found in the grave. The ring and buckle are decorated with two horse heads, carved from mammoth ivory.

В ходе контактов якутов с русскими происходили эпидемии, которые следовали одна за другой и обрушивались на регион несколько раз, систематически перемещаясь с юго-запада на северо-восток. Якуты еще помнят чуму (или, по крайней мере, болезнь, которую они так называли), которая свирепствовала в XVII веке, а начало XIX века было отмечено распространением оспы (смертельной формы), затем кори. Весьма вероятно, что были и другие эпидемии, унесшие жизни около 50% населения между 1632 и 1830 гг., если основываться на данных переписи населения 1632 г. и 1820/1830 гг. Это процентное соотношение не является исключительным, и даже довольно слабое, если сравнить эти данные с последствиями контактов европейцев с американскими индейцами, приведших к исчезновению целых народов (Boyd, 1984). Однако эти 50% приближаются к соотношению, которое наблюдалось у исландцев в разные годы (Helgason и др., 2000), которые, как якуты, не были отделены в течение тысячелетий от остальной части человечества.

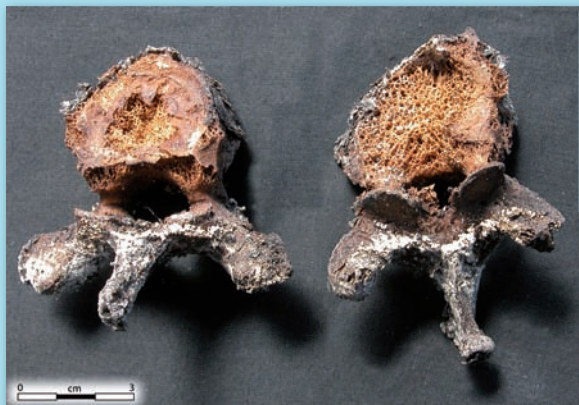
Полностью признавая недостаточность цифровых данных, которыми мы располагаем в настоящее время, нельзя не отметить поразительную схожесть с участием американских индейцев (Mann, 2006). Русские официальные лица не ездили в зараженные зоны, и потому там не было ни наблюдателей, ни хроникеров. Так, например, экспедиция капитана Джеймса Кука, во время кругосветного плавания обнаружила на побережье Камчатки зону, превращенную в кладбище умерших от оспы. Было время, когда автохтонное население Сибири ничего не принимало от русских из страха получить зараженную еду или подарки. Это возможно объясняет роль тунгусов, выступавших посредниками в обмене (Mann, 2006). Эпидемии объясняются той девственной почвой, которую представляло местное население, никогда не знавшее болезней, приходящих с запада, и возможно, как в Америке (но это еще нужно доказать), имевшее более слабый или другой естественный иммунитет. Эпидемии уносили жизни целых семей, о чем ясно свидетельствуют раскопки в местности Шаманское дерево 1 и Ат Дабаан 3.

Большим сюрпризом стало для нас обнаружение во время исследования скелетов людей, умерших от туберкулеза. Если смертоносные эпидемии отпечатались в умах своей жестокостью и ужасающей силой, то туберкулез оставил меньше следов, так как его развитие шло не так очевидно, хотя и с не менее разрушительным эффектом. При заражении после более или менее длительного инкубационного периода наступала болезнь, которая протекала в два этапа. Заражение воздушно-капельным путем обусловлено попаданием туберкулезной бациллы в паренхиму легких, и больной подвергался первому этапу инфицирования туберкулезом, равновесное состояние, в течение которого реакция организма состоит в инфекции с локальным поражением легких, сопровождающейся реакцией лимфатического узла. Это поражение лимитировано и не имеет клинических проявлений. Однако оно влечет за собой состояние сверхчувствительности (которое проявляется во внутрикожной реакции на туберкулин). Это состояние туберкулезной инфекции во многих случаях является единственным последствием заражения и может длиться всю жизнь инфицированного человека. Однако при различных обстоятельствах, связанных с самим инфицированным, с инфицирующей бактерией, с условиями окружающей среды, первоначальное пассивное поражение может развиваться в туберкулезную болезнь со всеми ее клиническими проявлениями. Это развитие болезни может произойти через годы после заражения. Поражение легких является следствием обычной формы заражения воздушно-капельным путем. Реакция организма вызывает распространение и творожистый некроз легочных поражений. Размягчение творожистого вещества и его удаление приводят к образованию каверн в легочной паренхиме и превращают закрытое поражение в открытое. Больной становится заразен во время выхода бацилл при кашле и выведении мокроты. Это развитие болезни по отношению к начальной инфекции обычно наблюдается у взрослого. У ребенка, в особенности во время массового или повторного инфицирования, туберкулезная болезнь может наступить сразу после заражения.

Некоторые случаи заражения туберкулезом могут иметь животное происхождение. Заражение воздушно-капельным путем возможно, но встречается редко при контакте с домашним скотом (коровы), имеющим открытые или большие поражения. Обычно встречается заражение через пищеварительный тракт в результате потребления молока, зараженного при дойке от расположенных на вымени туберкулезных поражений. Болезнь имеет в этом случае форму пищевого туберкулеза.

В течение естественного развития туберкулезной болезни, распространение бациллы от очагов в легких влечет к локализации поражений в различных органах и тканях. Поражения костей встречаются как у детей, так и у взрослых, у 5-10% обследованных больных. Наиболее часто встречаются поражения грудных или поясничных позвонков. Их разрушение приводит к деформации позвоночного столба с клиническим проявлением, известным под названием болезнь Потта. Суставы бедра и колена являются другим частым местом локализации туберкулеза костей, но у детей могут встречаться костные и костно-суставные локализации. Туберкулезные поражения костей, отличающиеся литическим, разрушенным видом, бесценны для палеопатологии. Их наблюдение на сухих костях и их локализация позволяют установить диагноз болезни без больших трудностей для дифференциальной диагностики. Исследовав 73 скелета, мы обнаружили 7 случаев поражения костей. Костные осложнения, встречающиеся в 5-10% случаях туберкулеза легких, и количество субъектов, имеющих костные поражения, наводят на вопрос, почему данный недуг не поразил в какой-то момент все население. На самом деле, самые старые случаи были зарегистрированы в Батта Чарана и Буогарыма 1, они датируются концом XVII века. Три других случая относятся к первой половине XVIII века, а дальше, как это ни странно, встретился всего один случай, относящийся ко второй половине XVIII века (Буогарыма 2).

Отдельное исследование должно объяснить этот феномен, а пока, в качестве гипотезы, можно предположить, что эта эпидемия похожа на ту, что свирепствовала между 1874 и 1926 гг. в резервации К'Аппелль Валле в Саскачеване (Канада). Эпидемия распространилась среди населения, крайне чувствительного к болезни, контактировавшего с колонизаторами из Европы, и проходила в сложных санитарных условиях. Болезнь повлекла за собой исчезновение половины семей за одно поколение, и население прошло отбор за три-четыре поколения (Ferguson, 1955), в каждом поколении самые чувствительные к болезни устранились до достижения зрелого возраста. Похороненный в Кыыс Унуога может быть жертвой этой эпидемии, т.к. даже по истечении более ста лет после контактов, эпидемия в Якутии могла продолжаться. Однако следует подчеркнуть, что народы, от которых произошли якуты, страдали от туберкулеза, о чем свидетельствуют случаи, выявленные в погребениях эпохи Первой степной империи. Причины возобновления эпидемии, утрата иммунитета, появление новых вирулентных штаммов и т.д., это – вопросы, на которые в ближайшем будущем должна ответить биология.

Классическое следствие туберкулеза позвоночника. Почти полное разрушение десятого грудного позвонка (справа) вызвало рассечение позвонка и деформацию позвоночника.

Classic case of vertebral tuberculosis. The near-complete degradation of the 10th thoracic vertebra body (right) induces a collapsed vertebra and deformation of the spinal column, Pott's disease.

Поражения туберкулезом на уровне бедер (слева) и на головке бедренной кости (справа) умершего из погребения Буогарыма (Таттинский улус).

Tuberculosis lesions on the hip (left) and the femoral head (right) of the subject found in the Bouogaryma grave (Taatinsky ulus).

последующем этапе культуры, с другой стороны, имеют некоторые параллели с керамикой курыкан восточного берега озера Байкал. Эта культура подразделяется на два периода: ранний - XIII/XV век, и поздний - XV/XVI век. Согласно А.Гоголеву, поздняя якутская культура сложилась на основе кулун-атахской культуры.

Захоронения первого комплекса, раскопанные нами, могли вполне принадлежать кулун-атахской культуре, по крайней мере, самые ранние. Правда, нельзя исключать, что тогда могли существовать и другие культуры. В самом деле, якутские захоронения XVIII века имеют очень заметные элементы материальной культуры, имеющие прямое отношение к монгольской традиции, прежде отсутствующей. Вместе с тем, согласно гипотезе А.Гоголева, этногенез якутов *stricto sensu* завершился ко второй половине XVI века, т.е., народ сложился, сформировался до прихода русских. Предстоит еще найти ответ на вопрос, когда в якутскую культуру проник монгольский пласт, который заметно проявляется в могилах XVIII века. В любом случае, в этногенезе якутов значительную роль сыграли культурные традиции восточной части Центральной Азии.

При этом следует отметить, что самые древние из когда-либо раскопанных захоронений средневековой эпохи в Якутии, некоторые из которых датируются XV веком, имеют явное влияние степных народов, в частности, тюркских племен.

С начала XVIII века до наших дней

Мы показали, как в начале XVIII века влияние с юга (китайское или монгольское) устанавливается в торговле через факторию Нерчинска. Образ жизни и материальная культура местных людей тогда должны уже были быть такими, как у поздних якутов, описанных в исторической литературе XIX века. Тюрко-монгольская традиция уже не столь заметна, места захоронений поменялись, земли для скотоводства должны были быть все распределены. Что касается захоронений и предметов предыдущего периода, то наблюдаются элементы преемственности, но мы показали (на примере погребальных практик), что вместе с тем появляются бесспорные отличия.

На этой стадии изучения становятся актуальными вопросы: почему произошли именно такие культурные изменения? Почему эти культурные влияния оказались такими сильными? В этот ли момент произошло такое своеобразное смешение языков тюркского и монгольского происхождения?

У истоков якутской культуры

Итак, представляется, что группа или группы (которые можно было бы отнести к Кулун-Атахской культуре), имеющие некоторые параллели с курыканами, сыграли определяющую роль в происхождении якутов.

Здесь встает вопрос об отношениях между народами лесостепной зоны и зоны тайги во времена, предшествующие этому явлению. Традиционно якутские исследователи считали, что племена, расположенные в районе озера Байкал и/или Монголии, переселились на Север, в места нынешнего проживания. Причины этих переселений мало понятны: экологические (легкое потепление, связанное с каким-то климатическим явлением) или исторические (продвижение племен к северу под натиском Чингисхана, в стремлении избежать его господства). Общий взгляд на отношения между степными и таежными народами может изменить такое видение.

Курганов, традиционно указывающих на распространение в этом районе степных народов в Бронзовом веке, затем в Железном веке в Якутии не найдено. Они встречаются только на юге, возле границы между Республикой Бурятия и Иркутской областью, а также западнее, на Енисее, почти на той же широте. В целом, как только степь отступает, а с ней и возможности разведения скота в привычных условиях (коровы могут есть в качестве дополнительной пищи ветви лиственных деревьев, но это в исключительных случаях), степные народы обычно покидают такие местности. Однако их влияние или хозяйственные обороты на этом не прекращались. Так, повторная экспертиза предметов Покровского захоронения (III век до н.э.), обнаруженного примерно в пятидесяти километрах от Якутска, выявила наличие лука с S-образным изгибом гуннского происхождения. Несколько таких оригинальных образцов обнаружены в Восточной Сибири (один находится в музее Якутска). Предположим в качестве гипотезы, что торговля или обмен мехов на лук, известный своей мощностью и дальностью стрельбы, могли быть значительным поводом для контактов между людьми. Это могли быть контакты с народами монгольского происхождения (хунну, север Монголии и район озера Байкал), как бы продолжая более древние контакты Бронзового века.

Возможно, что впоследствии, со второй половины первого тысячелетия до нашей эры, целый ряд обменов или контактов осуществлялся на больших сибирских реках. Например, находки

Генетические маркеры

Генетические маркеры – это элементы, выбранные для изучения родственных связей внутри различных погребальных комплексов, то есть, между ними. Молекула ДНК является носителем генетического кода субъектов, в ядре клеток она лежит в основе хромосом; она очень длинная, в то время как молекула ДНК в митохондриях (органойды клетки) – очень короткая. Тем не менее, митохондрий в каждой клетке очень много (от нескольких десятков до нескольких сотен) и на большое количество молекул митохондриальной ДНК приходится (обычно) всего лишь одна молекула ядерной ДНК. Исходя из этих двух типов ДНК, в антропологии часто используются три типа генетических маркеров:

Первые маркеры происходят из митохондриальной ДНК и позволяют отслеживать женские линии родства. Митохондриальная ДНК наследуется только от матери, то есть, каждый из нас, мужчина и женщина, имеет в своих клетках одну молекулу по материнской линии, подобную молекуле матери, бабушки и т.д. Поэтому, используя эти маркеры, можно определить в погребальном комплексе, кто из субъектов имеет общего предка по женской линии, но при этом нельзя определить, к какому поколению он относится. Поскольку митохондрий в каждой клетке очень много, и в каждой содержится несколько молекул ДНК, это именно та ДНК, фрагментов которой после смерти обнаруживается больше всего. Это – самый исследуемый маркер, т.к. ввиду его большого количества его легко выявить.

Второй тип маркеров происходит из Y хромосомы. У нашего вида имеется 46 хромосом, которые работают в парах, их всего 23. Одна из пар, называемая половой, отличается от других: она меняется в зависимости от пола. У мужчин в этой паре имеется одна Y хромосома, которой нет у женщин. Маркеры Y хромосомы, имеющейся только у мужчин, позволяют проследить отцовскую линию. У каждого мужчины – те же маркеры, что и у его отца, у его деда по отцовской линии и т.д. Используя эти маркеры, можно выявить в погребальном комплексе, кто из субъектов мужского пола имеет общего предка по мужской линии, хотя при этом нельзя определить, к какому поколению восходит это родство.

Третий тип маркеров происходит из тех хромосом, которые не относятся к половым (они содержатся в 22 оставшихся парах): в каждом поколении мы получаем 50% хромосом от нашего отца и 50% от матери. Эти маркеры очень интересны для определения генетических связей близкого родства в одном или двух поколениях; можно определить, кто кому является близким родственником.

Сочетание трех типов маркеров часто позволяет установить генетические связи между субъектами, и из них можно сделать вывод, кто кому приходится отцом, матерью, является ли этот двоюродным братом того и т.д.

При открытии гроба команда натягивает перчатки для вскрытия тела.

Once the coffin is found, the team put on gloves to excavate the coffin and autopsy the body.

китайских монет «ушу», которые производили с начала II века до начала VII века нашей эры. В одном случае такая монета найдена в месте, где находилось село Кежма, в 435 километрах от устья реки Ангара (Леонтьев, Дроздов, 2003). Во втором случае - почти на той же широте на реке Лена (в Республике Саха, но вне первоначальной территории якутов) в древнем поселении Улахан Сегеленнях Олекминского района (находка А.Кириллина, выставленная в музее археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета). В захоронении Кежмы монета была присоединена к стремени. В Республике Саха, в поселении Улахан Сегеленнях, кроме монеты «ушу», был обнаружен железный наконечник стрелы тюркского происхождения, а также костяная фигурка, представляющая две лошадиные головы в антитезе: одна повернута направо, другая налево. Найденный здесь же наконечник стрелы также может относиться к тюркской культуре. Кроме того, к тюркскому периоду наши якутские коллеги относят наскальные рисунки, обнаруженные в пятидесяти километрах южнее Якутска, на берегах Лены, особенно рисунок удлинённой лодки с гребцами, а также надписи на древнетюркском языке. Напомним еще, что наскальные рисунки, представляющие всадников со знаменем в вытянутой руке, обнаруженные в 1929 году известным археологом А.П.Окладниковым на скалах Шишкино, во многих сотнях километров к югу от Якутска, также были отнесены к этому периоду.

У слияния рек Южная Тунгуска и Енисей, в нескольких местах были найдены монеты XII-XIII веков, что можно объяснить пиком распространения южных народов, которые, по свидетельствам российских историков, могли зимой достигать арктических районов с целью добычи мехов. Позднее, на реке Лене, но севернее, около устья Вилюя, в 1940-х годах А.П.Окладниковым была исследована так называемая культура малых домов. Ее датировка точно не установлена, она колеблется, в зависимости от авторов (А.П.Окладников, И.В.Константинов, А.И.Гоголев, А.Н.Алексеев), с XIII по XVI века. В поселениях этой культуры не было обнаружено костей домашних животных. Ученые рассматривают культуру «малых домов» либо как первый результат ассимиляции местных племен (называемых людьми «Железного века») пришельцами с юга (А.Алексеев), либо как бесскотоводческую «периферийную» культуру кулун-атахской культуры (А.Гоголев). Надо отметить, что культура «малых домов» изучена далеко неполно.

Из этих разрозненных данных следует, что задолго до прихода русских Якутия могла быть обследована южными степными народами и даже, возможно, несколькими китайскими торговцами (наши якутские коллеги С.Колодезников и В.Попов сообщили нам о наличии китайских карт, на которых, начиная с XV века, изображена река Лена), в чем нет ничего удивительного, учитывая, что реки берут начало на юге и текут на север, пересекая всю тайгу. Эти обследования Якутии могли

Вид с самолета на участок Нюрбинского района, слева - река Вилюй, справа - зона алааса.

Aerial view of the Nyurba region; to the left is the Vilyuy river, left of the alaas zone.

Население Вилюя

А. Алексеев, А. Гоголев, К. Кейзер, Л. Алексеева, Д. Николаева, В. Попов, Б. Люд, Э. Крюбези.

Во время своего расселения по Якутии якуты старались найти среду, подобную той, которую они встретили в Центральной Якутии, с алаасами, благоприятными для разведения скота. Они нашли ее в районе Вилюя. Тем не менее, настоящих алаасов было немного, и якуты заселили долины с лугами, часто находящиеся по соседству с болотистыми местностями, большими озерами и пространствами тайги. В такой окружающей среде их образ жизни сильно изменился, охота и рыбалка стали играть значительную роль в их образе жизни по сравнению с Центральной Якутией.

Несмотря на усиленную разведку в Сунтарском и Нюрбинском улусах, мы обнаружили в целом только 9 погребений (из них 7- мужские), осуществленных до конца XVIII века. За исключением конструкции надмогильных сооружений, наблюдается значительное сходство погребальных практик с Центральной Якутией для всех хронологических периодов. Это не удивительно, так как в итоге изучения родственных связей стало видно, что женщина из погребения Булгуннях 2 на Вилюе является близкой родственницей девушки из погребения Кыыс Унуога в Центральной Якутии. В XIX веке часто мужчины из вилюйской знати брали в жены женщин из Центральной Якутии. Данное обстоятельство может объяснить некоторые родственные связи.

Из изученных погребений два относятся к раннему периоду: погребение Тымпы и Ойогос Тумула 1. Похожие погребения мы обнаружили в Центральной Якутии, что еще раз показывает связь между двумя территориями, но уже в ранний период. Что касается первой половины XVIII века (Булгуннях, Селисе, Орджогон), то четыре захороненных мужчины относятся к той же линии, что и главы рода Центральной Якутии. В двух случаях (Селисе и Орджогон), жители окрестных деревень еще помнят, что это захоронения известных основателей деревень или общин. К тому же из 5 погребений, найденных на этой территории, у троих руки были зашиты в рукава.

У мужчины из погребения Булгуннях 1 ноги спутаны вывернутыми наизнанку брюками. Женщина из погребения Булгуннях 2 была похоронена с кнутом; это очень напоминает миф якутов о шамане и магическом кнуте, поэтому мы склоняемся к тому, что данный факт связан с семейным шаманизмом.

Исследование показало, что в XVIII веке в районе Вилюя погребения встречаются редко, и в них могли быть захоронены главы родов /шаманы, часто являющиеся друг другу родственниками. Других незнатных людей должны были, скорее всего, хоронить в наземных захоронениях. Погребение в земле было предназначено исключительно для узкого круга людей, имевших между собой родственные связи. Погребенные принадлежали к знати из Центральной Якутии, как об этом свидетельствуют мужчина из Селисе и женщина из Булгуннях 2, и прибыли в этот район Вилюя между 1689 и 1728 гг.. Они и их потомки являются основателями части вилюйского населения.

Период 1689-1728 годов – это время интенсивных торговых обменов и продаж. Возможно, что в этот период один из знатных родов Центральной Якутии послал своих сыновей, братьев, двоюродных братьев по отцовской линии, чтобы установить свое влияние над некоторыми районами Вилюя, в частности, для обеспечения контроля над торговлей мехами (соболь в окрестностях Якутска тогда встречается уже редко) и для создания новых общин. Регион этот уже был широко известен, так как его наиболее благоприятные для якутской экономики места уже были заняты саха задолго до этого.

усилиться между VI и X веками нашей эры во время переселения из своего монгольского очага тюрко-монгольских народов, которые оставались, тем не менее, на юге тайги, хотя некоторые лодки с людьми могли достигать и более удаленных территорий. Возможно, что начиная с этого времени, Центральная Якутия и ее особые экологические условия уже были известны южным степнякам как районы, пригодные для разведения скота и проживания скотоводов.

Согласно современным археологическим данным, к XIV веку одна или несколько тюрко-монгольских групп всадников, некоторые из которых происходили с территории современного Прибайкалья, внедрились на территорию Центральной Якутии с рогатым скотом и лошадь-

ми. Каким образом могли они придти туда? Ведь перемещение скота на север минимум на 1600 километров в исключительно сложных условиях бездорожья представляется трудно реализуемым за очень короткий отрезок времени. Вероятно, существовали своеобразные «почтовые станции» (перевалочные пункты), особенно на юге, где в течение более пяти веков имелись контакты и создавалась сеть «перевалочных» баз на пути к современному Якутску. Кроме того, среди населения того времени, подобно морским народам, могло быть больше искателей приключений, чем массовых перемещений населения. Именно эти немногочисленные пришельцы-скотоводы, запечатленные под разными именами в олонхо, могли стать отцами-основателями.

4.3. Редкие мужчины и многочисленные женщины

С.Амори, М.Жибер, К.Кейзер, Б.Люд, Э.Крюбези

От современного населения - к населению прошлого

В целях изучения населения Якутии мы проанализировали генетический состав современного населения и сопоставили их с данными, полученными при исследовании погребений. Для этого мы использовали три типа молекулярных маркеров: 1) маркеры, позволяющие проследить потомства по отцовской линии (маркеры Y хромосомы), зная, что каждый мужчина имеет те же маркеры, что и его отец, дед и т.д., предки по отцовской линии; 2) маркеры, позволяющие проследить потомство по материнской линии (маркеры митохондриальной ДНК), зная, что каждый из нас, будь то мужчина или женщина, имеет тот же маркер, что и его мать, бабушка и т.д., предки по материнской линии; 3) маркеры с передачей от обоих родителей (аутосомальные последовательности повторяющихся ДНК), позволяющие изучить близкое родство между субъектами. Это было использовано для изучения родственных связей людей, найденных нами в погребениях разного времени и в разных районах Якутии.

Для исследования современного населения мы взяли пробы (ротовых клеток посредством про-
чистки) у представителей коренного населения, не состоящих в родстве друг с другом, жителей

деревень, находящихся около мест раскопок. Мы составили банк данных, включающий совокупность представителей сибирских народов, исследованных на это время другими учеными: якутов, а также бурятов, монголов, тунгусов и др. (Pakendorf *et al.*, 2003 et 2006). Такое исследование современного населения на большом количестве проб (например, более 200) позволяет провести более или менее точные определения.

С помощью данных генетических проб современного населения ученые могут провести статистические (биостатистические) исследования, которые позволяют предположить датировку перемещений населения. Кроме того, они могут осуществить филогенетические реконструкции, позволяющие приблизиться к истории генов. История народов и генов – это два взаимно дополняющих подхода. Например, можно выявить факт, что какое-то население сформировалось несколько веков тому назад, но можно также показать, что у этого населения женские и мужские линии - различного происхождения.

Анализ современного населения дает основательный материал по этногенезу, но, тем не менее, имеет пределы в изучении истории народа. Ведь биостатистические подсчеты и филогенетические

исследования имеют допустимые пределы погрешностей, которые могут оказаться значительными при определении времени какою-либо события. Еще более затруднительно, если люди или народы не оставили потомство, дошедшее до современности, были поглощены другим населением, превосходящим их численно. Подобные возможные случаи нельзя исключать в Сибири. Ведь, если прибыло несколько групп, то демографические диспропорции между ними могли, со временем, стереть генетическую сигнатуру меньших групп. Так же эпидемии XVII-XIX веков и Великая Отечественная война, повлекшие за собой гибель большого количества людей, могли уничтожить целые части генетической изменчивости. В самом деле, генетические маркеры имеют несколько форм (аллелей), если большая часть населения умирает за несколько лет, то наименее представленные формы (те, частотность которых слаба) могут исчезнуть совсем. Поэтому наиболее представленных аллелей будет еще больше в следующих поколениях.

Для изучения населения прошлых периодов, а также для того, чтобы сравнить его с современным населением, мы извлекли ДНК из костей, зубов, а также из волос останков из захоронений в вечной мерзлоте, и исследовали те же генетические маркеры у современного населения. Напомним, что только холодный климат Якутии и прекрасная сохранность тел и их ДНК позволяют исчерпывающе осуществить подобные анализы. Результаты, полученные при изучении населения прошлого, могут быть сопоставлены с гипотезами, выведенными из исследований современного населения; они могут позволить уменьшить погрешности предложенных сценариев, особенно погрешность установления времени. Если результаты совпадают с гипотезами, это их усиливает и, часто, уточняет; если они противоречат, разворачивается дискуссия. Она проводится в двух направлениях, с одной стороны, по поводу достоверности анализов (как древних, так и современных), с другой стороны, по поводу смены населения другим, а также исчезновения целых этнических групп. Факты, характеризующие численность населения прошлого, часто ограничены, и корректность показателей его состава трудно оценима. Так, в данном исследовании мы смогли более или менее точно определить родственные связи между людьми, особенно, для первого и второго периодов, с XV по XVIII века. К сожалению, наши выборки людей того времени не

всеохватны и представлены только теми, кто похоронен в грунтовых могилах. Между тем подавляющее большинство людей должно было быть тогда похоронено в арангасах и не дошло до нас, что, возможно, лишило нас более точных генетических выводов..

Неожиданные результаты

Стабильное и изолированное население

Идет ли речь об изучении мужских линий (маркеры Y хромосомы или последовательности повторяющихся ДНК) или женских (маркеры митохондриальной ДНК), выявляется мало генетических различий между людьми, похороненными в различные периоды, и современным якутским населением, что, вероятно, означает относительную стабильность населения в течение значительного времени. В то же время, почти все маркеры специфичны для азиатского и сибирского населения. Только среди маркеров женских линий встречается несколько европейских маркеров (так называемые европейские гаплогруппы, такие, как H, J, K, T и W), частотность которых статистически не меняется в течение времени. Они свидетельствуют о древних контактах (несомненно, до нашей эры) между юго-восточным азиатским населением и народами европейского происхождения. Эти маркеры обычно чаще наблюдаются среди коренного населения Западной Сибири и намного реже, и даже отсутствуют, у населения Крайнего Севера и Северо-Востока (Starikovskaya *et al.*, 2005). Речь идет о генах, которые были переданы некоторой частью коренных сибиряков каким-то европеоидным населением, пришедшим в Сибирь задолго до русских. Надо сказать, что эти гены в генах древнего населения Якутии нами не зарегистрированы, во всяком случае пока.

Два главных основателя

Результаты, полученные для маркеров отцовских линий (последовательность повторяющихся ДНК Y хромосомы) как в древние периоды, так и среди современного населения, выявляют слабую изменчивость. Два набора последовательностей Y хромосомы (называемые гаплотипами) представляют 56% совокупности древних отцовских линий и от 43,9% до 58% современных проб (Amory, 2006; Pakendorf *et al.*, 2006). Это означает, что 50% якутских мужчин происходят только от двух мужчин, названных основателями, чьи потомки уже были представлены среди мужчин древнего периода

Археология «территории согласия»?

*Л.Алексеева, Н.Сенегас, С.Дюшен, А.Шараборин, П.Жерар,
К.Пети, Д.Николаева, М.Пети, А.Алексеев, А.Гоголев, Э.Крюбези*

Изучение отношений между индейцами и европейцами в районе Больших Озер в Северной Америке в 1650-1815 годах позволило Р.Уайту (White, 1991) пересмотреть историю этих обществ и дать определение «Middle Ground». В Middle Ground соседние народы приспосабливаются друг к другу через созидательный и благоприятный механизм ошибки. Один народ старается сблизить другой тем, что, старается понять его обычаи и ценности. При этом обычаи и ценности часто бывают плохо поняты и искажены, но из этих невольных ошибок рождаются новые ценности, приводящие к новым обычаям, обычаям Middle Ground, что можно перевести как «территория согласия».

В данном исследовании центральное место занимает якутское население. Присутствие населения европейского происхождения проявляется косвенно только в привозных товарах. Тем не менее, даже если эти два мира еще распознаются, то они постепенно частично растворяются один в другом, о чем свидетельствует сопровождающее имущество якутских захоронений. Образ народа, создавшийся в ходе нашего исследования, это не образ народа, угнетенного тяжелым ясаком, а скорее население, активно участвующее в торговле, порой далеко за пределами Якутии. Они могли позволить себе приобретать вещи, которые имели не только материальную ценность, но и были олицетворением престижа, чем иногда объясняется их наличие в могилах якутской знати. Прекрасный пример Middle Ground представляет собой захоронение Селисе на Вилюе.

Захоронение Селисе (деревня Хатын Сысы на Вилюе) – это могила молодого мужчины, скончавшегося в возрасте 18-30 лет, у него два перстня-печатки, одна – на правом безымянном пальце, другая – на левой руке. Это – единственное встретившееся нам захоронение на Вилюе, которое было сожжено в годы Советской власти, а прежде разграблено. Его по-прежнему считают захоронением основателя рядом стоящей деревни. Пирамидальная надстройка, состоящая из трех вдвигающихся ящиков с использованием выкованных гвоздей, совершенно исключительна, как и песчаная насыпь, на которой посреди болотистой местности возведена эта надстройка. Помимо своей архитектуры, захоронение имеет несколько особенностей: украшенный гроб, многочисленные гвозди в надстройке, сопровождающее имущество, часть которого свидетельствует о связи с европейцами. Вместе с тем, богатая одежда покойного может сравниться только с одеждой мужчины из захоронения Мунур Урях, находящегося в 700 км от нее и где покоится его родственник по отцовской линии.

Кроме классического боевого снаряжения охотника-воина сходство в одежде с Мунур Уряхом наблюдается в качестве и покрое одежды, особенно богатой шелковой туники. В чехле из ткани, украшенном вышивкой шелковой нитью (хабаргалы анньыта, як.), находились фрагменты ручки деревянной ложки. Грабители многое взяли, но оставили многочисленные белые и синие бусины. К поясу погребенного были привязаны пинцет для удаления волос, сумка, содержащая два шила, зажигалка из железа и медного сплава, а также кусок кремня. Весь этот сопроводительный инвентарь совершенно совпадает с датировкой начала XVIII века, а могила знатного мужчины из Мунур Уряха (Чурапчинский улус в Центральной Якутии) была к тому же датирована при помощи метода дендрохронологии 1727 годом. Рядом с телом находились остатки металлической миски, неполной и деформированной, напоминающей миски, найденные в русских острогах XVII-XVIII веков.

Гроб (2,40 м в длину и 0,73 м в ширину), частично разрушенный во время мародерства, состоит из 8 лиственничных досок (по две – для дна и крышки, по одной – на каждую стенку). Он покрыт тканью и обит изнутри. Стенки скреплены железными гвоздями и укреплены полосами из сплава, содержащего медь, и пластинами на углах, все скреплено гвоздями из того же сплава, чтобы сделать их незаметными. Крышка и продольные стенки украшены полосами (от 4 до 7) из сплава, содержащего медь. Полосы также есть и внутри для укрепления обивки. Круглая ажурная пластинка из того же сплава обнаружена на стыке дна и продольной стенки гроба со стороны головы. Подобный тип гроба, как и использование гвоздей до XIX века, обнаружен в Якутии впервые. Ящики, подбитые гвоздями, встречались в России в захоронениях, начиная с XIV века, а в острогах гвозди, по-видимому, использовались часто.

Эта могила, которая при сооружении должна была представлять своеобразный мавзолей, является захоронением главы рода, уроженца Центральной Якутии. То, что осталось от сопровождающего иму-

щества, показывает, что он, как и его самые богатые современники, активно участвовал в торговле или обменах. Однако, по сравнению с ними, он не только обменивал или приобретал престижное привозное имущество, как, например, китайские туники, он также владел миской, используемой в быту русскими. После кончины он со своим снаряжением и традиционными знаками власти был положен в гроб, подчеркнуто богато украшенный. Если вспомнить, что для того, чтобы получить медный котелок, надо было наполнить его соболиными шкурками, то такой гроб должен был стоить сотни шкурок. К тому же он, без всякого сомнения, изготовлен русскими в их стиле. Мужчина, похороненный в Селисе, должно быть, напрямую общался с ними и, может быть, был положен в гроб в остроге, если только этот гроб не был отправлен его семье комендантом острога. Если это так, то роскошь гроба показывает сочувствие, которое русские к нему проявляли, и способ, которым они хотели впечатлить тех, кто сопровождал его в последний путь. В могиле также использовались привозные материалы (гвозди). Подобное погребение могло быть свидетельством политики русских, стремящихся рационализировать непредсказуемое с их точки зрения общество и старающихся для этого превратить глав рода в важных особ. Участвуя в их погребении и возведении надгробия-мавзолея, они также отмечали свое присутствие на территории. В данном случае интересно то, что это погребение иллюстрирует новации в погребальной практике якутов и синтез якутской и русской культур.

(XIV-XVII века), и которые являются потомками мужчин из захоронений элиты XVIII века Мунур Урях и Шаманское Дерево 1. Кроме того, другие якутские отцовские линии отделены от двух данных линий только ограниченным количеством мутаций. Итак, кажется, все указывает на быстрое распространение потомков саха, берущих начало от ограниченного круга людей, так называемого эффекта основателя, которое может быть приблизительно определено по биостатистическим подсчетам между 440 и 1320 годами нашей эры (Pakendorf *et al.*, 2006). Небезынтересно будет отметить, что верхний предел хронологической вилки совпадает с нашими археологическими данными.

Эти две последовательности принадлежат к более обширному набору последовательностей (называемых гаплогруппой № 3), который в большинстве своем представлен у современного населения (от 73% до 100%, согласно исследованиям (Lahermo *et al.*, 1999 ; Karafet *et al.*, 1999 ; Pakendorf *et al.*, 2002 et 2006), в то время как его частотность у других сибирских народов и у монголов – слабее (эвенки - 16%; эвены - 22%; юкагиры - 25%; манси - 18,2%; тувинцы - 9,7%; монголы - 2%) (Lahermo *et al.*, 1999 ; Karafet *et al.*, 1999 ; Derenko *et al.*, 2006) (Zerjal *et al.*, 1997 ; Karafet *et al.*, 1999). Только буряты представляют достаточно высокую частотность данной гаплогруппы № 3: от 19% до 57%, согласно исследованиям (Zerjal *et al.*, 1997 ; Karafet *et al.*, 1999 ; Derenko *et al.*, 2006).

Женщины различного происхождения

Распределение частотностей маркеров материнских линий (митохондриальные ДНК), представ-

Защита от комаров (Центральная Якутия, лето 2005 г.)

Protection against the mosquitoes (central Yakutia, summer 2005).

ленное у изученного нами древнего населения, сравнимо с распределением, наблюдаемым у современного якутского населения. Кроме того, 53% последовательностей (гаплотипов) древнего населения обнаружено у современного бурятского населения. Некоторые из этих гаплотипов встречаются и у сибирских народов, таких, как манси, эвенки или тувинцы. Однако две последовательности, обнаруженные у шести (в том числе у главы рода в Мунур Уряхе) и у четырех древних погребенных (в том числе у покойника древнего периода из Джусулена), встречаются только у бурят и у якутов, что является показателем, как и для мужчин, значимости населения, происходящего из этой зоны.

Примерно 47% последовательностей - такие же, как у современных народов Сибири (эвенки, тувинцы, тофалары, манси, коряки, чукчи), а 32% из них обнаружены у населения Центральной Азии (казахи, киргизы и узбеки). Эти последовательности указывают на связи с окружающими народами, в частности, с эвенками.

Наиболее выдающимся результатом является значимая частотность последовательностей, принадлежащих к группе последовательностей, называемых под-гаплогруппами D5 или D5a. Действительно, частотности D5 и D5a очень повышены у древнего населения, подобные частотности обнаружены и у современного населения. Преобладание данной под-гаплогруппы сильно отличается при сравнении с населением Сибири, поскольку частотность D5 и D5a у последнего обычно достаточно слабая, даже ничтожная (от 0% до 4% в зависимости от изучаемых народов). Такая повышенная частотность подгаплогруппы D5 и D5a в нашей древней выборке, как и у современного якутского населения, напоминает об эффекте основателя, период распространения которого, предложенный на основании биостатистических исследований, широк, поскольку он, вероятно, датируется с V века нашей эры до сегодняшних дней. Среди древнего населения данную гаплогруппу D5 представляет субъект из Джусулена.

Таким образом, происхождение по женской линии оказывается более разнообразным, чем по мужской. Начиная с древнего периода, отмечена доля из района озера Байкал, но центральноазиатские истоки не могут быть исключены. Генетические обмены с окружающими народами значительны, особенно, с эвенками. Эффект основателя, наблюдаемый в материнских потомствах, вероятно, также восходит к самому древнему периоду.

Различия между районами?

Отцовские и материнские линии погребенных, обнаруженных в трех районах Центральной Якутии, указывают на равнозначный вклад людей раннего периода из Чурапчинского, Хангаласского и Таттинского улусов в генетический фонд современных якутов.

Изучение отцовских линий людей раннего периода позволило дифференцировать погребенных, обнаруженных в Таттинском улусе, от погребенных из Чурапчинского и Хангаласского улусов. В самом деле, пять захороненных из Татты принадлежат к одной и той же линии, в то время, как захороненные из двух других районов представляют более значительное генетическое разнообразие. Эта линия, обнаруженная у захороненных в могиле представителей знати, ограничена Таттинским улусом. В двух других районах погребения знати принадлежат к другой линии. Такое различие между улусами, возможно, отражает разделение между якутскими родами, которые были основаны мужчинами, принадлежащими к различным отцовским линиям. Ведь разросшаяся семья, связанная общими предками по мужской линии, могла занять соседние алаасы, способствуя, таким образом, преобладанию некоторых отцовских линий на местном уровне. Такое родовое разделение земли в Центральной Якутии могло бы объяснить изоляцию погребенных из Таттинского района.

Происхождения по материнским линиям разнообразны, они объединяют людей, имеющих тюркомонгольских предков, а также и тунгусских, или показывают родство с народами Западной и Южной Сибири, такими, как тувинцы. Несмотря на такое разнообразие, материнские линии захоронений Чурапчинского улуса (особенно в Долине знати) отличаются от линий Хангаласского и Таттинского улусов. Действительно, половина погребенных из Чурапчинского улуса принадлежит к материнским линиям, которые кажутся относительно специфическими для якутов и, возможно, происходят из Бурятии (Pakendorf *et al.*, 2006). Зато материнские линии двух других улусов кажутся неоднородными, более смешанными, особенно с эвенкийским населением.

Эти данные надо все-таки рассматривать больше как гипотезы, нежели чем доказанные результаты. Ведь факты скудны, кроме того, могли вмешаться другие элементы, особенно, дифференциальная рождаемость между семьями, случай или генетический сдвиг, который в малых группах может быстро изменить частотности (Santos *et al.*, 1999 ; Evsyukov *et al.*, 2005).

Исторический сценарий

Принятие во внимание данных материальной культуры и биологических данных позволяет предложить исторический сценарий, гипотезу о происхождении якутов. Сначала отметим, что между лесостепной зоной и тайгой существовали древние контакты и что они могли сопровождаться генными потоками в раннее время, как свидетельствует изучение Покровского захоронения. В настоящий момент у нас нет достаточно данных, но, конечно, часть местного населения, начиная с III века до нашей эры, имела генетические данные, близкие и даже идентичные тем, кто пришел спустя несколько веков, но это не облегчает исследования.

Народ, который стал основой современного населения Центральной Якутии, вероятно, связан с приходом этнической группы, выходцев из района озера Байкал, находящегося в 1600 км южнее, но легко доступного по Лене или вдоль Лены. Данные материальной культуры показывают, что речь идет о всадниках, чья погребальная практика аналогична древним традициям Алтая и более новым традициям средневековой эпохи народов, называемых тюркскими. Самые древние следы этого периода, обнаруженные нами, пока датируются XV веком. Поскольку маловероятно, что мы нашли первые

Процент роста/год	0,60%	0,90%	1,50%	1,75%	2%	3%
800 год	55	58				
1000 год	100	140	недостаточный	недостаточный	недостаточный	
1294 год	5 500	4 000	300	120	50	недостаточный
1400 год	10 000	5 000	1 400	700	400	50
1632 год	40 000	40 000	40 000	40 000	40 000	40 000

Различные модели эволюции якутского народа.

Different simulation models of the evolution of the Yakut population.

захоронения, а А.Гоголев – первые их жилища, мы, очевидно, обнаружили захоронения и жилища, относящиеся ко времени (XIV-XV века), когда плотность становилась достаточно значительной для того, чтобы останки могли быть обнаружены во время систематических разведок.

Если допустить, что в 1632 г. было примерно 40000 якутов (25000 взрослых мужчин и около 15000 женщин и детей), при условии естественного процента прироста от 0,6% в год (что верно), до 3%, что важно, но в известных пределах исторического периода, для народов, прибывающих на девственные земли и ассимилирующих другие этносы, то могут быть рассмотрены многие демографические сценарии (см.таблицу). Мы взяли многие точки отсчета: 800 год - усиление тюрко-монгольской экспансии на юге, этим годом также, вероятно, датированы наскальные рисунки на Лене; 1294 год - максимальная экспансия монгольской империи (которая простиралась до озера Байкал, то есть, до истоков Лены и в этот период была разделена на четыре части); и 1400 год, предшествующий датировке наших первых находок.

Было выявлено два эффекта основателя, ощущаемых с древнего периода, один – у мужчин, где двое мужчин составляют основу происхождения примерно 50% мужского населения, другой – у женщин, менее маркированный, но все-таки значительный. Если бы прибыло много тысяч людей, то было бы мало шансов отметить такой значительный, как у представителей мужского пола саха, эффект основателя. Тогда у нас два типа моделей: либо позднее прибытие (XIII-XIV век) маленькой группы, которая затем познала значительный демографический рост, либо более раннее прибытие (тысячный год, и даже еще раньше) маленькой группы с более умеренным демографическим ростом.

Доступные нам археологические данные, которые не выявляют никакого элемента, предшествующего XIV веку, и указывают в данный период на группы, прибывшие недавно (они по-прежнему имеют боевое снаряжение всадников), ведут нас скорее в сторону позднего прибытия маленькой группы, познавшей быстрый демографический рост. Отметим, что гипотеза, связанная с Чингисханом, т.е. переселение на север маленькой группы вследствие перемещений народов, имеющих отношение к завоеваниям империи Чингисхана, укрепляется благодаря такому сценарию. Вместе с тем еще раз отметим, что эти построения даются только по грунтовым погребениям, где покоится знать, верхушка общества того времени.

Прибытие в пределах XIII века, одной или несколькими волнами, сотен людей, включающих группы из нескольких семей или воинов с небольшим числом женщин, познавших естественный значительный прирост, представляет правдоподобный сценарий. Этот прирост населения, вероятно, слегка превосходит прирост, наблюдаемый во время завоевания Исландии викингами, которых в 870 году нашей эры было 8 000 человек и стало около 70 000 в конце XII в., имея прирост в 1% в год (Helgason *et al.*, 2000). Эта демографическая модель кажется весьма допустимой, если учесть быструю ассимиляцию пришельцами автохтонного населения, которая должна была проявиться в Якутии, в то время как при колонизации Исландии не было ни одного коренного жителя. Данный период заселения следовал за предыдущими периодами разведки, которые, вероятно, могли побудить группу, знающую, куда она идет, к быстрой миграции (верхом или по воде?). Тем не менее, отметим, что вопрос о перевозке или перегоне скота остается открытым.

Для того чтобы объяснить необычное развитие двух потомств по мужской линии, нужно обратиться к захоронениям знати Мунур Урях и Шаманское Дерево 1 начала XVIII века, которые содержат одну и ту же последовательность хромосомы (гаплотип Y), обнаруженную уже в древнем захоронении Джусулен в нескольких километрах от них. Многие детали могут объяснить данный эффект основателя и тот факт, что он обнаружен среди представителей знати:

Первые прибывшие мужчины и/или их семьи (братья) смогли присвоить себе контроль над лучшими алаасами. Их потомки по мужской линии, вероятно, унаследовали его и могли продолжать эту стратегию все дальше и дальше, что привело, в перспективе, не только к эффекту основателя, но и к сложности или невозможности внедрения для вновь прибывших мужчин. Подобные ситуации уже наблюдались во время продвижения основателей в Канаде, например, в случае первых европейских колонистов.

Мужчины, прибывшие первыми, совершенно естественно возглавили роды, и поскольку они были элитой, они могли по якутской традиции иметь много жен. С этого момента мужская дифференциальная демография могла только усиливать эффект основателя. Тогда прибывшие позднее должны были осваивать новые территории – на Вилюе, Яне, Индигирке, но это требует дополнительных исследований.

ABSTRACT

This book presents a multidisciplinary study (archaeological, cultural, historical, economical, genetic, paleopathological and paleobiological) of 110 frozen tombs excavated in 2002-2009 by the French Archaeological Mission in Eastern Siberia and the University of Yakutsk. In 2007, the first French study was published under the name of 'Shaman' by Editions Errance (Paris, 2007). This book is an expanded edition including the results of the excavations from 2007-2009.

The tombs described are those excavated in central Yakutia and Vilyuy. The tombs date from the 15th/16th century, when Yakut burials first appeared, to the 19th century, when autochthonous populations had completely converted to Christianity. With the arrivals of the Russians in 1632, the Yakuts not only encountered taxes, the fur-trade and epidemics, but also dramatic changes in their society. Before the conversion to Christianity the majority of deceased individuals were placed in trees (arangas) and the use of tombs was hardly mentioned in texts. Tombs were reserved for specific cases of foul death (individuals who died before their time, for example suicide) and for individuals of important social status, for example clan chiefs and high class women.

The first part of the book focuses on the study of a young woman's tomb (Kyys Ounouogha, aged eighteen years), buried according to dendrochronology in 1728. The location of the tomb was still known by autochthonous populations, despite the tomb having been burnt in the 1930s by communists. Some human extremity bones were found in the tomb superstructure, inferring that the remaining bones were held in a second tomb elsewhere. The body was removed from the tomb in situ, transported by helicopter to Yakutsk and autopsied by a multidisciplinary team (Deduit et al., 2010) before being reinterred. Her elegant clothes and beaded nataznik

(undergarment) signified her to be a young woman of the elite class. In addition, she wore a belt identifying her to be engaged; the only other such example was found in an excavation during the 1930s. The belt was initially composed of five pendants; one was cut off and deposited in the tomb superstructure and the others were found on its surface. According to Yakut tradition, the world of the dead was the world of odd numbers and the world of the living of even numbers. The young woman presented nearly all the signs associated with foul death in Yakutia. She was buried deeply in the ground, her body was bound up (when the body was inside the grave the cords had been cut once) and her sleeves were sown over her fingers. Also, her shroud was made from hessian, not animal skin. The autopsy revealed that she had never had sexual intercourse (intact hymen)

and that she had died of tuberculosis pleurisy. In traditional societies before the discovery of vaccines, roughly one third of subjects died between birth and the age of one year, one third between one and eighteen and one third after; thus, at eighteen there was a one in two chance of reaching 60 years of age. Before the conversion Christianity there were almost no burials of immature subjects; apart from Kyys Ounouogha only two other individuals were discovered by our team. One was a child of a few months old in a coffin, which had been wrapped in several layers of birch bark and deposited on top of a mountain. The other individual was a young girl, around nine years old, richly adorned and treated as a woman as a piece of skin had been placed on her perineum. Such a skin, reported in 19th century texts but only found on this subject, is hypothesised to have been prepared by married women to be used during the funerary toilet at the time of their death. The young girl's tomb was placed in an isolated and unusual location. The body was

also bound up and her sleeves sown over her fingers. Study of the data in literature showed that each time signs of foul death were found, authors suggested (unless it was a popular tradition) that a shaman had been buried. In the case of Kyys Ounouogha this hypothesis is thought to be correct, since Gmelin, a German explorer and botanist who visited Yakutia in 1738, reported that 18 year old virgin girls were the most feared shamans.

Yakut beliefs and regional shamanism are explored in the first part. The Yakuts believe the self to have at least two entities: the kout, generally formed of three parts constituting the vital force, which is present from birth; and the sūr, the spiritual entity of man, which appears around the age of seven years. The Yakuts believe the life-force to increase during childhood and adolescence, to peak at the age of marriage with social maturity. Thus, in this context, an importance was given to the funeral rites of old adolescents and young adults who had not yet had sexual relationships, and the most feared shamans were virgin young girls. The life-force is then thought to gradually decrease with age. After having children and grandchildren, elderly Yakuts consider that the time to die has arrived. There are cases where elderly subjects have presided over their own funeral banquet, before being killed by their close relations. Shamanism in Yakutia forms an integral part of daily life. The shaman is a socially recognised individual who can put him/herself in a state of receptivity to events thought to have come from the 'other world', following an individual or collective request. These requests concern matters of the soul and the 'other world', which is believed to interact with this world. Two types of shamanism are often described in Siberia: family shamanism, where the ceremonies, beliefs and shamans are limited to the family circle; and collective shamanism, where community ceremonies are conducted by a shaman recognised by all. Two types of shamans are present: the 'white shamans' and the 'black shamans'. This duality, however, is often the consequence of the interpretations of ethnographers.

Two types of shamans are present: the 'white shamans' and the 'black shamans'. This duality, however, is often the consequence of the interpretations of ethnographers.

Certain shamans were considered very powerful, while others less so, and the blacksmiths who manufactured objects for the shamans were also feared.

The second part of the book focuses on Yakut funerary practices and their evolution. Dendrochronology, cultural elements, C14 datations and factorial analysis allow a chronology to be made. In addition, the presence of charcoal in the tombs and the reddened ground make it possible to determine whether the pit was dug when the ground was frozen or unfrozen. For certain individuals, village traditions or ethnographic documents prior to the 1930s allow their origin to be determined; sometimes they were revealed to be the founders of modern day communities.

The superstructures associated with the tombs were sometimes of importance; the family had three years to construct them, but dendrochronology revealed this time to be much longer in some cases. There is a difference between the superstructures of Vilyuy and those

of central Yakutia, as well as a chronological evolution. In 24 of the 43 18th century tombs we excavated the remains of a birch tree trunk (a few centimetres in diameter), which had been planted; it had grown from the coffin lid to the ground surface, reaching the superstructure. In Siberian cultures, the birch is associated with rebirth, but especially the mythical-ritual theme of ascension to the sky. This practice, contrary to others, it not reported in 19th century writings.

In general, the objects associated with the deceased individual were those which would have enabled him to accomplish the 40 day voyage following his death. There were often wooden pots (used in ceremonies, since ceramics were used in daily life), plates, spoons, dairy products, and sometimes a change of shoes. Individuals were buried in their best clothes, often those suitable for winter or mid-season. Clothes for marriage ceremonies were worn by women, notable young or mature. Women of the elite class had beaded natazniks (undergarments) as part of their trousseau. A horse sacrifice was often reported by voyagers and ethnologists, but we only found a horse associated with a deceased in two tombs: one a woman of the elite class from Vilyuy. Substitutes, in the form of saddles, were often used instead of sacrifices. Apart from the ritual aspect, associated objects often represented the social function of the deceased individual: hunter or warrior objects for men, and more diverse objects for women ranging from jewellery or sewing boxes to magic whips. Signet rings, which served to seal documents and were often reserved for clan chiefs, were found in male and female tombs. In some

cases, especially female, the ring was not originally made for the individual; it was too large for the finger or the ring diameter had been decreased by the addition of vegetal fibres. Individuals were also buried with some personal items, such as a knife; however, some appear to have been chosen by the living associates. Thus, objects related to

smoking (pipe, lighter, tobacco) were frequent, but were rarely a complete set. The choices made during the preparation of the deceased were detailed at the autopsy: presence of straw in the boots was not systematic, and some women were well dressed and manicured. Animal offerings were frequent (horse ribs), as they were related to the funeral banquet. In the majority of cases dangerous objects (weapons, knives) were rendered unusable before being placed with the deceased in the grave, because the living subjects were scared that one of the entities of the deceased would return to pursue them. Dangerous objects had been made to be used, and therefore they had to be 'killed'.

Graves from the 15th/16th century to 1689 are those of men (sometimes children); the most frequent was the 'hunter/warrior' man, buried with his head on a saddle, and his bow, quiver and sometimes his batilla (a Siberian weapon) at his side. With the exception

of some beads, no imported objects were found (after 1632 the Russians were present). The graves were usually found on a mound of permafrost near to a river, evoking the southern kurgans. Some variability exists in funerary practices; in contrast to the graves in Vilyuy, graves in central Yakutia had a birch pot at the feet of the deceased man, not weapons, and the coffin was trapezoidal in shape. In Vilyuy, a grave from this period held a reassembled decapitated individual; a rite that Herodotus described for the Scythians in Altai, but also known in northern Yakutia in the early 20th century among the Tungus and certain shamans. The only woman from this period was buried on a mountain summit; her tomb had been reopened and the body burnt in situ.

From 1689 to 1728 funeral rites changed and individuals were often buried in a coffin or half tree trunk within a coffin. Graves are located opposite the alaas, lakes surrounded by meadows, and there is a relationship between the

wealth of the objects and the area of the alaas. Imported furniture, beads, silk and woollen blankets were found, sometimes in large quantities. Women were also buried. In central Yakutia, several exceptional graves were found in an area particularly rich in pasturage, including the grave of Mounour Urekh,

a clan chief recognised by his ring decorated with his coat of arms, and the Shamanic Tree 1 grave. Five individuals were found in this latter grave dating from 1728: a woman with her adult son lying opposite her, resting on one of her younger sons, and her daughter masked to hide her face from her father-in-law. The son of this daughter, a child of ten years old, lay in a grave a few metres away, and another child of the same maternal lineage as the woman (son, grandson, or nephew?) lay next to the coffin. The autopsy of the daughter (the best conserved body) showed that she may have died from influenza; thus, the grave could be linked to an epidemic.

After 1728, a general decline in grave related objects was observed, although some graves, notably female, remained richly furnished. It is possible that the majority of tombs from the mid-18th century were of women. In addition, three women were buried with a whip, which corresponds accurately to the 'shamanic magic whip' described in a Yakut epic. The role of women seems to have been particularly valued at this time. Indeed, livestock farming became dominant over hunting, which had previously valorised men. Also, rich and polygamous men had to have a house for each wife; in Russian

censuses separate houses were made to pay taxes based on the number of cattle heads per household.

From 1760 widespread conversion to Christianity occurred in Yakutia, but it was not until the second half of the 19th century that almost all individuals were buried according to Christian rites. Some individuals of the elite class seem to have been Christians, including a child who was found in the original Christian cemetery. Some graves, dating from the end of the 18th to beginning of the 19th century located in front of the *alaas*, present all the signs of an orthodox burial: candles in the coffin or in the hand, a cross around the neck, and the absence of objects, suggesting that attending subjects knew the liturgy when the deceased was placed in the coffin.

Outwardly the graves remained very traditional and they were always covered with birch bark. A decrease in funerary objects and the burial of children is noted; these are among some of the first signs of Christianity. The systematic presence of a cross around the neck of the deceased individual does not appear in some places before 1760, but two women buried in isolation, without objects and wearing moulded crosses, could be some of the first Christian subjects from the first part of the 18th century. From the 'middleground' perspective (White, ref), the question must be posed of the women's influence on the evolution of the society.

Familial relationships were researched through genetic data. The aim was to understand the organisation of the graves (familial or non-familial groupings), to identify related and distantly-related individuals, and to determine whether certain paternal or maternal clans were dominant in the

region. In the three graves containing several individuals, these individuals were closely related through the maternal line. By contrast, in the cemeteries of the 18th century, called by the Yakuts as 'cemeteries of the clans', individuals were related through the paternal line. As soon as Christianity appeared, maternal lines dominated, especially between young children (who were buried in a separate site) and female adults.

Certain distant relations were found, notably between Kyys Ounouogha (a shaman of central Yakutia) and a woman of the elite class buried with a whip in Vilyuy (Boulgounniakh 2), who could have practised family shamanism. These two women were related on their paternal side (12 STR in common, but not the same mitochondrial DNA) and were also related to Boulgounniakh 1, who was buried in close proximity to Boulgounniakh 2. The most frequent male lineage in the ancient period was only found in the elite class individuals of two uluus of the 18th century in central Yakutia, and all those of Vilyuy. In the latter region, the deceased individuals' hands and/or extremities had been bound. This corresponds to observations made by Gmelin in Vilyuy in the 18th century, in describing individuals who were both shamans and warriors.

All these individuals, therefore, descend from the same ancestor who arrived in Yakutia alone or with his descendants (sons, grandsons) or collateral relatives (brothers). The founding individual would have had an important status or function. This, along with the fact that in another uluus of central Yakutia there is also a dominant lineage, corresponds to the ancient traditional Yakut

orals. These describe their people descending essentially from two founders. This also suggests that the majority, if not the totality, of the buried individuals before the Christian period, were subjects with particular functions and who did not belong to one clan.

The third part of the book focuses on the historical, ecological, ethnological and economical context. It explores the exchange and trade of fur from the 17th to the mid-19th century. The conquest of the Far East by the

Russians (achieved in less than 80 years, driven by economic imperatives), and their commercial exchanges and contacts with China were made via the 'sable road.'

In Yakutia, studies on the yassak (fur tax), suggest that, as in Western Siberia, there was an overexploitation of furred animals, since in 1690 the sable was extinct in areas surrounding Yakutsk. The fur coats and fur hats reflect this evolution. In the early period, when Russians were absent, clothes were made of leather sourced from

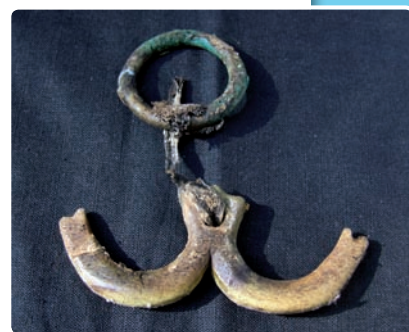
horse and reindeer. Clothes made from sable fur decreased in the middle of the 18th century, probably due to its scarcity in nature. Following this depletion and due to the pressure of merchant demand, the diversity of furs increased. At the same time trade intensified and soukno (wool) and silk appeared. Between 1689, when the Nertchinsk trading post opened, initiating exchanges between Russia and China, and 1728, when the Kiakhta trading post opened, moving these

exchanges to the West, Yakutia experienced a Golden Age, which is evident in the graves of the elite class. Obviously clan chiefs or certain families monopolised a part of the trade. Of note among the imported objects are silk tunics belonging to the richest individuals, which are not found after 1728. In the middle of the 18th century, the use of beaver fur is apparent due to the change of fashion imposed on the Western world by the English and the Hudson Bay Company. The beaver became extinct at the end of the 18th century due to hunting, and consequently clothes became more and more dependent on soukno. Our analyses showed that the

soukno was probably of English origin, and as in Canada, the colour scarlet was the most sought after and expensive. It was only found in the grave of the women with the whip in Eletchei 2. Aurora (a beige orange colour) was also very rare, while green was the most common colour. Over time, the use of soukno became more and more important, but the percentage of graves with soukno stayed the same, suggesting that the percentage of the population entitled to this import did not change. In addition we have shown significant regional differences: for example in the numerous richly furnished graves (Valley of the Nobles) in Churapchinsky ulus, which experienced a Golden Age between 1689 and 1728.

Apart from silk and wool, the most important import was beads. An analysis of the Yakut beads was made, comparing them with samples originating from North America, China and Western Europe. We have showed that the small 'pony' and 'seed' beads are all, irrelevant of their colour, of Western origin (Venice?). The large 'jumbo' blue indigo beads originate from Central Europe (Bohemia) and the black coloured beads from Western Europe. The large sky-blue and white beads, known as 'padre beads', and the half-cast beads of the same colour are likely to be of Chinese origin (presumably from Boshan, Shandong Peninsula).

The other well-studied imports are tokens used to decorate dresses or ornaments: pieces from Nuremberg of French, English or German style, and Chinese coins. In the two cases observed, the fact that tokens from the same unit were on the same effigy is not surprising considering that Nuremberg tokens were not sold separately, due to their low cost, but in rolls of 50, 100 or 200 pieces with the same style front and reverse. Thus,

it is likely that traders, who were exchanging tokens with the Yakuts, conserved them in homogeneous rolls; the condition in which they left Nuremberg. These tokens were likely to have been exchanged by Russian traders against Yakut furs, but other trade circuits cannot be excluded. We know, for example, that the Yakuts of Aldan at the beginning of the 17th century, often traded indirectly with the Chinese, via the Dahurs of the Amour river valley, or via Evenks. In the 18th century, the Yakuts extended their hunting territory to the east and south,

and even across the Chinese border. Gradually, from the beginning of the 19th century, the Yakuts became essential intermediaries between the Russian merchants and the other people of Eastern Siberia, and were known to initiate annual fairs and markets.

If Western companies intervened in the transactions, it was probably through Russian merchants via their trading posts in Arkhangelsk, Moscow or St Petersburg. Concerning the tokens, it is reasonable to assume that they were purchased, like other goods originating from Western Europe (see our article on trade), from Russian merchants in the port of Arkhangelsk.

In 1705 and 1723 Marperger reported the presence of ships in this port coming from Hamburg and Lübeck, carrying, among other objects, handicrafts manufactured in Nuremberg. Concerning the Chinese coins, they were possibly exchanged via the Russian traders, but more likely via the Aldan Yakuts or the Evenks. It was not until the 1850s that companies, notably American, established trading posts and representatives in Eastern Siberia. Chinese products were likely to have arrived via the trading posts of Nertchinsk and Kiakhta, and potentially via the harbour of Okhotsk (on the Pacific), which became an important hub for the Russian fur trade with Kamchatka and especially Alaska in the mid-18th century.

The fourth part of the book focuses on the population settlement of Yakutia. The study of male lineages (Y-chromosome and STRs markers) and female lineages (mitochondrial DNA markers) highlight few genetic differences between subjects of different temporal periods and the modern Yakut population, suggesting a relatively stable population settlement over time. Moreover, almost all of the markers are specific to Asian and Siberian populations. It is only among the female lineage markers that a few European markers were found, but the frequency does not vary statistically over time. They show ancient contact (BCP) between South Asian populations and populations of European origin. These markers are generally observed at low frequencies in Western Siberian populations, and are rare or absent in populations in the far north and northeast. A Russian influence was not found in our sample.

The results obtained for the markers of paternal lineages (STR or Y-chromosome) in the early periods, as in the contemporary population, show low variability. Two sets of Y-chromosome sequences (haplotypes) represented 56% of all the ancient paternal lines and 43.9-58% of the contemporary samples. This signifies that more than 50% of the current men in Yakutia descended from only two men, the founders, whose descendants were present in the early period (14th/17th century) and were the elite men in the 18th century graves: Mounour Urekh 1 and 'Shamanic Tree 1'. In addition, other Yakut paternal lineages are separated from these two lines only by a few mutations. Thus, all evidence indicates a rapid expansion from a limited number of individuals: a founder effect.

The female ancestors appear more diverse than the male. In the early period, a contribution from the Lake Baikal region is noted, but Central Asian origins cannot be excluded. Gene flow with neighbouring communities was important, especially with the Evenks. The founder effect in the maternal lineages also appears to go back to the earliest period, although it is less important than the effect in the paternal lineage.

In Vilyuy, graves as old as those in central Yakutia have been found. It cannot be determined if this region was the focus of intense colonisation in this period. Essentially male graves from the early 18th century were found, with individuals belonging to the same male lineage as Mounour Urekh (central Yakutia). It is possible that this reflects the will of a powerful clan to take possession of this area in order to hunt animals for fur.

The arrival of one or more waves of a hundred people in the 13th century, composed of several families or warriors with a few women, is the credible scenario of the population settlement of Yakutia. This model is plausible especially when we consider that there was probably a quick assimilation of autochthonous individuals, especially women. To explain the striking development of the two paternal lineages it is necessary to look at the elite individual Mounour Urekh's grave and the 'Shamanic Tree 1' grave of the early 18th century where individuals had the same Y chromosome sequences as a subject in an ancient grave in Djoussoulén a few kilometres away.

Several factors may explain this founder effect and its presence among subjects of the elite class: (1) The first male individuals to arrive and/or their families (brothers) were able to take control of the best areas. Their male descendants would have inherited these and pursued a similar strategy, which ultimately led, not only to the founder effect, but also to the difficulties encountered by new male arrivals attempting to settle; (2) Naturally, the first individuals to arrive became clan chiefs and due to their privileged status they were entitled to take several wives under Yakut tradition. Thus, differential male demography could have strengthened the founder effect.

The conclusion discusses the possibility of archaeology to reconstruct the populations and societies of the past. The author discusses, from the Yakut example, how to investigate cultural evolution and its relationship with biological evolution.

БИБЛИОГРАФИЯ

АЛЕКСАНДРОВ В.А. Россия на дальневосточных рубежах. –Хабаровск, 1984, 229.

АЛЕКСЕЕВ Н.А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX века. - НОВОСИБИРСК, НАУКА, 1975.

АЛЕКСЕЕВ Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. - Новосибирск. Наука, 1980.

БАШАРИН Г.П. История животноводства в Якутии (второй половины XIX - начала XX века) – Якутск, Якутское книжное издательство, 1962

БРАВИНА Р.И. Погребальный обряд якутов как историко-этнографический источник (XVII – XIX вв.). Автореф. канд.дисс.. – Л., 1983.

БРАВИНА Р.И. Погребальный обряд якутов (XVII-XIX вв.) – Якутск, 1996.

ГОГОЛЕВ А.И. Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов// Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, Наука, 1987, с.143-149.

ГОГОЛЕВ А.И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV-XVIII в.в. - Якутск, 1990.

ГОГОЛЕВ А.И. Якуты (проблемы этногенеза и формирования культуры). – Якутск, Изд-во ЯГУ, 1993.

Закон Республики Саха (Якутия) от 16.10.92 № 1170-XII о языках в Республике Саха (Якутия). URL <http://bestpravo.ru/yakut/data05/tex18369.htm>

ЗЫКОВ Ф.М. Поселения, жилища и хозяйственные постройки якутов XIX – начала XX вв. Историко-этнографическое исследование – Новосибирск, Наука, 1986.

История Сибири. Т.2 - Л., 1968.

История Дальнего Востока СССР. Т.2 – М., 1991.

ИВАНОВ С.В. Якутские коновязи// Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л.: Наука, 1976, с. 213-224.

КОЕНЕВ Д.А. О погребальных обрядах якутов Вилюйского округа Якутской области// Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском Университете. Т. XII, вып. 5, 1894, с. 455-465.

КОНСТАНТИНОВ И.В. Захоронения с конем в Якутии (новые данные по этногенезу якутов)// По следам древних культур Якутии (под ред. Ю.А.Мочанова и Ф.Г.Сафронова). – Якутск, Якутское книжное изд-во, 1970, с. 183-197.

КОНСТАНТИНОВ И.В. Материальная культура якутов XVIII в. (по материалам погребений)- Якутск, Якутское книжное изд-во, 1971.

КСЕНОФОНТОВ Г.В. Ураанхай Сахалар, очерки по древней истории якутов. Т. 1 и 2 –Якутск, Национальное издательство РС(Я), 1992.

КСЕНОФОНТОВ Г.В. Эллэйада, материалы по мифологии и легендарной истории якутов. - Якутск, ИЯЛИ СО РАН, ЯКИ Бичик, 2004.

- КУЗЬМИНА О., Бисер от простого к сложному, изд-во Авеонт, Москва, 2006, с.192
- КУЛАКОВСКИЙ А.Е. Научные труды. – Якутск, ИЯЛИ СО РАН, 1979.
- ЛЕОНТЬЕВ В.П., ДРОЗДОВ Н.И. Новые материалы о железном веке Усть-Ковы и Северного Приангарья// Археологические, этнографические и антропологические проблемы Сибири и прилегающих территорий. Т. IX, часть 1./ Ред. А.П.Деревянко/ Новосибирск, Институт археологии и этнографии, 2003, с. 408-410.
- МИДДЕНДОРФ А., Путешествие на север и восток Сибири. СПб, часть 1,2, 1860-1862.
- НОВГОРОДОВ И.Д. Археологические раскопки музея (некоторые предварительные данные)// Сборник научных статей Якутского краеведческого музея им. Емельяна Ярославского, вып. 1 – Якутск, 1955, с. 138-162.
- ОКЛАДНИКОВ А.П. Социальный строй предков якутов// Советская этнография, 1947, с. 95-121.
- ОКЛАДНИКОВ А.П. История Якутской АССР. Т.1. – М.-Л., 1955.
- ОЛЕЙНИКОВ М. Из материалов по этнографии якутов. I. Легенды, сказки, предания// Этнографическое обозрение, 3, 1897, с. 148-184.
- ОВЧИННИКОВ М. Из материалов по этнографии якутов. I. Легенды, сказки, предания // Этнографическое Обозрение. 1897, № 3..
- ПЕКАРСКИЙ Э.К. Словарь якутского языка. – Санкт-Петербург-Петроград-Ленинград, Типография императ.АН – Издание Российской АН.– Издание АН СССР, Т.3, 1907-1930.
- ПОПОВ А.А. Материалы по религии якутов б.Вилуйского округа // Сборник МАЭ, XI – М.-Л., 1949, с. 255-323.
- ПОПОВ А.А. О верованиях якутов Якутской области// Известия Вост.-Сиб. отд. ИРГО, XVII, 1-2 – Иркутск, 1886, с. 119-136.
- СЕРОШЕВСКИЙ В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. Акты Российского Императорского Географического Общества, 1896.
- СЕРОШЕВСКИЙ В.Л. Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. – М.: Российская политическая энциклопедия, 1993 [1896].
- ТОКАРЕВ С.А. Общественный строй якутов XVII-XVIII вв. – Якутск, Якутское гос.изд., 1945.
- ТРОЩАНСКИЙ В.Ф. Эволюция черной веры (шаманства) у якутов – Казань, 1902.
- ТРОЩАНСКИЙ В.Ф. Наброски о якутах Якутского округа – Казань, Типография Императорского Университета, 1911.
- ХУДЯКОВ И.А. Краткое описание Верхоянского округа – Л.: Наука, 1969.
- ФЕДОРОВА С.А. Генетические портреты народов РС(Я): анализ линий МТ ДНК и Y-хромосомы. Якутск, 2008, Изд-во ЯНЦ СО РАН.
- ЭРГИС Г.У., ПОПОВ А.А. Исторические предания и рассказы якутов. – М.-Л., 1960.
- ЯКОВЛЕВ В.Ф., Сэргэ (Коновязь). Т.2 – Якутск, Центр культуры и искусства им.Кулаковского МК РС(Я), 1992-1993.
- Якутия–Россия: 370 лет вместе / Сост. В.И. Пестерев, Е.С. Шишигин. Под ред. И.И. Шабалиной. – Якутск: Бичик, 2002.
- ALBERT J-P, CRUBEZY E., 2005 - Médecine chamanique et modernité médicale. *Medecine Tropicale*, 65 : 93-99.
- ALEKSEEV A.N. , 1996 - The First Russian Settlements of the XVIIth-XVIIIth centuries in the North-East of Yakutia. Yakutsk State University Press, Novosibirsk 1996
- AMORY S, CRUBEZY E, KEYSER C, LUDS B. 2006. - Early influence of the steppe tribes in the peopling of Siberia. *Hum Biol.* 78 (5) : 531-549.
- ANISIMOV O.A., VELICHKO A.A., DEMCHENKO P.F., ELISEEV A.V., MOKHOV I.I., NECHAEV V.P., 2002 - Effect of climate change on permafrost in the past, present and future. *Izvestiya, Atmospheric and oceanic physics*, vol 38, suppl. 1, S25-S32.
- BALZER MM., 1994 - Yakut. In : Friedrich P, Diamond N., editors. *Encyclopedia of world cultures, volume VI Russia and Eur-asia/China*. GK Hall & Co, New York : 404-407.

BRAUDEL F. 1949. *La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II*, Paris, Armand Colin, 1949. Deuxième édition révisée, 1966.

BRAUDEL F., 1992. – *Civilisation and Capitalism : The structure of Everyday Life*, Tome I, 1992, University of California Press.

BROUCHKOV A., FUKUDA M., FEDOROV A., KONSTANTINOV P., IWAHANA G. 2004 - Termokarst as a short-term permafrost disturbance, Central Yakutia. *Permafrost and periglacial processes*, vol. 15, n° 1 81-87.

BRUCE-LINCOLN W., 2007 – *The Conquest of a Continent: Siberia and the Russians*, Cornell University Press.

BUNDY B., 2003 – Glass Trade Beads from Rees eBay, Unalaska Island, in *Arctic Anthropology Papers*, University of Wisconsin Press, vol.40, n°1.

CARTIER M., 1994 – A propos de l'histoire du coton en Chine : approche technologique, économique et sociale , in *Etudes Chinoises*, vol. XIII, n°1-2, Paris.

CAUVIN J. 1997. *Naissance des divinités, naissance de l'agriculture. La révolution des symboles au Néolithique*. CNRS Edts. Paris. 304 p.

CLARK J., 1804 – *The Journals of Lewis and Clark Expedition*, Gary and Moulton ed., Nebraska.

COCHRANE J.D., 1824 – *Narrative of a Pedestrian Journey through Russia and Siberian Tartary from the Frontier of China to the frozen Sea and Kamtchatka*, Murray and son ed., Londres.

COMAS D, CALAFELL F, MATEU E, PEREZ-LEZAUN A, BOSCHE, *et al.* 1998. Trading genes along the silk road : mtDNA sequences and the origin of central Asian populations. *Am J Hum Genet.* 63 : 1824–38.

CRAWFORD M.H., WILLIAMS J.T., DUGGIRALA R., 1997 - Genetic structure of the indigenous populations of Siberia. *Am J Phys Anthropol.* 104: 177-192.

CRUBEZY E., MARTIN H., GISCARD P.-H., BATSAIKHAN Z., ERDENEBAATAR D., MAUREILLE B., VERDIER J.-P., 1996 - Pratiques funéraires et sacrifices d'animaux en Mongolie à la période proto-historique. Du perçu au signifié. A propos d'une sépulture Xiongnu de la vallée d'Egying Gol (Région péri-Baïkal). *Paléorient.* V 22/1 : 89-107.

CRUBEZY E., BRAGA J., LARROUY G., 2002 - *Abrégé d'anthropologie*. Edts Masson, 305 p.

CRUBEZY E., POUJOL J., LUDES B. (dir.), 2004 - *Pratiques et espaces funéraires, les grands causses au Chalcolithique*. Monographies d'archéologie méditerranéenne, n° 17.

CRUBEZY E., DUCHESNE S., ARLAUD C. (dir.) 2006. *La mort, les morts et la ville (Montpellier –X^e-XVIe siècles)*. Edts Errance 448 p.

CRUBEZY E., MAGNAVAL J.F., FRANCFORT H.P., LUDES B., LARROUY G., 2006 - Herodotus, the Scythes and hookworm infection. *Lancet*, May 6, 367(9521):1520.

CRUBEZY E., RICAUT F.X., MARTIN H., ERDENEBAATAR S., COQUEUGNOT H., MAUREILLE B., GISCARD P.H., 2006 - Inhumation and cremation in medieval Mongolia : analysis and analogy. *Antiquity*, 80 : 894-905.

CRUBEZY E., MASSET C., LORANS E., PERRIN F., TRANOY L., 2007 - *Archéologie funéraire*. Deuxième édition. Edts Errance. Paris. 208 p

CRUBEZY E., AMORY S., KEYSER C., BOUAKAZE C., BODNER M., GIBERT M., RÖCK A., PARSON W., ALEXEEV A., LUDES B., 2010 - Human evolution in Siberia: from frozen bodies to ancient DNA. *BMC Evol. Biol.*, Jan 25;10:25.

CZAPLICKA M. A., 2004 - *Le chamanisme en Sibérie*. Edts Arbre d'or, Genève. Traduction française de : Czapllicka M.A, 1914 - Shamanism in Siberia: Aboriginal Siberia : a study in Social Anthropology. Clarendon Press, Oxford.

DERENKO M. *et al.*, 2006 - Contrasting patterns of Y-chromosome variation in South Siberian populations from Baikal and Altai-Sayan regions. *Hum Genet.* ;118(5):591-604.

DUNN W., 1998 – *Frontier Profit and Lost : the British Army and the First Trades 1760-1764*, Greenwood Press, Wesport.

EDINARXOVA N., 2008 – Le commerce à Kiakhta des années 1840 à 1860 , in Une Russie plurielle : Confins et Profondeurs, *Etudes Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, E.P.H.S, cahiers 38-39, Paris 2008.

ELIADE M., 1951 - *Le chamanisme et les techniques archaïques de l'extase*. Payot ed, Paris, 405 p.

- FEDOROV A., KONSTANTINOV P., 2003 - Observations on surface dynamics with thermokarst, Yukechi site. In Springman & Arenson (eds.) *Permafrost. Proceedings of the 8th International conference on permafrost*, 239-243.
- EVSYUKOV A., ZHUKOVA O., TARSKAIA L. 2006 - The Population Gene Pool of Yakutia: Cartographic Analysis Based on the Polymorphism of Biochemical Markers and the ABO System. *Russian Journal of Genetics*. 41, (10): 1157-1167.
- FERRET C., 2006 - *Techniques iakoutes aux confins de la civilisation altaïque du cheval. Contribution à une anthropologie de l'action*. Thèse de doctorat en anthropologie sociale et ethnologie (encore non publiée), sous la direction de J-P. Digard, Paris, EHESS, 3 vol.
- FORSYTH J., 1992 - *A history of the peoples of Siberia. Russia's north Asian colony 1581-1990*. Cambridge University Press, Cambridge.
- FORSTER P. 2004. Ice Ages and the mitochondrial DNA chronology of human dispersals: a review. *Philos Trans R Soc Lond B Biol Sci*. 29; 359 (1442): 255-64.
- GAUTHIER Y., GARCIA A., 1996. *L'exploration de la Sibérie*. Actes Sud, Terres d'aventure, 471 p.
- GAVRILIEV P.P., EFREMOV P.V., 2003 - Effects of cryogenic processes on Yakutian landscapes under climate warming. In : Springman & Arenson (eds.) *Permafrost. Proceedings of the 8th international conference on permafrost*, 277-281.
- GIBERT M., AMORY S., LE BERRE SEMENOV M., SEVIN A., ALEKSEEV A.N., KEYSER C., LUDES B., CRUBEZY E., 2006 - Evolution of populations from oriental Siberia and the spatial Altai/Baikal complex using mtDNA haplogroup frequencies. *Biennial Books of European Anthropological Association*, vol.4: 139-158.
- GIBSON J., 1969 - *Feeding The Russian Trade : provisionnement of the Okhotsk seaboard and the Kamtchatka peninsula 1639-1856*, Chicago , Madison ed., Wisconsin.
- GMELIN G.-J., 1752 - *Reise durch Sibirien, von dem jahr 1733-1743*, Göttingen.
- GMELIN G.-J., 1767 - *Voyage en Sibérie*, Tome I, Desaint ed. Paris.
- HAMAYON R., 1990 - *La chasse à l'âme. Esquisse d'une théorie du chamanisme sibérien*. Nanterre, Société d'Ethnologie, [Mémoires de la Société (1)], 878 p.
- HELGASON A., SIGURDARDOTTIR S., GULCHER R., WARD R., STEFANSSON K., 2000 - mtDNA and the origin of the icelanders : deciphering signals of recent population history. *Am. J. Genet.*, 66 : 999-1016.
- JENNESS D., 1985 - *Dawn in Artic Alaska*, Chicago , University Press, Chicago.
- JOCHELSON W., 1933 - The Yakut, New York, American Museum of natural history [Anthropological papers, XXXIII, 2].
- KARRO Y. ET SABARAIKINA L., 1994 . « *Les guerriers célestes du pays yakoute-saxa* » Traduit du russe et du lakoute ; edts Gallimard , Paris 180 p
- KELLENBENZ H., 1970 - Marchands en Russie aux XVIIe-XVIIIe, in *Cahiers du Monde russe et soviétique*, 1970, Vol.11, n°4.
- KEYSER-TRACQUI C., CRUBEZY E., PAMZSAV H., VARGA T., LUDES B., 2006 - Population origins in Mongolia: genetic structure analysis of ancient and modern DNA. *Am. J. Phys. Anthropol.* (Oct), 131(2) : 272-281.
- KEYSER-TRACQUI C., CRUBEZY E., LUDES B. 2003. Nuclear and mitochondrial DNA analysis of a 2,000-year-old necropolis in the Egyin Gol Valley of Mongolia. *Am. J. Hum. Genet.* 73(2):247-60.
- KOTWICZ W., 1927 - Sur les modes d'orientation en Asie centrale, Lwow, Rocznik Orjentalistyczny, V, pp. 68-91.
- KOUTIANEMI L., 1985 - The central yakutian Lowlands : land of climatic extremes, permafrost and alas depressions. *Soviet Geography*, vol. 26-6, 421-435.
- KSENOFONTOV G. V., 1998 *Les chamanes de Sibérie et leur tradition orale*, suivi de *Chamanisme et christianisme*, Paris, Albin Michel.
- KARAFET *et al.*, 1999 Ancestral asian source(s) of new world Y-chromosome founder haplotypes. *Am. J. Hum. Genet.*, 64 : 817-831.
- LAHERMO *et al.*, 1999 Y chromosomal polymorphisms reveal founding lineages in the Finn and the saami. *Eur. J. Hum. Genet.*, 7 : 447-458.

LEVESQUE P.-Ch., 1812 – *Histoire de la Russie et des principales nations de l'Empire Russe*, Chicago , Tome VI, Berger et Fils ed., Paris.

LÉVI-STRAUSS C., 1958 - L'efficacité symbolique. In : *Anthropologie structurale*. Plon ed, Paris, 452 p.

LOPEZ M.L., NAKAYAMA H., TAKAKAI F., ARGUNOV R., FEDOROV A.N., FUKUDA M., 2006 - Forest fires, a permanent or a temporal disturbance in permafrost régions : central Yakutia, Eastern Siberia. *Forest Ecology and Management*, vol.234 no.1 (Supplement) Contents

LORBLANCHET M., LE QUELLEC J.-L., BAHN P., FRANCFORT H.-P., DELLUC B., DELLUC G., 2006. *Chamanismes et arts préhistoriques*. Vision critique. Edts Errance, 335 p.

MANN C., 2006 - 1491. *Nouvelles révélations sur les Amériques avant Cristophe Colomb*. Abin Michel, 471 p.

MARSY F.-M. de, 1778 – *Histoire moderne des Chinois, des Japonais, des Indiens et des Russiens*, vol. 6-7, Paris 1778.

MATASSERO M., 1992 - Chamanes et chamanismes au seuil du nouveau millénaire. Diogène ed, numéro spécial n°158.

MIRKIN B.M., GOGOLEVA P.A., KONONOV K.E., 1985 - The vegetation of central yacutian alases. *Folia geobotanica et phytotaxonomica*, 20, 345-395.

MOODER K. P. et al., 2006 - Population affinities of Neolithic Siberians: a snapshot from prehistoric Lake Baikal. *Am. J. Phys. Anthropol.*, 129 (3) : 349-361.

MOURANT A., 1976 - *The Distribution of the Human Blood Groups and Other Polymorphisms*, 1954. Réédité 1976.

MURAIL P., CRUBEZY E., MARTIN H., HAYE L., BRUZEK J., GISCARD P.-H., TURBAT T., ERDENEBAATAR D., 2000 - The man, the woman and the hyoid bone : from archaeology to the burial practices of the Xiongnu people (Egying Gol valley, Mongolia). *Antiquity*, 74 : 531-536.

OKLADNIKOV A. P., 1970 [1955] - *Yakutia before its Incorporation in the Russian State*, Montréal – London,

Mac Gill – Queen's University Press. Artic Institute of North America.

OKLADNIKOV A. P., 1964 - Ancient population of Siberia and its cultures. In: Levin M.G., Potapov L.P. (eds), *The peoples of Siberia*. University of Chicago Press, Chicago, 13-98.

PAKENDORF B., SPITSYN VA, RODEWALD A., 1999 - Genetic structure of a Sakha population from Siberia and ethnic affinities. *Hum Biol.* ; 71(2): 231-44.

PAKENDORF B., MORAR B., TARSKAIA L. A., KAYSER M., SOODYALL H., RODEWALD A., STONEKING M. 2002., Y-chromosomal evidence for a strong reduction in male population size of Yakuts. *Hum Genet.* ;110(2):198-200.

PAKENDORF B., WIEBE V., TARSKAIA L. A., SPITSYN V. A., SOODYALL H., RODEWALD A., STONEKING M., 2003 - Mitochondrial DNA evidence for admixed origins of central Siberian populations. *Am J Phys Anthropol.* 2003 Mar;120(3):211-24.

PAKENDORF B., NOVGORODOV I. N., OSAKOVSKIJ V. L., DANILOVA A. P. , PROTOD'JAKONOV A. P., STONEKING M., 2006. Investigating the effects of prehistoric migrations in Siberia: genetic variation and the origins of Yakuts. *Hum Genet.* 120(3):334-53. Epub 2006 Jul 15.

PAYNE M., 2004– *The Fur Trade in Canada : An Illustrated History*, Lorimer and Company ed. Chicago.

PELTCHINSKY V., 1834 – *De l'état des forces industrielles de la Russie jusqu'en 1834* , Schultz et Bénézé ed., Saint-Petersburg.

PERRIN M., 2002 - *Le chamanisme*. PUF ed, Paris, 127 p.

PETROV A., 2008 – Les Chinois à Kiaktha (1728-1917), in *Une Russie plurielle : Confins et Profondeurs*, Etudes Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines, E.P.H.S, cahiers 38-39, Paris.

PICARD J., 2001– *Russian's Blue : Beads of the West African Trade*, Kilhman ed., New-York.

PITULKO V. V., NIKOLSKY P. A., GIRYA E. Yu., BASILYAN A. E., TUMSKOY V. E., KOULAKOV S. A., ASTAKHOV S. N., PAVLOVA E. Y., ANISIMOV M. A., 2004 - The Yana RHS

- Site : Humans in the Arctic Before the Last Glacial Maximum, *Science*, 303, 52-56.
- PLANHOL X. de, 2004 - *Le paysage animal. L'homme et la grande faune : une zoogéographie historique*. Fayard, Paris.
- POUILLON J., 1979 - Remarques sur le verbe « croire ». In : IZARD M., SMITH P., 1979 - *La fonction symbolique*. Gallimard ed, Paris.
- POUSSOU P. et alij, 2004 - L'influence française en Russie au XVIIIe siècle, Presses de l'Université de Paris-Sorbonne, Paris.
- RECLUS E., 1881 - L'Asie Russe. In *Nouvelle géographie Universelle, la terre et les hommes*. Hachette et Cie. Paris.
- RICAUT FX., 2003 - *ADN ancien et populations du passé: le cas de l'Altai et de la Sibérie orientale*. Thèse de Doctorat. Ecole des Hautes Etudes en Sciences Sociales, 280 pages.
- RICAUT F-X., KOLODESNIKOV S., KEYSER C., ALEKSEEV A.N., CRUBÉZY E., LUDES B., 2004 - Genetic analysis of human remains found in two eighteenth century Yakut graves at At-Dabaan. *International Journal of Legal Medicine*, 118(1) : 24-31.
- RICAUT F-X., KOLODESNIKOV S., KEYSER C., ALEKSEEV A.N., CRUBÉZY E., LUDES B., 2006 - Molecular genetic analysis of 400 years-old human remains found in two Yakut burial sites. *American Journal of Physical Anthropology*, 129 : 55-63.
- ROUGET G., 1980 - *La musique et la transe*. Gallimard ed, Paris.
- ROUX J-P., 1963 - *La mort chez les peuples altaïques anciens et médiévaux, d'après les documents écrits*, Paris, Maisonneuve.
- SALLMANN J-M., 1994 - Naples et ses saints à l'âge baroque (1540-1750). PUF ed., Paris, 424 p.
- SANTOS FR, PANDYA A, TYLER-SMITH C, PENA SDJ, SCHANFIELD M, LEONARD WR, OSIPOVA L, CRAWFORD MH, MITCHELL RJ. 1999 - The central Siberian origin for Native American Y chromosome. *Am. J. Hum. Genet.* 64:619-628.
- SAVELLID., 2008 - Kiakhta ou l'épaisseur d'une frontière, in *Une Russie plurielle : Confins et Profondeurs, Etudes Mongoles et Sibériennes, Centrasiatiques et Tibétaines*, E.P.H.S, cahiers 38-39, Paris.
- SCHÖNIG T. C., 1990 - Classification problems of Yakut. In : Dor R, editor. *L'Asie centrale et ses voisins*. INALCO, Paris : 91-102.
- SCHURR T. G., SUBERNICK R. I., STARIKOVSKAYA Y. B., WALLACE D.C., 1999 - Mitochondrial DNA variation in Koryaks and Itel'men: population replacement in the Okhotsk sea - Bering sea region during the neolithic. *Am J Phys Anthropol* 108:1-39.
- SCHURR TG, SHERRY ST. 2004 - Mitochondrial DNA and Y chromosome diversity and the peopling of the Americas: evolutionary and demographic evidence. *Am J Hum Biol* 16:420-39.
- SERRES M., 1994 - La plus précieuse des raretés. In « *Au Tibet avec Tintin*. » Edts Casterman. 4-38.
- SHERR-DUBIN L., 1988 - Histoire des perles de la Préhistoire à nos jours , Nathan ed., Paris.
- SIEROSZEWSKI V. L., 1902 - Du chamanisme d'après les croyances des Yakoutes, Paris, *Revue de l'Histoire des Religions*, 46 /2 : 204-233 et 46/3 : 199-338.
- STARIKOVSKAYA Y. B., SUKERNIK R. I., SCHURR T. G., KOGELNIK A. M., WALLACE D.C., 1998 - mtDNA diversity in Chukchi and Siberian Eskimos: implications for the genetic history of Ancient Beringia and the peopling of the New World. *Am J Hum Genet.* 1998 Nov;63(5):1473-91.
- STARIKOVSKAYA E. B. et al., 2005 - Mitochondrial DNA diversity in indigenous populations of the southern extent of Siberia, and the origins of Native American haplogroups. *Ann Hum Genet.* 2005 Jan; 69(Pt 1):67-89.
- SUGIMOTO A., YANAGISAWA N., NAITO D., FUJITA N., MAXIMOV T.C., 2002 - Importance of permafrost as a source of water for plants in east Siberian taiga. *Ecological research*, 17, 493-503.
- TARSKAIA L., MAKAROV S., BYCHKOVSKAIA L., PAI G., PAKENDORF B., ELCHINOVA G., DERIABIN B., SPITSYN V., 2002 - Ethnogenetics of Yakuts from Three Regions of Republic' of Sakha (Yakutia) Inferred from the

Frequencies of Biochemical Gene Markers. *Russian Journal of Genetics*. 38 (9) : 1088–1097.

TSVETKOV P. A., 2004 - Pyrophytic properties of the Larch *Larix gmelinii* in term of life strategies. *Russian journal of ecology*, 35-4, 224-229.

TURNER V. W., 1969 - *Le phénomène rituel. Structure et contre-structure*. PUF ed, Paris, 208 p.

WADE E., 1986 – *The Arts of the North American Indian Native, Traditions in Evolution*, Hudson Hills Press, Vancouver.

WHITE R., 1991 - *The Middle Ground, Indians, Empires and republics in the great Lakes Region, 1650-1815* Cambridge University Press 731 p.

ZERJAL T. *et al.*, 1997 - Genetic relationships of Asians and Northern Europeans, revealed by Y-chromosomal DNA analysis. *Am J Hum Genet*. 1997 May;60(5):1174-83.

ZIMMERMANN F., 1995 - *Généalogie des médecines douces. De L'Inde à l'Occident*. PUF ed, Paris, 208 p.

Список авторов

в алфавитном порядке

- Абрамов Александр**, археолог, Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им.Е.Ярославского, г.Якутск
- Альбер Жан-Пьер (Albert Jean-Pierre)**, профессор высшей школы социологии, Университет Ле Мирай, г.Тулуза
- Алексеев Анатолий**, д.и.н., ректор Якутского государственного университета (ЯГУ), соруководитель от ЯГУ Французских Археологических Миссий в Восточной Сибири (MAFSO), Президент Северо-Восточного федерального университета им.М.К.Аммосова (СВФУ), г.Якутск
- Алексеева Лилия**, директор Музея археологии и этнографии СВФУ, г.Якутск
- Амори Сильвен (Amory Silvain)**, аспирант-антропобиолог, Институт судебной медицины, г.Страсбург
- Баранов Владимир**, заведующий радиологическим отделением, Национальный Центр медицины РС(Я), г.Якутск
- Бертело Эруан (Berthelot Erwan)**, археолог, Национальный институт превентивных археологических исследований, г.Париж
- Блан Федерик (Blanc Frédéric)**, аспирант, НЦНИ, г.Тулуза
- Буаказ Каролина (Bouakaze Caroline)**, аспирант-палеомикробиолог, Институт судебной медицины, г.Страсбург
- Бравина Розалия**, д.и.н., профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера, СО РАН, г. Якутск
- Брага Жозе (Braga José)**, профессор антропобиологии, НЦНИ, Университет Тулузы III, г.Тулуза
- Васкес Хорхе (Vasquez Jorge)**, хранитель-реставратор, Музей первобытного искусства (Quai Branly), г.Париж
- Гало Дидье (Galop Didier)**, научный сотрудник, палинолог, НЦНИ, г.Тулуза
- Гарифуллина Ольга**, перевод, фотографии, Альянс Франсэз Алматы, Казахстан
- Гоголев Анатолий**, д.и.н., заведующий кафедрой исторического факультета СВФУ, г.Якутск
- Даберна Анри (Dabernat Henri)**, профессор бактериологии, НЦНИ, Университет Тулузы III, г.Тулуза
- Дранкур Мишель (Drancourt Michel)**, профессор микробиологии, Университет Экс-Марселя 2, г.Марсель
- Дюгужон Жан-Мишель (Dugoujon Jean-Michel)**, научный директор НЦНИ, антропобиолог, г.Тулуза
- Дюшен Сильви (Duchesne Sylvie)**, антропобиолог, специалист по погребальным практикам, г.Тулуза
- Егорова Марина**, рентгенолог, Национальный Центр медицины РС(Я), г.Якутск
- Жерар Патрис (Gérard Patrice)**, фотограф, археолог, научный сотрудник НЦНИ, г.Тулуза
- Жеро Анни (Géraud Annie)**, судмедэксперт, Институт судебной медицины, г.Страсбург
- Жибер Морган (Gibert Morgane)**, научный сотрудник НЦНИ, антропобиолог, г.Тулуза
- Жуи Кристин (Jouy Christine)**, реставратор MAFSO, г.Париж
- Жирков Эдуард**, археолог, Музей археологии и этнографии СВФУ, г.Якутск
- Канне Катрин (Cannet Catherine)**, доктор гистологии, Институт судебной медицины, г.Страсбург
- Кейзер Кристин (Keyser Christine)**, профессор, палеогенетик, Институт судебной медицины, г.Страсбург
- Кириянов Николай**, археолог, Музей археологии и этнографии СВФУ, г.Якутск

Колодезников Сергей, к.и.н., археолог-этнограф MAFSO, г.Якутск
 Крюбези Эрик (Crubézy Eric), профессор антропобиологии, Университет Тулузы III, НЦНИ, руководитель Французских Археологических Миссий в Восточной Сибири (MAFSO), г.Тулуза
 Ларуи Жорж (Larrouy Georges), профессор, специалист по человеческой экологии, паразитолог, Университет Тулузы III, г.Тулуза
 Ле Бер-Семенов Марин (Le Berre-Semenov Marine), доктор исследований Сибири, Национальный Институт восточных языков и культур (INALCO), г.Париж
 Ле Кабек Аделин (Le Cabec Adeline), магистр антропобиологии, Университет Тулузы III, г.Тулуза
 Лемэр Фредерик (Lemaire Frederic), археолог, Национальный институт превентивных археологических исследований, г.Париж
 Люд Бертран (Ludes Bertrand), профессор судебной медицины, Институт судебной медицины, г.Страсбург
 Май Эмили (Maj Emilie), доктор антропологии, Институт полярных исследований Скотта (Кембридж), г.Париж
 Марти Бернар (Marty Bernard), археолог, Министерство культуры Франции, г.Тулуза
 Марти Мари (Marty Marie), научный сотрудник НЦНИ, лаборатории AMIS, TRAS, г.Тулуза
 Мельничук Ольга, д.ф.н., директор института зарубежной филологии и регионоведения СВФУ, г.Якутск
 Метейе Жан-Поль (Métaillé Jean-Paul), научный директор, географ, НЦНИ, г.Тулуза
 Мыглан Владимир, к.и.н., дендрохронолог, Институт леса им.В.Н.Сукачева, г.Красноярск
 Николаева Дария, докторант Университета Сен-Кентен-ан-Ивлин, г.Версаль
 Обутов Иван, сотрудник Музея археологии и этнографии СВФУ, г.Якутск
 Оштрассер-Пети Кристиан (Hochstrasser-Petit Christiane), художник MAFSO, г.Париж
 Пети Гвенола (Petit Gwenola), художник MAFSO, г.Париж
 Пети Мишель (Petit Michel), Министерство культуры Франции, г.Париж
 Попов Василий, археолог, Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им.Е.Ярославского, г.Якутск
 Прот Ришар ((Prot Richard), нумизмат, г.Этамп
 Рико Франсуа-Ксавье (Ricaud François-Xavier), доктор антропобиологии, г.Тулуза
 Руже Даниэль (Rougé Daniel), профессор судебной медицины, Университет Тулузы III, г.Тулуза
 Севен Андре (Sevin André), инженер-исследователь, антропобиолог, г.Тулуза
 Селлерон Жиль (Selleron Gilles), научный сотрудник, географ, г.Тулуза
 Сенегас Никола (Sénégas Nicolas), аспирант, специалист по машинной графике, New Box communication, г.Альби
 Уэйс Арлет (Oueiss Arlette), доктор стоматологической хирургии, Университет Тулузы III, г.Тулуза
 Ферре Кароль (Ferret Carole), доктор этнографии и социальной антропологии, НЦНИ, г.Париж
 Эверстов Степан, к.и.н., археолог, Институт проблем малочисленных народов Севера, СО РАН, г.Якутск

Данная монография представляет собой итоги сотрудничества более пятидесяти исследователей из Российской Федерации и Франции. В ней обобщены результаты раскопок около сотни захоронений на вечной мерзлоте, исследованных во время Саха-французских археологических экспедиций с 2002 по 2010 годы в Центральной Якутии и в Вилуйской группе районов. В монографии рассматриваются как погребальные обряды, вопросы шаманизма и верований, так и экологический, культурный и экономический контекст данного региона, где в течение почти трехсот лет происходили следующие события: поселились якуты, прибыли русские, началась христианизация. Экономические и генетические исследования хорошо сохранившегося археологического и биологического материала позволяют по-новому взглянуть на историю этого региона.

This book is a product of the collaboration among about fifty researchers from the Russian Federation and France. It synthesises the results of Sakha-French excavations conducted from 2002-2010 on about hundred frozen Yakut graves in central Yakutia and Vilyuy. The book reviews shamanism, beliefs and funeral rites within the ecological, cultural and economical context of this region; within three centuries it has experienced the settlement of the Yakuts, the arrival of the Russians and the conversion to Christianity. Due to the excellent preservation of archaeological and biological material, economic and genetic studies have allowed a new approach to understand the history of this region.

